КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

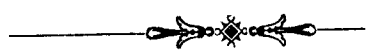
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXI.

1900 г.

ДЕКАБРЬ.



КІЕВЪ
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1900.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 17 ноября 1900 года.

Записи И. П. Котляревскаго о первыхъ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ турецкую войну 1806 года.

Дневникъ Ивана Петровича Котляревскаго представляетъ собою двоякій интересъ. Съ одной стороны онъ имѣетъ значеніе для историка войны 1806 года, какъ ясная и точная по своему оффиціальному характеру запись очевидца о вступленіи русскихъ войскъ въ Турцію въ 1806 г. и о первыхъ въ ней дѣйствіяхъ; съ другой стороны онъ обращаетъ на себя вниманіе историка литературы, какъ рукопись отца и возродителя новой малорусской литературы, уже въ то время знаменитаго автора переложенной на малороссійскій языкъ Энеиды.

Первое, что поражаетъ читателя рукописи,—это полное несходство облика ея составителя, какимъ онъ является въ дневникѣ, съ тѣмъ обликомъ поэта Котляревскаго, который слился съ его именемъ въ представленіи всякаго; только почеркъ выдаетъ Ивана Петровича и заставляетъ видѣть именно его, а никого другого въ томъ исправномъ русскомъ офицерѣ, преданномъ службѣ и уважаемомъ начальствомъ, который, не мудрствуя лукаво, велъ оффиціальный дневникъ похода.

Военная служба Котляревскаго началась въ 1796 году, когда онъ былъ опредѣленъ въ Сѣверскій драгунскій полкъ кадетомъ (1-е апрѣля). Дальнѣйшая служба его проходила такъ: въ 1796 г. (11 Іюля) онъ былъ произведенъ въ аудиторы, въ 1798 г. переименованъ въ прапорщики, въ 1799 г. произведенъ

послѣдовательно въ подпоручики (8 января) и въ поручики (5 февраля).

Около этого времени онъ былъ прикомандированъ въ качествѣ инспекторскаго адъютанта къ инспектору Днѣстровской и Крымской инспекціи генералу отъ кавалеріи маркизу Дотишампу; аттестатъ, выданный Котляревскому маркизомъ Дотишампомъ 15 февраля 1806 г., отзывается о немъ съ похвалою, какъ объ офицерѣ, исправлявшемъ „свою должность и званіе съ отличною рачительностію и прилежаніемъ“ и исполнявшемъ „всякія возлагаемыя на него препорученности“ „съ тою расторопностію и точностію, которая означаетъ во всѣхъ частяхъ хорошаго офицера“, достойнаго „вниманія начальства къ его способностямъ“ [1]). По оставленіи Дотишампа Котляревскій продолжалъ службу въ качествѣ адъютанта барона Мейндорфа, командира 2-го корпуса войскъ, предназначенныхъ для войны съ Турками. Весьма вѣроятно, что до занятія этой должности Котляревскій вернулся къ своему полку въ Умань, гдѣ полкъ въ то время квартировалъ; можно думать, что здѣсь онъ и сталъ извѣстенъ барону Мейндорфу, имѣвшему въ Умани свою главную квартиру.

Опредѣленіе Котляревскаго на должность адъютанта барона Мейндорфа, кажется, произошло при самомъ выступленіи въ походъ. Дѣло въ томъ, что корпусъ Мейндорфа долженъ былъ переправиться черезъ Днѣстръ частью у Дубосаръ, частью у Могилева и, соединившись у Оргѣева, двинуться къ Бендерамъ съ тѣмъ, чтобы ими овладѣть. Изъ журнала Котляревскаго явствуетъ, что онъ былъ при томъ отдѣленіи корпуса, которое должно было переправиться черезъ Днѣстръ у Дубосаръ; между тѣмъ Сѣверскій полкъ по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ находился въ составѣ отдѣленія, долженствовавшаго перейти Днѣстръ у Могилева [2]); это, такимъ образомъ, указываетъ, что къ началу войны Котляревскій уже былъ не въ строю Сѣверскаго полка,

---

[1]) Изъ подлиннаго аттестата 1806 г.

[2]) См. Петровъ. Война съ Турціей 1806—1812 гг. ч. 1., стр. 85.

а при Мейндорфѣ, лично начальствовавшемъ надъ частью, переправлявшеюся у Дубосаръ. Надо сказать, что къ этому времени Котляревскій былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны (12 апрѣля 1806 г.). Дѣятельность его въ теченіе кампаніи 1806—1807 гг. была довольно видной. Особенно важная заслуга его заключается въ исполненіи дипломатическаго порученія привлечь къ Россіи Буджацкихъ татаръ [1]). Подвергая жизнь свою опасности, онъ достигъ своей цѣли и убѣдилъ ихъ прислать заложниковъ. Рескриптъ императора Александра I и орденъ Анны третьяго класса были наградой его „похвальнаго исполненія“ всѣхъ на него возложенныхъ порученій. Въ томъ же 1806 году декабря 17-го, когда пришли войска наши къ крѣпости Измаильской и открыта была отъ непріятеля сильная пушечная пальба съ крѣпости, Котляревскій, какъ говорится въ аттестатѣ, данномъ ему отъ Мейндорфа [2]), „былъ посыланъ съ приказаніями къ начальникамъ, гдѣ и отличилъ себя неустрашимостью“, за что получилъ Высочайшую благодарность; того же года 2-го апрѣля „вторительно при крѣпости жъ Измаильской, когда оная окружена была нами, при вылазкахъ непріятеля посыланъ былъ отъ меня также съ приказаніями къ начальникамъ, и оказалъ въ семъ случаѣ храбрость“.

Свѣдѣній о дальнѣйшей дѣятельности Котляревскаго въ кампанію 1806—1807 гг. не сохранилось. Можно сказать только, что адъютантомъ Мейндорфа онъ состоялъ до 3-го ноября 1807 г.; послѣ выхода въ отставку Мейндорфа, Котляревскій перевелся въ Псковскій драгунскій полкъ, расположенный въ тогдашней Литовской губерніи въ мѣстечкѣ Лидѣ, куда и былъ отправленъ 3-го декабря 1807 г. [3]). Изъ Псковскаго драгунскаго полка Котляревскій былъ отставленъ по прошенію капитаномъ съ мунди-

---

[1]) Буджацкими татарами назывались татары, населявшіе Буджакъ—часть нынѣшней Бессарабской губ. (уѣзды Аккерманскій и Бендерскій).

[2]) Изъ подлиннаго аттестата 1807 г.

[3]) Изъ подлиннаго дѣла.

ромъ 23-го января 1808 г. [1]), и выѣхалъ изъ Лиды 16-го іюня 1808 года [2]).

Такъ закончилась его военная служба. Онъ вернулся къ ней въ 1812 году, когда ему было поручено сформировать 5-й Полтавскій конный козачій полкъ; это порученіе, по свидѣтельству формуляра, онъ „исполнилъ съ особою дѣятельностью, такъ что въ половинѣ августа, въ какое время приступлено къ сформированію, полкъ выступилъ въ походъ съ надлежащею исправностью наступившаго потомъ мѣсяца сентября 2-го числа“ [3]); наградою Котляревскому было монаршее благоволеніе 15 марта 1817 года.

Вс. Срезневскій.

Журналъ военныхъ дѣйствій 2-го Корпуса войскъ подъ командою господина генерала отъ кавалеріи и кавалера барона Мейндорфа.

1806 года ноября съ 15 числа.

1806 года ноябрь.

15 числа командующій корпусомъ прибылъ съ своимъ штатомъ въ Дубосары, гдѣ предположено было главнымъ начальникомъ войскъ, что генераломъ отъ кавалеріи и кавалеромъ Михельсономъ, по наведеніи чрезъ рѣку Днѣстръ моста, переправиться войскамъ на молдавскую сторону, но по прибытіи въ Дубосары не только моста наведеннаго не найдено, но даже и матеріаловъ къ тому не заготовлено.

16-го. Бригадиръ Катаржи [4]) былъ посланъ въ Бендеры къ тамошнему пашѣ Гассану [5]) о переговорѣ съ нимъ для занятія

---

[1]) Формуляръ Котляревскаго.

[2]) Подлинное свидѣтельство Псковскаго драгунскаго полка.

[3]) Изъ формулярнаго списка.

[4]) Въ указ. соч. Петрова названъ Каторжи.

[5]) У Петрова бендерскій паша названъ Гусейнъ.

россійскими войсками крѣпости безъ кровопролитія; въ случаѣ же сопротивленія жители Бендеръ и военные люди будутъ приняты за непріятелей и поступлено съ ними будетъ по праву войны.

18-го. Свиты Его Величества по квартирмистерской части полковникъ баронъ Клотъ былъ отправленъ отъ Дубосаръ по дорогѣ къ Бендерамъ для положенія на планъ дороги и селеніевъ, по оной лежащихъ.

Сего числа бригадиръ Катаржи возвратился изъ Бендеръ и донесъ командующему, что отъ паши будутъ присланы чиновники для переговоровъ, на какомъ основаніи россійскія войска хотятъ занять крѣпость.

Въ теченіи сего времени сколько ни заботился командующій корпусомъ о наведеніи моста черезъ Днѣстръ, однако никакого успѣха имѣть было невозможно, по причинѣ, что никакихъ матеріаловъ заготовлено не было и что привозъ ихъ не ближе долженъ быть какъ изъ Одессъ ожидаемъ; въ семъ случаѣ, чтобы не потерять времени и не дать чрезъ то опомниться пашѣ отъ сдѣланныхъ предложеній, рѣшился командующій войска и полковую артилерію переправить чрезъ находящіеся при Дубосарскомъ карантинѣ два небольшіе парома и, не взирая на холодное время, ни на ліодъ идущій по рѣкѣ Днѣстру, далъ повелѣніе генералъ-майору Войнову начать переправу съ завтрешняго числа.

19-го. 11-й Егерскій полкъ и 200 козаковъ 1-го Бугскаго полка переправлены черезъ Днѣстръ.

Сего числа пополудни прибыли два чиновника съ переводчикомъ изъ Бендеръ въ Дубосары.

20-го. Турецкіе чиновники были представлены командующему и заключено было, чтобы паша съ рѣшительнымъ отвѣтомъ прислалъ къ командующему 22-го числа непремѣнно, а между тѣмъ заготовлялъ бы провіантъ и фуражъ для войскъ въ Бендерахъ.

Сего числа переправленъ на другую сторону Днѣстра Новгородскій мушкатерскій полкъ.

Сего же числа отправились обратно турецкіе чиновники въ Бендеръ, бывъ награждены отъ командующаго подарками. [1])

21-го. Стародубовскій драгунскій и Нашебургскій мушкатерскій полки переправлены на молдавскую сторону къ Бендерамъ.

Сего же числа командующимъ приказано строить лѣстницы по причинѣ дѣлаемыхъ турками отклоненій о сдачѣ крѣпости.

Сего числа предписано генералъ-лейтенанту Ротгофу переправиться со ввѣреннымъ ему Нарвскимъ мушкатерскимъ полкомъ за границу, у Дубосарахъ же, и слѣдовать въ Кишеневъ, оставя команду въ ближайшихъ деревняхъ къ Дубосарамъ по правой сторонѣ Днѣстра для печенія хлѣбовъ и пересушки сухарей.

Сего числа переправился Донской козачій Платова 3-го полкъ и назначенъ къ Бендерамъ.

Главная квартира командующаго назначена за Днѣстромъ въ селеніи Телицѣ разстояніемъ отъ Бендеръ въ 25-ти верстахъ.

23-го. Командующій корпусомъ войскъ сего числа выѣхалъ со своимъ штатомъ изъ Дубосаръ и переправясь черезъ Днѣстръ при Дубосарскомъ карантинѣ на паромѣ, того же дня прибылъ въ главную свою квартиру въ селеніе Телицу.

Сего числа посланные отъ Бендерскаго паши чиновники къ командующему повстрѣчались на дорогѣ съ нимъ между Креулень (?) и Водславады (?) и возвратились на ночь въ Телицу.

24-го отданъ былъ приказъ войскамъ, состоящимъ изъ полковъ Стародубовскаго драгунскаго, мушкатерскаго Новгородскаго, Нашебургскаго 11-го Егерскаго козачьяго Донского Платова 3-го и 1-го, Бугскаго козачьяго, выступить изъ Телицы и слѣдовать къ Бендерамъ и въ занятіи крѣпости поступить слѣдующимъ образомъ:

Драгуны въѣзжаютъ впереди и, проѣзжая скоро ворота, занимаютъ улицы, имѣя передъ собою стрѣлковъ; за ними скорымъ шагомъ идутъ егери, имѣя при каждомъ батальонѣ по одной пушкѣ изъ Нашебургскаго полка; одинъ батальонъ идетъ

---

[1]) Ср. у Петрова, указ. соч. с. 110—111.

въ Каушанскія ворота, другой въ Ясскія, а третій занимаетъ тѣ ворота, въ которыя вошелъ, не мѣшая однако-жъ другимъ чрезъ оныя сходиться.

Новгородскій полкъ, вошедши въ городъ, посылаетъ налѣво одинъ батальонъ, а сей оставляетъ при каждой батареи одну роту; при каждой ротѣ имѣть должно нѣсколько артилеристовъ съ однимъ фейерверкеромъ, чтобы они поворотили пушки изъ батареи, какія можно, на городъ, а занявшая батарею рота дѣлаетъ имъ въ томъ помощь; восемь же ротъ идутъ направо и исполняютъ то-же. Нашебургскаго полка одинъ батальонъ съ тремя пушками входитъ въ городъ и слѣдуетъ къ замку, поставя пушки противу ведущихъ воротъ, другой батальонъ идетъ къ низлежащимъ батареямъ и занимаетъ оныя, а третій батальонъ остается передъ крѣпостью.

1-й Бугскій козачій полкъ объѣзжаетъ крѣпость по гласису и становится противу Каушанскихъ воротъ; Донского Платова 3-го полка 200 человѣкъ становятся противъ Ясскихъ воротъ, а 300 человѣкъ противъ нижней батареи.—Козаки сіе исполняютъ, когда пѣхота займетъ валъ и батареи. Войскамъ, вошедшимъ въ городъ, приказано жителямъ не только не дѣлать обидъ или притѣсненій, но даже ихъ не трогать вовсе и въ разговоръ не вступать, а тѣмъ паче строжайше запрещено выходить изъ фрунту и входить въ домы.—Тѣмъ ротамъ, кои пойдутъ по валу, подтверждено, буди повстрѣчаютъ или застанутъ на батареи турокъ, таковыхъ не бить и не выгонять, но задерживать, чтобы они не могли дѣйствовать. Въ прочемъ ожидать дальнѣйшихъ повелѣній.

Въ 9-ть часовъ поутру двинулся корпусъ подъ предводительствомъ самого командующаго изъ селенія Телицы и пошелъ по дорогѣ прямо къ Бендерамъ. Командующій имѣлъ при себѣ посланныхъ отъ паши чиновниковъ. Когда приближались къ крѣпости, то паша выслалъ еще чиновника сказать командующему, что войска могутъ занять форштатъ, сколько въ ономъ помѣстится, а остальные могутъ расположиться по ближайшимъ деревнямъ, но крѣпости не занимать. Командующій на сіе не

отвѣчая ничего и чиновника оставивъ при себѣ, приказалъ генералъ-майору Войнову съ Стародубовскимъ драгунскимъ полкомъ со 2-мъ батальономъ и 11-го Егерскаго полка идти къ Ясскимъ воротамъ и, пройдя оныя, занять улицы и валъ, что и исполнено съ особливою скоростью и точностью, а самъ командующій, пройдя съ нѣсколькими драгунами и батальономъ егерей между крѣпости и форштатомъ, со стороны Стамбулскихъ воротъ, и видя, что ворота сіи не заперты, въѣхалъ въ крѣпость и приказалъ Новогородскому мушкетерскому полку занять валъ и батареи, а Нашебургскому полку нижнія батареи, лежащія по Днѣстру, козачіе же полки заняли форштатъ. Такимъ образомъ Бендерская крѣпость занята безъ всякаго кровопролитія. Паша о занятіи оной тогда узналъ, когда россійскія войска мгновенно заняли валъ, батареи, улицы и ворота, и вездѣ, гдѣ нужно, учредили посты и караулы.

Сего числа командующій сдѣлалъ нужныя распоряженія въ городѣ относительно полицейскаго порядка, внутренней безопасности и размѣщенія полковъ по казармамъ въ крѣпости и по квартирамъ на форштатѣ.

25-го. Генералъ маіоръ Войновъ[1]) назначенъ отправлять должность коменданта въ крѣпости.

Сего же числа послано къ главнокомандующему донесеніе о занятіи Бендеръ, съ испрошеніемъ разрѣшенія о посылкѣ части войскъ для занятія Киліи и Измаила.

26-го. Командующій требовалъ отъ Бендерскаго паши Гассана, чтобы обревизовать арсеналъ, на что паша отвѣчалъ, что русскимъ союзникамъ и друзьямъ турковъ не должно имѣть никакой претензіи до арсенала, и командующій, для сохраненія благовидности, а болѣе, чтобы съ татарами буджацкими, коихъ до 40 тысячъ простираются, не сдѣлано никакого положенія, хотя уже переговоры и начаты,—принужденъ былъ оставить требованіе свое безъ дальнѣйшаго настоянія.

---

[1]) У Петрова сказано, что комендантомъ былъ назначенъ генералъ майоръ Хитровъ.

28-го числа было праздновано благополучное разрѣшеніе отъ бремени Ея Величества государыни Императрицы рожденіемъ великой княжны Елисаветы, по случаю чего отправляемо было молебствіе въ Греческой церквѣ на Бендерскомъ форштатѣ, а изъ крѣпости изъ 51-й турецкой пушки было выстрѣлено при пѣніи многолѣтствія и всѣ войска были въ парадѣ и производили бѣглый огонь.

30-го. Командующій, хотя и не входилъ въ настоятельное требованіе, чтобы взять крѣпость Бендерскую въ совершенное овладѣніе, однако-жъ за нужное сочтено, чтобы всѣхъ жителей и воинскихъ людей, въ крѣпости и на форштатѣ живущихъ, переписать и арсеналъ обревизовать по поверхности, приставить къ нему свой караулъ, что сего числа исполнено, жителей въ крѣпости и на форштатѣ найдено магометанскаго исповѣданія—5981, да другихъ націй и исповѣданій—1900, военныхъ снарядовъ въ крѣпости: пушекъ осадныхъ на лафетахъ и безъ лафетовъ—128, на лафетахъ полевыхъ—11, мортиръ—10. Пороху до 2000 пудовъ, ядеръ разнаго калибера—30000, картечь вязанныхъ—300, картечь въ жестянкахъ—600; ружейныхъ пуль—60000, сабель и ружьевъ въ ящикахъ трехъ сортовъ изъ каждаго сорта по 100. Сверхъ сего шанцеваго инструмента, лѣсу для лафетовъ и другихъ разныхъ матеріаловъ въ большомъ количествѣ.

При семъ случаѣ командующій объявилъ туркамъ, чтобы они ни мало не тревожились и не взирали бы съ худой стороны на перепись имъ сдѣланную, что сіе есть порядокъ; полиція и караулъ при арсеналѣ—взаимная безопасность. Командующій увѣрилъ ихъ, что препятствія не будетъ имъ ни въ отправленіи религіи ихъ обычаевъ, торгу, промысла, рукодѣлія, и чтобы они, почитая россіянъ своими защитниками, остались спокойными.

ДЕКАБРЬ.

2-го декабря получено донесеніе отъ г-на генералъ лейтенанта Дюка де Ришелье, что соотвѣтственно повелѣнію коман-

дующаго 2-мъ корпусомъ укрѣпленіе Паланка и крѣпость Аккерманъ съ 6-ю батальонами пѣхоты заняты (?)ноября.

Въ теченіи прошедшихъ дней послѣ занятія крѣпости Бендеръ командующій корпусомъ, кромѣ учрежденія внутренняго въ крѣпости устройства и доставленія войскамъ безнужнаго продовольствія, простирая свои виды на Измаилъ, великую имѣлъ заботу къ преклоненію Буджацкихъ татаръ къ сторонѣ Россіи. Татарскіе начальники и почетнѣйшіе въ поколѣніяхъ были въ колебаніи къ принятію дружелюбно россійскихъ войскъ. Командующій корпусомъ предложилъ бригадиру Каташжи ѣхать въ Татарію съ адъютантомъ командующаго штабсъ-капитаномъ Котляревскимъ, взявъ съ собою переводчика, и убѣждать татарскихъ старшинъ къ принятію миролюбивыхъ предложеній, обѣщавая имъ дружбу и самыя выгоды отъ россійскихъ войскъ, если они останутся пріязненными Россіи и пребудутъ спокойными при переходѣ войскъ чрезъ ихъ земли. Бригадиръ Каташжи и адъютантъ Котляревскій, не дорожа собою для пользы своего отечества, безъ малѣйшихъ сомнѣній рѣшились на предложеніе и, получивъ отъ командующаго наставленія, отправились въ Татарію.

Странствуя нѣсколько дней по смиреннымъ жилищамъ варварскаго народа сего, и переходя изъ деревни въ деревню къ старшинамъ и начальникамъ ихъ, находили вездѣ толпы вооруженныхъ татаръ, собирающихся для совѣтовъ на счетъ россійскаго войска; Татары, хотя знали по разнесшимся слухамъ, съ какою добротою и пріязнью обращаются войска россійскія въ Бендерахъ, и что, будучи властителями города, не входятъ ни въ какое распоряженіе противу обычая турковъ, однако-же а между тѣмъ отъ посланныхъ услышавъ обѣщаніе дружелюбія, даже выгодъ тѣхъ, что войска за все взимаемое у татаръ будутъ платить наличными деньгами, согласились мало по малу къ преклоненію на россійскую сторону и первый уѣздъ Орумъ-бетъ-оглу, въ коемъ 76 деревень, послалъ къ командующему чиновниковъ съ увѣреніемъ отъ стороны начальниковъ добраго къ русскимъ расположенія и оставили аманата.

Послѣ сего уѣздъ Оранъ-оглу, въ которомъ 36 деревень, приклонился на нашу сторону и прислалъ аманата; за симъ уѣздъ Еть-исинъ кой съ 61-ю деревнею, прислали чиновниковъ въ засвидѣтельствованіе преклонности своей къ Россіи и дали двухъ аманатовъ. Наконецъ уѣздъ Измаилской съ округами Киргизскою, Дженбуламентскою и Кіоибескою и Коелескою, въ которыхъ 32 деревни, преклонились и прислали аманата. Къ увѣнчанію-же своей препорученности, съ неожидаемымъ успѣхомъ счастливо исполненной, прибыли отправленные на возвратномъ пути въ Каушаны къ тамошнему надъ татарами воеводѣ и сего убѣдили въ знакъ вѣрности своей къ нашей сторонѣ и преклонности къ Россіи прислать къ командующему брата своего въ залогъ. Такимъ образомъ сей варварскій, жестокій и недовѣрчивый народъ былъ благополучно преклоненъ къ россійской сторонѣ и успокоенъ тогда, когда могъ до 30 тысячъ собрать вооруженнаго народа; одни татарскія деревни, принадлежащія такъ называемой раи измаильской, коихъ числомъ семь, остались непреклонными.

8-е декабря. Командующій корпусомъ, рѣшившись итить съ войсками къ Измаилу, писалъ г. генералъ-лейтенанту Дюку-де-Ришелье отрядить изъ 13-й дивизіи пять батальоновъ пѣхоты, одинъ драгунскій полкъ для замѣщенія взятыхъ изъ Бендеръ войскъ, а лейбъ-кирасирскій Ея Величества назначить къ занятію Кишинева.

9-го отданъ былъ приказъ войскамъ о пріуготовленіи въ походъ, въ который имѣютъ выступить изъ Бендеръ 11-го числа въ Каушане; полки назначены къ походу Стародубовскій драгунскій, Новгородскій мушкетерскій 11-й Егерскій, батарейная рота артилеріи, полурота конной Донской артилеріи, 50 піонеровъ и Донской козачій полкъ Платова 3-го.

Другой отрядъ войскъ, подъ командою генералъ-маіора Герарда изъ Кишинева, назначенъ также къ выступленію 11-го числа въ Каушане. Полки сей отрядъ составляющіе: сѣверскій драгунскій, малороссійскій гренадерскій, два баталіона Нарвскаго полка и 3-й Бугскій козачій полкъ.

10-го числа генералъ-маіоръ Хитровъ назначенъ отъ командующаго корпусомъ въ Бендерахъ комендантомъ, и распоряжено такъ, чтобы 11-го числа рано при выступленіи изъ крѣпости назначенныхъ полковъ въ походъ заняли въ то-же самое время крѣпость другія войска, кои требованы отъ Дюка де-Ришелье.

11-го числа, по выступленіи войскъ изъ Бендеръ въ 10-ть часовъ пополуночи, прибылъ командующій, равно какъ и войска, въ три часа пополудни въ мѣстечко Каушане, гдѣ жительство имѣетъ татарскій воевода Агасы; хотя намѣреніе командующаго не было здѣсь дневать, однако-же по незаготовленію отъ татаръ разныхъ нужныхъ къ продовольствію войска потребностей, принужденъ былъ назначить войскамъ 12-е число имѣть роздыхъ. Къ сему числу полки и отрядъ генералъ-маіора Герарда прибыли въ Каушане, гдѣ корпусъ и соединился.

Сего-же числа предписано генералъ-маіору Хитрово отправить во 2-й корпусъ Житомирскій драгунскій и Нашебургскій мушкетерскій полки и понтонную роту, лейбъ-же-кирасирскій Ея Величества полкъ, назначенный было въ Кишеневъ, поворотить въ Бендеры.

12-го получено донесеніе отъ генералъ-лейтенанта Заса, что 9 числа сего мѣсяца россійскія войска заняли крѣпость Килію.

Сего числа командующій предписалъ генералъ-лейтенанту Дюку-де-Ришелье, дабы воспользоваться обстоятельствами и благопріятствующею теплою погодою къ споспѣшествованію видамъ и мѣроположеніямъ командующаго находящуюся при Аккерманѣ и Одессѣ флотилію выслалъ-бы въ Дунай, и чтобы сіе исполнилъ генералъ-лейтенантъ Дюкъ-де-Ришелье съ возможною быстротою, дабы медлительностью не навесть такихъ послѣдствій, которыя могутъ сдѣлать великія въ предпріятіяхъ помѣшательства.

Сего числа командующій раздѣлилъ войска на двѣ колонны; первая колонна состояла изъ полковъ Стародубовскаго и

Сѣверскаго драгунскихъ, Новгородскаго и Нарвскаго мушкетерскихъ, 11-го Егерскаго, полуроты конной Донской артилеріи, 50-ти піонеровъ и Донскаго казачьяго Платова 3-го полка, подъ командою генералъ-маіора Войнова. Вторая колонна подъ командою генералъ-маіора Герарда, въ коей полки состояли: Житомирскій драгунскій, Малороссійскій гренадерскій, Нашебургскій мушкетерскій, батарейная рота артилеріи подполковника Бертье-де-ла-Гарда, понтонная рота, остальная часть піонеровъ и 3-й Бугскій казачій полкъ.

Командующій назначилъ свое пребываніе при первой колоннѣ.

Симъ двумъ колоннамъ назначено итти разными дорогами; первая колонна имѣла свое направленіе отъ Каушанъ къ Измаилу черезъ татарскія деревни Пеливань, Чабы, Докузь бай, Карагуртъ и Челебе;—вторая колонна на Ойматъ, Кыслыкъ, Мамбетъ Казы аджи, Ашага и шеши и Кошькунаръ.

13-го обѣ выступили въ 6 часовъ по полуночи изъ Каушанъ—первая до Пеливанъ, а вторая—до Ойомата.

Сего числа главная квартира была въ деревнѣ Абаклы джиба.

14-го войска выступили изъ Ойомата и Абаклы джиба и прибыли въ Докузь бай.

15-го войска имѣли квартиры въ Карагуртѣ. Отсюда командующій корпусомъ предписалъ второй колонны начальнику генералъ-маіору Герарду, чтобы онъ 16-го числа выступилъ съ войсками изъ селенія Кошькунаръ и слѣдовалъ въ селеніе Челебе для соединенія съ первою колонною и составленія корпуса, оставивъ въ Кошькунарѣ весь обозъ и партикулярныя повозки. Подобное распоряженіе сдѣлано и въ первой колоннѣ и велѣно оставить въ Карагуртѣ весь обозъ казенный и партикулярный при пристойномъ караулѣ; наполнивъ палаточные ящики сухарями съ пропорціею крупъ, взять съ собою для варенія людямъ кашъ.

Сего числа генералъ-маіоръ Войновъ откомандированъ въ полночь къ деревнѣ Челебе съ полками Стародубовскимъ дра-

тунскимъ, Донскимъ Платова 3-го и однимъ батальономъ Егерей и полуротой конной артилеріи для преслѣдованія Пегливанской шайки разбойниковъ [1]), которые, сдѣлавъ наѣздъ на оную деревню, грабили.

16-го изъ Карагурта войска выступили въ 7 часовъ по полуночи къ деревнѣ Челебе, въ которую и прибыли въ полдень. Въ сей деревнѣ соединились вторая колонна съ первой, и генералъ-маіору Войнову даны еще къ его передовому отряду Житомирскій драгунскій и 3-й Бугскій казачій полки, съ которыми онъ тотчасъ и отправился къ Измаилу, отстоящему отъ Челебе въ 15-ти верстахъ.

Всему корпусу сдѣланъ въ Челебе привалъ; деревня найдена разоренной и ограбленною; жителей часть увлечена разбойниками въ Измаилъ, а часть разбѣжалась.

Въ часъ пополудни корпусъ выступилъ изъ Челебе и слѣдовалъ къ Измаилу.

Главнокомандующій со своею гауптъ-квартирою поѣхалъ впередъ и, подъѣзжая къ Измаилу, услышаны были пушечные изъ крѣпости выстрѣлы; они возвѣстили, что генералъ-маіоръ Войновъ подступилъ подъ Измаилъ.

Главнокомандующій, прибывши къ войскамъ, подъ Измаиломъ стоящимъ, увидѣлъ, что злодѣй Пегливанъ, находясь въ корпусѣ, встрѣчаетъ россійскія войска непріязненно, производя сильную канонаду по войскамъ ядрами и бомбами.

Должно при семъ упомянуть, что 14-го числа изъ селенія Докузь-бая отправленъ отставной прапорщикъ Голицынъ съ прокламаціею къ жителямъ Измаила, чтобы они не противились и войска россійскія впустили-бы въ крѣпость для сбереженія своихъ семействъ, имѣнія и своей жизни, на случай ежели несогласіемъ своимъ принудятъ русскихъ брать крѣпость силою, но на то не получено никакого отвѣта изъ Измаила и въ то время, когда войска подошли къ крѣпости и посланный былъ задержанъ въ крѣпости.

---

[1]) Т. е. находящейся подъ начальствомъ Пеглеванъ-оглу.

Епифаній Славинецкій, литературный дѣятель XVII в.

Глава IV. [1])

Епифаній и Никонъ. Ихъ взаимныя отношенія. Участіе Епифанія въ дѣлѣ Никона. Соборъ 1660 г. Первая редакція соборнаго опредѣленія. Сказки Епифанія, представленныя послѣ соборнаго засѣданія 27 февраля. Изложеніе содержанія каждой изъ нихъ. Вторая редакція соборнаго дѣянія 14 августа, написанная Епифаніемъ. Дѣло Никона послѣ этого собора. Почему Епифаній отстранился отъ оффиціальнаго участія въ это время. Его проектъ соборныхъ опредѣленій послѣ подачи Никономъ письменныхъ условій отреченія 14 янв. 1665 г.

Когда Епифаній Славинецкій прибылъ въ Москву (12 іюля 1649 г.), Никона въ это время, какъ мы уже указали выше, здѣсь не было: поставленный въ минувшемъ мартѣ на новгородскую митрополичью каѳедру, онъ жилъ въ Новгородѣ съ 24 марта 1649 г. Поэтому нужно думать, что первое знакомство Никона съ Епифаніемъ произошло въ первый пріѣздъ Никона

[1]) См. Кіевск. Стар. 1900 г. № 11.

въ Москву зимою (1649—50 года).[1]) По пріѣздѣ своемъ Никонъ, вѣроятно, услышалъ про Епифанія отъ царскаго духовника и пожелалъ съ нимъ познакомиться и побесѣдовать. Гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ произошло ихъ знакомство—объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Несомнѣнно только, что результатомъ этихъ бесѣдъ была рѣшительная перемѣна въ Никонѣ взгляда на малорусскихъ ученыхъ: послѣ встрѣчи съ Епифаніемъ Никонъ уже не говорилъ такихъ рѣчей, какія прежде неоднократно говаривалъ, что „малые Россіи потеряли вѣру, и крѣпости и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ, что покой и честь тѣхъ прельстила, и своимъ де нравамъ работаютъ, а постоянства въ нихъ не объявилося и благочестія нимало“.[2])

Громадное значеніе нужно приписать, конечно, личному характеру Епифанія. Сосредоточенность, предпочтеніе научныхъ занятій всякимъ искательствамъ почестей, скромность при громадной по тому времени эрудиціи, безупречная честность, умѣнье не раздражать другихъ заявленіемъ о своемъ умственномъ превосходствѣ—все это такія качества, которыя способны разрушить всякое предубѣжденіе и вызвать полное довѣріе и уваженіе къ обладателю ихъ и готовность внимать рѣчамъ его. Предметомъ ихъ бесѣдъ, можно думать, прежде было то, что непріятно должно было поразить Епифанія въ Москвѣ; разумѣемъ многогласное пѣніе и чтеніе въ церквахъ и другія многочисленныя церковныя нестроенія. Способный по своему крот-

---

[1]) А что Никонъ, будучи уже митрополитомъ Новгородскимъ, въ каждую зиму пріѣзжалъ въ Москву, объ этомъ есть прямое свидѣтельство Ивана Шушерина, который говоритъ, что такъ какъ «Государь Царь присно желаше Преосвященнѣйшаго Митрополита всегда въ царствующемъ градѣ имѣти и съ нимъ благословенною бесѣдою наслаждатися», то хотя «врученное ему (Никону) отъ Бога стадо и надсмотрѣніе за градскими дѣлами не давали ему возможности всегда бесѣдовати съ Государемъ, однако онъ «по вся зимы изъ Великаго Новгорода въ царствующій градъ Москву пріѣзжалъ». Шушеринъ. Житіе патріарха Никона. Спб. 1784 г. стр. 22.

[2]) Матеріалы для истор. раск. Т. *I*, стр. 331—332.

кому и сосредоточенному характеру болѣе искренно скорбѣть душою изъ-за всякихъ нестроеній, чѣмъ возмущаться и негодовать, имѣвшій полную возможность, благодаря своей громадной начитанности въ святоотеческихъ твореніяхъ, убѣжденно раскрыть передъ слушателемъ высокое значеніе для христіанина общественнаго богослуженія, низведеннаго практикой московскаго духовенства на степень какой то обрядовой новинности, чуждой всякаго внутренняго смысла, [1])—Епифаній обладалъ всѣми средствами, чтобы окончательно убѣдить Никона въ необходимости положить предѣлъ всѣмъ нестроеніямъ и возвратить богослуженію и богослужебнымъ книгамъ ихъ первоначальную чистоту, тѣмъ болѣе, что почва въ этомъ отношеніи была уже раньше подготовлена. И дѣйствительно, мы видимъ, что во второй годъ (1650 г.) своего митрополичьяго служенія Никонъ уже вводитъ въ Новгородъ не только единогласное, но и партесное „греческое и кіевское пѣніе, одушевленное паче бездушнаго органа“, а также и единогласное чтеніе. [2])

Сдѣлавшись патріархомъ московскимъ, Никонъ еще болѣе сближается съ Епифаніемъ: этому въ высшей степени способствовало ихъ совмѣстное занятіе въ патріаршемъ книгохранилищѣ въ началѣ Никонова патріаршества, съ конца 1652 года до собора 1654 года. Довѣріе Никона къ знаніямъ Епифанія, такъ блистательно обнаруженнымъ имъ въ дѣлѣ книжнаго исправленія, въ переводахъ и другихъ его литературныхъ произведеніяхъ—въ особенности въ трудахъ филологическихъ (въ этой области Епифаній заявилъ себя еще въ Кіевѣ),—довѣріе къ нравственной личности Епифанія, отличавшагося нравственной чуткостью и благородствомъ, росло и крѣпло все болѣе и

[1]) Вотъ описаніе тогдашняго богослуженія въ Московской Руси: „единъ чтетъ съ начала полунощницу съ каѳисмою, другій чтетъ вѣрую и тропари, и даже до конца полунощницы; на часахъ единъ псалмы, другій уже слава и нынѣ, тропари; тотъ то, а другой—другое; и тако въ два гласа чтуще единъ единаго поспѣшнѣе...“ (Шушеринъ. Житіе патр. Никона, стр. 24—25).

[2]) Ibidem.

болѣе. По вступленіи на патріаршій престолъ, онъ дѣлаетъ Епифанія оффиціальнымъ проповѣдникомъ слова Божія, отъ своего имени поручаетъ ему написать утѣшительное посланіе княгинѣ Радзивиловой, [1]) поручаетъ ему спеціально для себя переводы разныхъ сочиненій, въ которыхъ ощущался недостатокъ. [2])

О томъ, какъ высоко цѣнилъ Никонъ труды Епифанія и, вообще, какое вниманіе оказывалось ему, можно судить по тѣмъ,—правда отрывочнымъ, но тѣмъ болѣе драгоцѣннымъ,—указаніямъ, какія имѣются въ записяхъ расходной книги патріаршаго казеннаго приказа. Здѣсь читаемъ: „162 (т. е. 1654) г. ноября 10 кіевленину старцу Епифанію, что переводитъ патріарху греческія книги на русскій языкъ [3]), въ приказъ 10 рублевъ дано сполна [4]);“ „26 іюля (того-же года) кіевленину старцу Епифанію, что переводитъ патріарху греческія книги на русскій языкъ, въ приказъ 10 рублевъ дано сполна [5]); 162 г. маіа 8

---

[1]) „Оглавленіе книгъ“ § 79, 22: Посланіе утѣшительное къ княгинѣ Радівила князя Віленска, писанное лѣта 7165 (1657), маіа 17, отъ лица Нікона патріарха Московскаго. Начало: «Маловременныя»... Cfr. Ундольскій. „Ученые труды Епифанія Слав.;“ Филаретъ. Обз. дух. лит. § 223.

[2]) Таковы: Анатолія Вессалія (съ латинскаго), Географія—Европа и Азія и «О убіеніи краля Аггельскаго (съ латинскаго-же). См. „Оглавленіе книгъ“ § 79, 14, 15, 16; Cfr. Ундольскій. Учен. труды Епифанія; Филаретъ. Обз. дух. лит. § 223; Ркп. Кіево-Печ. Лавры № 145 (по описанію Петрова № 290: «Каталогъ на словеса, яже здѣ (въ кіевскомъ сборникѣ) не положишася». стр. 947—951.

[3]) На основаніи этого мѣста можно думать, что законоположительныя книги, каковы: Синтагмы Матѳея Властаря, правила Ѳ. Вальсамона, Климентовы зачинанія Св. Апостолъ, книга Арменопула, Правила св. апостолъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и Фотіевъ номоканонъ, Уставы гражданоправительственныя»—что всѣ эти книги Епифаній переводилъ по просьбѣ Никона и, быть можетъ, отчасти для его нуждъ.

[4]) Расх. кн. патр. каз. прик., кн. № 36. л. 334 об., Москов. Арх. Мин. Юстиціи.

[5]) Ibidem. л. 348.

кіевлянамъ преводникамъ старцамъ Епифанію да Дамаскину послано по 20 рублевъ человѣку [1]); 165 г. іюня 13 кіевленину старцу Епифанію, что живетъ въ Чудовомъ монастырѣ, послано 10 рублевъ [2]); 166 г. маіа 8 кіевленину старцу Епифанію, что въ Чудовѣ монастырѣ живетъ, перевелъ на русскій языкъ государю патріарху дохтурскую книгу, въ приказъ 10 рублевъ дано сполна; тѣ деньги по казначееву велѣнью старцу Епифанію въ Чудовъ монастырь отнесъ подъячей Иванъ Зерцаловъ [3]). Это жалованье шло Епифанію изъ патріаршей казны, было выраженіемъ личной патріаршей благодарности за его особые труды для патріарха и выдавалось не въ зачетъ того жалованья, которое Епифаній получалъ изъ посольскаго приказа.

Относясь самъ такъ внимательно къ Епифанію, Никонъ вліялъ въ этомъ направленіи и на другихъ. Только его вліяніемъ можно объяснить тотъ фактъ, что въ теченіе одного (1652) года жалованье, шедшее Епифанію изъ посольскаго приказа, дважды было значительно повышено. 20-го іюля 1649 г., черезъ недѣлю послѣ его прибытія въ Москву, ему положено было жалованья по гривнѣ въ день, что въ мѣсяцъ составитъ 70 алтынъ, или иначе—2 руб. съ небольшимъ. Въ половинѣ-же 1652 г., когда Никонъ былъ уже въ Москвѣ, онъ сталъ получать 120 алтынъ въ мѣсяцъ, т. е. $3^1/_2$ руб. Равнымъ образомъ и „питье“, выдававшееся ему къ столу, было увеличено: пожавано было „поденнаго корму по 4 алтына, да питья зъ дворца по 2 чарки вина, по 2 кружки меду цежоного, по 2 кружки пива доброго ячного [4]). Въ самомъ непродолжительномъ времени это жалованье было удвоено. „Лѣта 7160 іюля въ 17 день по указу боярину Волконскому пожаловалъ Государь царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи киевскаго старца Епифанія—велѣлъ ему давать своего государева жалованья по-

---

[1]) Ibidem. кн. 38, л. 158.

[2]) Ibidem. кн. 41, л. 263.

[3]) Ibidem, кн. 43. л. 251.

[4]) Малорос. Дѣла. Связка 5, 1652 г. № 1.

денного корму мая съ 22-го числа і съ прежнимъ по осми алтынъ по две денги на день [1]),“ что составитъ въ мѣсяцъ 250 алтынъ, или $7^1/_2$ руб. Въ переводѣ на нашъ курсъ эта сумма равняется 127 руб. 50 коп.—сумма, какъ видимъ, очень почтенная.

Съ своей стороны и Епифаній относился къ Никону съ глубокимъ уваженіемъ: онъ видѣлъ въ немъ, прежде всего, искренняго и убѣжденнаго архипастыря, въ дýхѣ Иліиной ревности пекущагося о благоустроеніи русской церкви. Эту мысль Епифаній неоднократно высказываетъ въ своихъ предисловіяхъ, изъ которыхъ особенно предисловія къ Служебникамъ 1655, 1656 и 58 гг. и къ Скрижали 1656 г. являются наилучшимъ матеріаломъ дли характеристики его отношенія къ Никону. Богъ—виновникъ всѣхъ благъ,—говоритъ Епифаній въ предисловіи къ служебнику 1655 г.,—благоволилъ утѣшить православную русскую церковь неповрежденностью догматовъ и избралъ для этой цѣли мужа по сердцу своему, подобнаго Иліи, великаго государя Святѣйшаго Никона, патріарха Московскаго и всея Великія и Малыя Россіи и вручилъ ему пасти и соблюдать святую церковь [2]) Чтобы доказать читателю, что Никонъ по ревности своей вполнѣ напоминаетъ Илію, Епифаній изображаетъ его реформаторскую дѣятельность въ Русской церкви. „Сей первопрестольный священноначальникъ“—говоритъ онъ—„гласомъ вопіющаго въ пустыни реченное, правы творите стези, благотщательнѣ исполняя, правы стези творитъ, скривленное исправляетъ, косвенное отметаетъ, и стропотное соглаждаетъ: моляй благолѣпіе дому Божія, и съ богодухновеннымъ псаломникомъ глаголяй присно, Господи возлюбихъ благолѣпіе дома твоего, о благолѣпіи дому Божея опасно печется: видяй божественнымъ Павломъ реченное: всяже благообразно и по чину да бываютъ, да вся таинственная священнодѣйства, въ православной россійской церквѣ, въ честь и славу Божію благолѣпнѣ

---

[1]) Малорос. Дѣла Св. 5, 1652 г. № 1.

[2]) Предисл. къ Служебн. 1655 г. стр. 2—3.

совершаема, по благолѣпному богоносными отцы святыми установленному чину церковному бываютъ, прилежно тщится [1]). Въ представленіи Епифанія Никонъ является истиннымъ пастыремъ, вдумчиво и серьезно относящимся и къ дѣлу духовнаго руководства пасомыхъ. „Не иныхъ мірскихъ богатыхъ касается разсмотрѣти,"—свидѣтельствуетъ онъ о Никонѣ,—но яже належитъ пастыреви, якоже глаголетъ божественный апостолъ: „подобаетъ епископу быти безъ порока, яко Божію строителю, пособствующу по вѣрнѣмъ словеси ученія, да силенъ будетъ утѣшити въ здравѣмъ ученіи, и противящіяся обличити, и сія внушивъ упразднися отъ всѣхъ и вложися въ трудъ, еже бы святое писаніе разсмотрѣти". [2])

Желая наглядно изобразить значеніе Никоновой дѣятельности для русской церкви, Епифаній пользуется сравненіемъ: беретъ библейскій фактъ (напоеніе Іаковомъ овецъ) и примѣняетъ его—въ духѣ схоластическаго параллелизма—къ обстоятельствамъ даннаго времени. „Яко древле патріархъ Іаковъ, въ напоеніи овецъ безсловесныхъ, вещественъ камень отъ вещественна кладезя отвалилъ есть: тако онъ (Никонъ) нынѣ мысленный неявленства, паче-же невѣжества, во многихъ умѣ лежащаго камень, во еже словеснымъ овцамъ христовымъ, чистого извѣстнаго священнодѣйствительныхъ знаменованій вѣдѣнія водою напоеннымъ быти, отъ мысленнаго таинственныхъ священнодѣйствъ кладезя отвалити потщася. [3])

Такія рѣчи высказывалъ Епифаній о Никонѣ. Предположить въ нихъ лесть, въ основѣ которой всегда лежитъ скрытая надежда пользоваться благотвореніями восхваляемаго,—едва-ли возможно. Эти рѣчи говорились не въ частной перепискѣ, а въ печатномъ трудѣ, къ свѣдѣнію всѣхъ читателей, и при томъ въ цѣляхъ полемическихъ: въ нихъ Епифаній является защитникомъ и истолкователемъ реформъ Никона, а защита Никона, противъ

---

[1]) Предислов. къ Скрижали 1656 г. стр. 12.

[2]) Предислов. къ Служебн. 1655 г. стр. 4.

[3]) Предисловіе къ Скрижали, стр. 9.

котораго въ Московскомъ обществѣ было сильное возбужденіе и вражда, не представляла никакой выгоды: можно было не только лишиться довѣрія, но и возбудить противъ себя вражду. При такихъ обстоятельствахъ требовалась отъ защитника убѣжденность въ правильности своего пониманія защищаемаго и вѣра въ правоту послѣдняго. Что такъ дѣйствительно и было, это лучше всего видно изъ „дѣла объ осужденіи оставившаго свой престолъ Никона,—дѣла, въ которомъ Епифаній занялъ особенное и единственное положеніе. Размолвка между „собинными“ друзьями, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и патр. Никономъ, произшедшая въ лѣто 1658 года, вызвала Никона на чрезвычайно смѣлый и рѣшительный шагъ: въ надеждѣ, быть можетъ, вызвать царя на объясненіе и полное примиреніе, Никонъ 10 іюля 1658 года, послѣ торжественной службы въ Успенскомъ соборѣ, отрекся отъ патріаршества. Небывалый фактъ—ссора двухъ друзей, царя и патріарха,—овладѣлъ вниманіемъ всѣхъ. Масса недовольныхъ Никономъ постаралась воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и осложнить ссору царя и патріарха настолько, чтобы примиреніе ихъ было невозможнымъ. Личный характеръ разошедшихся друзей еще болѣе запутывалъ дѣло. Прошелъ цѣлый годъ, а взаимныя отношенія царя и патріарха нисколько не улучшились; напротивъ, отдѣльныя событія на протяженіи его слишкомъ ощутительно дали почувствовать Никону невыгоду созданнаго имъ для самого себя положенія. Враги Никона употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы раздражать патріарха и тѣмъ вызывать на рѣзкіе, могущіе оскорбить царя, поступки. Обвиненіе Никона въ растратѣ казны, вмѣшательство свѣтскихъ лицъ въ духовныя дѣла, и въ особенности осмотръ его келіи и бумагъ—вызвали бурное негодованіе Никона: рѣзкимъ и смѣлымъ языкомъ онъ писалъ по этому поводу обличительное письмо. „Дивлюсь, какъ ты дошелъ до такого дерзновенія!—писалъ онъ царю. Прежде ты боялся произвести судъ надъ простымъ церковнымъ причетникомъ, а теперь захотѣлъ видѣть грѣхи и тайны того, кто былъ пастыремъ всего міра, и не только самъ видѣть, но и мірскимъ объявить... Убойся,

государь, глаголющаго: еже себе не хощеши, инѣмъ не твори; а хочешь-ли ты, чтобы твои тайны, противъ твоей воли узнавали другіе? [1]) Послѣ такихъ рѣзкихъ и справедливыхъ обвиненій Никона, идти царю на примиреніе съ нимъ было уже неудобно и оскорбительно.

Новый 1660 годъ принесъ съ собой событіе, сыгравшее роль послѣдней капли въ переполнившемся сосудѣ воды. Въ мартѣ мѣсяцѣ въ недѣлю Ваій крутицкій митрополитъ Питиримъ совершилъ торжественный обрядъ шествія на осляти. Никонъ, соединившій съ этимъ обрядомъ послѣднюю надежду на примиреніе съ царемъ, былъ чрезвычайно раздраженъ и написалъ второе, очень рѣзкое письмо государю, обвиняя его въ томъ, что онъ допустилъ „олюбодѣйствовать сѣдалище великаго архіерея всея Русіи.“ Раздраженный царь послалъ къ Никону думнаго дьяка Прокофія Елизарова и Алмоза Иванова потребовать у Никона объясненія. И вотъ теперь-то Никонъ въ первый разъ рѣшительно и опредѣленно высказался, какія права онъ желаетъ оставить за собой по избраніи новаго патріарха. Патріархъ говорилъ: „что де ему нарицатися патріархомъ, и онъ де того имени не отрицался; только не хочетъ именоватись Московскимъ, потому что престолъ архіерейскій Великія Россіи оставилъ своею волею..; что попеченія о истинѣ не оставилъ и впредь о какомъ духовномъ дѣлѣ, требующемъ исправленія, услышитъ, молчати не учнетъ [2]). Такимъ образомъ Никонъ заявилъ свое желаніе остаться въ силѣ патріарха при вновь выбранномъ патріархѣ и право вмѣшиваться въ духовныя дѣла, которыя потребуютъ исправленія. Оставаться долѣе

---

[1]) Это письмо Никона напечатано въ изданномъ археографической коммисіей «Дѣлѣ о патріархѣ Никонѣ»; см. № 4, стр. 6—12; Cfr. Приложеніе I къ сочиненію Н. И. Субботина: „Дѣло патріарха Никона“.

[2]) Дѣло о патріархѣ Никонѣ. Изданіе археографической коммисіи по документамъ Моск. Синод. Библіотеки № 5. Сказка Прокофія Елизарова, стр. 14.

въ неопредѣленномъ положеніи для царя и московскихъ властей уже нельзя было: нужно было дать русской церкви новаго патріарха вмѣсто отрекшагося. Возникли вопросы: „можно-ли, не низложивъ соборнѣ Никона, возвести другого патріарха; можно-ли низложить Никона и возвести инаго, еще живу ему сущу, правильно и мн. др. [1]). Разрѣшить всѣ выдвинутые обстоятельствами вопросы можно было только путемъ соборныхъ опредѣленій. И вотъ, въ февралѣ 1660 года царь рѣшился наконецъ составить соборъ для разсужденія объ избраніи новаго патріарха. Къ участію въ соборномъ разсмотрѣніи дѣла въ качествѣ общепризнаннаго въ Москвѣ ученаго авторитета и былъ приглашенъ Епифаній Славинецкій. 16 го февраля въ царской Золотой палатѣ собралось, по желанію царя, много архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ [2]). Здѣсь царь объявилъ имъ свою волю, чтобъ они занялись устроеніемъ церкви, втеченіи полутора лѣтъ остававшейся безъ пастыря. На слѣдующій день члены собора снова собрались, но уже въ крестовой патріаршей и безъ царя. Въ этотъ день былъ рѣшенъ соборомъ вопросъ: своею-ли волею Никонъ оставилъ патріаршескій престолъ? Еще раньше былъ подобранъ необходимый для этого матеріалъ. 15 го февраля, вѣроятно по указу царя, были собраны сказки (показанія): 1) князя Алексѣя Трубецкаго, посыланнаго царемъ, 10 іюля 1658 г., въ Успенскій соборъ узнать о причинахъ оставленія Никономъ патріаршаго престола; 2) его-же и Ларіона Лопухина, посланныхъ царемъ въ Воскресенскій монастырь къ патр. Никону 1658 г. іюля 12 съ приглашеніемъ возвратиться на патріаршескій престолъ, и 3) сказки лицъ, присутствовавшихъ 10 іюля 1658 г. въ Успенскомъ соборѣ на обѣднѣ, по окончаніи которой патр. Никонъ отказался отъ патріаршаго престола и въ простомъ монашескомъ одѣяніи ушелъ на Воскресенское подворье [3]). По прочтеніи и разсмотрѣніи

[1]) Ibidem № 24.

[2]) Списокъ лицъ, участвовавшихъ въ соборѣ 14 авг. 1660 г., приведенъ въ томъ же изслѣдованіи. См. № 27, стр. 109—111.

[3]) Сказки эти помѣщены въ „Дѣлѣ о патр. Никонѣ, издан. археографической коммиссіей. См. № 6, 7 и 9.

этихъ-то сказокъ соборъ рѣшилъ, что Никонъ оставилъ патріаршескій престолъ своею волею. Это рѣшеніе было сообщено царю, который послѣ этого указалъ собрать возможно больше сказокъ и тщательно провѣрить ихъ до слѣдующаго засѣданія [1]), а также сдѣлать выписки изъ Номоканона и соборныхъ правилъ объ архіереяхъ, самовольно оставляющихъ свои престолы. По указу царя „преосвященный соборъ велѣли выписать изъ правилъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, а у выписки (согласно желанію царя) велѣли быть преосвященнымъ архіепископамъ Маркеллу, Иларіону и Макарію и архимандриту Павлу и игумену Симону.“ Выписки были сдѣланы слѣдующія: а) 16-е правило перваго и второго собора въ церкви святыхъ апостолъ (т. е. двукратнаго Константинопольскаго); б) Карѳагенскаго собора правило 88-е; в) отъ епистолія, яже къ Домну, Кирила о отреченіи епископовъ; г) 9-е правило Вселенскаго Собора (третьяго, Ефесскаго); д) помѣстнаго собора Сардикійскаго правило 18-е (по славянск. кормчей, но по греческой 16-е); е) Кирилла Александрійскаго правило 3-е; ж) Карѳагенскаго собора правило 72 (по греческ. кормчей 83-е).

Мы не имѣемъ подробныхъ записей о преніяхъ, происходившихъ на этомъ соборѣ (27 февраля), но несомнѣнно, что отцами собора было обращено преимущественное вниманіе на 16-е правило двукратнаго собора и 9-е третьяго вселенскаго [2]); что въ пониманіи этихъ правилъ произошло раздѣленіе между ними, причемъ громадное большинство толковало ихъ въ смыслѣ неблагопріятномъ для Никона. Епифаній Славинецкій выступилъ съ своимъ особеннымъ мнѣніемъ. Началась полемика между нимъ и греками, которыхъ въ этотъ разъ было уже нѣсколько [3]).

---

[1]) Сказки эти перепечатаны тамъ-же, см: №№ 10—16 включительно. Стр. 37—51.

[2]) Это видно изъ сказки, поданной на соборѣ старцемъ Епифаніемъ Славинецкимъ позже, 15 іюля. См. Дѣло о Никонѣ, изд. археогр. ком. № 26.

[3]) Подъ дѣяніемъ Москов. собора 14 авг. того-же года находимъ слѣдующія подписи: 1) Μητροπολίτης Θηβῶν Παρθενιος, 2) Αρχιε-

Девятое правило Эфесскаго собора въ славянской кормчей читалось такъ: „Терпѣти подобаетъ Евстафіеви, въ епископіи крѣпко. Се бо всякому епископу должно есть, онъ же плещи давъ, неполезно отрекся: Ѳедоръ же въ того мѣсто поставленъ бысть, онъ же плачася и моляся, чести прося, неповиненъ. Поставленъ же въ него мѣсто имый явѣ того отреченіе, безъ грѣха есть". Это правило было установлено соборомъ по поводу памфилійскаго епископа Евстафія, который письменно отрекся отъ своей епархіи. Когда на его мѣсто былъ поставленъ памфилійскимъ соборомъ новый епископъ Ѳеодоръ, Евстафій явился на Ефесскій соборъ и просилъ оставить за нимъ имя и честь епископа. Соборъ призналъ за нимъ и то и другое и въ этомъ смыслѣ постановилъ свое опредѣленіе. Къ нему были приложены и два толкованія ихъ—напечатанное въ Славянской кормчей и Матѳея Властаря. Епифаній Славинецкій принималъ толкованіе Славянской Кормчей и утверждалъ, что Евстафій былъ оправданъ *„безъ всякаго прекословія,"* что соборъ призналъ за нимъ право именоваться епископомъ, имѣть честь святительскую и сѣдалище, служить и поставлять пресвитеровъ и діаконовъ. Примѣняя къ данному случаю это рѣшеніе Ефесскаго собора, Епифаній говорилъ, что и къ патріарху Никону такъже должны отнестись отцы Московскаго собора, какъ отнеслись къ Евстафію отцы собора Ефесскаго.

Греки же и ихъ сторонники, напротивъ, усиливались доказать, что къ данному случаю болѣе примѣнимо толкованіе Матвѣя Властаря, который утверждалъ, что отрекшійся епископства долженъ быть лишенъ и священства, что отцы собора Ефесскаго признали санъ епископа сохраняющимся за Евстафіемъ только во уваженіе его слезъ и глубокой старости и по боязни, „да не ему нѣчто приключится отъ безмѣрныя печали".

πίσκοπος Κυζίκου ἐκ της ἁγίας καὶ βασιλικης μονῆς της ἐν Χίῳ; 3) Ἀρχιεπίσκοπος Ἰωαννιννῆς Νεκτάριος и 4) Δαμιάνος ἀρχιμανδρίτης Ὑοτζήτης. Вѣроятно эти же іерархи присутствовали на соборѣ 27 февр. и съ ними-то полемизировалъ Епифаній.

Другимъ правиломъ, принятымъ соборомъ въ руководство при разсмотрѣніи Никонова отреченія, было 16-е правило двукратнаго собора. Въ немъ, между прочимъ, говорится: „Аще который епископъ не радитъ о своемъ стадѣ, ни болѣзнію, ни церковнымъ повелѣніемъ, ни патріарховымъ одержимъ, вящше шести мѣсяцъ время отъ своея церкве отшедъ сотворитъ, епископскаго сана и чести да будетъ чюжъ". Такъ читается это правило въ Славянской Кормчей. Но Греки,—какъ это видно изъ сказки, поданной впослѣдствіи Епифаніемъ [1])—увѣряли, что въ томъ-же правилѣ есть и такія слова: „безумно есть епископства отрицатися, держати же священство." Не имѣя подъ руками греческой кормчей, чтобы провѣрить справедливость утвержденія грековъ, Епифаній въ это время не могъ имъ серьезно возражать и потому далъ свое согласіе на лишеніе Никона архіерейства. Но для него—знатока церковныхъ каноновъ, много потрудившагося надъ переводомъ разныхъ законоположительныхъ книгъ съ греческаго языка на славянскій,—эта мысль казалась несогласною съ общимъ духомъ церковныхъ каноновъ; у него зародилось сомнѣніе: выражена-ли подобная мысль въ 16-мъ правилѣ. Несмотря на такое разногласіе въ средѣ членовъ собора, постановленіе относительно Никона все таки состоялось въ смыслѣ очень неблагопріятномъ для него: соборъ опредѣлилъ поставить на мѣсто Никона новаго патріарха, а его самаго почитать чуждымъ архіерейства, чести и священства. Послѣ этого осталось только составить актъ соборнаго рѣшенія и закрѣпить его подписями. Алексѣй Михайловичъ составленіе акта поручилъ Епифанію. Но послѣдній, не признавая справедливымъ постановленіе собора, смѣло и рѣшительно заявилъ царю: „готовъ есмь сіе сотворити о избраніи и постановленіи новаго патріарха, сіе бо есть праведно, благополезно и правильно. О низверженіи же Никона, бывшаго патріарха, не дерзаю писати сего рода, яко не обрѣтохъ сице-

---

[1]) См. Дѣло о патріархѣ Никонѣ, изд. археографическ. ком., № 26.

ваго правила, ежебы архіерея, оставившаго убо престолъ свой, архіерейства-же не отрекшагося, низвергало и чюждо творило архіерейства. Таже пресвѣтлаго величества вашего царьскаго молю, да повелитъ дати мнѣ дѣяніе соборное составленіе слова соборнаго“ [1]). Просьба Епифанія была удовлетворена: дѣяніе соборное выдано. Это дало возможность ему обстоятельно ознакомиться съ аргументаціей соборнаго рѣшенія, провѣрить и критически обслѣдовать тѣ основанія, на которыхъ оно утверждалося. Слѣдствіемъ этой работы были—1) подача царю докладной записки, въ которой онъ предложилъ четыре вопроса, подлежащіе предварительному обсужденію собора, и далъ свое собственное рѣшеніе ихъ; 2) рѣшительное заявленіе мнѣнія о невозможности лишить Никона архіерейства за самовольное оставленіе имъ своего престола; 3) отказъ отъ даннаго имъ раньше, по невѣдѣнію, согласія на лишеніе Никона архіерейства вмѣстѣ съ опроверженіемъ тѣхъ основаній, на которыхъ соборъ утверждался въ своемъ постановленіи, и 4) просьба къ царю и собору о снисхожденіи къ Никону. Къ руководству же собору при дальнѣйшихъ его разсужденіяхъ—какъ дополненіе къ выпискамъ канoновъ—Епифаній счелъ нужнымъ представить выборку изъ византійской церковной исторіи случаевъ, когда іерархи греческой церкви отрекались отъ своихъ престоловъ [2]). Къ изложенію этихъ документовъ Епифаніевой защиты Никона и обратимся теперь. Начнемъ по порядку—съ докладной записки [3]).

---

[1]) Ibidem № 26, стр. 90.

[2]) Всѣ эти документы перепечатаны въ изданномъ археографич. комиссіей Дѣлѣ о патр. Никонѣ, см. №№ 24, 25, 26, 64 и 52.

[3]) Въ Дѣлѣ о патр. Никонѣ, гдѣ собраны подлинные документы, относящіеся къ нему (дѣлу), приводится и эта докладная записка подъ № 24 (стр. 84—87). Здѣсь она озаглавлена такъ: «1660 г. *мнѣніе, неизвѣстно кѣмъ поданное царю*, съ разрѣшеніемъ вопросовъ: 1) можно-ли, не низложивъ соборне Никона, возвести новаго патріарха? 2) Можно-ли Никона, отрекшагося своего престола, возвести паки? 3) Можно-ли низложить Никона и возвести инаго,

Продолжительнымъ размышленіемъ, православный царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, пришелъ я—говоритъ Епифаній въ своей запискѣ—къ мысли, что въ вещественныхъ явленіяхъ ничто не сохраняетъ своего состоянія непрерывно, но все подлежитъ измѣненію. Возведу ли глаза свои горѣ, вижу обширное небо со всѣми его свѣтилами безпрестанно движущимися отъ востока къ западу; обращусь къ низу—все здѣсь непостоянно и мимолетно: огонь подлежитъ быстрому уничтоженію, земля, нынѣ украшенная благовонными цвѣтами, на утро внезапно оказывается нагою и безплодною. Отъ дѣйствія того-же закона (безпрерывнаго во всемъ измѣненія) и мы теперь страдаемъ „въ мысленномъ кораблѣ Россійскія церкве:“ приключилося при наличности кормчаго безкормчество, невѣстѣ Христовой (церкви) при жизни жениха—вдовство, намъ, имѣющимъ отца—сиротство. Событіе новое и необычайное! Сдѣлалъ это („въ сицевыя воведе насъ труды“) святѣйшій Никонъ, архіепископъ царствующаго града, не преставленіемъ отъ міра, но добровольнымъ оставленіемъ престола своего. Теперь намъ надлежитъ разсудить: его-ли снова возвести на престолъ или избрать иного. Я, что мнѣ свободная, непредубѣжденная совѣсть („совѣсть всякую страсть отчуждивше“) и разумъ повелѣваетъ, по силѣ моей, возвѣщу, умоляя при этомъ,— „да свободнымъ разумѣнія моего и совѣсти глаголомъ никто-же негодуетъ себѣ“. Итакъ, надлежитъ разсудить:

еще живу ему сущу, правильно? и 4) аще Никона низложитъ, то отъ патріаршаго-ли престола токмо, или вкупѣ и отъ архіерейства?» Мы утверждаемъ, что это «мнѣніе» принадлежитъ Епифанію, а не кому-либо другому, и вотъ на какихъ основаніяхъ: во-первыхъ, манера изложенія та-же, что у Епифанія; во-вторыхъ, по содержанію своему оно во многомъ сходно съ подлинною сказкою Епифанія, въ которой онъ отрицается отъ даннаго раньше согласія на лишеніе Никона архіерейства; въ третьихъ, наконецъ, въ немъ предполагается по дѣлу Никона такое-же рѣшеніе, какое признавалъ справедливымъ Епифаній, именно: „подобаетъ Никона чести и служенія архіерейскаго не отчуждати.“

а) Можно-ли, не низложивъ соборомъ Никона, возвести другого?

б) Можно-ли Никона, отрекшагося отъ своего престола, снова возвести?

в) Можно-ли низложить Никона и при его жизни правильно возвести иного?

и г) Если Никона низложить, то какъ: отъ самого-ли престола, или вмѣстѣ и отъ архіерейства?

По первой статьѣ мое разумѣніе таково, что, не низложивъ соборомъ Никона, невозможно возвести другого. Если кто-либо возразитъ на это, что Никонъ самъ низложилъ себя и отрекся отъ престола, то я отвѣчу: онъ отрекся *устами* для того, чтобы ему покорились непокорные, а *не дѣломъ*, потому-что не письменно отрекся и не соборно, къ тому-же онъ удалился въ архіерейской мантіи и теперь „архіерейская дѣйствуетъ“.

Въ разъясненіе второго вопроса должно сказать слѣдующее. Допустимъ даже, что онъ отрекся дѣломъ. Отсюда еще не слѣдуетъ то, что хотятъ видѣть. По святому Кириллу, архіепископу Александрійскому, если-бы даже кто и письменно отрекся, но достоинъ святительства, то таковой *да служитъ*: поэтому Никоново отрицаніе—ничто, и если *онъ не имѣетъ никакого недостоинства, пусть служитъ*. Думать такъ насъ научаетъ 16-е правило соборовъ перваго и второго, которое говоритъ: „ни по которому же образу да не взыйдетъ кто на епископію, ея же епископъ живъ есть; подобаетъ бо вину изыскати, и по изверженіи его другого поставить.“ Итакъ *другого патріарха избрать при жизни Никона намъ кажется невозможнымъ*. Но кто либо можетъ сказать: Онъ никому не пріятенъ, поэтому пусть не возводится. Отвѣтъ: врачъ не долженъ угождать волѣ больного, но долженъ дѣлать то, что признаетъ полезнымъ для него. Точно также и пастырь не долженъ удовлетворять всякимъ желаніямъ пасомыхъ. Поэтому, я думаю, что святѣйшій Никонъ, много разъ прочитывая исторію первосв. Иліи, который пострадалъ за ненаказаніе сыновъ, заботился о

томъ, чтобы не пострадать самому подобнымъ образомъ. Если не для всѣхъ терпимъ Никонъ, то отсюда еще нисколько не слѣдуетъ, что онъ достоинъ изверженія. Слѣдуетъ съ любовью умолять, да исправится въ нравѣ своемъ. Судить же его кто изъ насъ можетъ? Какой сынъ приметъ на себя дерзость судить отца?

9 правило Халкидонскаго собора гласитъ: „аще епископы имѣютъ что на митрополита своего, Константія града патріарху да возвѣстятъ, ему же подъ иными патріархи архіереевъ сущихъ судити.“ У насъ же—не митрополитъ, а патріархъ всея Россіи, пастырь пастырей. Эти разсужденія разъясняютъ намъ по 3-ему вопросу, что *„нельпо намъ есть по сихъ правильныхъ Никона судити и низложити, послѣдственнѣ же иного возвести, ему сущу живу.*

Впрочемъ—говоритъ Епифаній—кромѣ правилъ церковныхъ, у насъ есть примѣры изъ церковной практики, одобренные самими вселенскими соборами и наравнѣ съ положительными правилами церкви служащіе къ руководству въ нѣкоторыхъ случаяхъ Такъ, св. Григорій Богосл. оставилъ престолъ свой, и на его мѣсто былъ возведенъ другой; то же было въ Памфилійской церкви послѣ отреченія Евстафія. Прилагая данные примѣры къ настоящему нашему дѣлу, *можно—утверждаю—при жизни Никона возвести другого.* Но такъ какъ ни св. Григорій, ни Евстафій памфилійскій не были лишены архіерейскаго сана, то *„подобаетъ и Никона чести и служенія архіерейскаго не отчуждати, аще и безпрестоленъ будетъ.“* Сдѣлать такъ, мнѣ думается, будетъ и Богу угодно, и оставившему престолъ не безчестно, намъ безгрѣшно, и всему народу пріятно. „Симъ четвертую статью замыкающе“—заключаетъ Епифаній свою докладную записку—„и моего разумѣнія конецъ творяще со блуженіемъ, аще какая суть, прощенія желаю, и вся высочайшему разуму твоего пресвѣтлаго царскаго величества, и всему преосвященному собору, ничесому же прекословяще, вручаю.“ Вслѣдъ за докладной запиской Епифаній 26-го мая заявилъ свое мнѣніе такого содержанія: чтобы Ни-

конъ, бывшій патріархъ, былъ чуждъ архіерейства и священства, объ этомъ не только писать, но даже говорить не осмѣливаюсь. Во-первыхъ, чтобы не быть прокляту тѣмъ, отъ кого принималъ благословеніе. Во-вторыхъ, боюсь, чтобы за неправильное мнѣніе и писаніе душа моя во адъ не низошла, ибо я не нашелъ такихъ правилъ, которыя бы отчуждали архіерейства и священства архіерея, добровольно оставившаго свой престолъ, архіерейства же не отрекшагося [1]).

Самымъ интереснымъ документомъ является отказъ Епифанія отъ даннаго имъ раньше (27 февр.) согласія на лишеніе Никона архіерейства. Изъ него видно, что Епифаній, получивъ дѣло соборное, критически обслѣдовалъ, путемъ сличенія съ подлиннымъ греческимъ Номоканономъ и вникая въ смыслъ приложенныхъ въ немъ различныхъ толкованій, тѣ правила, на которыхъ было обосновано соборное опредѣленіе. „Греки—заявляетъ Епифаній—на соборѣ изъ своей греческой книги прочитали такое реченіе: „безумно убо есть епископства отрещися, держати жъ священства," и утверждали, что это реченіе находится въ шестнадцатомъ правилѣ двукратнаго собора. Я принялъ это ихъ утвержденіе за истину и не рѣшился возражать имъ, поэтому далъ свое согласіе на низверженіе Никона, бывшаго патріарха. Сдѣлалъ это я потому, что былъ введенъ въ заблужденіе греческимъ реченіемъ, котораго однако не оказалось ни въ славянскихъ, ни въ греческихъ правилахъ. Такъ какъ теперь я прочиталъ истинное греческое правило и этого реченія—„безумно есть епископства отрещися, держати жъ священства"—не нашелъ, то отрицаюсь отъ согласія моего на низверженіе Никона, какъ неправеднаго и неправильнаго, и въ этомъ каюсь." Для доказательства справедливости своихъ словъ Епифаній приводитъ дальше свой переводъ 16-го правила двукратнаго собора по греческому номоканону.

---

[1]) Ibidem № 25.

Διά τὰς φιλονεικίας τε καί ταραχάς τὰς ἐν τῇ τοῦ Θεοῦ ἐκκλησίᾳ συμβαινοῦσας, καί τοῦτο ὁρίσαι ἀναγκαῖον ἐστι. Τό, μηδενί τρόπῳ Ἐπίσκοπον καταστῆναι ἐν τῇ Ἐκκλησίᾳ, ἧς ἔτι ὁ προεστὼς ζῇ, καί ἐν τῇ ἰδίᾳ συνίσταται τιμῇ, εἰ μὴ αὐτός ἑκὼν τήν ἐπισκοπήν παραιτήσεται. Χρή γάρ πρότερον τήν αἰτίαν τοῦ μέλλοντος τῆς ἐπισκοπῆς ἐκδιώκεσθαι κανονικῶς ἐξεταζομένην εἰς πέρας ἄγεσθαι, εἶθ' οὕτω, μετά τήν αὐτοῦ καθαίρεσιν, ἕτερον ἀντ' αὐτοῦ εἰς τήν ἐπισκοπήν προβιβάζεσθαι. Εἰ δέ τις τῶν Ἐπισκόπων ἐν τῇ ἰδίᾳ συνιστάμενος τιμῇ, μήτε παραιτεῖσθαι βούλοιτο, μήτε τόν οἰκεῖον ἐθέλοι ποιμαίνειν λαόν, ἀλλά τῆς οἰκείας ἀποστάς ἐπισκοπῆς ὑπέρ τό ἐξάμηνον ἐν ἑτέρῳ διατρίβοι τόπῳ, μήτε βασιλικῷ προστάγματι κατεχόμενος, μήτε ταῖς τοῦ οἰκείου Πατριάρχου λειτουργίαις ὑπηρετούμενος, μήτε μήν ὑπό νόσου χαλεπῆς τε καί ἀκινησίαν ἐμποιούσης παντελῆ συνεχόμενος ὁ τοιοῦτος οὖν ὁ κατα μηδεμίαν τῶν εἰρημένων κωλυόμενος, τῆς οἰκείας ἀφιστάμενος ἐπισκοπῆς, καί ὑπέρ τόν ἑξαμηναῖον χρόνον ἐν ἑτέρῳ διατρίβων τόπῳ, τῆς τοῦ Ἐπισκόπου τιμῆς τε καί ἀξίας ἀλλοτρίῳ θήσεται παντελῶς.

Ради любопреній же и мятежъ въ Божіи церкви случающихся, и сіе опредѣлити нужно есть. Ни единымъ образомъ епископу поставитися въ церкви, ея же еще предстатель живетъ и въ свойственной состоитъ чести, развѣ самъ волно епископства отречется. Подобаетъ бо первіе вину будущаго епископства изгнатися, правильно истязуемую въ конецъ привести. Тожъ тако о его низверженіи иному вмѣсто того на епископство провозвестися. Аще жъ кто епископовъ во свойственной состояй чести, ниже отврещися хощетъ, ниже свой хочетъ паствовати людъ, но своего отступивъ епископства паче шестомѣсечія во иномъ закоснѣти мѣстѣ, ниже царскимъ повелѣніемъ содержимъ, ниже своего патріарха служеніемъ служа, ниже убо отъ недуга стужатися и недвиженіе творящаго всеконечное содержимъ. Сицевый убо по ни единому реченныхъ извѣтовъ возбраняемый своего отступая епископства и паче шестомѣсечнаго времене во иномъ мѣстѣ временно косня, епископскіе чести же и достоинства отчуждится всеконечно."

Затѣмъ, Епифаній обращается къ самому опредѣленію собора 27 февраля. „Соборное изволеніе—говоритъ онъ—сугубое.

Первое, чтобы былъ избранъ новый патріархъ; второе, чтобы Никонъ, патріархъ Московскій, былъ низвергнутъ и лишенъ архіерейскаго сана, и не только архіерейскиго, но и священническаго.

Первое постановленіе—богоугодно, правильно и благополезно, ибо необходимо, чтобы вдовствующая церковь Христова была, наконецъ, обручена, чтобы словесное стадо Христово не оставалось безъ пастыря. И въ греческой церкви, когда случалось, что патріархи добровольно оставляли свой престолъ, то на мѣсто ихъ были соборно поставляемы другіе, „яко *и свитожъ мню, прежде* по благощасливому пресвѣтлаго царскаго величества повелѣнію *написанный, являетъ* [1]).

Что же касается второго опредѣленія, то оно для моего дебелаго ума непонятно („сіе изволеніе соборное дебелому уму моему нѣсть достижимо“).

Во-первыхъ, второй вселенскій соборъ не низвергъ Св. Григорія Богослова, самовольно оставившаго свой Константинопольскій престолъ: не только священство, но и санъ архіерейскій, даже архіерейскую власть у него не отняли.

Во-вторыхъ, говорятъ (несомнѣнно, такъ говорили греки и ихъ сторонники въ полемикѣ съ Епифаніемъ Славинецкимъ на соборѣ 27 февр.), что оставленіе престола равносильно отреченію отъ архіерейства. Это—неправильно, потому что, кто по качествамъ своимъ достоинъ быть архіереемъ, того добровольное отреченіе не дѣлаетъ недостойнымъ архіерейства, а кто былъ недостоинъ архіерейства, тотъ и до отреченія былъ таковымъ. Поэтому-то второе правило Кирилла Александрійскаго и

---

[1]) Изъ этихъ словъ Епифанія можно видѣть, что выписка изъ византійской церковной исторіи съ перечисленіемъ высшихъ іерарховъ греческихъ, по собственной волѣ оставившихъ свои престолы, была сдѣлана имъ-же. См. „Дѣло о патр. Никонѣ, издан. археограф. коммиссіей“ № 52, стр. 275—281. Эта выписка была сдѣлана не въ 1666 г., хотя и значится въ этомъ „дѣлѣ“ подъ 1666 г., а въ 1660 г., какъ это видно изъ Епифаніева свидѣтельства. Объ этой выпискѣ—рѣчь будетъ ниже.

гласитъ: „Аще достоинъ, да литоргисуютъ, аще же ни, да не отрицаются, но яко осужденныи да отходятъ.“ Примѣры изъ исторіи церкви восточной вполнѣ подтверждаютъ это. Ѳеодолъ, епископъ Макрійскій, Евстафій, епископъ Памфилійскій, и іерей Віаноръ, хотя отреклись—первые два отъ епископства, а послѣдній отъ іерейства,—однако не были лишены прежняго своего сана.

Въ-третьихъ, должно замѣтить, что епископы не могутъ низложить епископа безъ перваго ихъ епископа, какъ ясно говоритъ 9-ое правило Антіохійскаго собора: „безъ перваго изъ епископа, да ничтоже творятъ епископы.“ Да и какъ смогутъ низложить митрополиты патріарха или его экзарха? Не подобаетъ сыну лишать чести своего отца.“ Вѣроятно въ полемикѣ съ Епифаніемъ въ свою защиту Греки ссылались на слова Матѳея Властаря: „кто оставилъ епископство, тотъ уже не епископъ, а слѣдовательно и не архіерей.“ Это положеніе Епифаній неотразимо опровергаетъ, очень тонко устанавливая различіе между епископствомъ и архіерействомъ. „На это положеніе Матѳея—говоритъ онъ—я такъ отвѣчаю: епископство и архіерейство—не одно и то-же. Во-первыхъ, всякій епископъ есть архіерей, но не всякій архіерей есть епископъ. Патріархъ есть архіерей, но не епископъ, потому что онъ—патріархъ; во-вторыхъ, по власти епископъ, архіепископъ, митрополитъ и патріархъ не равны: первые три должны подчиняться послѣднему; по архіерейству же всѣ они вполнѣ равны: епископъ есть такой-же архіерей, какъ и архіепископъ, митрополитъ и патріархъ. Въ-третьихъ, епископствомъ означаются права власти, а архіерействомъ права священнодѣйствія: запрещеніе, отлученіе отъ общенія, низложеніе—все это право епископства, а священнодѣйствіе-же и посвященіе во діакона и іерея—право архіерейства. Такъ что архіерей можетъ отречься епископства и сопряженныхъ съ нимъ дѣлъ, и въ то-же время сохранить за собой архіерейство и архіерейскія права (священнодѣйствіе).

Кромѣ того, положеніе Матѳеево—неблагословно и весьма не твердо потому еще, что не подтверждается ни однимъ правиломъ или дѣяніемъ соборнымъ. Въ виду послѣдняго обстоятельства я изъ Матѳеевой книги принимаю только то, что согласно съ правилами св. отцовъ, а что несогласно, того не принимаю."

Такъ опровергъ Епифаній Славинецкій тѣ положенія, на которыхъ было обосновано соборное опредѣленіе 27 февраля. Зная, какъ враждебно были настроены къ Никону очень многіе изъ членовъ собора, Епифаній счелъ нужнымъ приложить еще просьбу къ царю и собору о томъ, чтобы царь и отцы собора, въ подражаніе Ефесскому собору, человѣколюбиво отнесшемуся къ епископу Памфилійскому Евстафію, явили снисхожденіе и человѣколюбіе въ отношеніи къ Никону, потому что хотя Никонъ, какъ человѣкъ, погрѣшилъ во внѣшнихъ дѣлахъ и своемъ отреченіи, но въ догматахъ православной вѣры былъ благочестивѣйшій и правый и очень ревностенъ въ апостольскихъ и отеческихъ преданіяхъ Восточной Церкви. „Сего ради, аще отъ престола своего самъ, Никонъ, отринуся, достоинства же священства благоутробіемъ и человѣколюбіемъ святаго твоего царства и святаго собора приличнымъ образомъ да имать священство за нѣкое малое утѣшеніе, якоже повелитъ твое царство, и да не явимся тяжки въ томъ, *молимъ* великое твое царство, якоже христіанивѣйшему и кротчайшему и благоутробнѣйшему царю, съ дерзновеніемъ пишемъ." [1]) Такъ заканчивается эта просьба.

---

[1]) Ibidem № 64. Здѣсь эта просьба озаглавлена такъ: „мнѣніе, *неизвѣстно кѣмъ поданное* царю и собору о томъ, что Никонъ не долженъ быть лишенъ священства." Мы признали авторомъ этого мнѣнія Епифанія, и вотъ по какимъ основаніямъ: во-первыхъ, дѣло объ Евстафіи Памфилійскомъ изложено въ просьбѣ въ такомъ же освѣщеніи и толкованіи, какъ и въ сказкѣ Епифанія; во-вторыхъ, о Никонѣ говорится въ очень почтительныхъ и теплыхъ выраженіяхъ; въ-третьихъ, у другихъ постороннихъ лицъ едва-ли могли быть побужденія ходатайствовать передъ царемъ и соборомъ о снисхожденіи

Кромѣ изложенныхъ документовъ, какъ мы сказали выше, Епифаній представилъ собору выборку изъ церковной византійской исторіи случаевъ, аналогичныхъ съ подлежащимъ соборному разсмотрѣнію [1]).

Этотъ документъ, какъ видно изъ словъ самаго Епифанія, былъ написанъ „по благощасливому пресвѣтлого царскаго величества повелѣнію.“ [2]) Выписка дѣлится на шесть рубрикъ:

а) „патріархи самоволно престолъ свой оставльшіи и паки не возвратившіися на престолъ свой;

б) патріархи, самоволно оставльшіи престолъ свой и паки возвращенныи на престолъ свой;

в) Архіерее самоволно архіерейства отрекшеися и паки архіерейства сподобльшеися;

г) патріарху самоволно престолъ свой оставлшу, инъ патріарха поставляетца;

д) епископу самоволно престолъ оставлшу, живу сущу, инъ епископъ поставляетца;

и е) патріархъ, самоволно точію убо престолъ свой оставивъ, архіерейства-же не отрекся, архіерейская дѣйствуетъ.“

Подъ каждой рубрикой приводятся соотвѣтствующіе факты, при чемъ указывается, гдѣ объ этомъ можно найти свидѣтель-

---

къ Никону, и въ-четвертыхъ, наконецъ, не всякій посторонній человѣкъ могъ обратиться съ подобной просьбой къ царю, который самъ являлся обвинителемъ Никона и въ угоду которому всѣ старались быть обвинителями, а не защитниками. Это могъ сдѣлать человѣкъ, помимо нужныхъ для этого душевныхъ качествъ, пользовавшійся авторитетомъ и расположеніемъ, что можно съ несомнѣнностью сказать про Епифанія. Въ этомъ документѣ есть нѣкоторое отличіе отъ предыдущихъ трехъ. Тамъ рѣчь ведется отъ одного лица, отъ самого Епифанія, и употребляются выраженія: „*мню*“, *моему дебелому уму недостижимо*“ и др. въ этомъ родѣ. Здѣсь рѣчь ведется отъ лица нѣсколькихъ: „*молимъ*“, „*пишемъ*“. Вѣроятно, подъ этой просьбой подписано нѣсколько лицъ, сочувствовавшихъ во главѣ съ Епифаніемъ Никону.

[1]) Ibidem № 52.

[2]) Ibidem № 26, стр. 91.

ства. Перечислены слѣдующіе іерархи: Константинопольскіе патріархи: Григорій Богословъ, Григорій Мамма, Іоаннъ, Трифонъ, Геннадій Схоларій, Митрофанъ, Пирръ, Діонисій, Кипрскій архіепископъ Николай Музолонъ и епископы: Ѳеодулъ макрскій и Евстафій памфилійскій. Процитованы—первая и четвертая книги Арменопула, церковныя исторіи—Мануила Малакса и Георгія Пахимера, и гражданская исторія Ѳеодосія Зыгомаха, протонотарія константинопольской патріархіи.

Такъ защищалъ Никона Епифаній Славинецкій. Убѣжденныя рѣчи Епифанія вызвали со стороны Грековъ объяснительную записку, поданную ими царю Алексѣю Михайловичу [1]). Но довольно сравнить эту ихъ записку съ Епифаніевымъ разборомъ соборнаго (27 февр.) опредѣленія, чтобы видѣть, какъ слабо они защищались. Прежде всего, замѣчательно то, что они совсѣмъ молчатъ о прибавкѣ къ 16-му правилу двукратнаго собора словъ: „безумно есть епископства отрещися, держати-жъ священство“, какъ будто о нихъ раньше ничего и не говорилось, вслѣдствіе чего получается такое впечатлѣніе, что они молчаливо признали себя виновными въ искаженіи правила.

Преимущественное вниманіе въ своей запискѣ они обратили теперь на то, чтобы подорвать, или по крайней мѣрѣ ослабить впечатлѣніе отъ Епифаніевой выписки. Такъ какъ единственный выводъ изъ нея былъ тотъ, что никто и никогда не думалъ считать чуждымъ чести и архіерейства отрекшихся іерарховъ, то греки усиливались доказать неприложимость этихъ примѣровъ къ Никону. Они утверждали, что греческіе іерархи оставляли свои престолы, убѣгая отъ насилій турокъ, чего съ Никономъ въ православномъ государствѣ, да еще при

---

1) См. „Дѣло“ № 21, стр. 73—77: „Переводъ съ греческаго письма о томъ, что не слѣдуетъ въ Россіи руководствоваться существующимъ въ Восточной церкви обыкновеніемъ давать въ управленіе лишившимся отъ гоненія турокъ престоловъ патріаршихъ низшія ерархіи, съ правомъ присутствованія на соборахъ.“ Переводъ сдѣланъ послѣ марта. Слѣдовательно, „выписка изъ византійской исторіи“ была сдѣлана Епифаніемъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1660 года.

такомъ благочестивомъ царѣ, какъ Алексѣй Михайловичъ, никогда не могло быть. Чтобы видѣть всю слабость ихъ опроверженія, нужно замѣтить, что изъ приведенныхъ Епифаніемъ одиннадцати іерарховъ только одинъ (Григорій Мамма) дѣйствительно оставилъ Константинополь по боязни подвергнуться истязаніямъ турокъ.

Эта записка грековъ—нужно думать—не имѣла никакого вліянія на царя, тогда какъ представленія Епифанія оказали свое дѣйствіе. Актъ соборнаго опредѣленія былъ составленъ не въ томъ смыслѣ, какъ предполагалось раньше: о лишеніи Никона священства въ немъ ничего не говорится; все сводится къ тому, что вмѣсто благоговѣйнаго Никона „иному святѣйшему патріарху московскому, въ велію православныя церкве Россійскія ползу благоспѣшно избранну . . . . . и на престолъ патріаршескій возведену быти, праведно, благополезно и правильно“ [1]). Такая формулировка соборнаго опредѣленія можетъ быть объяснена только тѣмъ, что составленіе соборнаго акта во второй редакціи принадлежитъ Епифанію Славинецкому [2]). Послѣ этого соборнаго опредѣленія обстоятельства сильно измѣнились. Взаимныя отношенія царя и отрѣшоннаго патріарха обострились до крайности. Раздраженіе съ обѣихъ сторонъ росло, и дѣлу патр. Никона не суждено было окончиться соборнымъ опредѣленіемъ 14 авг. 1660 года. Оно было подвергнуто новому соборному разсмотрѣнію въ 1666 г. уже въ присутствіи патріарховъ Паисія

---

[1]) Ibidem № 27, стр. 107.

[2]) Это видно изъ словъ самого Славинецкаго: „бысть пресвѣтлаго величества вашего царскаго повелѣніе, да азъ слово соборное составлю“ (См. Дѣло. № 26, стр. 90). Въ исторіи рус. Церкви, т. XII, митр. Макарія приводится свидѣтельство, что соборное дѣяніе составлено Епифаніемъ. На стр. 356, прим. 229 читаемъ: „въ СПБ. государств. архивѣ есть два списка дѣяній этого собора, черновой и бѣловой. Въ первомъ есть такая замѣтка: „переводить-бы (грамату съ греческаго) старцу Епифанію (Славинецкому), а Арсенію бы (греку) не переводить.“

алекс. и Макарія антіохійскаго. На этомъ второмъ соборѣ ни опредѣленія прежняго московскаго собора, ни вызванныя этими опредѣленіями возраженія Епифанія не были разсмотрѣны, даже не было обращено никакого вниманія на предложенныя Никономъ въ 1665 г. условія, на которыхъ онъ соглашался навсегда отказаться отъ патріаршества.

Соборъ этотъ больше заботился о томъ, чтобы угодить царю, чѣмъ безпристрастно разсмотрѣть дѣло и произнести справедливый судъ: 12 декабря 1666 г. было прочитано соборное опредѣленіе: „Познавше убо мы, яко Никонъ не Архіерейскія употребляше кротости, но мучительски неправдамъ приложися.. *сотворихомъ его всякаго священнодѣйства чюжда*: но еже бы ему къ тому *не дѣйствовати Архіерейскихъ*. Ибо его совершенно извергохомъ и низложихомъ мы Божіею милостію Патріарси съ омофори и съ епитрахили, со всѣмъ помѣстнымъ Преосвященнымъ соборомъ и со греческими прилучившимися Архіереи, изъявляюще, еже *отъ нынѣ вмѣнятися именоватися простымъ монахомъ* Никону, а не къ тому патріархомъ“ [1]).

Такъ сильно измѣнилось дѣло Никона послѣ собора 1660 г. Возникъ вопросъ, если до 1660 Епифаній такъ горячо, такъ убѣжденно защищалъ Никона, то почему онъ не настаивалъ на своемъ мнѣніи въ то время, когда обстоятельства сильно измѣнились не въ его пользу. Костомаровъ полагаетъ, что причиной этого была скромность монаха. „Вѣрный своему скромному монашескому сану,—говоритъ онъ—Епифаній не сталъ спорить съ сановитыми противниками Никона и воротился къ своему ученому уединенію“ [2]). Едва ли это мнѣніе можетъ быть принято: трудно допустить, чтобы въ этомъ сказалась монашеская скромность. Вѣдь и на соборѣ 1660 г. были сановитые іерархи греческой церкви—митрополитъ и архіепископы. Болѣе близкой къ истинѣ намъ кажется мысль, что Епифаній устранился отъ оффиціальнаго

---

[1]) Ibidem. Дѣянія москов. собора, дѣяніе 14-е, стр. 450.

[2]) Костомаровъ. Рус. Истор. въ жизнеоп. Вып. V, стр. 389.

участія въ дѣлѣ: на соборѣ 1666 г. его имени между присутствующими не встрѣчается; и устранился потому только, что видѣлъ полную безполезность всякой защиты. Но устранившись оффиціально отъ дѣла, Епифаній, какъ искренній, нелицемѣрный другъ [1]), зорко слѣдилъ за всѣми перипетіями Никонова дѣла, и лишь только замѣчалось колебаніе въ пользу Никона, принималъ самое живое, самое дѣятельное участіе. Такъ было въ 1665 г. Въ началѣ этого года отношенія между Алексѣемъ Михайловичемъ и Никономъ улучшились [2]). Никонъ рѣшился однимъ рѣшительнымъ поступкомъ распутать чрезвычайно осложнившееся дѣло и возвратить себѣ патріаршій престолъ: 18 дек. онъ внезапно явился въ Успенскій соборъ, гдѣ, вѣроятно, предполагалъ снова принять бразды патріаршаго управленія русской церковью. Послѣ того, какъ эта попытка окончилась неудачей, Никонъ понялъ, что ему едва-ли удастся удержать за собой патріаршій престолъ и сталъ предлагать условія, на которыхъ онъ согласенъ рѣшительно навсегда отречься отъ патріаршества.

14 янв. 1665 г. онъ представилъ и письменное изложеніе этихъ условій. По поводу этого письма былъ созванъ соборъ, на которомъ были разсматриваемы Никоновы условія. Въ это-то время Епифаній снова принялъ самое дѣятельное участіе въ дѣлѣ. Составленіе проекта въ 1666 г. этихъ соборныхъ опредѣленій, нужно думать, принадлежитъ ему. Проф. Н. И. Субботинъ приводитъ слѣдующія основанія, по которымъ составленіе предположительныхъ соборныхъ опредѣленій должно быть приписано Епифанію: 1) основательность и глубокое знаніе церковныхъ правилъ, подобранныхъ здѣсь; 2) почтительность,

---

[1]) Греки писали царю (послѣ подачи Епифаніева опроверженія соборнаго рѣшенія 1660 г.): „суть нѣцыи или дружбою носими прежнего патр. Никона, или не разумѣюще добрѣ разумѣваемо правилъ, скорбятся о извержении его.“ См. „Дѣло о Никонѣ“ № 21, стр. 72. Этою фразою греки хотѣли подорвать значеніе Епифаніевой защиты, выводя ее изъ побужденій дружбы.

[2]) См. Субботина. Дѣло патр. Никона, стр. 88 и слѣд.

съ какою говорится о патр. Никонѣ, и 3) сходство содержанія статей съ представленнымъ на соборѣ 1660 г. мнѣніемъ Епифанія объ избраніи преемника Никону и о правахъ послѣдняго по отреченіи. Кромѣ этихъ основаній Субботинъ приводитъ еще одно, именно: наличность между статьями чернового списка такого рода замѣтки: „сказываютъ, что Иверскій монастырь написанъ уже въ степени,—*провѣдалъ Іаковъ*". По объясненію Субботина здѣсь разумѣется „черный попъ Іаковъ, по прозванію философъ"—одинъ изъ сотрудниковъ Епифанія въ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ [1]). Но это основаніе не можетъ имѣть никакого значенія. Дѣло въ томъ, что замѣтка эта въ послѣдней части своей читается не такъ, какъ приведена у г. Субботина: „Сказываютъ, что и Иверскій монастырь написанъ уже въ степени. *Провѣдать, тако-ли?*" [2]). Такимъ образомъ, ни о какомъ Іаковѣ нѣтъ упоминанія здѣсь, а потому и соображеніе Н. И. Субботина теряетъ свое значеніе.

Проектъ соборныхъ опредѣленій по поводу Никоновыхъ условій заключаетъ въ себѣ 34 статьи [3]). Изъ нихъ мы приведемъ только тѣ, которыя по содержанію напоминаютъ опредѣленія собора 1660 г.; таковы—21 статья: „Священный соборъ изгласи: Благочестивый царь пожалуетъ и святѣйшій патріархъ настоящій благословитъ, и мы повелѣваемъ, и царскій синклитъ не возбраняетъ *христіаномъ къ нему приходити* (за благословеніемъ); ст. 23: „отнынѣ лѣта 7173, генваря съ 14 дня писатися ему въ началѣ своихъ грамотъ, посылаемыхъ отъ него: смиренный Никонъ, Божіею милостію *патріархъ*.

---

[1]) Субботинъ. Дѣло патр. Никона, стр. 118, прим. 2-е.

[2]) См. Дѣло о Никонѣ, издан. археграф. коммис. № 43, стр. 233.

[3]) Что это черновой оригиналъ, видно, во 1-хъ, изъ того, что никакихъ подписей подъ нимъ нѣтъ, и во 2-хъ, что въ немъ между статьями находятся различныя замѣтки, напр. послѣ 4-й ст.: Пристойно-ли Сардикійскаго собора правило 10-е, листъ 111, здѣ написати,—изволите сказати»; немного ниже: «Есть-ли правила или иное какое писаніе о томъ, что сослужителемъ именовати» и мн. др.

Священный соборъ присуди сему по воли его тако быти;" ст. 26: „священный соборъ святѣйшему Никону патріарху *засѣдати подъ настоящимъ патріархомъ* Московскимъ *превыше* митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ повелѣ (егда прилучится Никону духовныя ради ползы на соборъ пріити) [1]). Эти предположительныя соборныя опредѣленія вослѣдствіи не были приняты во вниманіе, но въ этомъ, конечно, не вина Епифанія. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлѣ съ цѣлію облегчить участь Никона. Впрочемъ, должно сказать, что въ Епифаніевой защитѣ Никона проявилось не только расположеніе друга, но и безпристрастіе убѣжденнаго защитника истины, какъ это можно видѣть изъ другихъ статей того-же проекта.

Глава V.

Заботы Московскаго правительства о насажденіи въ Москвѣ «риторическаго ученія». Школы въ Москвѣ во второй половинѣ XVII вѣка. Былъ-ли Епифаній Славинецкій учителемъ Ртищевской школы? Словено-греко-латинскій Лексиконъ. Школа Арсенія Грека. Существовала ли Чудовская школа? Былъ-ли Епифаній ея начальникомъ?

—

Борьба Епифанія съ латинскимъ направленіемъ въ Москвѣ. Трактатъ объ иконописаніи. Его «разглагольство» съ Симеономъ Полоцкимъ о времени пресуществленія Св. Даровъ. Характеристика на основаніи «разглагольства» діалектическихъ пріемовъ Полоцкаго и Славинецкаго. Ихъ взаимныя отношенія.

—

Послѣдній трудъ Епифанія Славинецкаго. Его сотрудники. Источники и пособія. Смерть Епифанія.

Во второй половинѣ XVII в. высшимъ передовымъ обществомъ Москвы ясно была сознана несостоятельность предшествующей умственной жизни: развалившіяся государственныя

---

[1]) «Дѣло о патр. Никонѣ, № 43.

потребности на каждомъ шагу давали чувствовать это. За этимъ первымъ шагомъ необходимо долженъ былъ наступить второй—сознаніе необходимости научнаго образованія. Естественнымъ результатомъ этого сознанія являются хлопоты Московскаго правительства объ устройствѣ въ Москвѣ школы. Восточные патріархи этого времени, прекрасно освѣдомленные съ положеніемъ дѣлъ въ Москвѣ, охотно шли на встрѣчу назрѣвшей потребности. Они не только указывали (какъ и раньше неоднократно) Московскимъ царямъ на необходимость завести въ Москвѣ греческую школу, но и предлагали свои услуги въ отысканіи „учительныхъ и честныхъ мужей", которые-бы могли и „переводити (царю) греческіе книги на славенскій языкъ и учити на учителномъ дворѣ малыхъ робятъ греческаго языку и грамоте" [1]). Вѣроятно, и кіевск. митрополитъ Петръ Могила провѣдалъ о сознанной въ Москѣ потребности имѣть научно-образованныхъ людей, когда предлагалъ (въ 1640 г.) царю Михаилу Ѳеодоровичу прислать въ Москву кіевскихъ старцевъ, которые-бы жили въ особомъ монастырѣ и обучали русскихъ юношей.

Это сознаніе въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XVII вѣка было еще достояніемъ только правительства да немногихъ лицъ изъ высшаго сословія. Поэтому отъ царя не послѣдовало никакого рѣшенія на предложеніе Петра Могилы. Но нужно думать, что эта мысль очень занимала правительство, которое рѣшило въ видѣ опыта предоставить вызовъ кіевскихъ старцевъ почину частныхъ лицъ. На частныя средства—и, конечно, съ согласія и одобренія царя—былъ устроенъ близъ Воробьевыхъ горъ Преображенскій монастырь при церкви Андрея Стратилата. Въ промежуткѣ между 1645 и 1647 годами вызвано было туда до тридцати иноковъ изъ Кіевской лавры, Межигорскаго монастыря и др. [2]). Предоставивъ почину частнаго лица завести въ Москвѣ ри-

---

[1]) Бѣлокуровъ. Адамъ Олеарій о греко-латинской школѣ... стр. 23. (М. Г. А. М. И. Д. Греческія дѣла. Книга 15, дѣло № 2).

[2]) Малорос. Дѣла. Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Д. 1651 г., св. 5, №№ 11, 12, 13 и 17.

торическое ученіе, правительство съ своей стороны озаботилось около половины XVII вѣка проведеніемъ въ сознаніе общества своей мысли; оно начало пропагандировать путемъ печатнаго станка. Въ 1648 г. вышла изъ печати славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго. Въ ней было помѣщено чрезвычайно любопытное по своему содержанію предисловіе, главной задачей котораго было раскрыть необходимость научнаго образованія. Примѣрами знаменитѣйшихъ отцевъ церкви—Аѳанасія Великаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста и Іоанна Дамаскина, изучившихъ грамматику, философію, риторику, землемѣріе и астрономію—доказывается необходимость широкаго богословскаго образованія. „Не знающій грамматики—говорится въ этомъ предисловіи,—и въ писаніяхъ покушаяся изслѣдити, аще и зѣло преимѣя разумомъ будетъ, всячески погрѣшити имать: како бо кому взыти возможно на послѣднія степени, первыхъ не причащшуся; или како разрѣшити возможно въ писаніяхъ обрѣтаемыя творческія силлогизмы, паче же писати и читати и глаголати добрѣ, аще не сей, кто первѣе пріобщится?“ [1]). Въ немъ даже доказывается необходимость „внѣшняго (т. е. свѣтскаго) образованія и выдвигается совершенно новый для того времени принципъ, именно—критическое отношеніе къ области изучаемаго: „восхотѣвши смыслити о небеси и о прочихъ тварехъ, мы о сихъ добрѣ разумѣвающе, елика потребна къ животу и наслажденію сія плодствимъ, елика же враждающая—отметаемъ“ [2]). Несомнѣнно, это былъ крупный шагъ въ культурной исторіи Московскаго государства. Несомнѣнно также, что въ средѣ Московскаго общества подъ вліяніемъ отчасти Ртищевскаго братства, а отчасти правительственной пропаганды—уже порядочно насчитывалось лицъ съ такимъ убѣжденіемъ. Около этого времени въ Московскомъ обществѣ сталъ распространяться обычай частнаго келейнаго обученія. Не только въ монашествѣ,

---

[1]) Каптеровъ. Патр. Никонъ, какъ церковн. реформ. и его противн. Прав. Обозр., 1887 г., т. I, стр. 765.

[2]) Ibidem.

гдѣ желали себѣ обезпечить быстрое движеніе по ступенямъ іерархической лѣстницы (о многихъ епископахъ и архіепископахъ того времени извѣстно, что они знали греческій языкъ, хотя школьнаго обученія не проходили,—напр., архіепископъ Афанасій Холмогорскій); но среди свѣтскихъ лицъ многіе частно обучались греческому или латинскому языку. „Какъ де былъ на Москвѣ"—говорилъ въ 1650 г. Степанъ Олябьевъ, одинъ изъ числа искавшихъ греческаго ученія, „Арсеній грекъ, котораго въ это время сослали въ Соловки, и онъ, Степанъ, хотѣлъ было учитца по латыни" (Бѣлокуровъ. Адамъ Олеарій о греко-латинской школѣ. Стр. 39). Поэтому правительство смѣлѣе и увѣреннѣе дѣйствуетъ въ этомъ направленіи.

Естественнымъ слѣдствіемъ такихъ просвѣтительныхъ стремленій Московскаго правительства и лучшей части общества должно было быть возникновеніе въ началѣ второй половины XVII вѣка школъ.

Въ обширной русской исторической литературѣ по этому вопросу признается существованіе четырехъ школъ во второй половинѣ XVII вѣка: Ртищевской Андреевской, основанной въ 1645—47 годахъ, греко-латинской школы Арсенія грека, основанной патріархомъ Никономъ въ 1653 году, Чудовской школы и Спасской. Мы будемъ говорить только о первыхъ трехъ, такъ какъ если могъ имѣть какое-либо соприкосновеніе съ школами того времени Епифаній Славинецкій, то только съ этими тремя, какъ однородными по своему направленію (греческому), тому направленію, которому такъ симпатизировалъ Славинецкій. Начнемъ по порядку. Итакъ, существовала-ли школа Андреевская и, если существовала, то причастенъ-ли былъ къ ней Славинецкій?

Одни ученые, касавшіеся этого вопроса, отвѣчаютъ на него утвердительно,—что Андреевская школа существовала и что Епифаній былъ ея руководителемъ [1]); другіе, признавая су-

---

[1]) М. Евгеній. Словарь Истор. I, 173; Костомаровъ. Русская Исторія въ жизнеоп., в. V, стр. 388; Горскій. О духов. школахъ въ

ществованіе школы, отрицаютъ участіе въ ней Епифанія [1]); наконецъ, Н. Ѳ. Каптеревъ совершенно отрицаетъ существованіе Андреевской школы, а слѣдовательно и учительство въ ней Епифанія (Прибавленіе къ Твор. св. отцевъ, 1889 г., ч. 44, стр. 613—615). Разсмотримъ всѣ эти мнѣнія. Такъ какъ первое изъ нихъ утверждается главнымъ образомъ на свидѣтельствѣ—„Житія милостиваго мужа Ѳ. М. Ртищева", то для опредѣленія его научной цѣнности обратимся къ анализу этого „Житія". „Призва (Ртищевъ) отъ Кіева,—гласитъ она—изъ святыя лавры Печерскія Священномонаха Епифанія, мужа мудраго, и въ языцѣ Славенскомъ и Греческаго и во иныхъ изящнаго, къ сему же и другихъ иноковъ во ученіи грамматики Славенской и Греческой, даже до риторики и философіи, хотящимъ тому ученію внимати. И за его благимъ потщаніемъ тіи иноци отъ греческаго языка на Славенскій многія душеполезныя книги преведоша. Епифаній же, за его же (т. е. Ѳеодора Михайловича) прошеніемъ, многимъ трудомъ и тщаніемъ сочини книгу Лексиконъ, реченій языка Словенска и Греческа, и со инѣми языки, въ наученіе и во уразумѣніе учащимся потребный" [2]).

Такимъ образомъ, здѣсь отмѣчены слѣдующія черты:

а) Епифанія призвалъ въ Москву Ртищевъ;

б) призвалъ изъ Кіево-Печерской лавры,

в) „для хотящихъ тому ученію (т. е. грамматикѣ Славенской и риторики и даже философіи) внимати";

Москвѣ XVII в. Прибавленіе къ твор. св. отцевъ, 1845 г., стр. 157; Мирковичъ. О школахъ и просв. въ патр. періодъ. Журналъ Министерства Народн. Просв., 1878 г. іюль, стр. 8. Всѣ они основываются на показаніи Житія Милостив. мужа Ѳеодора Ртищева (Древ. Рос. Вивліоѳика, ч. XVIII, стр. 401) и на свидѣтельствѣ Крижанича, который въ книгѣ о Крещеніи причисляетъ къ отцамъ Андреевскаго монастыря и Епифанія Славинецкаго. См. Опис. Слав. ркп. Гор. и Нев. II, 3, № 284, л. 64 об.

[1]) Сторожевъ. Къ истор. Рус. просв. XVII в. Кіев. Стар. 1889 г. т. XXVII, стр. 341.

[2]) Древн. Росс. Вивліоѳ. ч. XVIII, стр. 401.

и г) по просьбѣ Ртищева Епифаній составилъ Славено-Греко-Латинскій Лексиконъ („реченій Славенска и Греческа и со всѣми языки“) „во уразумѣніе учащимся потребный“.

Невѣрность первыхъ двухъ показаній уже была нами раскрыта: мы выше упоминали, что Епифаній прибылъ въ Москву по вызову правительственному, а не частному, и не изъ Кіево-Печерской Лавры, а изъ Братскаго монастыря.

Если прослѣдимъ жизнь Епифанія въ Москвѣ, то съ логической необходимостью придемъ къ признанію ложности и третьяго положенія.

По прибытіи въ Москву, какъ мы уже знаемъ, Епифаній остановился не въ Андреевск. монастырѣ, а, согласно Государеву указу, сообщенному ему еще въ Путивлѣ воеводою Плещеевымъ, на дворѣ посольскаго приказа, гдѣ думный дьякъ Волошениновъ отвелъ для него и прибывшихъ съ нимъ временное помѣщеніе [1]). Послѣ представленія государю было указано ему постоянное мѣсто жительства опять таки на томъ же дворѣ посольскаго приказа [2]). Равнымъ образомъ, жалованье шло не отъ Ртищева, а изъ Приказу Большаго дворца [3]).

Находясь въ вѣдѣніи Посольскаго Приказа, Епифаній, Арсеній и Ѳеодосій обращаются съ просьбой объ отпускѣ ихъ въ Троицкую лавру на богомолье не къ боярину Ртищеву, а чрезъ дворецкаго князя Алексѣя Михайловича Львова, завѣдывавшаго тогда посольскимъ Приказомъ и Печатнымъ дворомъ [4]), къ царю Алексѣю Михайловичу [5]). Если прослѣдимъ челобитныя Епифанія и „памяти“ государя о немъ, то увидимъ, что онъ все время получалъ жалованье изъ „Приказа Большого Прихода“, что, слѣдовательно, все время состоялъ въ вѣдѣніи Посольскаго Приказа: „163 г. мая 29 дня въ *Большой Приходъ*, давати киевскимъ

---

[1]) Малорос. Дѣла. 1649 г., св. 4, № 4, л. 4.

[2]) Ibidem, л. 45.

[3]) Ibidem, л. 7.

[4]) Румянцевъ. Древн. Здан. Московск. Печат. Двора. Примѣч. 66 и 69.

[5]) Малорос. Дѣла. Св. 4, 1649 г., д. № 4, л. 43.

старцомъ Епиѳанію да Дамаскину (Птицкому) мая съ 28 числа по возу дровъ на недѣлю [1]); Челобитная Епифанія:... „По твоему великаго государя указу давано мнѣ богомолцу твоему изъ *Большого Приходу* поденной кормъ помѣсячно...“ [2]) Даже послѣ перехода Епифанія на житье въ Чудовъ монастырь, онъ по прежнему состоитъ въ вѣдѣніи Посольскаго приказа и по прежнему жалованье получаетъ изъ Прихода Большого Дворца [3]). Такимъ образомъ, Епифаній совсѣмъ не жилъ въ Андреевскомъ братствѣ и потому не могъ состоять начальникомъ тамошней школы. Это, конечно, не исключаетъ возможности близкихъ отношеній къ инокамъ того монастыря, тѣмъ болѣе, что тамъ жили его земляки. Вполнѣ возможно, что къ нему обращались за разъясненіями разныхъ недоумѣній, встрѣчавшихся при переводческой дѣятельности иноковъ Андреевскаго монастыря.

Къ нему, какъ къ филологу, заявившему уже себя въ этой области еще въ Кіевѣ, могъ обратиться съ просьбой о составленіи словаря и Ѳ. М. Ртищевъ [4]). Такимъ образомъ, Епифаній могъ имѣть и, вѣроятнѣе всего, имѣлъ частныя связи и сношенія съ Ртищевской школой—монастыремъ, могъ помогать своими совѣтами и указаніями, но учителемъ ея или начальникомъ онъ не состоялъ.

Н. Ѳ. Каптеревъ, какъ мы уже упомянули, отрицаетъ существованіе самой школы, а, слѣдовательно, возможность какихъ-либо связей съ нею. Приведя свидѣтельство о ней изъ привилегіи на Академію изъ „Житія“, онъ, затѣмъ, продолжаетъ: „при-

---

[1]) Ibidem, св. 10., 1655 г., д. № 3, л. 8.

[2]) Ibid., св. 15, 1658 г., д. № 19.

[3]) Ibidem, св. 25, 1667 г., д. № 12; св. 29, 1669 г., д. № 24; св. 34, 1671 г., д. № 13.

[4]) Составлять свой Словено-Греко-Латинскій Лексиконъ Епифаній началъ, можно предполагать, въ 1664 г., такъ какъ Греко-латинскій лексиконъ Іоанна Скопулы, которымъ онъ пользовался въ качествѣ пособія, имѣлся у него въ изданіи 1663 г. (Брайловскій. Филологическіе труды Епифанія Славинецкаго. Рус. Филол. Вѣстн. 1890 г. т. XXIII, стр. 244. прим.).

веденныя извѣстія говорятъ только, что при основаніи Андреевскаго монастыря и заселеніи его образованными иноками изъ разныхъ малороссійскихъ монастырей, имѣлось въ виду между прочимъ русскимъ, „хотящимъ ученію внимати“, дать возможность поучиться у кіевлянъ способнымъ наукамъ; но вовсе не говорится того, чтобы въ Андреевскомъ монастырѣ дѣйствительно была греческая или греко-латинская школа, въ которой-бы русскіе люди дѣйствительно обучались у кіевлянъ разнымъ наукамъ“.

Но трудно согласиться съ этими словами. Если изъ словъ „Житія“: „хотящимъ ученію внимати“—не видно, чтобы это хотѣніе было приведено въ исполненіе, чтобы намѣреніе учиться было осуществлено, то слова того-же „Житія“, что Лексиконъ былъ потребенъ „въ наученіи и уразумѣніи *учащимся*“ прямо указываютъ, что не только *имѣлось* въ виду учить, но и на самомъ дѣлѣ учили желающихъ внимать ученію. Въ самомъ дѣлѣ, если въ Словарѣ была потребность, то необходимо предположить существованіе лицъ, ощутившихъ эту потребность. А что въ Словарѣ нуждались не только переводчики, но главнымъ образомъ учащіеся, на это указываетъ прямой, непосредственный смыслъ свидѣтельства: „въ наученіе и во уразумѣніе *учащимся* потребный (Словарь)“. Конечно, если-бы мы имѣли только одно историческое свидѣтельство „Житія“, къ показаніямъ котораго нужно относиться съ большой осторожностію, то нельзя было-бы дѣлать такого вывода, какъ мы сдѣлали. Но мы имѣемъ, кромѣ того, несомнѣнныя историческія данныя, свидѣтельствующія о томъ, что въ Ртищевскомъ братствѣ были учащіеся.

Такимъ даннымъ является для насъ слѣдственное дѣло по доносу чернеца Саула, производившееся въ апрѣлѣ 1650 г. [1]). Изъ этого дѣла видно, что въ 1650 году ученики Ртищевской школы—кружка Перфирка Зеркальниковъ да Иванъ Озеровъ поѣхали въ Кіевъ доучиваться у старцевъ—кіевлянъ по-латыни“. Итакъ, мы принимаемъ второе мнѣніе (г. Сторожева), т. е. при-

[1]) М. Макарій. Истор. рус. церкви, т. XI, стр. 134—136.

знаемъ, что школа-монастырь, въ которой учились не малые „робята", а взрослые искатели греческой и латинской мудрости,—*существовала*, но Епифаній начальникомъ или *учителемъ* ея *не былъ*, да и не могъ быть, а частныя сношенія съ нею имѣлъ, какъ это можно думать на основаніи Словено-Греко-Латинскаго Лексикона.

Второю школою, существованіе которой въ пятидесятыхъ годахъ XVII вѣка признается нашей исторической наукой, была греко-латинская школа Арсенія грека. Г. Бѣлокуровъ въ своемъ рефератѣ, читанномъ на VII археологическомъ съѣздѣ, путемъ сопоставленія двухъ изданій (1643 и 1656 г. г.) „Описанія путешествія" Адама Олеарія, основательно доказалъ существованіе этой школы, основанной около 1653 года. Эти соображенія его относительно педагогической дѣятельности Арсенія грека вполнѣ подтверждаются свидѣтельствомъ оффиціальныхъ документовъ того времени. Въ расходной книгѣ патріаршаго приказа № 34, подъ 6 апр. 1653 года имѣется такая, напр., запись: „заплочено за пять стопъ бумаги книжной доброй, которой взято на борисовскій дворъ гречанину старцу Арсенію *для училища дѣтемъ*, по рублю 13 алт. 2 деньги за стопу, всего 7 рублей [1]). Трудно рѣшить вопросъ, была-ли эта школа основана въ Чудовскомъ монастырѣ, или гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ? Бѣлокуровъ склоненъ, кажется, думать, что она учреждена на патріаршемъ дворѣ, а проф. Николаевскій,—что въ Чудовомъ монастырѣ.

Уже самое названіе школы именемъ Арсенія грека указываетъ на то, что главнымъ учителемъ ея былъ онъ, а не Епифаній.

Третья школа—Чудовская. Всѣ изслѣдователи, за исключеніемъ одного только Н. Ѳ. Каптерева (вышеупомянутая статья его), существованіе Чудовской, иначе патріаршей, школы, считаютъ несомнѣннымъ историческимъ фактомъ [2]).

---

[1]) Николаевскій. Моск. Печ. Дворъ при патр. Никонѣ. Христ. Чтен. 1891 г., ч. II, стр. 173, примѣч. 1.

[2]) Филаретъ. Обз. дух. лит. § 223; Булгаковъ. Истор. Кіевск. Акад., стр. 34; Горскій. О дух. школ., Приб. къ Твор. св. отцевъ,

Всѣ они полагаютъ, что учительствовалъ въ ней Епифаній Славинецій [1]). Въ пользу такого мнѣнія говоритъ свидѣтельство Ѳеодора Поликарпова въ приписке къ филологическому Словарю Епифанія: ...„подарилъ сію премудрую книгу, творенія и рукъ самыя трудъ богомудраго отца Епифанія Славинецкаго, *ученика его*, пречестный отецъ Евфимій [2]). На основаніи этого свидѣтельства можно думать, что учениками ея состояли не „малые робята“, а взрослые люди, желавшіе научиться греческой и латинской грамотѣ, риторикѣ и, быть можетъ, другимъ наукамъ. Неотложныя нужды тогдашняго московскаго правительства, заставлявшія его преслѣдовать во всѣхъ своихъ начинаніяхъ прежде

1845 г. стр. 157; Аскоченскій, Кіевъ съ древн. учил. I, стр. 161; Костомаровъ. Рус. Истор. въ Жизнеоп., в. V, стр. 388; Мирковичъ. О школ. и просв. въ патр. періодъ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1878 г., ч. 198, стр. 9; проф. Шевницкій. Тр. Кіевск. Дух. Акад., 1861 г., т. 2, стр. 409; Сторожевъ. Кіевск. Стар. 1889 г., т. XXVII, стр. 341; Майковъ. Очерки изъ истор. рус. лит. XVII и XVIII в. в., стр. 18 и 51; проф. Николаевскій. Моск. Печ. Дворъ. Христ. Чтен. 1891 г. II, стр. 174, прим. Почти всѣ указанные авторы не приводятъ данныхъ, на которыхъ они обосновываютъ свое мнѣніе; повидимому они повторяютъ мнѣніе Филарета, и только А. В. Горскій и проф. Николаевскій приводятъ свои соображенія въ пользу существованія Чудовской школы. Для А. В. Горскаго такимъ косвеннымъ доказательствомъ является подпись Паисія Лигарида (въ 1666 г.) подъ отвѣтомъ шведскому посланнику Лиліенталю «о вѣрѣ грековъ и Росіянъ относительно св. Евхаристіи», гдѣ сказано, что отвѣтъ сей писалъ «in Alexiano Musaeo». Подъ именемъ музея онъ разумѣетъ училище, названное Алексіевскимъ, или по имени Св. Алексія, въ обители котораго оно было учреждено, или по имени царя. Проф. Николаевскій приводитъ свидѣтельство оффиціальныхъ документовъ (Расх. книга патр. казен. прик. № 43 и 57).

[1]) Впрочемъ проф. Николаевскій, признавая существованіе Чудовской школы, не касается вопроса о томъ, учительствовалъ-ли въ ней Епифаній.

[2]) Ундольскій. Библіограф. разысканія по случаю выхода Описанія Библіот. Общ. Истор. и Древн. Россійск., стр. 100.

всего практическія цѣли, даютъ нѣкоторое подтвержденіе для подобнаго заключенія.

Съ какого же времени начала существовать эта школа и когда, слѣдовательно, Епифаній сталъ въ ней учительствовать?

Помѣщеніе для школы въ новыхъ патріаршихъ палатахъ (эти палаты были соединены съ Чудовымъ монастыремъ особою перекидною аркою; быть можетъ, этимъ только и можно объяснить то, что эта школа безразлично называется то Чудовской, то патріаршей) не было закончено при Никонѣ; съ октября 1657 г. здѣсь только приступили къ постановкѣ печей и затворовъ; 24 марта 1658 г. „поденщики *въ школахъ* чистили *объ палаты* и печи починивали, въ іюнѣ дѣлали мѣста для учениковъ“ [1]). Такимъ образомъ, помѣщеніе для школы готовилось въ половинѣ 1658 года. Если теперь обратимся къ Епифанію, то увидимъ, что именно около этого-же времени онъ перешелъ на жительство изъ Посольскаго подворья въ Чудовъ монастырь. Во всѣхъ государевыхъ памятникахъ и указахъ о немъ до 1657 года не указывается его мѣстожительства; это было излишне, потому что онъ жилъ въ одномъ и томъ же разъ навсегда опредѣленномъ для него мѣстѣ; съ 1657 года, когда говорится о немъ, то всегда прибавляется „что живетъ (который живетъ) въ Чудовомъ монастырѣ“ [2]). Сопоставляя эти два обстоятельства (время перехода Епифанія на житье изъ Посольскаго подворья въ Чудовъ монастырь и приспособленіе патріаршихъ палатъ для школьныхъ надобностей), мы и предполагаемъ, что Епифаній былъ переведенъ въ Чудовъ монастырь въ качествѣ учителя или начальника имѣющагося открыться новаго патріаршаго училища. Можно думать, что эта школа предназначалась къ тому, чтобы удовлетворить на-

---

[1]) См. Николаевскій. Хр. Чтен. 1891 г. II, 174 стр. Здѣсь приведены выдержки изъ расходн. книгъ патр. казен. прик.

[2]) Таковы: Запись расходной книги патр. казен. Приказа, кн. № 41, л. 263; кн. № 43, л. 251; Государевы «памяти» отъ Сентяб. 17-го 1667 г. и 30 сент. 1669 г. (Малороссійскія дѣла, св. 25 и 29, л. № 12 и 24).

сущнымъ потребностямъ Московскаго правительства: если школа Арсенія грека должна была дать необходимый контингентъ справщиковъ, которые бы могли вести дѣло книжной справы соотвѣтственно новымъ требованіямъ, то Чудовская школа должна была дать ученыхъ переводчиковъ, знакомыхъ съ греческой и латинской грамотой, риторикой и другими науками. О томъ, какъ велось обученіе въ этой школѣ, не сохранилось никакихъ извѣстій. Многіе ученые, основываясь на показаніи Сильвестра Медвѣдева, литературнаго врага Евѳиміева, [1]) думаютъ, что въ Чудовской школѣ „преимущественно учили по греческому, и при томъ, не столько по учебному, сколько практически, чрезъ вниканіе въ смыслъ текстовъ и переводы“ [2]). Н. Ѳ. Каптеревъ отрицаетъ существованіе Чудовской школы, а, слѣдовательно, и фактъ учительства въ ней Епифанія. Основанія его слѣдующія.

I. Епифаній Славинецкій въ своемъ поученіи, направленномъ противъ невѣжества, и Паисій Лигаридъ въ опроверженіи Соловецкой челобитной заявляютъ, что невѣжество у насъ погибнетъ тогда, когда пресвѣтлое царское величество „благоволитъ ясному ученію свѣту сіяти и природный разумъ человѣческій просвѣщати“ [3]).

Намъ кажется, что эти слова не отрицаютъ существованія школъ; онѣ могутъ быть поняты какъ жалоба на недостатокъ ихъ. Въ наше время, не смотря на существованіе школъ, во многихъ періодическихъ изданіяхъ можно читать такія же рѣчи,

---

[1]) Медвѣдевъ говорилъ про Евѳиміа, что онъ, «точію нѣчто греческихъ реченій памятствуетъ. И тому нача учитися не младъ и не во училищѣ, но во монастырѣ за медомъ... и со Лексиконовъ нѣкая словеса». (Мирковичъ. О времени пресущ. св. даровъ, стр. 77).

[2]) Мирковичъ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1878 г., ч. 198, стр. 9; Майковъ. Очерки изъ истор. лит. XVII в., стр. 19; Татарскій. Симеонъ Полоцкій, стр. 73; С. Брайловскій. Чт. Общ. люб. дух. просв. 1890 г.; Очерки изъ исторіи Просв. Москов. Руси XVII в., Мартов. ка., стр. 429 и др.

[3]) Прибав. къ Твор. св. Отцевъ, 1889 года, ч. 44, стр. 615—618.

и если бы будущій историкъ, основываясь на подобныхъ жалобахъ, сдѣлалъ выводъ, что школы народныя отсутствовали въ наше время, то, конечно, онъ бы сильно ошибся. Приведенное нами (изъ статьи проф. Николаевскаго) свидѣтельство расходной книги патріаршаго приказа № 34, гдѣ прямо сказано, что закупка писчей бумаги 6 апр. 1653 года была сдѣлана *„для училища дѣтемъ“*, вполнѣ подрываетъ значеніе приведеннаго Н. Ѳ. Каптеревымъ общаго основанія.

II. Второе основаніе, приводимое Каптеревымъ, то, что Епифаній въ своихъ челобитныхъ царю нигдѣ не упоминаетъ о своемъ учительствѣ, хотя о переводческой дѣятельности говоритъ [1]).

И это основаніе далеко не можетъ похвалиться характеромъ непоколебимости, потому что на протяженіи двадцати пяти лѣтъ жизни Епифанія въ Москвѣ сохранилось всего только семь челобитныхъ (1652, 1655, 1661, 1664, 1667, 1669 и 1671 годовъ), и изъ нихъ только въ трехъ Епифаній указываетъ, чѣмъ онъ занимается.

Итакъ, резюмируя все изложенное нами по вопросу о школахъ и педагогической дѣятельности Епифанія, должно сказать, что онъ изъ трехъ школъ, существовавшихъ во второй половинѣ XVII вѣка, по всей вѣроятности учительствовалъ только въ Чудовской.

Кромѣ педагогической дѣятельности, Епифаній очень дѣятельное участіе принималъ въ начинавшейся тогда борьбѣ двухъ направленій—греческаго и латинскаго.

Отсутствіе положительныхъ свидѣтельствъ о характерѣ педагогической дѣятельности восполняется данными, относящимися къ его борьбѣ съ латинскимъ направленіемъ. Въ этой борьбѣ съ наибольшею опредѣленностію выразились его убѣжденія, а слѣдовательно и характеръ его воздѣйствія на современниковъ. Поэтому, мы теперь и обратимся къ ней.

---

[1]) Ibidem, стр. 605—606.

Съ сороковыхъ годовъ XVII вѣка, подъ мощнымъ давленіемъ культурныхъ пріобрѣтеній Запада, началось у насъ на Руси латинское направленіе. Началось оно сперва съ улучшеній чисто житейской обстановки. Съ этой именно стороны, какъ мы упоминали раньше, западная цивилизація снискала себѣ симпатіи въ московскомъ обществѣ: она создала удобства жизни [1]), давала удовольствія, развивала эстетическое чувство [2]), вызвала щеголеватость, роскошь [3]), искусственность потребностей вмѣсто царившей до сихъ поръ простоты. Къ прежнимъ сюжетамъ стѣнописи въ боярскихъ хоромахъ (каковы: символическія изображенія временъ года, „бѣги небесные", лунное теченіе, четыре стихіи и др.) присоединились картины перспективныя и ландшафты [4]). Потѣшные нѣмецкіе листы, гравированные иноземцами на мѣди и деревѣ, шли навстрѣчу пробудившимся эстетическимъ потребностямъ народа и попали на московскій рынокъ, въ овощный рядъ, въ большомъ количествѣ. [5])

Наряду съ этимъ, такъ сказать, непроизвольнымъ всасываніемъ русской жизнью элементовъ западной культуры, шла и намѣренная пропаганда протестантизма, открывшая русскому человѣку новыя точки зрѣнія уже въ области его вѣрованій [6]). Пока западное вліяніе ограничивалось только бытовой, житейской областію и областію знаній свѣтскихъ, такъ называемой внѣшней мудростію, оно не вызывало еще на борьбу Епифанія, признававшаго значеніе западной науки въ этой области (онъ самъ своими переводами свѣтскихъ сочиненій, каковы—напр., космо-

---

[1]) Буслаевъ. Истор. очерки рус. нар. Слов. и искус., стр. 403.

[2]) Масса фактовъ, иллюстрирующихъ это положеніе, собрано въ статьѣ Цвѣтаева „Къ исторіи культуры въ Россіи въ XVI и XVII в. в."

[3]) Русск. госуд. въ половинѣ XVII в.

[4]) Цвѣтаевъ. Къ истор. культ. Россіи въ XVI и XVII в. в., стр. 4.

[5]) Ibidem, стр. 11.

[6]) Соколовъ. Отношеніе протестантизма къ Россіи XVI и XVII в., стр. 71 и слѣд.

графія, анатомія Вессалія Брюссельскаго и др., содѣйствовалъ пересадкѣ ея на русскую почву); но когда, вслѣдъ за этимъ, западное вліяніе стало проникать въ область церковныхъ традицій (иконописаніе) и вѣрованій, то Епифаній Славинецкій вступилъ въ борьбу съ нимъ.

Многихъ русскихъ людей того времени, подъ вліяніемъ протестантовъ, въ обиліи населявшихъ Москву, занимали такіе вопросы, какъ: какая польза отъ молитвъ и благотвореній нашихъ за умершихъ, что намъ помощь въ молитвахъ св. умершихъ и др.[1]).

Славинецкій выступаетъ на защиту этихъ истинъ православной церкви и пишетъ поученія: о молитвѣ за умершихъ[2]) и „чесо ради поминаются святіи“[3]). Въ области иконописанія во время Епифанія въ Москвѣ сильно распространилось подражаніе западнымъ образцамъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ онъ самъ: „не издавна“—говоритъ онъ—„начаша иконописцы съ латинскихъ и лутеранскихъ образцовъ писати всемилостиваго Спаса, Богородицу и святыхъ апостоловъ“[4]). Это обстоятельство побуждаетъ его написать цѣлый трактатъ объ иконописаніи, въ которомъ онъ излагаетъ тѣ начала, какими долженъ руководиться православный иконописецъ въ своемъ занятіи.

Но особенно для насъ важно въ смыслѣ характеристики строго православнаго направленія Епифанія его „разглагольство“ съ Симеономъ Полоцкимъ о времени пресуществленія св. даровъ на литургіи. Это разглагольство является первымъ актомъ той великой борьбы, какая разгорѣлась уже послѣ Епифанія, той

---

[1]) Ibidem., стр. 73.

[2]) „Поученіе о молитвѣ за умершихъ собра и написа чиномъ реторичнымъ, якоже въ потребникахъ напечатано“. Строевъ. Библіогр. Словарь, стр. 255; Гор. и Нев. II, 3, № 256, л. 112—122 и № 257; № 337, л. 279.

[3]) Гор. и Нев. II, 3, № 337, л. 279.

[4]) Рук. Кіево-Печерской Лавры. № 145 (по описс. Петрова 290). Объ иконописаніи стр. 961.

борьбы, поводомъ къ которой былъ вопросъ о времени пресуществленія, но которую въ сущности ея—по справедливому замѣчанію Мирковича—должно разсматривать какъ борьбу двухъ цивилизацій, двухъ міровоззрѣній, двухъ типовъ мышленія.

Уже въ 1667 году во время споровъ католиковъ съ мыслителями Портрояля, католиками были получены письменныя мнѣнія объ этомъ предметѣ Николая Спафарія и митрополита Паисія Лигарида—оба близкія къ католическому ученію. Въ томъ же духѣ отвѣчалъ крестовый священникъ Іоаннъ Іоановъ, бывшій при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ (1668—1669 г).

Въ Москвѣ въ первый разъ вопросъ о времени пресуществленія св. даровъ былъ возбужденъ Симеономъ Полоцкимъ въ 1673 году [1]).

Во дни патріаршества Питирима, всероссійскаго патріарха—разсказываетъ статья объ Епифаніи—по его приглашенію случилось быть Епифанію и Симеону у патріарха, въ его крестовой палатѣ. Когда приходилось Симеону Полоцкому бывать гдѣ-бы то ни-было вмѣстѣ съ Славинецкимъ, то онъ обыкновенно обращался къ послѣднему съ вопросами „о многихъ неудоборазумѣваемыхъ вещахъ". Такъ было и въ этотъ разъ.

Во время ихъ разговора Симеонъ обратился къ Епифанію съ такимъ вопросомъ: „Какъ, отче, святыня твоя вѣруетъ о пресуществленіи хлѣба и вина на божественной литургіи въ тѣло и кровь Христову, словами-ли Христовыми: „пріимите, ядите" и слѣдующими—или молитвою священника: „сотвори убо хлѣбъ сей честное тѣло и т. д..."

Епифаній. Я вѣрую, и мудрствую, и исповѣдую такъ, какъ вѣруетъ и проповѣдуетъ святая каѳолическая *восточная*

---

[1]) Мы будемъ излагать этотъ разговоръ Епифанія съ Полоцкимъ по рукописи Кіево-Печерской Лавры № 145, стр. 911—923, такъ какъ въ немъ онъ гораздо полнѣе изложенъ; въ Остнѣ же (стр. 70—74) приведена часть бесѣды; второй части бесѣды, въ которой Епифаній приводитъ и филологическія соображенія въ доказательство своего мнѣнія (лл. 917—922 кіевск. рукоп.), въ Остнѣ нѣтъ. Въ свою очередь статья «Остна» оканчивается выпиской изъ предисловія Никоновой Скрижали 1656 г.

церковь. Силлогизмамъ же, въ особенности латинскимъ (хотя и въ нихъ я силенъ—„доволенъ есмь въ тѣхъ") я не слѣдую, потому что святой Василій Великій повелѣваетъ уклоняться отъ силлогизмовъ, какъ отъ огня, а Григорій Богословъ называетъ силлогизмы (въ 37 словѣ, о Св. Духѣ) „вѣры развращеніемъ и тайны истощеніемъ". Поэтому-то, я слѣдую преданію и ученію святыхъ отцовъ—учителей Восточной церкви. Всѣ тѣ, кто не такъ вѣруетъ, еретики и отступники отъ своей матери,—Восточной церкви.

Симеонъ. Западные учители говорятъ, что тѣло Христово пресуществляется только произнесеніемъ словъ Христовыхъ (пріимите, ядите и слѣд.). Правильно-ли это, отче?

Епифаній. Неправильно, потому что восточные учители учатъ и проповѣдуютъ такъ, какъ написано Св. Василіемъ Великимъ и Іоанномъ Златоустомъ въ литургіи. А эти отцы въ своихъ чинахъ литургіи словамъ Христовымъ придаютъ значеніе напоминанія того, что происходило на тайной вечери („написаша словеса Христова воспоминательно дѣянныхъ на тайной вечери"), именно, что Христосъ, принявъ хлѣбъ, благодаривъ Богу Отцу, благословивъ, освятивъ, преломивъ, далъ ученикамъ своимъ говоря: пріимите, ядите" и далѣе. Хлѣбъ и вино въ это время еще служатъ только *прообразомъ* тѣла и крови („еще *антитипа* суща, рекше возобразнымъ тѣла и крове Христовы"). Послѣ этого священникъ молится Богу Отцу о томъ, чтобы Онъ ниспослалъ Духа Святаго на него и на предлежащіе дары, чтобы освятилъ ихъ и сотворилъ хлѣбъ тѣломъ Христовымъ, а вино—кровію Христовою, преложивъ ихъ Духомъ Святымъ. Послѣ этой-то молитвы священника наитіемъ и дѣйствіемъ Св. Духа претворяется хлѣбъ и вино и становится истиннымъ тѣломъ Христовымъ и истинною кровію Его.

Симеонъ. Если кто по ученію западныхъ учителей мыслитъ, не грѣшенъ-ли?

Епифаній. Если кто такъ мудрствуетъ, тотъ еретикъ.

Симеонъ. Въ Кіевѣ наша Русь ученая также мыслятъ, что только словами Христовыми пресуществляется хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христову. Развѣ и они грѣшатъ?

Епифаній. Наши кіевляне учились и учатся только полатыни, и читаютъ книги только латинскія и поэтому такъ мудрствуютъ, а по гречески не учились и книгъ греческихъ не читаютъ; по этой причинѣ они истины не знаютъ и сильно въ этомъ погрѣшили, впавъ въ латинскую ересь [1]). Восточная церковь держитъ отъ самыхъ св. апостоловъ ученіе о времени пресуществленія, такъ какъ священнодѣйствовали сами апостолы и ихъ преемники, какъ предали намъ святые отцы Василій Великій и Іоаннъ Златоустъ. Объ этомъ вполнѣ достаточно писали многіе восточные учители церкви [2]).

Что въ потирѣ послѣ произнесенія словъ: установленія таинства еще не кровь Христова, а вино, это показываетъ мѣстоименіе, ибо говорится въ тайносовершительной молитвѣ: „а *еже* въ чаши сей“...

---

[1]) Г. Шляпкинъ въ своемъ трудѣ «Димитрій Ростовскій» (стр. 137) подвергаетъ сомнѣнію подлинность этого «разглагольства». «Такъ выражаться врядъ-ли могъ *Кіевлянинъ* Епифаній» (курсивъ его)—говоритъ онъ. Кромѣ того «разглагольство» кажется ему сомнительнымъ въ виду существованія сочиненія Епифанія (Сбор. син. непер. № V, л. 376—386) о томъ же вопросѣ, составленнаго отъ словесъ писанныхъ и устоглаголанныхъ Епифанія Славинецкаго. Но, во-первыхъ, разговоръ происходилъ чрезъ 40 лѣтъ послѣ преображенія Могилою Кіев. Братской школы. Въ 70-хъ годахъ XVII в. характеръ Кіево-Могилянской Коллегіи дѣйствительно былъ такимъ, какъ его характеризуетъ Епифаній (читали точію латинскія книги, а греческихъ не читали); во-вторыхъ, Епифаній уже 23 года съ небольшимъ прожилъ въ Москвѣ, слѣдовательно могъ отнестись вполнѣ объективно и безпристрастно къ новому направленію кіевской науки, которому—какъ мы видѣли—онъ никогда не сочувствовалъ. Существованіе труда Евѳимія о томъ же предметѣ скорѣе подтверждаетъ разглагольство, чѣмъ отрицаетъ. Указывая источникъ своего труда, Евѳимій ясно и опредѣленно говоритъ, что онъ написалъ отъ „*устоглаголанныхъ*“ словесъ Епифанія.

[2]) На этомъ оканчивается разглагольство по „Остну“. Дальше по рук. Кіево-Печ. Лавры.

Мѣстоименіе „еже“, произносимое въ совершеніи надъ чашею,—средняго рода; относится оно („еже“) къ подразумѣваемому слову—„вино“, а не „кровь“; такъ какъ слово—„вино“—средняго рода, то и мѣстоименіе употребляется средняго рода. „Кровь“ же—имя женскаго рода и если бы въ то время, когда произносятся эти слова, была въ потирѣ уже истинная кровь, то, конечно, было бы употреблено и мѣстоименіе въ женскомъ родѣ, именно, было бы сказано въ молитвѣ: а *юже* въ чаши сей“...

И далѣе: хлѣбъ—имя мужскаго рода и мѣстоименіе при немъ должно быть въ томъ же родѣ, именно: „сей;“ „Тѣло“ же—средняго рода и мѣстоименіе при немъ должно быть „сіе“. Поэтому то не сказано въ молитвѣ „и сотвори убо хлѣбъ сіе“, а, напротивъ, и „по естественному разуму и по грамматическому сочиненію“ сказано: „сотвори убо хлѣбъ сей—честное тѣло“...

Въ этомъ вопросѣ—продолжаетъ Епифаній—средины не можетъ быть, какъ не можетъ быть никакихъ уступокъ. Если истиненъ латинскій догматъ, что таинство совершается словами Господними, то лживо ученіе наше, Восточной церкви, по которому таинство совершается чрезъ призываніе священника наитіемъ и дѣйствіемъ Св. Духа. Если же истиненъ нашъ догматъ, то, конечно, ложнымъ должно быть ученіе ихъ, какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. „Того бо ради—заключаетъ Епифаній свою бесѣду съ Симеономъ—„и разлучахомся мы восточніи отъ западныхъ, яко не послѣдуютъ святыхъ апостоловъ преданіемъ, и отцевъ святыхъ ученіемъ, но вся, яже оныхъ растлѣваютъ и примѣняютъ, своя же новины вымышляютъ и врѣютъ“.

Этимъ разглагольствомъ прекрасно характеризуется строго-православное міровоззрѣніе Епифанія; несомнѣнно, что въ такомъ же направленіи онъ воздѣйствовалъ на своихъ изслѣдователей. По крайней мѣрѣ такъ же понимали его и его современники и послѣдователи.

Въ „Отвѣтахъ“ іеродіакона Дамаскина на „Вопросы“ Гавріила Домецкаго читаемъ: „Епифаній, отходя отъ сей жизни, завѣщалъ по душѣ своей милостыню, а книги, какія имѣлъ, при-

казалъ отдать Евфимію, *котораго находилъ въ вѣрѣ православной непоколебимымъ и правдивымъ*, къ тому же умѣющимъ переводить божественное Писаніе съ греческаго языка на славянскій“ [1]).

Это „разглагольство“ для насъ важно и въ другомъ отношеніи: въ немъ прекрасно обрисованы взаимныя отношенія Полоцкаго и Епифанія Славинецкаго. „Разглагольство“ ихъ—не споръ, не преніе, а вопросы Симеона „о неудомѣнныхъ вещехъ“ и разъясненія увѣреннаго въ своей правотѣ Епифанія [2]). Симеонъ только спрашиваетъ, но въ его вопросахъ слышится осторожность и сдержанность человѣка дипломатичнаго, относительно котораго можно сказать, что онъ предлагаетъ вопросы не для того, чтобы разъяснить для самого себя „неудоборазумѣнную вещь“. Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи вопросъ: въ Кіевѣ ученые также мудрствуютъ, что только словами Христовыми пресуществляется хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христову; развѣ и они грѣшатъ? Такъ и чувствуется въ немъ скрытое желаніе привести своего собесѣдника въ смущеніе. Заключительныя слова Епифанія, въ которыхъ онъ говоритъ, что средины между православнымъ и католическимъ ученіемъ быть не можетъ, даютъ основаніе предположить, что Полоцкій не высказался ясно и опредѣленно, что онъ, слѣдовательно, лавировалъ между Сциллой и Харибдой. Напротивъ, въ рѣчахъ Епифанія слышится увѣренность въ самомъ себѣ, убѣжденность въ своей правотѣ, прямолинейность. Онъ прямо и рѣшительно заявляетъ, что кіевляне увлечены латинскими книгами и потому такъ мудрствуютъ „и того ради истины не вѣдятъ“.

---

[1]) Яхонтовъ. Іеродіак. Дамаскинъ, рус. полемистъ XVII в., стр. 26.

[2]) Н. И. Костомаровъ утверждаетъ, что Симеонъ Полоцкій находился вообще подъ сильнымъ вліяніемъ Славинецкаго. «Въ проповѣдяхъ Симеона Полоцкаго—говоритъ онъ—ощутительно подражаніе Славинецкому, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ оба проповѣдника касались одного и того же предмета, какъ, напримѣръ, заведенія училищъ и обличеній раскола: есть одинакія сравненія, одинакія выраженія.

Если принять во вниманіе скромность Епифанія, то такая прямолинейность, могущая задѣть собесѣдника, станетъ для насъ понятной: Епифаній—нужно думать—понималъ, что въ вопросахъ Полоцкаго видно было не желаніе его уяснить истину, а, напротивъ, его симпатія такому рѣшенію вопроса, какое онъ находилъ у латинскихъ авторовъ. Этимъ только, по нашему мнѣнію, и можно объяснить тотъ фактъ, что Епифаній послѣ этого разговора устранилъ Симеона Полоцкаго отъ участія въ переводѣ Библіи, предпринятомъ имъ въ 1674 году.

Замѣчательно, что не смотря на такое разномысліе этихъ двухъ кіевлянъ въ вопросахъ первостепенной важности, оба они сохранили до самой смерти Епифанія добрыя отношенія. Хотя Епифаній и устранилъ Полоцкаго отъ сотрудничества въ переводѣ Библіи, тѣмъ не менѣе въ другихъ случаяхъ не отказывался отъ его помощи. Это видно изъ поученія Епифанія „о молитвѣ за умершихъ". Это поученіе собралъ и написалъ „чиномъ риторичнымъ" Епифаній, а на вопросы и доводы „чиномъ расположи ради удобнаго поятія Симеонъ Полоцкій" [1]). Нужно думать, что, не симпатизируя научнымъ убѣжденіямъ и симпатіямъ Полоцкаго, Епифаній все-таки и уважалъ его, какъ человѣка ученаго, и цѣнилъ его познанія. При своей смерти онъ не забылъ Симеона и оставилъ ему такой денежный подарокъ (2 золотыхъ) [2]), который по своей цѣнности значительно превосходитъ подарки важнѣйшимъ московскимъ архимандритамъ.

Съ своей стороны и Симеонъ навсегда сохранилъ почтительное отношеніе къ Епифанію и выразилъ въ пяти своихъ Эпитафіяхъ, въ которыхъ называетъ его „искуснымъ богословомъ и изслѣдникомъ правыхъ св. Писаній во многихъ языцѣхъ, мужемъ исполненнымъ мудрости, кротости и честности [3])".

---

[1]) Гор. и Нев. II, 3, № 256, л. 112—122; Cfr. Строевъ. Библіогр. Слав., стр. 255.

[2]) Имущество и книги Епифанія. Чт. Общ. Истор. и Древ. 1846 г., кн. 4.

[3]) Майковъ Л. Очерки изъ Истор. литер. XVII в., стр. 55.

Чрезъ годъ послѣ бесѣды Епифанія Славинецкаго съ Симеономъ Полоцкимъ о времени пресуществленія св. даровъ, Епифаній приступилъ къ послѣднему своему труду, для котораго собственно и былъ призванъ онъ въ Москву, т. е. къ переводу Библіи.

Мы раньше указали, какъ постоянно „зазиралъ“ Епифаній по поводу неправильностей въ Московской печатной Библіи. Слова его, конечно, доходили до слуха Алексѣя Михайловича [1]), но „настоятельство браней и скудость средствъ“ надолго отодвинули ученый обстоятельный переводъ Библіи. Наконецъ, въ сентябрѣ 1674 года былъ созванъ соборъ русскихъ архіереевъ по вопросу о новомъ обстоятельномъ исправленіи и переводѣ всей Библіи. Соборъ благословилъ „преводити всю Библію вновь, Ветхій и Новый Завѣтъ, іеромонаху Епифанію Славинецкому съ книгъ греческихъ самыхъ семдесятыхъ преведенія, въ Франкфортѣ печатныхъ въ десть лѣта 1597, и съ другихъ въ Лондиніи печатанныхъ лѣта 1600, и иныя изданія лѣта 1587“ [2]).

Наблюдать за переводомъ и заботиться объ обезпеченіи трудящихся надъ нимъ государь указалъ митрополиту Сарскому и Подонскому Павлу, какъ блюстителю въ то время патріаршаго престола, послѣ смерти патріарха Питирима. Выборъ сотрудниковъ былъ предоставленъ самому Епифанію, который и избралъ: Сергія, бывшаго игумена Путивльской Молченской обители, Евѳимія, инока Чудова монастыря, справщика священника Никифора, іеродіакона Чудова монастыря Моисея и писцовъ печатнаго двора Михаила Родостамова и Флора Герасимова. Симеона же Полоцкаго—какъ мы упомянули уже—Епифаній совершенно отстранилъ „зане аще и ученъ бѣ (Симеонъ)“—говоритъ современная записка—„и знаше нѣчто, но латински точію“. Митрополитъ Павелъ позаботился приспособить для

[1]) «Епифанія словеса доидоша въ слухи и самаго благочестивѣйшаго Государя-Царя.» М. Евгеній. Словарь Историч. См. прилож. записки, стр. 179.

[2]) М. Евгеній. Словарь Историч. 180 стр.

потребностей предпринятаго дѣла зданія на своемъ митрополичьемъ подворьѣ, на Крутицахъ, и обставилъ переводчиковъ внѣшне такъ, что они ни въ чемъ не нуждались, ничѣмъ не отвлекались отъ своего серьезнаго дѣла. По крайней мѣрѣ авторъ записки о переводѣ Библіи, вѣроятно, самъ бывшій въ числѣ сотрудниковъ Епифанія, съ любовію изображаетъ заботливость, какою окружилъ трудившихся митрополитъ Павелъ. „Преосвященный Павелъ митрополитъ—говоритъ онъ—тако, яко и Филадельфъ, устрои въ дому своемъ архіерейскомъ сущемъ внѣ града Москвы, именуемѣмъ Крутицы на горахъ высокихъ и крутыхъ надъ рѣкою Москвою, тихомъ сущемъ мѣстѣ и безмолвнемъ, приличномъ дѣлу сему, храмины приличны содѣла, и вертоградъ разныхъ видовъ древъ и цвѣтовъ и зелій всякихъ насади, и источники ископа тещи сладководныи за утѣшеніе и отъ труда преставшимъ за упокоеніе и оградою огради ради прохожденія, яко инъ нѣкій рай, и по трудѣ вкусити хотящимъ пищу и питіе подобающее, и служащія оному пріуготови“ [1]).

Дѣло перевода было поставлено Епифаніемъ серьезно, вполнѣ научно. Кромѣ указанныхъ соборомъ изданій Библіи, Епифаній счелъ нужнымъ пользоваться при исправленіи и древними рукописями. Изъ нихъ особенно замѣчательны: пергаментная греческая рукописная Библія 551 года, принадлежавшая библіотекѣ печатнаго двора; евангеліе митрополита Московскаго Алексія, написанное имъ въ 1355 году, и Славянская рукописная же Библія 1382 г. („письма цареградскаго“). Пособіями при переводѣ служили: 1) бесѣды св. Іоанна Златоустаго на св. Евангеліе, переведенныя Максимомъ Грекомъ въ 1524 г.; 2) бесѣды Іоанна же Златоустаго на Посланія ап. Павла, напечатанныя въ Кіево-Печерской Лаврѣ въ 1623 г., и 3) наконецъ, творенія Григорія Богослова, Василія Великаго, Аѳанасія Великаго и Іоанна Дамаскина, переведенныя прежде Епифаніемъ Славинецкимъ и изданныя въ 1665 году.

---

[1]) Ibidem, стр. 181.

Пользованіе переводчиковъ святоотеческими трудами свидѣтельствуетъ ясно, что дѣло исправленія и перевода Библіи было поставлено широко и строго научно. Переводчики заботились не только о близости своего перевода къ греческому оригиналу, но при пособіи святоотеческихъ толкованій старались правильно понять мысль подлинника и точно выразить ее не только въ главныхъ ея частяхъ, но и въ оттѣнкахъ. Этому дѣлу Епифанія не суждено было окончиться. Девятаго сентября 1675 г. умеръ митрополитъ Павелъ, а черезъ два мѣсяца и 10 дней, т. е 19 ноября того же 1675 года, не стало и главнаго дѣятеля по переводу Библіи, Епифанія Славинецкаго [1]).

Въ теченіе года былъ переведенъ Епифаніемъ новый Завѣтъ [2]) и пятокнижіе [3]) только вчернѣ: „точію начисто не прочтеся“—свидѣтельствуетъ предисловіе къ переведенному Епифаніемъ Новому Завѣту [4])—„и не исправися преводникомъ іеромонахомъ Епифаніемъ“.

---

[1]) Въ письмѣ Инока Евѳимія къ Ректору Кіевской Могилянской Коллегіи Сильвестру Головчику сказано: «отъиде (Епифаній) отъ житія сего привременнаго въ будущее безконечное блаженство лѣта Господня 1675 ноемврія подъ 20-е число». Ундольскій. Ученые труды Епифанія Славинецкаго. Также точно говоритъ и Филаретъ, но м. Евгеній въ своемъ словарѣ считаетъ годомъ смерти Епифанія 1676 годъ. Это—ошибочно. Ошибка произошла отъ того, что митрополитъ Евгеній изъ 7184 (годъ смерти Епифанія—по счету отъ сотворенія міра) вычелъ 5508, а нужно (въ тѣхъ случаяхъ, когда событіе произошло въ періодѣ отъ Сентября по Декабрь—включительно) при переводѣ на нашъ счетъ вычитать 5509, потому что при введеніи Петромъ Великимъ новаго гражданскаго счета, эти четыре послѣднихъ мѣсяца были опущены.

[2]) Четвероевангеліе въ переводѣ Епифанія находится въ Рум. Муз. Музеѣ, въ собраніи рукописей Ундольскаго, № 1291. См. Викторовъ. Очеркъ собр. рук. Ундольскаго, стр. 5.

[3]) Ундольскій. Ученые труды Епиф. Славин.; cfr. Филаретъ Обз. дух. лит. § 223.

[4]) Историч. записка, напеч. въ словарѣ м. Евгенія, есть не что иное, какъ извлеченіе изъ предисловія къ Епифаніеву переводу Новаго Завѣта.

Такъ, смерть застала Епифанія среди самаго серьезнаго его труда, которымъ онъ занимался, по выраженію современной о немъ записки, „наипаче ради спасенія души своея." Предъ своею смертію онъ назначилъ душеприказчикомъ инока Евфимія, который и распоряжался всѣмъ его имуществомъ. Какъ видно изъ росписи, послѣ Епифанія осталось всего 518 золотыхъ, 520 ефимковъ, 362 рубля, одинъ алтынъ и двѣ деньги (деньгами), да 4 золотыхъ, 73 рубля и 14 алтынъ вещами и книгами. Все это имущество—согласно завѣщанію—было разослано Евѳиміемъ по разнымъ монастырямъ „въ вѣчное поминовеніе по іеромонасѣ Епифаніи". Въ своемъ завѣщаніи Епифаній не забылъ монастырей своей родины: онъ одарилъ ихъ самыми богатыми дарами; въ Печерскій, напр., монастырь пошло послѣ его смерти 180 золотыхъ червонныхъ, что въ переводѣ на наши деньги составитъ очень внушительную сумму. По цѣнности вклада слѣдуютъ далѣе Братскій монастырь (80 золотыхъ), Межигорскій—(50 золотыхъ), затѣмъ всѣ, какъ мужскіе такъ и женскіе, кіевскіе монастыри (по 10 золотыхъ) [1]). Кромѣ денегъ, въ пользу Братскаго монастыря онъ отказалъ еще и 38 книгъ изъ своей библіотеки [2]), въ числѣ ихъ между прочимъ находятся двѣ еврейскихъ грамматики и еврейско-халдейскій лексиконъ. На этомъ основаніи можно полагать, что кромѣ греческаго, латинскаго и польскаго языковъ, Епифаній зналъ и еврейскій языкъ. Многія книги Епифанія поступили въ даръ иноку Евѳимію, пользовавшемуся большимъ расположеніемъ

---

[1]) См. книги и имущество Епифанія Славинецкаго. Временникъ Московск. Общ. Истор. 1850 г. кн. V.

[2]) Ѳеодосій Васковскій, игуменъ Межигорскаго монастыря, получилъ для передачи въ Братскій монастырь 31 книгу, а 7 книгъ были удержаны въ Москвѣ; за нихъ было уплочено въ Братскій монастырь 40 ефимковъ. Списокъ книгъ, отправленныхъ въ Братскую школу, приведенъ въ росписи книгъ и имущества Епифаніева, а какія книги были оставлены, объ этомъ не находимъ никакихъ указаній. Оставленныя въ Москвѣ книги, нужно думать, поступили въ библіотеку Печатнаго Двора.

Епифанія [1]), но какія именно, объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій; скудность такихъ извѣстій о книгахъ, составлявшихъ собственную библіотеку Епифанія, до чрезвычайности затрудняетъ вопросъ объ источникахъ его оригинальныхъ трудовъ.

Погребенъ былъ Епифаній въ Чудовомъ монастырѣ. На гробницѣ его находится слѣдующая надпись:

Преходяй человѣче! здѣ ставъ да взираеши,
Дондеже въ мірѣ семъ обитаеши.
Здѣ бо лежитъ мудрѣйшій отецъ Епифаній,
Претолковникъ изящный Священныхъ Писаній,
Философъ и іерей въ монасѣхъ честный,
Его же да вселитъ Господь въ рай небесный,
За множайшіи его труды въ писаніихъ,
Тщанно-мудрословые въ претолкованіихъ,
На память ему да будетъ
Вѣчно и не отбудетъ.

Эта надгробная надпись представляетъ собою сводъ четвертой и пятой эпитафіи Симеона Полоцкаго.

Ив. Ротаръ.

[1]) Яхонтовъ. Іеродіаконъ Дамаскинъ, стр. 26.

Бѣлоцерковская гимназія.

(Окончаніе [1]).

Попечительство кн. А. П. Ширинскаго-Шихматова.

1864—1867.

Прошло три года со времени увольненія Н. И. Пирогова. Въ эти три года перемѣнилось три попечителя, но за коротокостію времени, до кн. Ширинскаго особенныхъ старовведеній не случилось. Строгій консерваторъ, баронъ Николаи, призванный съ Кавказа задержать яко-бы слишкомъ быстро шагнувшее въ Кіевскомъ учебномъ Округѣ просвѣщеніе и по возможности повернуть ретиваго коня на старую дорогу, опѣшившись на Гренковѣ и потерявъ жену, утратилъ всю свою энергію и желалъ какъ можно скорѣе оставить опротивѣвшій ему Кіевъ. Смѣнившій его „докторъ правъ," рисуясь либераломъ и боясь уронить себя въ глазахъ кіевской интеллигенціи и отчасти сдерживаемый Михневичемъ, мало коснулся преобразованій Пирогова. За то третій преемникъ Николая Ивановича, кн. Шихматовъ, возгорѣвъ веліею ревностію къ искорененію плевелъ въ

[1]) См. Кіев. Ст. № 11.

Юго-Западномъ краѣ, началъ рубить съ плеча все, что только носило на себѣ слѣды пироговскаго новшества.

Мы видѣли, какъ знакомился „извѣстный Пироговъ“ съ кіевскими предержащими властями при началѣ своего попечительства. Совершенно иначе повелъ себя князь. Представившись Генералъ-Губернатору, Митрополиту Арсенію и его викарію Порфирію, онъ счелъ для себя обязательнымъ сдѣлать визиты даже полиціймейстеру, каѳедральному протоіерею Крамареву и редактору „Вѣстника Ю.-З. и З. Россіи,“ пресловутому Говорскому. По этому, такъ сказать, первому шагу бывшаго моряка можно было судить о его будущей дѣятельности въ роли попечителя.

Получивъ бумагу о вступленіи на должность новаго начальства, я поспѣшилъ въ Кіевъ представиться. При входѣ въ кабинетъ, въ дверяхъ, носомъ къ носу, столкнулся я съ редакторомъ сѣробумажнаго „Вѣстника“—встрѣча, не предвѣщавшая ничего хорошаго.

Кое-кто, безъ сомнѣнія, успѣлъ уже отрекомендовать Е. С—ву бѣлоцерковскаго директора, какъ такого человѣка, котораго не слѣдовало бы терпѣть на службѣ въ юго-западномъ краѣ, какъ украинофила и противника церковно-приходскихъ школъ.

Въ кіевскомъ учебномъ округѣ, какъ извѣстно, со времени открытія министерскихъ школъ началась борьба окружного начальства въ съ митрополитомъ Арсеніемъ [1]), который циркулярно и совершенно секретно оповѣстилъ свое *non possumus* между сельскимъ духовенствомъ, пригрозивъ каждому священнику за допущеніе открытія въ его селѣ министерской школы лишеніемъ прихода. Находясь на службѣ въ Бѣлой Церкви, въ окрестностяхъ которой заведено было нѣсколько такихъ школъ, я имѣлъ полную возможность ознакомиться съ бѣдственнымъ ихъ положеніемъ вслѣдствіе противодѣйствія священниковъ, наэлектризованныхъ

---

[1]) См. объ этомъ „Письма митр. Арсенія къ прот. П. Г. Лебединцеву (Кіев. Стар. № 10).

циркулярами владыки. Въ защиту этихъ школъ я помѣстилъ въ газетѣ „День“ статью, направленную противъ фиктивно существующихъ церковно-приходскихъ школъ, большая часть которыхъ числилась только на бумагѣ. За эту корреспонденцію меня жестоко обругали въ „Вѣстникѣ“ Говорскаго, пожаловавъ меня въ нигилисты, сепаратисты и т. п. Я огрызнулся въ Кіевлянинѣ, чѣмъ возбудилъ сильнѣйшее негодованіе въ кіевскихъ іерархахъ, которые не преминули очернить меня передъ новымъ начальствомъ.

Пригласивъ меня сѣсть, князь началъ длинную-предлинную обвинительную орацію. Возстановить ея содержаніе въ цѣлости я не берусь; за 35 лѣтъ многое изъ сказаннаго въ назиданіе изгладилось изъ памяти, но впечатлѣніе, произведенное ею, осталось навсегда: оно было равносильно дѣйствію холоднаго душа, внезапно окатившаго неприготовленнаго къ тому человѣка. И чего-чего не наговорилъ мнѣ князь! Начавъ свою орацію съ того, что онъ человѣкъ русскій, прямо высказывающій свои убѣжденія, что онъ покорный сынъ православной церкви, уважающій ея представителей, что онъ до самоотверженія преданъ престолу и отечеству и проч. и проч.,—онъ обрушился на меня съ грознымъ и угрожающимъ обличеніемъ: что я враждебно отношусь ко всему русскому и, идя въ разрѣзъ съ цѣлями правительства, провозглашаю самобытность малорусскаго народа и его нарѣчія; что я, унижая православное духовенство въ ополяченномъ краѣ, дѣйствую за одно съ поляками и т. д. Выслушавъ обличеніе князя, конечно, со словъ Говорскаго и прот. Крамарева, я сказалъ, что оправдываться мнѣ неудобно: propria laus sordet, а если онъ вѣритъ возведеннымъ на меня клеветамъ, то мнѣ ничего не остается болѣе сдѣлать, какъ уйти изъ Кіевскаго округа, благо меня приглашаютъ въ Варшаву. Пригрозивъ мнѣ строжайшей ревизіей, попечитель отпустилъ меня съ миромъ.

Примѣрявши къ кіевскому учебному Округу все то, что оставлено имъ въ Виленскомъ, и не найдя въ немъ ничего похожаго, князь началъ пригонять всѣ наши порядки къ своему идеалу.

Прежде всего онъ принялся за наши убогія народныя школы, которыя и безъ того едва дышали. Будучи открыты въ южныхъ губерніяхъ на самыя ограниченныя средства, онъ во многомъ и многомъ еще нуждались, а тутъ—противодѣйствіе духовенства, которое, по печальной случайности, за-одно съ поляками стало тѣснить сельскихъ учителей, возбуждая противъ нихъ народъ и лишая средствъ къ существованію. Надобно знать, что заведеніе школъ въ ополяченномъ, закрѣпощенномъ краѣ—явленіе совершенно небывалое, какъ для пановъ, такъ и крестьянъ. Да и само окружное начальство было въ немаломъ затрудненіи: ему предстоялъ вопросъ—гдѣ взять учителей? Учительскія семинаріи для приготовленія сельскихъ учителей—учрежденіе позднѣйшаго времени, а для школъ понадобились учителя тотчасъ-же. Какъ тутъ быть? И вотъ, по иниціативѣ М. А. Тулова, при канцеляріи попечителя ex promptu появились педагогическіе курсы. Нѣкоторые профессора изъ молодыхъ, учителя гимназій, студенты—безвозмездно взялись за преподаваніе, чтобы, по возможности, въ кратчайшій срокъ подготовить навербованныхъ разночинцевъ для сельскихъ школъ и, по мѣрѣ открытія таковыхъ, посылать на мѣста. Князю не понравилось это благодѣтельное учрежденіе, не стоившее правительству ни гроша: ему захотѣлось имѣть исключенныхъ за неуспѣшность семинаристовъ и дьячковъ. Курсы однимъ почеркомъ пера были закрыты.

Закрывъ педагогическую школу, князь передалъ оставшееся послѣ нея имущество (картины для наглядnаго обученія, грифельныя доски, книги и пр.) на храненіе учителю Богатинову. Въ числѣ книгъ было 500 экземпляровъ „баёкъ“ Глѣбова. Басни эти Ширинскій велѣлъ немедленно сжечь, какъ зловредную брошюрку, ядовитое вещество; „что было исполнено мною немедленно съ удовольствіемъ, и только ради смѣха, я оставилъ себѣ на память одну—эту именно смѣхотворную книжонку“,—заявляетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Богатиновъ.

Послѣ неоднократнаго свиданія съ митрополитомъ Арсеніемъ, князь вошелъ съ нимъ въ такой компромиссъ: окончившимъ

курсъ семинаристамъ, до посвященія ихъ въ іереи, онъ пообѣщалъ отъ 300 до 400 рублей жалованья, если они примутъ на себя обязанность учителей. Митрополитъ, повидимому, согласился; но когда одинъ изъ „богослововъ", заручившись обѣщаніемъ князя—дать ему мѣсто сельскаго учителя, пошелъ, по совѣту его, къ митрополиту за благословеніемъ, тотъ отвѣтилъ ему сурово:

— Нѣтъ тебѣ благословенія! Ты не нашъ, иди къ твоему князю!

Князя чуть ударъ не прихлопнулъ; до того онъ былъ взбѣшенъ этимъ.

Не смотря, однако-жъ, на полнѣйшее разочарованіе въ этихъ своихъ ожиданіяхъ, князь и княгиня выказывали глубокое уваженіе къ духовенству. Каждое воскресенье настоятель домашней церкви 1-й гимназіи, законоучитель Каменскій, послѣ обѣдни, являлся въ квартиру попечителя съ просфорой и каждый разъ княгиня, со всѣмъ своимъ семействомъ, встрѣчая его, съ благоговѣніемъ цѣловала его руку. Она могла-бы поставить въ тупикъ любого раскольничьяго начетчика знаніемъ церковнаго обихода, а тропари, ирмосы и кондаки знала наизусть.

Не могу умолчать о другомъ фактѣ, котораго я былъ очевидцемъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими директорами, собравшимися, по случаю съѣзда директоровъ, въ кабинетѣ князя для предварительныхъ совѣщаній.

Попечитель жилъ тогда на Лютеранской улицѣ, подлѣ нѣмецкой кирхи. Сидимъ мы и скромно бесѣдуемъ о предстоящихъ намъ занятіяхъ. Входитъ въ кабинетъ лакей и таинственно что-то шепнулъ князю. Полновѣсная фигура князя вскочила со стула и бѣгомъ кинулась въ залу. На бѣгу онъ сбрасываетъ парусинный пиджакъ, надѣваетъ черный сюртукъ и начинаетъ въ открытое въ садъ окно громко звать жену. Затѣмъ черезъ залу бѣжитъ въ переднюю, оттуда къ подъѣзду. Что-бы это значило?—недоумѣваемъ мы. Смотримъ—нашъ попечитель возвращается изъ передней съ викаріемъ, преосв. Порфиріемъ.

Когда волынскій директоръ Пристюкъ устроилъ для попечителя обѣдъ, пригласивъ на оный всѣхъ сослуживцевъ, то сіятельный гость, отклонивъ поднесенное ему блюдо, омочивъ въ солило кусочекъ ржаного хлѣба, промолвилъ: „сегодня середа!“ Каково было положеніе хозяина и его гостей?

Держа себя въ отношеніи людей, почему-либо ему несимпатичныхъ, на благородной дистанціи, этотъ князь любилъ окружать себя личностями весьма сомнительной репутаціи. Это были отъявленные плуты, старавшіеся поддѣлаться подъ его вкусы, и притомъ люди ума недалекаго, корчившіе изъ себя патріотовъ. Хотя сами они были малороссы по происхожденію, но готовы были учинить земляку своему всякую пакость, лишь-бы выслужиться передъ начальствомъ. Довольно привести въ примѣръ отъявленнаго тартюфа К., получившаго мѣсто директора Каменецъ-Подольской гимназіи въ 1865 году [1]).

И такіе-то людишки возымѣли при Ширинскомъ преобладающее, импонирующее значеніе. Эти маніяки, которыхъ прежніе попечители устраняли вовсе отъ дѣлъ, въ родѣ Каллистратова, при князѣ стали играть роль обрусителей и насадителей православія въ трехъ Юго-Западныхъ губерніяхъ. Ихъ разсылалъ попечитель открывать сельскія школы, ревизовать ихъ и наставлять на путь истинный учителей.

Не знаю, что помѣшало князю привесть въ исполненіе затѣю, какая едва ли могла придти въ голову даже такому антагонисту малорусской народности, каковымъ былъ пріятель его, старикъ Кулжинскій съ братіей. А онъ затѣвалъ ни больше, ни меньше, какъ переселить въ Юго-Западный край учителей изъ великороссійскихъ губерній, а туда послать хохловъ. Да, онъ готовъ былъ призвать даже Мордву и Китайцевъ,—пусть хохлы станутъ китайцами, лишь-бы не оставались хохлами.

---

[1]) См. «Кіевская Старина» 1893 г. № 6. Воспоминанія Солтановскаго.

Ардаліонъ *Каллистратовъ*—этотъ калифъ на часъ, разжалованный Ребиндеромъ изъ директоровъ гимназіи въ чиновника особыхъ порученій при канцеляріи Попечителя,—вплоть до Ширинскаго, впродолженіе девяти лѣтъ не только не исполнялъ ни одного „особаго порученія," но просто никакого: жилъ себѣ въ Кіевѣ, получалъ жалованіе и вѣчно надоѣдалъ попечителямъ, чтобы вернули ему директорскую должность. Устроивши какое-то таинственное дѣло съ умирающимъ генераломъ Бредихинымъ [1]), онъ выстроилъ себѣ порядочный двухъ-этажный домъ на Андреевской улицѣ и завелъ тамъ лавочку, гдѣ продавались иконы, крестики, кольца отъ Варвары великомученицы, четки и т. п. Но главнѣйшій доходъ доставилъ ему Образъ Спасителя, за который онъ взималъ по серебряному рублю, толкуя темному люду, что эта аляповатая литографія, которой вся цѣна гривенникъ, имѣетъ значеніе чудотворной иконы, о чемъ онъ не устыдился заявить даже печатно въ „Телеграфѣ" Юнга. Между тѣмъ „чудесное" происхожденіе этого образа объясняется самымъ естественнымъ образомъ. Дѣло было такъ. Учитель рисованія и чистописанія 1-й гимназіи Бѣляевъ, возвращаясь однажды на квартиру, вывихнулъ себѣ руку; произошло-ли это отъ случайнаго паденія, или его побилъ какой-нибудь босякъ—дѣло темное. На другой день, протрезвившись, онъ далъ клятву, что если выздоровѣетъ, то непремѣнно напишетъ образъ Спасителя. Каллистратовъ сталъ ждать съ большимъ нетерпѣніемъ выздоровленія своего пріятеля, и какъ только Бѣляевъ былъ въ состояніи взяться за кисть, заставилъ его исполнить данную въ его присутствіи клятву. Получивъ написанный образъ, Ардаліонъ надѣлалъ тысячи литографій и, прибавивши, для привлеченія богомольцевъ, подпись: „въ память освобожденія крестьянъ," пустилъ его въ продажу. Въ годъ „освобожденія" въ богоспасаемый

---

[1]) Намекъ на это см. въ «Письмахъ митр. Арсенія» (Кіев. Стар. № 10, стр. 145).

градъ нашъ нахлынуло богомольцевъ видимо-невидимо. Естественно, каждый крестьянинъ спѣшилъ въ Кіевъ помолиться св. угодникамъ за Царя Освободителя. Вотъ этимъ то моментомъ молитвеннаго настроенія крестьянъ и воспользовался какъ нельзя лучше промышленный Каллистратовъ для сбыта своего товара, и, говорятъ, выручилъ порядочную сумму изъ мозолевыхъ крестьянскихъ рублей.

Не довольствуясь безбожной эксплуатаціей бѣднаго захожаго люда, Ардаліонъ задумалъ потрусить карманы и кіевской аристократіи. Съ Аѳона прибыли въ Кіевъ два какіе-то проходимца монаха съ реликвіями святыхъ. Каллистратовъ мигомъ сообразилъ, что это пахнетъ наживой. Выговоривъ себѣ отъ монаховъ извѣстный процентъ отъ торговли святостями, онъ напечаталъ въ мѣстной газетѣ объявленіе, что вотъ-де съ Востока прибыли св. мужи и привезли съ собой рѣдкостныя святости, остановились они на Старомъ городѣ въ такомъ-то домѣ; желающіе приложиться къ реликвіямъ на мѣстѣ платятъ столько-то, желающіе отслужить службу надъ мощами на мѣстѣ столько-то, у себя на дому—столько-то. Конечно, въ городѣ нашлось не мало барынь и старыхъ дѣвъ, завѣдомыхъ ханжей, которыя неудержимо ринулись на эту приманку: одни приходили, другія пріѣзжали или присылали за монахами кареты—и Каллистратовъ торжествовалъ. Проведя въ подобныхъ благочестивыхъ упражненіяхъ 26 лѣтъ, числясь на коронной службѣ, Ардаліонъ сталъ хлопотать у попечителя Антоновича о пенсіи, прося представить его къ директорскому пенсіону за три мѣсяца своей директорской службы. Покойный Платонъ Александровичъ, разумѣется, не захотѣлъ себя компрометировать предъ министерствомъ; тогда Каллистратовъ поѣхалъ въ Петербургъ и самъ себѣ выхлопоталъ директорскую пенсію.

Учитель 1-й гимназіи *Богатиновъ* приглянулся Попечителю своими педагогически-клерикальными статьями, направленными противъ духа тьмы, обуявшаго грѣшный міръ въ видѣ прогресса. Къ чести его, однако-жъ, надобно сказать, что все,

о чемъ онъ писалъ и говорилъ, вытекало изъ его искреннихъ убѣжденій. Религіозное направленіе привилось къ нему отъ частаго обращенія съ духовными лицами. Мать его и сестра, перезрѣлая дѣвица, жили постоянно въ домѣ, принадлежащемъ Флоровскому монастырю. Въ квартирѣ у нихъ постоянно бывали монахини, архимандриты и студенты академіи. При такой-го обстановкѣ прошли и дѣтство, и студентскіе годы Богатинова. Благочестіе его сразу было замѣчено княземъ, и онъ постоянно указывалъ на него либераламъ, какъ на образецъ для подражанія.

Направленіе кн. Ширинскаго, исполненное нетерпимости въ отношеніи иновѣрцевъ, чуждое компромиссовъ и уступокъ, а еще болѣе неудачный выборъ сотрудниковъ, людей нравственно несостоятельныхъ, вызвали среди педагоговъ недовольство, выразившееся сатирой. Сохранились два стихотворные памфлета, ходившіе по рукамъ не только между преподавателями, но и между воспитанниками.

Характеристика попечительства кн. Ширинскаго была-бы далеко не полна, если-бы я ко всему сказанному не прибавилъ еще одну весьма важную черту, характеризующую его трехлѣтнее управленіе Кіевскимъ учебнымъ округомъ: это неуклонное стремленіе князя къ искорененію въ учебныхъ заведеніяхъ Юго-Западнаго края иновѣрческихъ элементовъ, присосавшихся къ нашему коренному православному населенію. *Ни шагу уступки ни поляку, ни жиду*—вотъ девизъ его дѣятельности по части обрусѣнія.

Идя въ тонъ этому направленію, я сталъ въ Бѣлоцерковской гимназіи употреблять тѣ средства, которыя мнѣ казались болѣе желательными.

Для того чтобы составить противовѣсъ подавляющему большинству польско-католическаго элемента и тѣмъ, по воз-

можности, ослабить его вліяніе на православно-русское меньшинство, я долженъ былъ прибѣгнуть къ нетронутому до того времени культурой православному населенію, только что освобожденному отъ гнета помѣщичьей власти, и даже къ многочисленному въ Юго-Западномъ краѣ племени іудейскому. Въ годъ моего прибытія въ Бѣлую Церковь учениковъ изъ крестьянскаго сословія числилось въ гимназіи два-три человѣка и почти столько-же еврейскихъ мальчиковъ—дѣтей мѣстнаго водочнаго откупщика Кременецкаго. Въ слѣдующіе затѣмъ годы крестьянъ и евреевъ было:

въ 1863	году	крестьянъ	6	евреевъ	18
въ 1864	„	„	8	„	30
въ 1865	„	„	17	„	43
въ 1866	„	„	32	„	30
въ 1867	„	„	35	„	25
въ 1868	„	„	37	„	23
въ 1869	„	„	41	„	21

Къ достиженію такихъ результатовъ задуманнаго мною плана—ослабленія польскаго элемента—способствовало, во-первыхъ, открытіе при гимназіи приготовительнаго класса, во-вторыхъ,—учрежденіе (усиленное) стипендіи для евреевъ, и въ третьихъ—упраздненіе пансіона при гимназіи.

Съ открытіемъ приготовительнаго класса церковно-приходскія школы, и безъ того еле дышавшія, совершенно опустѣли. Училище наше исполняло двоякаго рода обязанность—простой народной школы для мальчиковъ мало способныхъ, и приготовительнаго класса для подготовки даровитыхъ мальчугановъ къ поступленію въ гимназію; первые курсомъ этого училища и ограничивались, возвращаясь домой и принимаясь за соху; изъ поступившихъ-же въ гимназію, конечно, не всѣ доходили до VII класса, выходя большею частію изъ среднихъ классовъ и поступая или прямо въ сельскіе учителя, или предварительно

окончивъ учительскую семинарію. Сколько мнѣ удалось прослѣдить дальнѣйшую судьбу этихъ піонеровъ просвѣщенія изъ крестьянской среды,—нѣкоторые изъ нихъ, по окончаніи гимназіи, поступили въ технологическій институтъ и въ университетъ, большая-же часть подвизалась на поприщѣ учительства въ сельскихъ школахъ.

Что касается быстраго наплыва въ бѣлоцерковскую гимназію еврейскихъ мальчиковъ, то явленіе это объясняется увеличеніемъ числа стипендій изъ коробочнаго сбора съ 300 р. до 750. Дѣло въ томъ, что, по распоряженію министерства, въ гимназіяхъ Кіевскаго учебнаго округа изъ того-же источника учреждены для евреевъ стипендіи по 300 рублей на каждую гимназію, а такъ какъ въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской еврейскихъ учениковъ въ достаточномъ количествѣ не оказалось, то я просилъ попечителя неизрасходованныя тамъ на сей предметъ суммы перечислить въ Бѣлоцерковскую гимназію, такъ что въ моемъ распоряженіи оказался капиталъ въ 750 р.; этимъ и объясняется быстрый наплывъ іудеевъ. Хотя я принималъ ихъ съ большою разборчивостью, но плутовства и обмана, врожденнаго имъ съ дѣтства, искоренить былъ не въ силахъ. Дознано было, что бѣднѣйшіе еврейчики мѣстечка изъ получаемыхъ ихъ дѣтьми стипендій дѣлали изрядный гешефтъ, а мальчики продолжали ходить на уроки оборванцами безъ книгъ и тетрадей. Сталъ я выдавать стипендіи натурой, т. е. велѣлъ шить для нихъ обувь и одежду, выдавать имъ книги и тетради, уплачивать за продовольствіе живущихъ на квартирѣ. Все это весьма ловко продѣлывалъ незамѣнимый помощникъ мой, надзиратель Н. Л. Лятошинскій; но и тутъ евреи находили лазейку надуть меня. Приходитъ, напр., ко мнѣ содержательница квартиры и рапортуетъ: ученикъ Гринблятъ не сидитъ дома, шляется по ночамъ и играетъ въ карты. Дождавшись перваго числа, я лишаю его стипендіи. Бѣжитъ ко мнѣ опять еврейка, лишившаяся платы за продовольствіе, и говоритъ, что я ошибся: это не Гринблятъ въ карты гуляе—винъ сыдыть дома и все у

книжку читае, а въ карты гуляе и не ночуе дома Розенфельдъ (за котораго она уже получила деньги).

До какой наглости дошли мошенническія продѣлки не только невѣжественныхъ родителей учениковъ, но даже ученаго раввина, преподавателя Закона Вѣры, котораго я пригласилъ съ цѣлію черезъ него дѣйствовать на искорененіе порочныхъ наклонностей его единовѣрцевъ, можетъ служить нижеслѣдующая исторія.

Въ 1864 году, по рекомендаціи раввина, поступилъ къ намъ, яко-бы изъ домашняго приготовленія, въ 3-й классъ ученикъ Гершъ Глуховичъ. Въ концѣ учебнаго года онъ перешелъ въ высшій классъ съ наградой. Затѣмъ въ каникулы изъ Житомира полученъ доносъ, вслѣдствіе котораго личность этого ученика оказалась въ иномъ свѣтѣ; а именно:

Въ 1853 году въ житомірское раввинское училище поступилъ Гиршъ З—ъ, а въ 1857 сей З—ъ изъ училища былъ исключенъ. Черезъ пять лѣтъ, въ 1861 г., въ то-же училище поступилъ тотъ-же З—ъ подъ именемъ Голухія, а въ 1863 былъ исключенъ вторично. Въ Бѣло-Церковскую гимназію онъ поступилъ подъ третьей фамиліей, сдѣлавъ подчистку изъ Голухія—Глуховича и представивъ метрическое свидѣтельство о томъ, что онъ родился въ 1846 г. въ м. Бѣлопольѣ, тогда какъ онъ родился въ с. Стрижевкѣ въ 1839 г., такъ что ему было не 16 л., а 23 года, и что онъ учился въ раввинскомъ училищѣ вмѣстѣ съ нашимъ раввиномъ, который опредѣлилъ его въ гимназію. Спрашиваю раввина: „отчего вы мнѣ не сказали, что этотъ проходимецъ учился съ вами въ Житомірѣ?

— Оттого, что вы меня, г. директоръ, о томъ не спрашивали.

Разумѣется, послѣ подобныхъ исторій, раввинъ былъ изгнанъ, а число стипендій сократилось до минимума, вслѣдствіе чего и количество учениковъ изъ евреевъ значительно уменьшилось.

Года полтора бился я надъ тѣмъ, чтобы уничтожить гнѣздо полонизма при гимназіи—общія ученическія квартиры, и

только послѣ долго длившейся переписки при двухъ попечителяхъ мнѣ наконецъ удалось этого достигнуть при третьемъ. Оставшееся свободнымъ помѣщеніе распредѣлено между преподавателями, которые страшно бѣдствовали съ квартирами. Тутъ-же съ большими удобствами помѣщенъ былъ и приготовительный классъ, а впослѣдствіи въ одной изъ залъ главнаго зданія устроена домашняя церковь въ память 19 февраля 1861 года.

Въ 1866 году наше мѣстечко посѣтила настоящая азіатская холера, найдя у насъ весьма удобную почву для своего развитія. Гимназія во все время эпидеміи отъ занятій освобождена не была, не смотря на значительное число заболѣваній, особенно между евреями. Но не одни евреи сдѣлались жертвою эпидеміи,—стали заболѣвать и воспитанники гимназіи. Что дѣлать? Никакой больницы, кромѣ т. н. графской, предоставленной спеціально для однихъ крестьянъ, въ мѣстечкѣ не существовало. Изолировать заболѣвшихъ дѣтей было весьма затруднительно, а помочь бѣдѣ все-таки нужно было. И вотъ мы съ гимназическимъ врачемъ Крохмалемъ избрали такой способъ: гимназическую баню, съ обширнымъ предбанникомъ и комнатой для раздѣванья, обратили въ больницу. Поставили кровати, ванну, нарядили для ухода за больными прислугу изъ своихъ-же гимназическихъ служителей, съ двойнымъ жалованьемъ; запаслись достаточнымъ количествомъ медикаментовъ, грѣлками и т. п. Паціенты не заставили себя долго ждать: иногда прямо изъ класса брали мальчика и укладывали въ постель, а во внѣклассное время мой фактотумъ Лятошинскій неусыпно бодрствовалъ и днемъ, и ночью, обходя частныя квартиры, и чуть какой-нибудь мальчуганъ почувствуетъ себя не хорошо, его сейчасъ отправляли къ доктору. Такихъ больныхъ перебывало въ импровизированной больницѣ около 30 человѣкъ. Докторъ

Крохмаль дѣйствовалъ энергически, даже ночевалъ иногда въ гимназіи.

Результаты нашей посильной дѣятельности въ борьбѣ съ холерой были весьма утѣшительны: изъ 30 воспитанниковъ, заболѣвшихъ въ болѣе или менѣе сильной степени, умеръ только одинъ, ученикъ V класса, и то лишь потому, что родные не позволили его взять въ больницу, подъ наблюденіе Крохмаля. Изъ служащихъ-же въ гимназіи никто не заболѣлъ.

Получивъ мое донесеніе о состояніи гимназіи въ санитарномъ отношеніи въ продолженіе эпидеміи, Попечитель прислалъ мнѣ выговоръ: какъ де я допустилъ, что такъ много воспитанниковъ заболѣло холерой, и не донесъ своевременно?

Для разъясненія дѣла я представилъ ему пространную записку, въ которой наглядно доказалъ, что удивляться слѣдуетъ не тому, что заболѣло 30 учениковъ, а тому, что ихъ не оказалось втрое больше, если принять въ соображеніе санитарныя условія нашего жидовскаго мѣстечка: такое безобразіе, какое царило въ то время въ Бѣлой Церкви, едва-ли можно было найти гдѣ-бы то ни было.

Во-первыхъ, предшествовавшая холерѣ эпизоотія въ сильной степени содѣйствовала зараженію воздуха, такъ какъ евреи, содравъ кожу съ павшей скотины, трупъ ея отвозили на ярмарочную площадь и оставляли его тамъ незарытымъ, послѣ чего цѣлыя стаи собакъ въ нѣсколько дней обгладывали мясо, кости въ сыромъ видѣ подбирали жиды и складывали подлѣ своихъ жилищъ въ дощатыхъ сараяхъ для продажи на сахарные заводы. Вонь по всѣмъ улицамъ была невыносимая.

Во-вторыхъ, въ ста шагахъ отъ гимназическихъ зданій помѣщается еврейская баня и двѣ бойни на самомъ берегу Роси, въ которую сваливались отбросы съ убитыхъ животныхъ; подъ поломъ боенъ, утвержденныхъ на высокихъ сваяхъ, вѣчно стояли вонючія лужи крови, и какъ подуетъ вѣтеръ со стороны этого вмѣстилища заразы, то даже въ классахъ трудно дышать.

Въ-третьихъ, наконецъ: самый образъ жизни евреевъ и все устройство ихъ жалкихъ жилищъ весьма много содѣйствовали развитію эпидеміи: бѣднѣйшіе изъ нихъ живутъ по нѣсколько семействъ въ лачугѣ и живутъ впроголодь; самыя хаты стоятъ неогороженныя, безъ дворовъ и ретирадныхъ мѣстъ, заражая воздухъ экскрементами.

Получивъ мое донесеніе, князь отнесся къ губернатору, а тотъ къ исправнику, а исправникъ пріѣхавши запечаталъ бойни, велѣлъ немного почистить баню, и уѣхалъ въ свой Васильковъ. А евреи все-таки продолжали убивать скотъ подъ поломъ и по прежнему всѣ внутренности или оставляли тутъ-же на мѣстѣ, или сваливали въ рѣку. Становой приставъ, взявъ съ жидовъ по 100 рублей, смотрѣлъ на все это безобразіе сквозь пальцы. Тогда я вновь обратился къ попечителю. Кончилась эта переписка тѣмъ, что губернаторъ приказалъ въ 24 часа разрушить бойни до основанія, и зловонное мѣсто, гдѣ они стояли, засыпать землею, что и сдѣлано подъ моимъ наблюденіемъ.

Вскорѣ послѣ прекращенія холеры, Бѣлая Церковь понесла весьма чувствительную потерю, въ особенности для бѣднѣйшаго населенія мѣстечка: послѣ 37-лѣтнихъ трудовъ на пользу страждущаго человѣчества скончался штабъ-лѣкарь *Мартинъ Матвѣевичъ Стемпинскій.*

Окончивъ въ 1824 г. Кременецкій лицей и затѣмъ Виленскій университетъ, онъ поступилъ на службу въ сибирскій пѣхотный полкъ въ самый разгаръ Турецкой войны 1829-го года. Переправясь черезъ Дунай, онъ слѣдовалъ съ полкомъ черезъ Болгарію за Балканы и оставался въ Румыніи до 1830 г., т. е. до заключенія мира.

Свирѣпствовавшая въ то время въ Турціи чума еще увеличивала бѣдствія походной жизни. Съ истинно-христіанскимъ самоотверженіемъ покойный ухаживалъ за больными солдатами; перенесъ чуму, отъ которой, по его словамъ, онъ самъ себя вылѣчилъ. Въ 1831 году участвовалъ въ Польской кампаніи. За службу свою онъ получилъ три медали и польскій знакъ

отличія за военныя заслуги. По выходѣ въ отставку, около 12 лѣтъ практиковалъ въ имѣніяхъ Сакена, Бердяева, Гр. Комаровскаго и др. Затѣмъ нѣсколько лѣтъ проживалъ въ Пинскихъ лѣсахъ, съ увлеченіемъ предаваясь охотѣ, а въ 1856 году, для воспитанія дѣтей, поселился въ Бѣлой Церкви. Кромѣ турецкой чумы, покойный пережилъ три холеры (1831, 1848 и 1866 годовъ) и неутомимо подвизался въ лѣченіи крестьянъ и евреевъ.

Въ мѣстечкѣ онъ засталъ нѣсколькихъ врачей, успѣвшихъ до его прибытія захватить въ свои руки прибыльнѣйшую практику, оставивъ на долю М. М—ча однихъ бѣдняковъ. Вотъ отчего покойникъ, при усиленныхъ трудахъ, едва былъ въ состояніи прокормить свою семью. Къ чести его нужно сказать, что стѣсненныя его обстоятельства и ничтожное вознагражденіе (иногда состоявшее изъ рюмки водки) не лишали его энергіи и не доводили до ожесточенія и мизантропіи. Это былъ человѣкъ сильнаго закала: оставаясь неизмѣнно вѣрнымъ своимъ гуманнымъ принципамъ, лѣча безвозмездно бѣднѣйшее населеніе мѣстечка, онъ не отказывался отъ приглашенія къ больнымъ ни въ дождь, ни въ холодъ; его часто будили въ полночь, и онъ спѣшилъ иногда за версту отъ своего жилища къ какому-нибудь бѣдняку. Умеръ онъ въ ночь на 20 мая 1866 г. на 64-мъ году жизни.

Дождавшись утра, старшій сынъ, ученикъ V класса гимназіи, отправился къ пробощу Могильницкому условиться на счетъ погребенія. Ксендзъ не обинуясь объявилъ, что покойный лишается христіанскаго погребенія, такъ какъ онъ нѣсколько лѣтъ не говѣлъ. Изрекши свое non possumus, пробощъ уѣхалъ по епархіи, запретивъ своему викарію хоронить доктора. Ни слезы, ни мольбы не подѣйствовали на этихъ неумытныхъ судей, глядѣвшихъ на терзанія опозоренной семьи съ такимъ-же тупымъ хладнокровіемъ, съ какимъ отцы инквизиціи смотрѣли на горящаго еретика.

Потерявъ всякую надежду похоронить своего мужа по обряду той церкви, которой умершій принадлежалъ во все продол-

женіе своей 64 лѣтней жизни, вдова обратилась къ настоятелю православной церкви съ просьбою позвонить о душѣ и проводить тѣло до могилы. Тотъ согласился. Вся наша ученая корпорація приняла самое дѣятельное участіе въ похоронахъ: три священника, хоръ пѣвчихъ, хоругви и большое стеченіе народа придали похоронамъ торжественный видъ. За процессіей толпилась огромная масса народа и множество евреевъ; нѣкоторые изъ нихъ плакали навзрыдъ съ причитаніями.

Не вдаваясь въ разбирательство каноническихъ правилъ римско-католической церкви, на основаніи коихъ ксендзъ-пробощъ позволилъ себѣ такую оскорбительную для памяти покойнаго выходку, я долженъ сказать лишь слѣдующее. Умирали въ Бѣлой Церкви и не такіе грѣшники, какъ бѣднякъ докторъ, не ходившій нѣсколько лѣтъ до spowiedzi по обстоятельствамъ, о которыхъ ксендзы не потрудились узнать при его жизни, а совершенные язычники по жизни, и ихъ не только безпрепятственно хоронили съ честію, но и надгробныя рѣчи надъ ними говорили, прославляя небывалыя добродѣтели умершаго. За одну изъ подобныхъ рѣчей, сказанную надъ сіятельнымъ тѣломъ, ораторъ получилъ 500 рублей.

Въ одно прекрасное майское утро ко мнѣ пожаловали васильковскій исправникъ Рѣшетиловъ и бѣлоцерковскій приставъ Кашинскій съ покорнѣйшей просьбой уступить мою директорскую квартиру имѣющему прибыть въ мѣстечко Генералъ-Губернатору Безаку, такъ какъ въ Бѣлой Церкви нѣтъ для него подходящаго помѣщенія; въ графскомъ-же палацѣ хотя и была предложена ему квартира, но онъ не согласился занять ее. Какъ ни стѣснительно было это для меня, но я долженъ былъ, скрѣпя сердце, очистить для генералъ-губернатора переднія комнаты; помѣстившись съ женой въ двухъ заднихъ.

Такъ какъ пріѣздъ по маршруту совпадалъ съ обѣденной порой, то я обязанъ былъ позаботиться о приготовленіи для именитаго гостя обѣда. Накрытый столъ со всѣми принадлеж-

ностями ожидалъ его въ залѣ. Но увы! всѣ мои издержки были напрасны, и я, вмѣсто благоволенія начальства, заслужилъ отъ него одно обидное пренебреженіе.

Уже вошедши въ переднюю, Безакъ обошелся со мной до крайности сурово, не отвѣтивъ даже на мой поклонъ. Процѣдивъ сквозь зубы: „сейчасъ пойдемъ въ гимназію!"—онъ сталъ облачаться въ парадную форму. Такъ какъ приставъ объявилъ мнѣ, что въ день пріѣзда генералъ-губернаторъ осмотритъ только гимназическія зданія и займется съ мировыми посредниками и только на другой день будетъ смотрѣть учениковъ, то я и повелъ своего гостя въ главное зданіе: показалъ ему библіотеку, кабинеты—физическій и естественный, отрапортовалъ, гдѣ у насъ что помѣщается, но онъ мнѣ гнѣвно прорычалъ:

— „Что-жъ вы мнѣ однѣ стѣны показываете? Гдѣ ваши воспитанники? Обѣдъ для меня приготовили, а учениковъ спрятали?"

— Здѣшній приставъ передалъ мнѣ распоряженіе в. в—ва собрать учениковъ на завтрашній день.

— Вотъ еще новость: есть у меня время возиться съ вашей гимназіей два дня.

— Если в. в—во прикажете, черезъ полчаса будутъ собраны всѣ ученики, а тѣмъ временемъ не угодно-ли вамъ будетъ осмотрѣть два частные женскіе пансіона и еврейское училище.

Онъ согласился.

Пансіонами генералъ остался доволенъ. Заставивъ учениць послѣдняго класса читать подвернувшуюся на глаза русскую исторію Иловайскаго, которую онѣ знали наизусть, онъ тѣмъ и ограничился. Узнавъ отъ начальницы, что русскимъ языкомъ въ пансіонѣ занимается съ дѣвицами самъ директоръ, превосходительный ревизоръ тутъ-же поблагодарилъ меня за „дѣвочекъ," такъ хорошо прочитавшихъ заученный ими наизусть отрывокъ.

Въ еврейское училище онъ почему-то не зашелъ, хотя мы и проходили мимо. Поспѣшили въ гимназію, гдѣ все сошло съ рукъ благополучно.

Когда уѣхалъ этотъ суровый проконсулъ Юго-западнаго края, я какъ ни старался, но не могъ сообразить, за что онъ былъ, повидимому, лично мною недоволенъ.

Не взирая, однакожъ, на все вышесказанное, этому гордому администратору, напомнившему мнѣ Д. Г. Бибикова, въ десятую годовщину его назначенія Начальникомъ Юго-Западнаго края, мнѣ пришлось, volens nolens, по приказанію нашего правовѣрнаго князя, отослать въ Кіевъ написанный мною панегирикъ для напечатанія въ „Кіевлянинѣ."

Князь Ширинскій изволилъ пожаловать къ намъ безъ всякаго предварительнаго оповѣщенія со стороны канцеляріи, о чемъ такъ сильно хлопочутъ нѣкоторые директоры, чтобы не застали ихъ врасплохъ, имѣя всегда въ канцеляріи попечителя вѣрнаго человѣка. Въѣхалъ онъ на гимназическій дворъ очень скромно и, по указанію дежурнаго служителя, занялъ ревизорскую квартиру, не велѣвъ безпокоить директора, такъ какъ время было довольно уже позднее. Пріѣхалъ князь въ половинѣ мая и потому не испыталъ у насъ тѣхъ прелестей, какія бросаются въ глаза и поражаютъ обоняніе ранней весной, когда разверзаются хляби земныя и небесныя и оживаютъ засыпающіе зимой бациллы и микробы, порождая разныя болѣзни.

Май мѣсяцъ, благодаря живописнымъ окрестностямъ мѣстечка и близости Роси съ ея скалистыми берегами, доставляетъ намъ не мало удовольствія. Великолѣпный садъ Александрія, въ мое время постоянно открытый для публики, замѣнялъ для насъ тѣ общественныя мѣста для гулянья, какими кіевляне пользуются за деньги. Но для нашего сіятельнаго ревизора, повидимому, наслажденіе красотами природы не существовало: какъ заключился онъ въ своей квартирѣ, такъ и просидѣлъ тамъ болѣе 4-хъ сутокъ,—одинъ только разъ выглянулъ за во-

рота для осмотра женскихъ пансіоновъ. Во все время своего пребыванія въ Бѣлой-Церкви онъ не только не принялъ ни одного обѣда отъ директора, питаясь сквернѣйшими порціями изъ мѣстнаго ресторанчика, но даже чашки чаю у него не выпилъ, а посылаемыя ему два раза въ день домашнія сливки пожиралъ его лакей.

Первый день ревизіи посвященъ былъ личному знакомству съ педагогическимъ персоналомъ, которымъ князь остался вполнѣ доволенъ. Въ большинствѣ это были люди молодые, умные, энергичные, обладавшіе знаніемъ своихъ предметовъ въ совершенствѣ, не то, чтб ихъ предмѣстники, съ которыми мнѣ пришлось мучиться впродолженіе двухъ первыхъ лѣтъ моей бѣлоцерковской ссылки. Хорошее впечатлѣніе, произведенное на ревизора симпатичными личностями преподавателей, совершенно оправдалось послѣ ближайшаго знакомства съ ихъ преподаваніемъ. У каждаго изъ нихъ князь побывалъ на урокахъ по нѣсколько разъ. Только преподаваніе предмета Закона Божія ему не понравилось...

Четвертый день пребыванія князя въ гимназіи былъ посвященъ осмотру кабинетовъ физическаго и естественнаго и библіотекъ. Нашъ физическій кабинетъ былъ довольно богатъ инструментами, доставшимися Бѣлоцерковской гимназіи по наслѣдству отъ бывшей Подольско-Винницкой и пріумноженный новѣйшими пріобрѣтеніями.

Кабинетъ Естественныхъ наукъ только что былъ заводимъ тогда. Пользуясь распродажей чучелъ звѣрей и птицъ Юго-Западнаго края, объявленной Кіевской Палатой Государственныхъ имуществъ, я командировалъ преподавателя Стефановича для участія въ торгахъ, и онъ доставилъ въ Бѣлую Церковь около 50 экземпляровъ, изрядно впрочемъ попорченныхъ молью. Покупка съ пересылкой и ящиками обошлась весьма недешево.

Вслѣдствіе преобразованія Бѣлоцерковской гимназіи изъ классической въ реальную, я, помимо обогащенія кабинетовъ, обязанъ былъ позаботиться о пріобрѣтеніи спеціальныхъ сочиненій по естественнымъ наукамъ какъ для фундаментальной,

такъ и для ученической библіотеки. Этому весьма поблагопріятствовало господствовавшее въ 60-хъ годахъ направленіе нашей литературы, ежегодно обогащаемой массою книгъ по разнымъ отраслямъ естествовѣдѣнія, большею частію переводныхъ изъ иностранныхъ языковъ. Располагая довольно значительной экономической суммой, я разновременно пріобрѣлъ все, что только появилось до того времени въ печати замѣчательнаго. И вотъ, дождавшись посѣщенія попечителемъ гимназіи, я надѣялся получить отъ него одобреніе за обогащеніе библіотекъ капитальными сочиненіями фундаментальной, ученической и приходскаго училища, изъ коихъ послѣднія двѣ были мною вновь заведены; но увы! вмѣсто благодарности, я получилъ строжайшій выговоръ. Самыя лучшія сочиненія по естественнымъ наукамъ, по физіологіи и геологіи признаны имъ вредными, и онъ рукою власною похѣрилъ ихъ, не позволивъ оставить ихъ даже для фундаментальной библіотеки въ пользованіе преподавателей, а велѣлъ отослать въ свою канцелярію, считая, вѣроятно, эти книги (напр. Вундта, Дарвина и др.) менѣе вредными и болѣе подходящими для служащихъ въ ней чиновниковъ, чѣмъ для учителей гимназіи. Эти весьма цѣнныя сочиненія, я увѣренъ, пошли за безцѣнокъ кіевскимъ книгопродавцамъ, а выручка за нихъ поступила въ карманы писцовъ.

— Вы, обратился ко мнѣ князь, постарались обогатить библіотеки сочиненіями нигилистическаго направленія, а о книгахъ религіозно-нравственнаго содержанія не позаботились.

— Позвольте мнѣ, в. с—во, въ свое оправданіе сказать, что пріобрѣтенныя книги для реальной гимназіи весьма необходимы, какъ учебное пособіе для преподавателей и ихъ учениковъ: онѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ современнымъ требованіямъ науки; что-же касается книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, то, признаюсь, я не знаю, существуютъ-ли въ нашей богословской литературѣ книги, популярно написанныя для всенароднаго чтенія.

— Что вы разсказываете? наша богословская литература весьма обильна превосходными сочиненіями, которыя только для васъ остаются неизвѣстными.

— Совершенно согласенъ: я не богословъ и не компетентенъ въ выборѣ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія и потому не угодно-ли будетъ в. с—ву, по возвращеніи въ Кіевъ, составить коммиссію изъ людей болѣе меня компетентныхъ, которые-бы указали мнѣ, какія именно книги слѣдуетъ пріобрѣсть для душеспасительнаго чтенія воспитанникамъ старшаго возраста: я увѣренъ, что таковыхъ найдется очень не много, потому-что наши духовные писатели совершенно не умѣютъ писать общедоступнымъ языкомъ.

— Посмотримъ. Я это непремѣнно сдѣлаю.

И что-же? спустя мѣсяцъ я получилъ списокъ, въ которомъ рекомендовано было не болѣе 10 сочиненій. Я ихъ выписалъ, переплелъ, и они, вѣроятно и до сихъ поръ стоятъ на полкѣ въ ученической библіотекѣ нетронутыми.

Если въ порывѣ усердія къ пріобрѣтенію книгъ по естествовѣдѣнію я, вмѣсто благодарности, получилъ порицаніе, то третья моя библіотека—для приходского училища, въ которой князь мнилъ найти массу книжекъ и брошюръ украинофильскаго пошиба, о чемъ ему натолковали въ Кіевѣ Крамаревы и Говорскіе, привело его въ неописанный восторгъ. Эта скромная библіотека, заведенная на частныя средства и стоившая около 300 рублей, предназначена была для чтенія не только ученикамъ, читавшимъ въ кругу семейномъ, въ зимніе вечера, но и для взрослыхъ людей грамотѣевъ, не принадлежащихъ училищу.

Послѣдній вечеръ пребыванія попечителя въ гимназіи былъ посвященъ изысканію средствъ для поднятія въ заведеніи уровня религіозно-нравственнаго состоянія училища.

Наша гимназія была не первою, гдѣ онъ нашелъ несостоятельность преподаванія Закона Божія и душевно скорбѣлъ о томъ, что помочь этому горю онъ не находилъ возможности. Бесѣдуя на эту тему со мной и придумывая разные способы достигнуть того, чтобы наши православные законоучители сравнялись своими качествами съ католическими, въ совершен-

ствѣ выполняющими свою миссію въ нравственно-религіозномъ отношеніи, мы пришли къ такому заключенію.

Надобно предварительно замѣтить, что положеніе законоучителя въ гимназіи въ мое время было поставлено такъ, что преподаваніе Закона Божія нигдѣ почти не могло похвастаться своими успѣхами. Преподаватель этого важнаго предмета, занятый своими вѣчными требами по приходу, составлявшему для него главный источникъ дохода, смотрѣлъ на свою учебную службу, какъ на что-то прибавочное. Получая за свои уроки всего 400 р., онъ мало дорожилъ этою службой; отрываемый постоянно отъ гимназіи, онъ не могъ аккуратно исполнять обязанности законоучителя, а тѣмъ болѣе имѣть вліяніе на нравственность учащихся. Слѣдовательно, чтобы поставить преподаваніе Закона Божія наравнѣ съ другими предметами, нужно радикально измѣнить отношеніе законоучителя къ гимназіи, а именно—чтобы преподаваніе составляло для него главнѣйшую обязанность, а для этого прежде всего его слѣдуетъ освободить отъ исполненія требъ по приходу, уравнивъ его жалованье съ другими преподавателями. При этомъ я, для достиженія предположенной цѣли, предложилъ еще одну, совершенно новую мѣру: пригласить въ законоучители, въ видѣ опыта, только-что окончившаго курсъ Кіевской духовной академіи, еще не принявшаго священства, не въ рясѣ, а во фракѣ, и если онъ, не опираясь на іерейскій санъ, одними своими личными достоинствами успѣетъ пріобрѣсть доброе вліяніе на нравственность воспитанниковъ, заслужитъ ихъ уваженіе и любовь, если онъ, будучи вполнѣ обезпеченъ матеріально, всецѣло отдастся гимназіи, сольется съ общими интересами заведенія, то успѣшное преподаваніе Закона Божія будетъ обезпечено.

Кстати, прибавилъ я, въ этомъ-же 1867 году состоится выпускъ 23-го курса студентовъ—любого можно выбрать [1]).

---

[1]) Изъ числа окончившихъ избранъ магистръ Александръ Дмитричъ Брянцевъ, нынѣ архіепископъ Казанскій Арсеній.

Въ этомъ же совѣщаніи рѣшено было, для усиленія наблюденія за религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ православныхъ учениковъ, подавляемымъ огромнымъ большинствомъ католиковъ, устроить въ зданіи гимназіи домашнюю церковь, представлявшую настоятельную потребность и въ другомъ отношеніи: посѣщеніе воспитанниками приходской церкви не всегда бываетъ удобно по многолюдству прихода и по отсутствію теплаго придѣла въ зимнее время. Черезъ годъ благая мысль сія осуществилась. Церковь устроена на третьемъ этажѣ главнаго корпуса, вмѣстимостью въ 500 человѣкъ. Помимо спеціальныхъ средствъ заведенія, употребленныхъ на устройство храма, успѣшному окончанію этого святого дѣла не мало содѣйствовали разныя лица—одни пожертвованіемъ необходимыхъ предметовъ церковнаго обихода, другіе—безвозмездными трудами. Православная графиня Александра Васильевна Браницкая, возъимѣвъ благое желаніе построить каменныя церкви въ 12 селеніяхъ своихъ владѣній, заготовила для нихъ утварь, но скоро затѣмъ послѣдовавшая кончина ея лишила ее возможности привести въ исполненіе задуманную мысль; при наслѣдникахъ же ея, католикахъ, 12 большихъ ящиковъ съ церковною утварью простояли безъ употребленія, заколоченные наглухо въ кладовой среди разнаго хлама. Одинъ изъ такихъ ящиковъ, по моему ходатайству, былъ пожертвованъ гр. Владиславомъ на нашу церковь. Въ немъ оказались серебряные вызолоченные предметы: потиръ, дискосъ, звѣздица, копіе, лжица, ковшикъ, дарохранительница, напрестольный крестъ, два евангелія и три священническія облаченія.

Въ числѣ означенной церковной утвари нынѣ находится евангеліе, полученное въ даръ Бѣлоцерковской гимназіей при ея открытіи въ 1847 году отъ приснопамятнаго митрополита Филарета.

Изъ лицъ, потрудившихся при устройствѣ церкви, первое мѣсто принадлежитъ учителю рисованія И. Г. Осмоловскому. Этотъ ревностный строитель иконостасовъ, извѣстный не въ одной Кіевской губерніи, съ особеннымъ усердіемъ производилъ

работы при весьма скудномъ вознагражденіи за труды, почти равномъ стоимости матеріала. Иконостасъ состоитъ изъ одного яруса образовъ, съ позолотой по бѣлому полю. Мѣстныя иконы Спасителя, Богоматери и святителя Николая вышли изъ мастерской Осмоловскаго; храмовая-же икона св. апостоловъ Архипа и Филимона, плащаница и еще два образа Кн. Владиміра и Александра Невскаго написаны художникомъ Сошенкомъ. Послѣднія двѣ—въ память двукратнаго чудеснаго спасенія жизни Императора Александра II отъ покушенія на оную 4 апрѣля 1866 и 25 мая 1867 года, съ надписью: „отъ учащихъ и учащихся.“

Наша гимназическая церковь устроена въ память Св. апостоловъ Архипа и Филимона, празднуемыхъ 19 февраля. Руководящею мыслью устроить церковь въ память сихъ святыхъ было закрѣпить въ памяти бывшаго крѣпостного люда, обитателей м. Бѣлой Церкви, великій день 19 февраля 1861 года. Святъ этотъ день для крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостнаго гнета, который былъ особенно чувствителенъ для нихъ въ нашемъ Юго-Западномъ краѣ. Въ Бѣлой Церкви въ этотъ день въ мое время совершаемъ былъ крестный ходъ изъ главной приходской церкви въ волостное правленіе, гдѣ всенародно отправлялся благодарственный молебенъ.

Свѣдѣнія о жизни и дѣятельности святителей Архипа и Филимона заимствованы живописцемъ изъ Четь-миней; они заключаются въ слѣдующемъ:

Въ I вѣкѣ христіанства, въ небольшомъ малоазійскомъ городѣ Колоссахъ, жилъ весьма именитый и благочестивый мужъ Филимонъ, ревностный послѣдователь Христова ученія, вмѣстѣ съ женой своей Апфіей и сподвижникомъ Св. апостола Павла Архипомъ; онъ-то и положилъ начало христіанской церкви въ родномъ городкѣ. Живя посреди язычниковъ, небольшая горсточка христіанъ собиралась въ домъ Филимона слушать проповѣди Архипа. Въ одно изъ такихъ собраній, когда въ домѣ Филимона совершалась безкровная жертва, язычники въ своемъ храмѣ праздновали вакханаліи. Пылая злобой на послѣдователей но

ваго ученія, буйная толпа нечестивыхъ ворвалась въ домъ Филимона и умертвила всѣхъ находившихся христіанъ.

Художникъ избралъ моментъ, когда ап. Архипъ говорилъ послѣднюю свою проповѣдь. Спереди на первомъ планѣ стоитъ домовладыка Филимонъ и жена его Апфія, въ богатыхъ одеждахъ, за ними небольшая группа людей бѣдно одѣтыхъ; на лицахъ отражается напряженное вниманіе къ словамъ божественнаго ученія; а тамъ вдали возвышается языческое капище, съ колоннами и пляшущими вакханками. Митрополитъ Арсеній, коему былъ мною представленъ этюдъ на утвержденіе, нашелъ неприличнымъ изображать на св. иконѣ нагихъ женщинъ и совѣтовалъ живописцу если не уничтожить ихъ вовсе, то по крайней мѣрѣ отодвинуть на самый дальній планъ, что И. М. Сошенко и исполнилъ въ точности.

Главная идея храмовой иконы, которую желалъ выразить художникъ—показать совпаденіе сюжета картины съ событіемъ 19 февраля—осталась не вполнѣ выраженной; но крайней мѣрѣ, всякій, кто знакомъ съ житіемъ Филимона, при взглядѣ на икону, не замѣтитъ главной мысли, а она заключается въ слѣдующемъ:

У аристократа Филимона былъ рабъ, который, провинившись передъ господиномъ, изъ страха наказанія, сбѣжалъ и очутился въ Римѣ, гдѣ въ то время томился въ темницѣ ап. Павелъ; къ нему-то и обратился бѣглецъ, прося защиты. Апостолъ внялъ моленію раба и написалъ свое боговдохновенное посланіе къ Филимону (гл. I ст. 10, 11, 12,—18) ...„прошу тебя о сынѣ моемъ Онисимѣ, котораго родилъ я во узахъ моихъ... я возвращаю его тебѣ, ты же прими его, какъ мое сердце... онъ для того быть можетъ отлучился, чтобы вернуться къ тебѣ не рабомъ, но выше раба—*братомъ возлюбленнымъ*“...

Онисимъ вручилъ господину апостольское посланіе и по слову Апостола принятъ Филимономъ не какъ рабъ, а какъ братъ о Господѣ.

Въ числѣ предстоящихъ христіанъ художникъ помѣстилъ на картинѣ и Онисима, который ничѣмъ особеннымъ не отли-

чается отъ другихъ лицъ, и потому цѣль живописца не вполнѣ достигнута. Во всякомъ случаѣ, пріятель мой Сошенко имѣлъ въ виду провести параллель между освобожденіемъ отъ рабства чрезъ посланіе апостольское Онисима и освобожденіе по манифесту 19 февраля 23 милліоновъ такихъ-же рабовъ, какимъ былъ восемнадцать столѣтій тому назадъ духовный сынъ апостола Павла.

Если покойному Ивану Максимовичу не удалось выразить эту аналогичную параллель (чему отчасти не мало препятствовали тѣсныя рамки картины), то сюжетъ ея достоинъ того, чтобы какой нибудь выдающійся своимъ дарованіемъ иконописецъ написалъ такую, которая бы была вполнѣ достойна событія 19 февраля 1861 года[1]).

По характеру управленія Кіевскимъ учебнымъ Округомъ Н. И. Пироговъ и кн. А. П. Ширинскій представляютъ два контраста, если хотите—двѣ крайности, а французы говорятъ: les extrémités se touchent. Пироговъ своимъ космополитизмомъ далъ усилиться въ Юго-западныхъ гимназіяхъ польскому элементу, а евреи подъ его покровительствомъ высоко подняли голову, какъ нація избранная; господствующее-же коренное населеніе въ краѣ—народныя массы—для него ничего не значили: онъ игнорировалъ эти массы.

Кн. Ширинскій—безпощадный гонитель евреевъ и поляковъ, ксендзовъ и раввиновъ, ни въ какія компромиссы съ ними не входилъ, не дѣлая ни шагу уступки ни одной, ни другой національности ко вреду народно-русской, хотя народность эта понята имъ узко, своеобразно.

Отношенія наши, натянутыя сначала, сразу измѣнились, коль скоро онъ воочію убѣдился во время своей ревизіи, что я

---

[1]) Подробности устройства храма въ Бѣлоцерковской гимназіи желающіе могутъ найти въ Епархіальныхъ Вѣд. 1868 г. № 10.

безъ всякихъ съ его стороны внушеній, не спрашивая у него оффиціальныхъ разрѣшеній, много уже для гимназіи дѣлалъ самостоятельно, на свой страхъ. Его печатный отчетъ о ревизіи Бѣлоцерковской гимназіи полонъ однихъ похвалъ и одобреній всѣмъ моимъ дѣйствіямъ по управленію заведеніемъ.

Въ заключеніе воспоминаній о попечительствѣ Ширинскаго помѣщаю два письма его изъ Москвы, послѣ оставленія имъ К. Уч. Округа.

I.

М. Г. М. К—чъ! За добрый прощальный привѣтъ вамъ примите мою искреннюю признательность! Сердечно жалѣю, что мнѣ не суждено оставаться далѣе въ Кіевскомъ Округѣ и быть участникомъ въ предстоящемъ преобразованіи западной половины его. Если останется за мною доброе слово моихъ сослуживцевъ (не всѣхъ, конечно,—на это я не претендую, а нѣкоторыхъ: тѣхъ, которымъ я вѣрилъ и которые мнѣ вѣрили), то я останусь вполнѣ доволенъ трехлѣтнею моею здѣсь службою. Позвольте мнѣ отъ души поблагодарить васъ и вашихъ почтенныхъ сослуживцевъ за ваши труды по гимназіи во время моего управленія Округомъ, за ваши сердечныя, а не казенныя отношенія къ дѣлу. Бѣлоцерковская гимназія не дала мнѣ ни одной минуты неудовольствія. Если она и не дошла еще до той степени процвѣтанія, до которой, безъ сомнѣнія, достигнетъ со временемъ при такихъ отношеніяхъ ея состава къ дѣлу, какія теперь существуютъ,—то это не вина служащихъ и начальствующихъ ею, а скорѣе вина неизбѣжнаго слѣдствія той ломки, которой подвергаются всѣ наши заведенія, и которая, конечно, будетъ благотворна,—но только тогда, когда дѣло установится на прочныхъ началахъ и переходная эпоха кончится. Отъ души желаю вамъ долго и долго управлять вашей гимназіей и радоваться, глядя на то, какъ вашими стараніями она годъ отъ году будетъ улучшаться.

Примите увѣреніе и пр. 13 іюля 1867 г.

II.

Возвратясь на дняхъ изъ продолжительной поѣздки по Округу, я имѣлъ удовольствіе найти у себя на столѣ письмо ваше отъ 6 іюля и № „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ [1]).

Отъ души поздравляю Васъ, какъ храмоздателя, дождавшагося освященія храма, и искренно благодарю за вашу добрую память и вниманіе ко мнѣ. Дай Богъ, чтобы храмъ Божій имѣлъ то благотворное вліяніе на воспитаніе нашихъ полурусскихъ, которыми переполнены наши западныя гимназіи, котораго мы вправѣ ожидать, если настоятели и законоучители будутъ столько же ревностны и заботливы, каковы (нужно отдать имъ справедливость) милые ксендзы.

Здѣсь я совершенно въ другой сферѣ. Весь округъ состоитъ изъ единовѣрной и единокровной массы, и нѣтъ у насъ никакихъ смахивающихъ на политику вопросовъ. Казалось-бы, чего и желать, когда все, благодаря Бога, кругомъ тихо и спокойно! Но 10-лѣтнее пребываніе въ Западномъ краѣ пріучило какъ то къ борьбѣ съ вражьей силой, что, согласитесь, имѣетъ также свою добрую сторону, и потому мнѣ кажется, что я попалъ въ кукую-то штилевую полосу, говоря по морскому, и право не прочь бы былъ возвратиться опять къ порывистому и подчасъ свѣжему вѣтру. Такъ созданъ человѣкъ!

Впрочемъ, въ мои лѣта жалѣть о томъ, что попалъ въ мирную сторону изъ боевой, ужъ не приходится. Инвалидамъ нужны мирныя занятія, а здѣсь они таковы, и дай Богъ, чтобы другихъ у насъ и не было, да надѣюсь, что и быть не можетъ. Молодежью и состояніемъ большей части гимназій я доволенъ. Годъ прошелъ въ знакомствѣ съ Округомъ.

Позвольте пожелать вамъ и всѣмъ вашимъ почтеннымъ сослуживцамъ продолженія той-же энергіи, той-же заботливости

---

1) По совершеніи освященія домашней гимназической церкви, устроенной по иниціативѣ Князя, ему былъ посланъ № „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, въ которыхъ напечатано какъ самое торжество освященія, такъ и рѣчь законоучителя Брянцева.

о молодежи, вамъ ввѣренной, какими отличалась Бѣлоцерковская гимназія во время моей службы въ Кіевѣ. Да поможетъ вамъ Богъ сдѣлать всецѣло русскими вашихъ полуополяченныхъ питомцевъ и крѣпко вкоренить въ нихъ твердость въ Вѣрѣ и общерусскаго чувства въ любви къ родинѣ. Задачи трудныя, но съ Божьей помощью и настойчивостью въ ея исполненіи выполнимыя на вѣчную славу исполнителя! Поручаю себя доброй памяти Вашей, искренно уважаемый Михаилъ Корнѣевичъ.

Прошу васъ принять и проч. 26 іюля 1868 г. Москва.

---

9 сентября 1844 года Попечителемъ Кн. Давыдовымъ подписано мое опредѣленіе на службу въ Винницкой гимназіи, а 9 сентября 1869 года исполнилось 25-лѣтіе моей учебной службы. Сотрудники мои принесли мнѣ задушевное поздравленіе и почтили въ этотъ замѣчательный для меня день обѣдомъ въ квартирѣ инспектора и танцовальнымъ вечеромъ въ гимназическомъ залѣ, закончившимся ужиномъ съ большимъ возліяніемъ.

М. Чалый.

ЗЕМСЬКЫЙ ГЛАСНЫЙ.

— Охо—хо—хо—а—а! Матери ёго ковинька, якъ погано! Чы я не выспався, чы заслабъ? Ихе!.. А може вже й часъ вставаты?

Петрусь ледве пидвився на лижку, протягъ руку до гардыны и одкынувъ ii на бикъ. Въ кимнати зразу зробылось выдно, такъ що Петрусь заплющывъ очы и нарешти знову упавъ головою на подушкы. Полежавшы такъ ще скилько хвылынъ, винъ знехотя протягъ руку до маленького столыка, що стоявъ биля лижка, налапавъ тамъ годынныкъ и пиднисъ до своихъ заспаныхъ очей.

— Тю, тю! Та вже девьята годына!.. Кулыно!.. Кулыно́, говъ!—скилько сылы зарепетувавъ винъ, якъ несамовытый.

Въ зали почулысь тыхи ступни, нибы хто йшовъ у панчохахъ, а незабаромъ у дверяхъ спальни Петруся выявылась стара женщына, чымало зигнута у стани и одягнута въ панську одежу. То була маты Петруся, стара Кущивна.

— Вже й ты, Петрусю, прокынувсь... А я двичи зазырала до тебе въ кимнату... ты такъ гарно та мицно спавъ, що я пожалила тебе будыты и стривожыты твiй покiй. Вставай-же мерщiй, мiй мылый сыну, бо вже й кофе готове, ще перекыпыть...—Въ голоси матери чулась ласкависть, прыхильнисть и щыра любовъ.

Тымъ часомъ до лижка пидійшла дуже красыва, породыста собака; швыдко кываючы хвостомъ и высолопывшы червоного языка, вона пыльно дывылась въ очи паныча, а дали своимъ носомъ наблызылась надто до самыхъ вустъ Петруся.

— Альфа!... молодець собака!.. Иси—ту! Ну...— И Петрусь хлопнувъ рукою по лижку биля своихъ нигъ. Собака скочыла на лижко, двичи окрутнулась на однимъ мисци, пидобгала пидъ себе хвистъ и протяглась, не зводячы выразныхъ очей зъ Петруся.

Стара маты постояла трошкы на порози кимнаты и, не диждавшысь видъ сына прывиту, повернулась и пишла въ столову, схылывшы ничымъ непокрыту, вже сыву голову.

— Чы вы и досы спыте? Ось побачыте, якъ такъ довго будете спаты, то звидкилясь выросте верба. А, ій-же Богу, правда!.. Вставайте, та мерщій, бо треба кимнаты попрыбирать, а вже й не рано, да мени й николы... Чуете? Панычу!—И Кулына, высока, повновыда, ще молода, та до того гарна на облыччя дивчына метнулась по кимнати, стыха ступаючы босымы ногамы по-пидлози, взялась було за стилець, потимъ кынула ёго, схопыла зъ канапкы панычеву одежу, кынула іи на лижко, а дали ухопыла одежану щитку й нащось положыла іи на полыцю, де лежало килька книжокъ.

— М—м—мъ!—потягся панычъ, не розплющуючы очей.

— Чы вы чуете, що я кажу? Якъ не встанете заразъ, то й кимнаты не буду прыбирать!

— М—м—мъ!.. Ку—лы—но...—панычъ нибы зпросоння мымрывъ.

— Чого тамъ „Кулыно“? Аже-жъ я тута!...

— Пиднимы мене! м—м—мъ!

— Дывиться, люде добри! Ото кумедія!.. нибы мала дытына... Ще, може, въ ротъ чого треба даты? Кажу вамъ, що часъ вставаты!

— Кулыно... м—м—мъ... мени щось не тее... у мене щось таке...—мымрывъ той, неначе й справди мала дытына.

— Ще выгадаете чого инчого... Чы не переспалы часомъ вы, панычу, а може вчора у-вечери обйилысь чымъ?

— Кулыно, мое серце... ой! ну-жъ-бо, пидійды до лижка блыжче!

— Знову за свое! Якъ я бачу, вы ще не выспалысь, то й спить соби—про мене... А я пиду до роботы!—И Кулына пишла була у залу.

— Кулыно, постій! я тоби кажу... сердытымъ голосомъ сказавъ панычъ.—Дай мени чоботы!

— Адже воны стоять коло лижка...

— Кажу тоби—подай!

— Ну, то й нате...

Не вспила Кулына взять чоботы у рукы, якъ панычъ раптомъ пидвився зъ лижка и ухопывъ Кулыну за плечи.

— Чы вы не здурилы? Одчепиться, кажу вамъ. Мабудь ничого робыть зъ жыру. Тьфу!—Кулына вырвалась одъ паныча и прожогомъ кынулась у залу.

— О, та й превража дивчына!—зъ серцемъ проказавъ панычъ.—Ну, зажды: колы-небудь и на моій вулыци буде празныкъ...—Ёго молоде лыце розчервонилось, очи посоловилы, а у грудяхъ нибы щось спырало, такъ що тяжко було дыхаты.

Посыдывшы ще трошкы, панычъ знехотя почавъ одягатысь, чипляючысь до собакы. Та скочыла на пидлогу, потяглась та понюхала, якъ це звычайно роблять собакы, а дали почала скакать коло паныча.

— Не смій... Иси-ту! Кушъ! Ахъ, ты вовча! а ляпаса не хочешъ?—Петрусь замырився на собаку кулакомъ; та одразу похылыла голову до-нызу и, ледве ступаючы по пидлози, посунулась въ кутокъ кимнаты.

II.

— Мамо, говъ!! а налыйте мени кофе, бо я заразъ!—закрычавъ Петрусь на всю пельку такъ, що собака злякалась, схопылась зъ мисця и зализла пидъ лижко.

Стара пани здригнулась всимъ тиломъ и зляканымы очыма зазырнула черезъ двери столовои у залу, де Петрусь крутывся передъ здоровымъ дзеркаломъ, роздывляючысь на свое лыце, зубы и

свою постать. Крутнувшись ще разъ на йидному мисци, Петрусь пиднявъ рукы у-гору и на одній нози пострыбавъ черезъ залу у столову, килько духу заревивши писню:

Ой, продала дивчынонька сало,
Та купыла козаку кресало...

— Ну и чого ты репетуешъ на всю хату? Тилько мене лякаешъ. Килько разъ я просыла тебе не робыты такого гвалту у хати...—тыхо й прывитно одказала маты Петрусю, якъ той выйшовъ въ столову.

— Альфа, сюды!.. Иси-ту! кушъ!.. та ну-жъ-бо, вовкъ тебе рижъ! Иси-ту!—заревивъ Петрусь на собаку.—Ахъ ты, падло, ще не слуха! Ну!..—Петрусь бехнувся на стилець, заложывъ рукы въ кышени, простягъ килько можна було свои ногы и позихнувъ.

— Що це ты позихаешъ? не выспався, чы що?

— А хто ёго знае... може й такъ... Миркую, що на непогоду, бо у жывоти неначе каминь лежыть... А—а—а!—Петрусь знову позихнувъ такъ, що мало було щелепивъ не звернувъ.

— Тьфу! ото прытычына!

— Ты-бъ що-небудь робывъ, Петрусю, то такъ довго-бъ не спавъ,—несмилыво проказала маты.

— А чомъ-же вы мене не збудылы? Може-бъ я що-небудь у-ранци й утнувъ.—

Стара пани зитхнула, а Петрусь, звисывшы голову на груды, почавъ злегенька мишаты кофе. Маты хотила щось запытаты сына, але винъ зразу пидвивъ голову, зареготався и дуже голосно свыснувъ.

— Оце такъ штуку учора упоролы мы зъ Лапченкомъ, такъ штуку!.. Ха—ха—ха! Йшлы лисомъ, отымъ що выходыть на болото. Колы въ самій гущыни Лапченко уздривъ стару Катрычку, оту вйидлыву, языкату та зубату видьму, що на хутори никому спокою не дае. Вона збирала грыбы. Ахъ ты, вовкъ тебе рижъ! Килько разивъ було наказувано всимъ и цій капосній баби, щобъ не тынялысь по нашому лиси та не товклы

травы! Такъ ни! бисова Катрычка робыть свое... Що ій робыты? Колы Лапченко удумавъ штуку... ха—ха—ха! Піймалы мы тую бабу, завернулы спидныцю до-горы и звьязалы на голови, а клунокъ зъ грыбамы повисылы на шыю. До того Лапченко ще скилько разивъ улупывъ ій арапныкомъ. Треба було бачыты, якъ вона тыкалась то туды, то сюды!.. Ха—ха—ха! Дали мы нибы пишлы до-дому, сховалысь за стовбурамы дубивъ, та дывымось, що буде робыть капосна баба: то мы було жывоты урвалы регочучысь, якъ вона почала пручатысь, щобъ якъ-небудь розвьязать спидныцю. Я—такъ ажъ за землю хватаюся та регочусь; а Лапченко ще й прыказуе стыха: оце тоби, бабо, грыбы, а це печерыци! Не ходы, превража баба, куды не велять! Ха—ха—ха! Колы-бъ вы бачылы, мамо, ту кумедію!.. Жаль, що попалась стара: отъ колы-бъ молода, то мы-бъ упоролы штуку, вовкъ ёго рижъ!.. Ха—ха—ха!

Петрусь одкынувся на спынку стильця и ще дужче зареготався.

Стара пани почервонила зъ лыця и нервово почала перетыраты посуду. Петрусь знову звисывъ голову на груды и чогось замыслывся.

— Ты-бъ, сыну, пройихавъ сёгодня у городъ и зробывъ-бы те, що я казала тоби учора. Мени чогось сёгодня нездужается, рукы й ногы якъ не мои... Пойидешъ?—спытала маты.

— Этъ не хочу... хай воно западется! Мы сёгодня зъ Лапченкомъ та Суховіемъ пидемо бекасивъ трощыть.

— Я-жъ тоби кажу, що не здужаю... а йихаты треба... Колы-бъ знаття, що Мыкола сёгодня прыйиде, то я-бъ тебе й не просыла... Пойидь-но, мій сыночку, пожалій стари материны кисткы!

— Ото прысикалысь: пойидь да пойидь! А що я тамъ буду робыть? Чы я знаю, якъ и що? Треба ходыты, та балакаты, та людей шукаты, а я цёго не вважаю. Хай воно западется,—я не пойиду! Альфа, иси-ту!—крыкнувъ Петрусь, якъ навиженый и, зирвавшысь зъ стильця, прожогомъ кынувся у двери, а дали черезъ залу у квитныкъ.

Стара пани тяжко зитхнула, вытерла на лыци слёзу, що скотылась зъ викъ, и пишла у свою горныцю.

III.

Квитныкъ бувъ чымалый и дуже гарный,—винъ прыходывся якъ-разъ проты дверей залы. Навкругы квитныка тиснылыся груши, яблуни, вышни, а тамъ дали манячилы роскишни кущи поричокъ, агрусу, малыны и де-чого другого. Одъ квитныка на вси стороны разбигалысь чысти, посыпани пискомъ дорожкы и ховалысь десь по-за кущамы ягидъ и квитокъ. Ранокъ бувъ чудовый. Тыхо, тепло й свитло. Чысте-чысте небо, ажъ сыне, роскынулось надъ головою; сонце сыпало зверху теплымъ проминнямъ. Одъ квитныка нисся дуже прыемный ароматъ, такъ що груды роспырало й здавалося, нибы не хватало воздуху. Въ трави й кущахъ цвиринькалы коныкы, гулы мухы й бжолы; горобци и инчи птахы перелиталы зъ дерева на дерево й голосно щебеталы. Навкругы було залено-зелено й дуже гарно.

Выскочывшы у квитныкъ, Петрусь зразу зупынывся на мисци, оглянувся навкругы, потягъ килько сылы було у груды свижого ароматычного воздуху, а зъ вустъ вырвалысь слова: „Ото гарный день!.. Ху, якъ гарно дыхнуты!

Альфа подывылася на Петруся своимы выразнымы розумнымы очыма, нибы тямыла мову паныча, захытала хвостомъ и лызнула руку ёго.

— А, бисова, ще цилуватысь до вустъ полизешъ!—закрычавъ той и давъ ляпаса собаци.

Петрусь забрався пидъ грушу, зирвавъ спилійшу, зйивъ, а дали посунувся до малыны й почавъ ею набываты соби рота. Колы це щось недалеко хруснуло. Винъ глянувъ туды й убачывъ Кулыну. Все лыце Петруся спалахнуло нибы жаромъ, винъ покынувъ йисты малыну и метнувся до Кулыны.

— О, теперъ, бисова дывчыно, я тебе спіймавъ!—жартовлыво проказавъ Петрусь и схопывъ ій за рукы.

— Тю—тю на васъ! чы вы не здурилы? знову прысикалысь? Чы вы хочете, щобъ я пишла матери вашій жалиться?

Що це за напасть,—одъ васъ, якъ одъ шевськои смолы, неможна одкараскатысь. Гетьте! не зачипайте!.. Ойде, на городи, други дивчата—до ихъ чипляйтесь!..

— Якого ты биса репетуешъ, чы я тоби що роблю?—аже-жъ я тилько жартую!

— Одчепиться зъ своимы жартамы!.. Йидять та сплять та одъ жыру бисятся. Чы до лыця вамъ чиплятысь до простыхъ дивчатъ? Адже барышни ваши до простыхъ хлопцивъ не вьяжутся!

— Гмъ... Ты, Кулыно, дурна есы! То хлопци, а то барышни... Намъ, хлопцямъ, все можна; а барышнямъ — зась! Да й гедзьковата-жъ ты, Кулыно, хай ты здорова будешъ! ну, попытать у тебе—чого ты брыкаешся?

— Ой, не давайте воли рукамъ, кажу вамъ; я не подывлюсь, що вы панычъ... Идить соби до другои, а мене не зачипайте.

— Тьфу на тебе, яка ты брыклыва... И цуръ тоби и пекъ тоби! Бильшъ не буду чипляться!..

Петрусь сердыто позырнувъ на Кулыну и подався у гущыну сада, звидкиля нисся тыхый дивочый голосъ.

Петрусь тыхенько пидійшовъ до того мисця, звидкиля чулася писня, и стыха почавъ наблыжатысь мижъ кущамы, держачы Альфу за ошыйныкъ. Мижъ лыствою выднилась дивчына; вона збирала смородыну и тонкымъ голосомъ выводыла смутну писню. Це була ще зовсимъ молода, повногруда дивчына, зъ гарнымъ довгообразымъ лыцемъ, чорнымы бровамы й карымы очыма. Хустка була повьязана нызько на голови, щобъ соняшне промыння не падало на лыце; зъ-пидъ хустки кари очи тилько, блыщалы, якъ вона позырала навкругы. Петрусь не зводывъ своихъ очей зъ дивчыны й любовався ею, якъ вона безпешно рвала смородыну, въ думкахъ не маючы, що такъ блызько одъ неи винъ. Колы це зразу:—а держы—ы... а—ту іи... А—о—а—гы—ы!—заревивъ панычъ и якъ куля вылетивъ зъ-за кущивъ, а за нымъ гавкаючы Альфа. Дивчына пыснула й хотила було побигты, але побачывшы паныча, зупынылась и стала. Петрусь схопывъ іи за талію и пиднявъ, якъ малу дытыну, на рукахъ.

— Попалась, Оксаночко! Чы бачъ, якого злодія піймавъ!

— Ой, не давить такъ, цуръ вамъ! Пустить, а то закрычу!—Петрусь спустывъ іи до-долу, держучы одною рукою за талію.

— Злякалася?—реготався винъ.

— Ато-жъ й ни!—усмихнувшись сказала Оксана.—Хиба-жъ таки можна лякать отакъ... зразу, та ще й зъ собакою... Ой, якъ же я злякалася, ажъ серце тёпается...

— Тёпается? а ну, де въ тебе серце? нехай и я почую, якъ воно тамъ тёпается...

— Чекайте-но! пустить,—дивчата убачать.

— Отже-жъ и у мене серце тёпается, Оксано... Ой, колы-бъ ты знала, моя люба, якъ ты мени сподобалася!

— Кажить ще що-небудь...—Оксана вся зачервонилась й пыльно-пыльно подывылась въ очи панычеви.

— Чомъ же ты мени виры не ймешъ?.. Оксано, мое серце! нехай мене правцемъ поставыть, колы брешу... Не вирышъ?— Петрусь ще блыжче прытыснувъ до себе дивчыну; вона вже не пручалась, а якъ пидбыта горлыця, притулылася до шырокыхъ, высокыхъ грудей Петруся, прыслухаючысь до тіеи мовы, котра виддавалась въ іи молодій души чудовою музыкою; вона почувала, якъ тило іи въ цыхъ дужыхъ рукахъ млило, а духъ у горли спырало. А Петрусь тымъ часомъ тыхо та ласкаво говорывъ.

— Чому вчора у-вечери не выйшла пидъ лыпу? Я тебе тамъ ждавъ—ждавъ... Ой, выйды, моя дивчыно, моя рыбчыно, я-жъ тебе кохаю! Выйдешъ сёгодня?

— Ой, панычу, боюся я выходыть, бо дознаются други, то пропало мое жыття,—буде поговиръ на все село й хутора...— Оксана засоромылась и спустыла очи до-долу; высоки груды тяжко пидіймалысь и спускалыся. Петрусь не спускавъ зъ іи очей, а дали знову схопывъ іи, якъ малу дытыну, на рукы, закынувъ іи голову назадъ и своимы палкымы вустамы, якъ пьявка, упывся въ губы Оксаны.

— Я тебе зовсимъ розчавлю, я тебе...

— Папы—ы—чу, говъ! почувся недалечко дужый гукъ Пантюха, кучера Кущивъ.

Оксана, мовъ птаха, рванулась изъ рукъ Петруся и зныкла у кущахъ смородыны.

— Атъ, чорты ихъ розносылы!—зъ серцемъ гукнувъ Петрусь.—Гляды-жъ, Оксано, мое серденько, выходь у-вечери пидъ лыпу... а? прыйдешъ?

— Па—ны—ы—чу... го—о—овъ! гукавъ Пантюхъ.

— Выйды жъ серденько, а то безъ тебе пропаду!... — Та чую, не позакладало! И чого ты надсидаешся? адже я не глухый...—казавъ Петрусь, выходячы изъ кущивъ.

Пантюхъ стоявъ на дорижци, оглядався на вси бокы та потягавъ коротеньку люльку.

— Ось де вы, а я все гукавъ-гукавъ, ажъ горлянку увирвавъ,—отъ сучый сынъ буду, колы брешу!

— А и брешешъ...

— Цебъ то я? ни, кажу—якъ передъ Богомъ: гукавъ-гукавъ...

— Гукавъ-гукавъ!—передражнывъ ёго панычъ.—Я-жъ кажу, що гукнувъ двичы, чы трычы, та вже й гукавъ... Бачъ, брешешъ!

— Нехай собакы брешуть... Я гукавъ може разивъ зъ двадцять, ще ажъ на двори... колы жъ вы таки, що васъ ніякъ не доклычешся... Брешешъ! Пантюхъ, ще николы не брехавъ!—

— Ну, базикай соби... По якому дилу гукавъ?

— Та це нащотъ Ваты... чы пойидете на ій сёгодни, чы може якъ и вчора... адже вона може застоятысь...

— Тю—на твого лысого батька и тебе дурного! Такъ оце по цёму дилу й гукавъ?

— А що-жъ!—вытрищывшы очи на Петруся спытавъ Пантюхъ.

— Якъ-то „а що-жъ“? я тоби скилько разивъ заказувавъ, щобъ ты не пытавъ, а такы запрягавъ коня та й годи!

— Колы-бъ такъ—то й добре... Адже вы у-чора ще зъ ранку заказувалы, щобъ я вамъ нагадавъ сёгодня?

— Нагадавъ! онъ бачъ, що дурный... Ну, ходимъ, побачымо, що и до чого.

Пантюхъ выйнявъ зъ рота люльку, плюнувъ на бикъ и стыха проказавъ: „колы-бъ вси булы таки розумни, якъ ты, то мабуть на свити все робылось инакше".

— Панычу! на що це вы по грядкахъ йдете? адже жъ дывится, скилько шкоды наробылы...

Петрусь и самъ не знавъ, якъ винъ забрався у грядкы зъ клубныкою.

— Тю—тю! а я й не прымитывъ. Ну, та ничого,—поросте вдруге!—усмихаючысь казавъ винъ.

Пантюхъ и соби осмихнувся, переложывъ люльку зъ одного бока рота на другый и юморыстычно проказавъ:

— Мабудь такъ вона поросте, якъ торикъ поросты на городи огиркы та квасоля, що вы зъ собакамы вытовклы...

Але Петрусь не чувъ мовы Пантюха. На двори винъ уздривъ табунъ гусей. Петрусь схопывъ Альфу за морду, повернувъ до гусей и скилько духу закрычавъ;

— Ату ёго! а та—та—та! Беры—ы...

Гусы сполохнулысь и кынулысь зъ двору на поле, за нымы Петрусь и Альфа.

— А та—та—та!... А—ту—у!

— Отъ-туды къ бису!—зъ досадою проказавъ Пантюхъ,—и що ёму ціи гусы зробылы?... Теперъ жды ёго...

Тымъ часомъ зъ поля нисся крыкъ панычa, гучне гавкання Альфы. Гусы кынулысь въ ростичъ, хто куды. Альфа бигла за гусьмы й озыралась на Петруся, нибы пытала чы навсправжкы треба хапаты гусей, чы може такъ соби—полякать... Але побачывшы, що Петрусь навсправжкы ударывся за гусьмы та килько духу крычавъ, увьязалась и соби за йидною гускою. Побачывшы, що неперелывкы, гуска кынулась у просо, прямуючы у высоке жыто, а дали, почувшы, що собака, якъ кажуть вже на хвости,—упала й перевернулась до-горы, видкынувшы голову й ногы, нибы нежыва. Альфа стала надъ нею, уткнула свій нисъ въ черево гускы й зомлила на мисти. Петрусь, не

жаліючы своёго проса, куёвдывся на ёму, якъ Марко по пеклу... Може-бъ довго ще товкся винъ въ поли, колы-бъ зненацька не наблызывся до того мисця на биговыхъ дрожкахъ Мыкола, старшый братъ Петруся.

Убачывшы таку шкоду, винъ гнивно подывывся на брата, а лыце ёго спалахнуло полумьямъ.

— Чы вже часъ наставъ просо косыть, чы що?—спытавъ винъ Петруся.

Петрусь кынувъ гуску и пидійшовъ до брата. Ёго очи сяялы, увесь винъ розчервонився, а красыве й добре на выразъ лыце було веселе.

— Вовкъ ихъ рижъ, цыхъ гусей! просто горе зъ нымы,— тилько й знають, що лазять у нашъ двиръ, нибы имъ мисця немае у другыхъ... Я якъ уздривъ ихъ на двори, та якъ нацьковавъ Альфу, то треба було бачыты, якъ гаспыдськи гусы порснулы у вси стороны... Та ось бачъ, бисови тварюкы куды попрямовалы,—прямисенько у наше просо...

Слухаючы сю просту и веселу мову, Мыкола осмихнувся, вытягъ зъ кышени цыгарку, закурывъ и сказавъ:

— Ну, сидай, щырый хазяинъ!.. Добре доглядаешъ свое добро, будешъ колысь багатый, чортове ты опудало!

Петрусь сивъ на дрожкы, зареготався и ткнувъ Мыколу кулакомъ у бикъ. Мыкола зъ серцемъ стёбнувъ коня, той зразу рванувъ й пишовъ рысью.

— И колы ты за розумъ визьмешся? Подывысь ты на себе, яка изъ тебе выросла здорова дубына?... завышкы ажъ до неба, а дурный, кажуть, якъ треба... У цимъ роци вже третя шкода: вытовкъ овесъ зъ гончакамы, пострелявъ чужыхъ качокъ, а теперъ вытолочывъ просо...

Але Петрусь не чувъ, що бубонивъ Мыкола: винъ зогледивъ горлыць, що силы на березахъ коло гуральни и почавъ соби мирковaты, якъ бы ихъ пострелять. Не встыглы дрожкы вкотыться у ворота, якъ винъ раптомъ зскочывъ зъ ихъ и кынувся у будынокъ. Въ коридори мало було не збывъ зъ нигъ стару матиръ, та винъ цёго и не прымитывъ, ускочывъ въ свою

кимнату, схопывъ рушныцю й прожогомъ кынувся зъ хаты. Альфа не одставала одъ свого хозяина: вона крутылась на мисци, задравшы у-гору хвоста и высолопывшы червоного языка, та пыльно прыдывлялась до паныча.

Прыбигшы до стбгивъ дровъ, що зложени коло гуральни, Петрусь давъ ляпаса собаци, щобъ вона не вырывалась упередъ, и почавъ наблыжаться до березъ, де посидалы горлыци. Але ихъ вже тамъ не було.

— А, вовкъ васъ рижъ: утиклы, сибирни!—съ серцемъ крыкнувъ Петрусь, и знову давъ ляпаса собаци.

— Ну! иси—ту!

Петрусь постоявъ трошкы коло березъ, озырнувсь на вси бокы й потягъ у гай, що роскишно й важно розрисся навкругы одъ гуральни.

Въ гаю було тыхо и хороше. Петруся одразу обгорнуло прохолодою. Винъ зупынывся на мисци й замыслывся: на лыци розлылась нибы нудьга, а очи згаслы и спустылысь до-долу. Зразу у всимъ тили винъ почувъ нибы яку хвористь: ёго такъ и потягло до-долу...

— А, хочъ бы Лапченко або Суховій прыйихалы... нудьга бере за печйнкы... Та й ніякого биса нема у гаю!.. А ну, хлопче, ходы сюды!—крыкнувъ винъ на пастуха, що пасъ коло гаю бычкивъ.

Очи Петруся засяялы знову, а на губахъ розлывся усмихъ, нибы винъ удумавъ що-небудь хороше.

Невелычкый на зристъ пастушокъ пидійшовъ и одказавъ: „здрастуйте!“

— Знаешъ що, Омельку? Ты кумедіи любышъ? Хочешъ побачыть штуку?

— А чомъ же и не побачыть!

— Отъ здіймы свого капелюха, та пидкынь у-гору, то зъ нёго вылетыть качка,—зъ повагою сказавъ Петрусь.

Омелько дывывся на Петруся, неймучы ёму виры.

— А звидкиля жъ визьмется та качка, хиба вона сыдыть у капелюси, чы що?—спытавъ винъ.

— Я тоби кажу, що вылетыть качка: дурню! Ось пидкынь-бо!

— Та воно не дыво пидкынуть; а тилько кумедно, якъ це воно такъ зробытся, що зъ капелюха вылетыть качка?...

— Ну, мерщій... Отъ же й я тебе навчу робыть цю штуку; а ты на сели будешъ хлопцямъ та дивчатамъ тежъ робыть таку кумедію... Ну-жъ, дывысь! Ачъ й собака, й та жде качкы...

— Якъ що такъ, то й добре!—Омелько знявъ капелюха и хотивъ вже було шпурляты.

— Зажды! Стань оттакъ.—Петрусь повернувъ Омелька спыною до себе.—Ну, теперъ, якъ я прокажу: разъ—два—тры! тоди шпурляй... Слухай же—разъ! два! тры!

Омелько скилько сылы шпурнувъ у гору капелюха. Колы це зразу надъ головою ёго—бахъ! бахъ! Омелько прысивъ одъ ляку, а одъ капелюха одлетило декилько шматкивъ. Не встыгъ капелюхъ упасты до-долу, а вже Альфа пидхопыла ёго й почала шарпаты.

Убачывшы, що одъ капелюха полетило шмаття, Омелько погнався за собакою, а панычъ стоявъ та реготався.

— А що убачывъ качку? Ой, утикла! Альфа, иси—ту! Ну!

Собака прынесла капелюха й положыла биля панычевыхъ нигъ.

— Що-жъ, це вы зробылы панычу? аже-жъ у мене другого капелюха немае... Омелько надувъ губы, нибы зибрався заплакать...

Панычъ реготався, закладаючы нови патроны у рушныцю.

— Матвійку, заплачъ, дамъ калачъ: тоби покажу, а самъ зйимъ,—почавъ винъ дразныть Омелька.

— Я пиду до пани жалиться на васъ!

— О, бачъ, якый ты дурный есы! Адже-жъ я самъ соби тутечкы панъ... Ось не плачъ, дурню! прыйдешъ до мене у-вечери, то я тоби дамъ такого капелюха, що дивчата ажъ подуріють, якъ убачать ёго на тоби.

— А не обдурыте?

— Выгадай ще, дурню, що-небудь: я буду тебе обманювать! Прыйдешъ—то й дамъ!..

— Якъ колы що такъ, то про мене—нехай зъ мого капелюха и ще летять качкы!., А ну, панычу!

— Отъ, молодець, Омелько... Шпурляй!

Качкы литалы доты, покы зъ капелюха Омелькового зосталось одно шмаття.

Натишывшысь доволи, Петрусь зырнувъ на годынныкъ и, убачывши, що настала обидня пора, почувъ въ жывоти, нибы що стыснуло ёго. Свыснувшы Альфи, винъ линывою ходою пишовъ до-дому. На лыци знову розлылась нудьга, а очи стухлы. Ёму не хтилось ступаты ногамы, винъ почувавъ себе нибы розваренымъ.

— А що вбылы, панычу?—гукнувъ до ёго зъ гуральни Шлёма, вынокуръ.

— Оттакого пранцюватого жыда, якъ ты, Шлёма!

— Шуткуете, панычу, нехай здорови будете! Хе—хе—хе... А знаете, панычу, що я вамъ мушу казаты? чомъ вы не доглядаете пидвалу? бороны Боже, щобъ чого не лучылося?

— А, видчепысь ты зъ пидваломъ! Мени йисты хочется, ажъ печинкы тягне, а винъ зъ пидваломъ... Тамъ-же Мордко сыдыть!

— Пхе, Мордко! Ёму що? винъ свій интересъ мае, а що ёму до вашого?... Якъ хочете,—мое дило сторона.

— Счезны ты зъ Мордкомъ и зъ пидваломъ и во всимы жыдамы!... Тутъ колы-бъ мерщій до хаты допхатыся, да допастыся до стравы...

Шлёма подывывся у-слидъ панычеви, поцмокавъ губамы и покывавъ своею головою.

— Ой, ой, що то за хазяинъ! и худоба, и все... а до того и повага и панство... Ой —ой! Колы-бъ не Мыкола Дмытровычъ, вже давно одъ цієи экономіи и шматка не зосталося-бъ! Здается й чоловикъ, а про те... пхе!

IV

— Ху, ото утомывся... нехай ёму абы-що!... Ой, йисты хочу!—казавъ Петрусь, увиходячы у столову и кыдаючысь на канапу, не вважаючы, що биля стола сыдилы маты й Мыкола.

— Зъ велыкого дила, мабуть?—иронычно промовывъ Мыкола.

— Ажъ рукы й ногы заболилы... ой—ой! хай ёму цуръ! Тай спека до того,—ледве ворочаючысь на канапи, казавъ Петрусь.

— Якъ тоби не соромно, Петрусь, ганяться за гускамы по своёму просови, та товкты ёго?—почала стара маты.—Адже-жъ и такъ що-дня яку-небудь шкоду та зробышъ. Вже-жъ пора й за розумъ братысь, бо скоро стукне двадцять пьять рокивъ, а ты й доси якъ мала дытына тыняешся безъ дила; а ще й до того и въ гласни по земству збираешся!...

— Ото прысикалыся зновъ... Якъ трапытся що робыть, то й буду робыть... Отже я й теперъ роблю!

— Що ты робышъ, недотепный ты гультяю?—зъ паломъ проговорывъ Мыкола.

— Якъ що? А гуральню й пидвала хто доглядае! Моеи роботы не выдно!—зобиженымъ голосомъ сказавъ Петрусь.

— Добре доглядаешъ, що въ пидвали здорова нехватка спырту, а въ книжкахъ щось понапысувано такъ, що й не прыведы Боже! Одъ прыйиде чыновныкъ на ревызію, знову зробыть протокола...

— Оце надойидлыви, якъ мухы! Чы у мене дви головы, четверо рукъ и нигъ, щобъ я усюды знавъ, що и якъ робыться. Якъ що не такъ, то дывысь самъ... Ой, йисты хочу!... О, несуть!

Кулына увійшла въ стравою, постановыла на стилъ и скоса, усмихаючысь, подывылась на Петруся.

— Сыну!—почала стара пани:—на що ты вьяжешся до Кулыны? Вона и сёгодня жалилась на тебе,—казала, що якъ ты ще будешъ чипляться до неи, то вона покыне насъ и пиде у

друге мисце; а вона-жъ така хороша робитныця, працюе, якъ у себе вдома...

— О, теперъ зъ Кулыною прысикалысь, нехай вона вамъ кризь землю провалытся! Якый чортъ іи займае? Не бачывъ такого добра,—уплитаючы страву такъ, що ажъ за вухамы лящало, казавъ Петрусь и трохы почервонивъ зъ лыця.

— Такъ на вищо-жъ вона скаржыться?—спытавъ Мыкола и стукнувъ кулакомъ по столу.

— Пиды спытай іи... колы вона дурна!

— Мабуть, що розумнійша одъ тебе, чортове ты опудало! Якъ горохомъ объ стинку!..

Петрусь мовчавъ та йивъ. Мовчалы маты й Мыкола.

— Ху! Ото найився, ажъ тяжко стало,—проказавъ Петрусь, скынчывшы обидъ.—Колы-бъ до лижка добраться!

— Куды-куды, а до лижка доберешся, щырый хазяине! Твоя робота—одъ стола до лижка та одъ лижка до стола!—послався ёму навздогинци Мыкола.

— Кажы соби, а я тебе нибы не чую...

Увійшовшы у свою кимнату, винъ бехнувся на постиль, повернувся на бикъ—и не схаменувся, якъ викы закрылысь и винъ заснувъ глыбокымъ сномъ.

V.

— Зовсимъ недотепный выйшовъ зъ ёго чоловикъ! Бевзь тай годи!—казавъ Мыкола матери, якъ Петрусь выйшовъ зъ столовои.—Мабудь ничого путнёго не выйде зъ нёго. Дыво те, що вси шкоды и збытки, яки винъ робыть, не мають характера злого... а такъ соби—зъ дурного розуму. Щастя, що ще нема у нёго прыхыльности до горилкы та ще до де-чого другого...

Маты тяжко зитхнула и понуро дывылась доли. Въ іи голови ворушылысь думкы и надіи, яки вона мала, якъ Петрусь бувъ ще маленькымъ. Покійный іи чоловикъ, умыраючы, казавъ, щобъ доглядалы Петруся и—килько сылы й праци—прыкладалы рукъ до ёго вчення, бо якъ не втовчете ёму въ голову,—казавъ старый,—того, що потрибно знаты теперечкы кожному молодому чоло-

викови, котрый почынае жыть своимъ розумомъ, то потимъ вже ничого не выйде: пропадуть и гроши и праця!—А вже якъ ходылы биля Петруся—и Боже мій мылостывый! Переводылы изъ гимназіи въ гимназію; наймалы по два репетытора; переплатылы чымали гроши... Вже маты й плакала, Богу молылась и Петруся просыла... Такъ ни!.. Петрусь дійшовъ до четвертои кляссы—ёму тоди бувъ 18-й рикъ—и дали, якъ кажуть, ни тпру, ни-ну! Репетыторы одмовлялысь заниматься зъ имъ дали, а дыректоръ гимназіи ій такъ сказавъ:—Вашъ сынъ зовсимъ не може заниматься, бо у ёго нема ніякои охоты. Здается, нибы винъ и слуха урокы, якъ слидъ, не балуется... а про те до вченя винъ не ладенъ. И товарыши ёго люблять за ёго веселый характеръ... Краще буде, якъ вы визьмете ёго, да прыставыте до хазяйства... Може зъ ёго буде добрый хазяинъ. Да вже винъ и чы-малый левенець...

Тяжко було слухаты матери таку мову: кожне слово, якъ гаряче олово, падало на іи серце и немылосердно пекло ёго... Але и зъ хазяйства ничого путнёго не выйшло: Петрусь бильше возывся зъ собакамы, киньмы, рушныцямы, та велосипедомъ. Потимъ зробылося такъ, що Петрусь зовсимъ переставъ торкатысь до хазяйства, да воно було й краще, бо куды ни совався Петрусь, тамъ роботы не було. Прыйшлось самій старій пани на старости литъ бигать по хазяйству и давать усяки порядкы. Головне-жъ дило по экономіи було у рукахъ Мыколы, хуторъ котрого бувъ въ пьяты верстахъ одъ батькивського... А Петрусь бувъ далеко не дурный: у ёго розумъ, якъ кажуть, бувъ свій, мавъ винъ серце добре. Посередъ людей Петрусь выглядавъ бравымъ и веселымъ хлопцемъ. Вси сусиды, прыхыльни до ёго, звалы Петромъ Дмытровычомъ, зазывалы до себе у гости, особлыво туды, де булы молоди панны. У гостяхъ винъ балакавъ про хазяйство, гравъ у преферанса и стукалку, зъ кумпаніей йиздывъ на полюванна, справлявъ маёвкы,—одно слово жывъ и робывъ такъ, якъ жылы и робылы вси сусиды—паны й панкы. Зъ паннамы Петрусь зовсимъ бувъ инчымъ: винъ бувъ и веселый, и делыкатный; въ танцяхъ и писняхъ винъ бувъ не зъ послидныхъ. Панны

до ёго залицялись дуже, а де-яки нышкомъ зитхалы, дывлячысь на Петрусеву вроду й пышну постать. Була така чутка, що зъ де-якымы паннамы у ёго вже булы й романы, але Петрусь про це никому не розсказувавъ, навить й свому прыятелеви—Лапченку, зъ якымъ у ёго була така дружба, що ихъ звалы навкругы Орестомъ и Пыладомъ.

VI.

— Ну, якъ-же винъ пройде у земство? Дай Боже, щобъ ёго выбралы у гласни: може-бъ на людяхъ порозумнійшавъ. Я й сама не знаю чого, а у мене така надія йе, що зъ ёго колынебудь выйде добра людына; винъ-же не дурный... тилько гульвиса,—казала стара пани Мыколи.

Той тилько покрутывъ головою и, уздрившы въ дверяхъ Суховія, що зятемъ прыходывся Кущамъ, проказавъ:

— Нехай вже ёго прыятели роблять, якъ хотять... Ну, Иване, ось и ты,—сидай, та будемо радытысь...

— Та оце й я... може заскучалы за мною? Якъ вы тутъ маете?.. У насъ все благополушно...,—казавъ винъ дзвинкымъ голосомъ, нибы торохтивъ по якій металычній дошци.

— Може йисты хочете? Мы оце тилько—що пообидалы... Якъ що хочете, то кажить... Кулыно!—заходылася стара пани коло Суховія.

— Дякую за ласку: я вже по обиди. Не хтилося спаты, а ще до того мы умовылысь зъ Петрусемъ та Лапченкомъ пійты по болоту, може побьемо бекасивъ... А де-жъ Петрусь? Чы вже може хропе?

— А ёму що робыты, якъ не хропты,—сказавъ Мыкола и почавъ розсказуваты про просо й про Кулыну.

Суховій почавъ реготаться, та додававъ ще де-що до мовы Мыколы.

— Такъ оце миркуемо, якъ-бы ёго прыстроить до дила—хочъ у земськи гласни. Може, на людяхъ визьмется за розумъ. Вы-жъ такы намъ родычъ, а ёго прыятель, та ще до того гласный,—казала пани.

— Выберемо, ось побачыте... Тилько-жъ треба ёго отдилыты, щобъ у ёго бувъ цензъ. Выборы будуть зъ весны, то треба хапатысь. Нехай послужыть обществу.

— А якъ не выберуть?—зъ журбою спытала пани.

— Я кажу, що выберуть!.. До нашои партіи належыть половына усихъ гласныхъ, да ще на прымити йе чоловикъ зъ пьять, до того й родычивъ до сто-биса... Треба тилько на якый часъ покынуть собакъ, коней та полювання, та пойиздыть по сусидахъ, щобъ и себе показать, и другыхъ побачыть. Ну, та то пусте: це вже я зъ нымъ пойиду.

— Добре буде земство, якъ оттаки гласни визьмутся за дило,—иронычно сказавъ Мыкола.

— А хиба що?—поважно спытавъ Суховій и згорда подывывся на Мыколу.—Яке було, таке й буде! Бильше того, що зробылы, не зроблять.

— Певно, що зъ такымы гласнымы та членамы ничого бильшого не зроблять... Отъ ты вже тры рокы гласнымъ,—скажы, що вы зробылы такого, за щобъ васъ можна було подякувать?

— Ще й пытае! А хто зробывъ экономію на всёму? Хто агытуе, щобъ земське земельне обложення на помищыкивъ було менче?

— Такъ що-жъ зъ того? Правда, экономію нагналы здорову: усихъ акушорокъ порозганялы, якъ непотрибныхъ; осушытельни канавы, що почалы було копаты пры старимъ земстви, закынулы; статистычну комиссію знычтожылы... Эгъ, та й що балакать!...—зъ досадою махнувъ рукою Мыкола.

— Такъ чомъ-же ты, й други таки, якъ ты, не йдете служыть по земству? Мы робымо, що належыть робыты земству, якъ воно у законахъ определено, словомъ—„по пысанію“...

— Хиба що „по пысанію“: свое добро бороныты, а на крестьянське тяготу ще дужчу наложыты...

— А ты-жъ якъ думавъ: щобъ я, гласный, та робывъ соби збытки? Отъ якъ крестьяне визьмуть верхъ, тоди воны будуть бороныты свои интересы, а покы мы у земстви—поты будемо трыматы свою, якъ кажуть, лынію!..—насмишкувато казавъ Суховій, дывлячысь на Мыколу, якъ на малу дытыну.

Эть!—зъ серцемъ сказавъ Мыкола...—Годи! все йидно не буде мижъ намы въ цимъ дили згоды... Краще, давай миркувать, якъ бы намъ оцёго бевзя навесты на путь праведный...

— Та що-жъ теперь миркувать?... Потимъ буде выдко... Та вже й часъ бы ёму уставать. Пиду, побачу, якъ винъ хропе.

Суховій пидійшовъ до кимнаты Петруся и подывывся на лижко. Петрусь розкынувся на лижку и спавъ мицнымъ сномъ. Коло ёго на постили-жъ лежала Альфа. Побачывшы Суховія, вона закрутыла хвостомъ и почала облызуваться.

— Петрусь, уставай! годи вже хропты, а то уси качкы та бекасы повтикають... Чуешъ?

Петрусь лупнувъ очыма, вытягнувся на всю довжыну тила и знову захрипъ.

— Ну, тутъ треба гармату прывезты!—Суховій пидійшовъ до лижка, взявъ Петруся за ногы и потягъ до себе.

Петрусь одразу прокынувся й учепывся обома рукамы за постиль, зляканымы очыма дывлячысь на регочучого Суховія.

— Ажъ ось колы розбуркалы! Уставай мерщій, та пидемо на болото!

— А—а!.. оце заснувъ гарно, вовкъ ёго рижъ! фу!.. Це ты, Иване? А де-жъ Лапченко? Тьху, якъ у роти погано!.. Кулыно! Стехо!—закрычавъ Петрусь.

— Такъ воны до тебе заразъ и прылынуть!—сміючысь казавъ Мыкола.

— Треба що-небудь солодкого зйисты, а то... пху! А—а! оце розиспався.

— Ну, годи-годи потягатысь та вылежуватысь... Ходимъ, а то и справди бекасы за намы заскучылы,—казавъ Суховій.

— Оце ричъ до-ладу... Заразъ!—Петрусь схопывся зъ лижка и почавъ клопотаться биля рушныци и набою. Глядючы на це, Альфа и соби заклопоталась.

— Земство пишло на роботу,—казавъ Мыкола, входячы у кимнату старои пани.

VII.

Биля болота Петрусь и Суховій розійшлысь въ рижни стороны, якъ кому забажалося. Петрусь зъ Альфою потягся по-пидъ лисомъ и все прыказувавъ Альфи: иси-ту, вовча! Про те Альфа на це не вважала и якъ скажена бигала по болоту, то ховаючысь въ осоци, то вырынаючы зъ неи. По всёму було выдко, що вона зовсимъ була незвычайна до охоты. Килько разивъ зрывалысь, якъ навижени, бекасы; панычъ стрилявъ по ихъ, а про те ще ни одного не убывъ. Було багато лементу и крыку; бекасы и инша дычына розлиталысь у вси стороны; Петрусь ще гирше крычавъ, покы не втомывся.

— Этъ, хай воны показятся, ци бекасы!..—зъ досадою крыкнувъ Петрусь, увійшовшы въ дубнякъ и простягаючысь на трави. Винъ уставывся очыма въ ясне голубе небо и дывывся, якъ маленьки, нибы выковани зъ срибла, хмары пиднималысь зъ-за очерету и ховалысь за лисомъ. Ёму здавалось, що и винъ тежъ несется кудысь,—и ёму зробылось на души и серци такъ гарно та весело. Надъ нымъ гулы мухы, у трави дзвенилы птахы; навкругы була поэтычна картына. Петрусю хотилось лежать довго-довго, прыслухаться до тіеи тышы; тилько ёму не довго прыйшлось почуваты на серци таки мысли; ёму раптомъ спогадалысь сёгодняшній обидъ и мова матери. Ёму зробылось ніяково; лыце трохы почервонило, и винъ зъ досадою крутнувъ головою, нибы одганяючы уйидлывыхъ мухъ.

— А, нехай воно западется! и лизе у голову щось непотрибне!...—Винъ перевернувся лыцемъ у-нызъ и уткнувся носомъ въ долони рукъ. Въ ёго очахъ зъявылась фыгура Кулыны и іи ризки, правдыви слова; а дали журлывый поглядъ матери и гнивный голосъ Мыколы. Петрусь зразу зирвався зъ мисця.

— А, бый тебе нечыста сыла!.. оце спокою и тутъ нема одъ ихъ!.. Ого—го—го! Иване!—почавъ винъ зваты Суховія и посунувся у ту сторону, де почувся гукъ одъ рушныци Суховія.

— Хиба вже годи стриляты? адже ще рано?—спытавъ Суховій.

— Атъ, нехай воно западется зъ цією охотою!... Нудьга за серце бере; ходимъ, лышень, та краще утнемо у преферанса, покы Мыкола тута.

— Про мене, якъ у преферанса, то й добре... Знаешъ що, Петрусь, а воно штука гарна выйшла-бъ, якъ-бы въ цимъ роци ты зробывся гласнымъ! Отъ я вже тры рокы гласнымъ, а далеби що добре!

— А що я тамъ буду робыты?—спытавъ Петрусь.

— Якъ то що робыты? Овва! А те, що и я: йизжу у городъ, на охоту, у гости, граемось у карты и де-що друге. Яка наша робота? На собраніе прыйихавъ, послухавъ, що треба, сказавъ до ладу, додержавъ свою партію—та й добре. А потимъ до гурту на выпывку, або до панночокъ и паній залыцятысь...

Петрусь осмихнувся.

— А якъ жинка дознается?—спытавъ винъ.

— Робы такъ, щобъ не знала... Аже-жъ уси такъ роблять,—чомъ же и намъ не робыть? Окримъ того, завше буваешъ помижъ людей, чуешъ нову мову, де-чому и самъ навчышся... Ни, таки справди я тоби кажу, що земськымъ гласнымъ добре буть...

— Та я ничого протывъ не маю; чому и не послужыть? бо вже я й самъ миркую, що оттаке мое жыття мени вже осточортило,—хоть зъ нудьги окрутытысь зъ кымъ-небудь!

— Зъ кымъ-небудь?—насмишкувато перепытавъ Суховій.— А Лагодивну забувъ?

— Лыце Петруся одразу спалахнуло полумъямъ и винъ залупавъ очыма.

— Що таке, Лагодивна?.. Хиба я...

— Ага, попався, хлопче! То-то: хиба я... Але и мы щонебудь прымичаемо... Ты думаешъ, що мы таки дурни? Хто звивъ зъ розуму Лагодивну? Кого двичи застукалы у кутку, якъ вы, нибы голубкы, циловалысь?.. А вона була-бъ такы тоби до пары: хорошого роду и до того дочка заможнёго батька, десятынъ зъ чотырыста на прыдане визьмешъ... А що, зйивъ печеного рака?—реготався Суховій.

— Одчепысь ты зъ своею Лагодивною!.. Ну, цилувавъ и обнимавъ! тоби заздрисно, чы що?

— А чому и ни! Дивчына хороша, вродлыва и дуже пышна...—Суховій заплямкавъ губамы, нибы въ ротъ попало щось солодке, а очи ажъ заблыщалы. Винъ захихикавъ, а дывлючысь на ёго, зареготався и Петрусь.

— О, то правда, що дивчына! Тамъ така палка, та жвава та пухка—якъ свижа паляныця. Одъ іи поцилункивъ у мене ажъ духъ выпырае, а у голови и очахъ нибы метелыкы почынають литать. Якось у цихъ дняхъ у квитныку за бузкомъ вона схопыла мене за шыю, прытягла до себе, та якъ упылась своимы губамы у мои, нибы пьявка, то я, сучый сынъ буду, думавъ, що здурію; казала, що никого такъ ще не любыла, якъ мене.

— Щаслывый! сами панны чипляются тоби на шыю, не то що намъ гришнымъ... Ну, дакъ на чому-жъ стало? Жинка вже на прымити йе, а земство тежъ не втиче!

— Миркуй вже ты, Иване, а мени якось не тее... О, що це за галасъ такый? А, дивчата купаются у ставу! Петрусь и Суховій зупынылысь и почалы прыдывляться.

VIII.

— А и справди купаются!—крыкнувъ Суховій и ажъ закрутывся на мисци.—Давай врижемо штуку!

— Яку?

— Зъ-за стосивъ дровъ выпалымо зъ рушныць и кынемось до воды, та поховаемо ихню одежу,—побачымо, що воно зъ того буде!

— Отъ такъ штука!—Петрусь зареготався, ажъ прысивъ на мисци.

— Воны познималы рушныци зъ плечъ и тыхенько посунулысь до ставу по-за стосамы дровъ, докы не убачылы дивчатъ у ставу. Тіи соби безпешно булькалысь у води, брызкалыся, чиплялысь одна до однои, плавалы, якъ кажуть, наче жабкы, и гралысь незвычайно, якъ мали диты.

Колы це зразу,—трахъ! трахъ! Ату—ту! Ого—го—го! Альфа! Лордъ!

Суховій, Петрусь и собаки зразу опынылись коло ставу. Дивчата перелякалысь и спершу скамепилы на мисци, а дали, убачывшы Суховія и Петруся, заверещалы килько сылы, кынулысь, де глыбче, и прысилы у води, такъ що надъ водою булы выдко тилько ихъ головы.

— Пиль, Альфа! Лордъ, беры! А, да й качкы добри, матери ёго бисъ! Отъ такъ дычына!—регочучысь казалы Суховій и Петрусь.—А ну, вылазьте, мои мыли каченятка!

Дивчата и соби почалы реготаться.

— Краще вы лизьте до насъ у воду, тутъ не такъ душно.

— Дивчата, дывиться, що мы зробымо зъ вашою одежою!—крыкнувъ Петрусь, беручы одежу дивчатъ.

— Ой, панычу, що вы робыте? На що забирать одежу? Хиба жъ це намъ доведется сыдиты отутъ ажъ до ночи?

— Про насъ, сыдить хоть до свита... Адже вы теперъ русалкы, а не дивчата!

— Ой, якъ же це мы будемо безъ одежи! Панычу, не робить-бо шкоды! Намъ же треба ще й до роботы йты...

— Якъ треба, то й пійдете... Якъ що у пивночи будете йты, то люде полякаются,—подумають, що видьмы, та повтикають...—реготався Суховій.—Ну, плывить блыжче до берега, та вылазьте на траву! Чуете? А то позабыраемо одежу навсправжкы, щобъ не паскудылы воду у ставу. Вылазьте!

— Такъ що воно буде зъ цёго?—спытала одна дивчына.

— Якъ що? Побачымо, якъ вы одягаетесь...

— На що воно вамъ здалось?—пыталы дивчата.

— Э, що зъ вамы балакать! беримо одежу!—крыкнувъ Суховій.

Дивчата загвалтовалы.

— Гапко! вылазь ты перша, бо ты смилійша!

— Выдумайте ще що-небудь! Про мене, нехай беруть, я буду сыдить хоть до пивночы...—казала Гапка.

— Чы не соромъ оце вамъ зачипать насъ?—казалы дивчата.—Нибы парубкы, а не паны...

— Базикай соби!—реготався Петрусь.—Сыдить у води, а мы пiйдемо. Одежу знайдете коло клуни!—крыкнувъ винъ.

Воны покыдалы одежу коло клуни, а сами сховалысь за дверыма и пильновалы дивчатъ, колы тiи выйдуть за одежою.

Незабаромъ зъ-за кущивъ вызырнула одна дивчына, а дали и друга. Побачывшы, що коло клуни нема никого, воны швыдко побиглы до одежи и почалы хватать iи. Колы це въ клуни зъ галасомъ и реготомъ повыбигалы Суховiй и Петрусь и погналысь за дивчатамы. Тiи ще гирше заверещалы и прожогомъ кынулысь до ставу.

— Ой, видьмы! ловы ихъ... а—та—та!—якъ скаженый крычавъ Петрусь.

— Ну, буде зъ ихъ! Пошутковалы и де-що бачылы!—казавъ Суховiй.—Ходимо теперъ хоть малу пульку заграемо у проферанса.

Воны, якъ божевильни, реготалысь та згадувалы дивчатъ, якъ воны втикалы одъ ныхъ.

IX.

Мыкола тилько осмихався, слухаючы, якъ Петрусь и Суховiй, перебываючы одынъ другого, розсказувалы про дивчатъ.

— Молодци, козакы! будете добрымы земцямы, бо до усёго додывляетесь, а до дивчатъ особлыво; адже и дивчата до земства належать... Якъ що грать у карты, то мерщiй, бо мени треба йихаты: до захода сонця треба побуваты по-де-куды.

— Панычу! почувся голосъ Пантюха.

— Чого тоби?—спытавъ Петрусь, розставляючы стилъ и розбыраючы карты.

— А якъ же Вату? Може самому пройихатысь на iй?

— Счезны зъ моихъ очей, сатано! Ото прысикався... Хиба жъ ты не бачышъ, що я занятый? Тутъ саме дило, а винъ зъ Ватою розносывся! Йидь самъ!...

Пантюхъ почухавъ потылыцю и проказавъ:

— Ото горе! Сами ще звелилы... и отакъ кожный день... Вже мени остогыдло...

— Тоби кажуть—счезны, то й счезны!—крыкнувъ Петрусь.

— Якъ день не пограю у карты, то нибы чого не хватае: така нудьга за серце бере, що й не знаю, що робыты!—казавъ Петрусь, здаючы карты и розглядаючы свою здачу.

— У, братци вы мои! А ну, хто каже? Пасъ? А у мене, вовкъ ёго ризъ, ажъ разъ!

— А що буде, якъ я скажу два?—одказавъ Суховій.

— Два? а, лыхо ёго матери! то нехай будуть мои... Лыце Петруся розчервонилося, а пальци нервово перебиралы карты.

— Дывысь, чы ба? а ну, нехай буде тры!

— А бый тебе нечыста сыла! мои!—ажъ крыкнувъ Петрусь.

— А чотыри?...

— Мои!

— Ну, колы и чотыре твои, то нехай буде по твоёму. Беры прыкупку!—регочучысь казавъ Суховій, выразно поглядаючы на Мыколу.

Рукы тряслысь у Петруся, колы винъ бравъ прыкупку и перевернувъ карты. Тамъ бувъ король и тузъ, якъ-разъ до масти Петрусевои карты.

— Ой, братци мои! Ой! отъ такъ купывъ! Ха—ха!—заперепетувавъ винъ на вси кимнаты.—И не сподивався на таку прыкупку... Ой! а ну, девьять жырывъ!

Мыкола и Суховій покыдалы карты и почалы роздывляться Петрусевы: тамъ було усихъ десять!

— Ну й щастыть тоби, чортовому опудалови!—сміючысь промовывъ Мыкола.—Не сіе, якъ сказано у пысаніи, не жне, а збирае у свои жытныци.

— Петрусь бувъ якъ несамовытый: винъ реготався, крычавъ на уси кимнаты, такъ що выйшла стара пани подывыться, якъ ім любый Петрусь росходывся.

Вона сила на кресли, дывылася на Петруся и думала:

— Отъ якъ-бы до роботы такый бувъ щырый, якъ до картъ! И лыце горыть, очи блыщать,—зовсимъ якъ покійныкъ Дмытро Семеновычъ,—якъ вылытый; тилько винъ до роботы бувъ дуже прыхыльный.

Вона задумалась навить такъ, що не чула ни гвалту, ни лементу, якый счынылы грачи. Вси думкы ii вылыся коло давно уже знякшого часу, колы вона и покiйныкъ булы молоди, весели, щаслыви и повни надiи на грядущи роки...

X.

— Хиба теперъ пойидемо до Лагоденкивъ?—спытавъ Суховiй Петруся, якъ воны скинчылы граты у карты.

Той сполохнувся, але, щобъ не даты Суховiю поводу задля жартования и насмишкы, проказавъ:

— Та хто ёго знае; вже нибы и пизно...

— То пусте! Посыдымо тамъ трошкы. Та мени таки зъ старымъ Лагоденкомъ треба про де-що побалакаты. Ну-жъ, рушаймо! тилько тры верствы, а ничъ буде мисячна...

Петрусь мнявся, нибы ёму зовсимъ не хтилось йихаты.

— Чого це ты гедзькаешся?—сказавъ Мыкола.—Йидь, а то сыдячы оттута, ще, бороны Боже, занедужаешъ.

— Ну, то й пойиду. А якъ мени йихаты? Пойиду на велосипеди!—ришывъ Петрусь.

Хутиръ Лагоденкивъ бувъ поручъ зъ хуторомъ Кущивъ. Ци два семейства завше булы у добримъ прыятельстви здавна, ще за прадидивъ. Дорижка йшла помижъ высокымы стинкамы пшеныци, а дали, гонивъ зъ чотыры до хутора, повелась мижъ молодымъ дубовымъ лисомъ. Петрусь на велосипеди обигнавъ Суховiя и вкотывся у одчынени ворота панського двору.

На ганку будынка стояла молода Лагодивна, нибы дожыдаючы гостей. Це була высока на зристъ панна, красыва, повновыда, зъ червонымы, якъ жаръ, губамы, чорнымы бровамы, сынимы очыма и роскишнымъ волоссямъ. Вона була одягнена въ просту сукню, и ця сукня во всiй краси выявляла ii роскишну, якъ у Венеры, постать.

Убачывшы Петруся, вона весело усмихнулась и проказала:

— Ажъ ось и вы... Насылу таки прыйихалы! Це вже четвертый день, якъ я васъ не бачу. Чы що случылось у васъ на

хутори? Чы може, бороны Боже, хто заслабъ? Якъ ненька пожывае?

— Та хто ёго знае!—казавъ Петрусь, здоровкаючысь.— Здается, нибы у насъ все благополушно...

— Ну, такъ чомъ не прыйизжавъ?.. А це хто йиде? Суховій... Ну, то винъ до батька по дилу, а мы, молоди, ходимъ у садъ...

— Про мене, якъ у садъ, то и у садъ...—промовывъ Петрусь, йдучы за Лагодивною и не зводячы очей зъ роскишнои ии постати.

Воны увійшлы у бесидку, що стояла таки далеченько одъ будынка. Сонце вже зовсимъ ховалося за горызонтъ, и въ бесидци було темно.

Лагодивна сила на лавци и взяла рукы Петруся.

— Ну, теперъ кажы, чому не прыйизжавъ ціи дни?

— Та... булы дила!—Петрусь зпустывъ очи до-долу передъ ии палкымъ и гострымъ поглядомъ, котрый нибы пронызувавъ ёго наскризь и мовъ чытавъ у ёго души все, що тамъ робылось.

— Яки тамъ теперъ у тебе дила? байдыкы мабуть бывъ! кажы по правди?... Я за тобою скучыла, навить хотила було вже сёгодни навидатысь до васъ... Ну, кажы-жъ!

— А... та не такъ дила, якъ...—заплитаючысь, казавъ Петрусь и почувавъ, якъ ёго нибы хто окропомъ облывавъ; навить ажъ вуха почервонилы.

— Ну, ну! що? якъ?—стыснувшы ёго рукы, казала Лагодивна.

— Та... я й самъ не знаю...—тыхо проказавъ Петрусь и подывывся своимы добрымы очыма на Лагодивну.

Та стыха засміялась, пыльно подывылась на ёго своимы чудовымы очыма и ще блыжче схылылась до ёго.

— Господы, яка ты ще дытына! Але жъ яка гарна, мыла, та щыра дытына!.. зовсимъ мале хлопья.—Кажы: бывъ байдыкы?

— Бывъ...—якъ зачарованый одказавъ Петрусь.

— Зъ собакамы за зайцямы та качкамы ганявъ?

— Ганявъ...

— Ну, а... за... за...—Лагодивна одныхнула ёго одъ себе, стала передъ нымъ во весь свій пышный зристъ, ïи брови гризно здвынулысь, а очи заблыщалы.—Ты дывысь мени: за зайцямы та качкамы бигай скилько хочъ, а якъ тилько почнешъ ганятысь за отымы... Ну, та ты и самъ добре знаешъ, за кымъ,—то я не знаю, що тоби зроблю! чуешъ?—Вона посварылась на ёго маленькымъ пальцемъ.—Утямывъ? Ты щыра, проста душа, и про те—дуже збалована...

Петрусь и справди бувъ передъ Лагодивною нибы мала дытына. Винъ, якъ школяръ передъ вчытелемъ, стоявъ спустывшы очи до-долу, переступаючы зъ ногы на ногу.

Побачывшы Петруся у такій позы, Лагодивна осмихнулась, взяла ёго знову за рукы и сказала ласкавымъ голосомъ, якъ маты каже своій дытыни:

— Годи—годи, мое серце! Це-жъ я тилько пожартувала! Бильше не буду... Злякався? думавъ, що розсержусь? Эге? Та подывысь мени ў вичи...

— Ой, Галю, не вражай такъ мого серця!—почавъ винъ трохы збентеженый.—Якъ побачу твои очи, твои вустонькы, почую твою мову, то не знаю, що зо мною робытся. У мене и паморокы заморочуются, якъ ты отакъ на мене дывышся своимы дывнымы очыма!

Петрусь рванувся до неи, обнявъ за тонкый, ривный, якъ тополя, станъ, прыгорнувъ до себе и почавъ ïи цилуваты: и въ вуста, и въ шыйку, и въ волосся. Лагодивна нибы зомлила въ ёго дужыхъ рукахъ; вона одкынула голову и рукы; очи блыщалы зъ-пидъ спущенныхъ викъ; вона зблидла на лыци и почула, нибы у неи серце перестало быться. Дали вона раптово обхопыла рукамы Петруся за шыю, прытулыла ёго до своихъ грудей и гаряче поцилувавшы въ ёго губы, одразу одныхнула одъ себе.

— И хто ёго знае, чого ты мени сподобався? Чы твоя врода мене прычарувала, чы твое просте та добре серце и душа мене зъ розуму зводять—я и сама не знаю... Ну, годи вже, годи... Пора и до будынка,—казала Лагодивна, оправляючы свое волосся и сукню й выходючы зъ бесидкы.

Петрусь бувъ нибы пьяный: винъ не твердо ступавъ ногамы и тяжко дыхавъ: ёму здавалося, що у ёго щось рвется въ грудяхъ и въ голови.

Лагодивна ёго заспокоювала и стыха прыказувала:

— Годи вже... нибы и справди дытына.—Вона взяла ёго пидъ руку и почала полегеньку сипать ёго.

— Що-жъ ты дали нагадавъ робыты, Петрусь? Чы дома зовсимъ зостанешся байдыкы быть, чы може пидешъ по служби якій-небудь? Я чула, нибы ты хочешъ питы по земству?

— Та про мене, хочь и по земству... Якъ що ты скажешъ, то я и у гласни згоденъ иты.

— Що—я! Не я буду служыть по земству, а ты... Навсправжкы—чы хочешъ самъ ты, чы ни?

— До мене вже и дома чипляются зъ цимъ диломъ, а сёгодня прычепывся и Суховій,—казавъ, що якъ я хочу, то небезпреминно проведе у гласни.

— Ну, то й добре... Все-жъ таки хочь ничого не робыты-мешъ, а про те нибы у дила стоишъ. Мій тато та ридня зъ охотою дадуть тоби свои голосы,—це вже я на себе беру; ридня Суховія тежъ, а у ёго ридни, здается, мало не пивъ-повита.

— Петрусь одразу зареготався и махнувъ рукою.

— Чого це ты?—спытала Лагодивна.

— Ха—ха! и якый зъ мене буде гласный? И що я тамъ буду робыты? Суховій казавъ, що буцимъ-то весело тамъ на засиданіяхъ: будемо у карты граты, бенькетувать и де-що инше...—Лагодивна и соби засміялась.

— Та то пусте! Будемъ робыть те, що и други роблять.

— Да вже потимъ побачымо!—одказала вона, прытулюючысь блыжче до ёго и пыльно зазыраючы ёму у вичи.

— То-й побачымо!—безпешно проказавъ Петрусь, ввиходячы у кимнату будынка, де сыдилы старый Лагоденко и Суховій.

Прывитавшысь до Петруся, Лагоденко, вже сывый, а про те дужый та мицный чоловикъ, розгладывъ свои роскишни вусы и проказавъ:

— Такъ оце вы, Петро Дмытровычъ, маете намирення по земству питы. Що-жъ, вже часъ и пора послужыты обществу... Да и кому-жъ служыты, якъ не такымъ молодымъ людямъ, якъ вы, та ще-й до того такымъ обезпеченымъ... За мною дило не стане, мій голосъ за васъ... Послужить, та наши интересы боронить, бо старе земство на насъ, помищыкивъ, насило було добре... Дякувать теперешнёму земству (винъ схылывъ трошкы голову у сторону Суховія)—нибы стало легче... Послужить, послужить!

— Ничого, послу́жыть! Буде зъ ёго добрый гласный, винъ додержыть своій кумпаніи... Головне дило у кумпаніи спильній, тоди можна усе робыть, що намъ схочется!—додавъ сміючысь Суховій.

XI.

Мисяць вже высоченько пидбывся, якъ Петрусь пидйихавъ до воритъ своеи осели... Чудова ничъ, палки речи и поцилункы Лагодивны, іи ривна, якъ тополя, постать—розпалылы серце Петруся, и винъ почувавъ себе якось ніяково. Винъ зупынывся у воротяхъ и подывывся навкругы... Передъ нымъ була така картына, на котру годи було не задывыться. Навкругы було тыхо-тыхо! Ничъ, тепла и ароматычна, нибы зачарувала усе жыве,—ниде а-ни телень! Шыроке поле упыралось у темный лисъ и блыщало та перелывалось одъ мисячного проминня. Дывлячысь на цю картыну, Петрусь тяжко зитхнувъ и подывывсь на дорогу, що вела до хутора Лагоденкивъ. Сыни выразни очи нибы глянулы звидтиля на ёго, а изъ тыши ночнои почувся нибы іи голосъ, що достававъ ажъ до серця. Винъ ще зглянувъ у ту сторону, зитхнувъ и посунувся у квитныкъ, щобъ звидтиля питы до себе. Але у квитныку винъ зупынывся и оглядився на стороны, а дали прыставывъ велосипеда до стины, махнувъ въ гущыну сада до лыпы, що стояла посередъ саду, якъ здорова башта, спустывшы до самои земли свои виты; де-яки изъ гылякъ врослы у землю и пустылы молоду поросль навкругы лыпы.

— Чы выйшла Оксана?—думавъ Петрусь, тыхо наблыжаючысь до лыпы.

Лыпа була облыта мисячнымъ свитомъ и стояла нибы выкована зъ срибла; ни одынъ лыстокъ не стрепенувся: лыпа стояла нибы зачарована.

Петрусь увійшовъ у прыродну бесидку пидъ лыпою и прыдывывся: тамъ не було никого!

— Не выйшла, капосна дивчына,—думавъ винъ.—А може сховалася та жде, покы я іи знайду?—И винъ почавъ усюды прыдывляться, та потыхеньку гукаты.

— Нема!—зъ серцемъ проказавъ винъ и сивъ на шырокій лавци. Пидъ лыпою воздухъ бувъ теплійшый и тяжчый, нижъ на простори, а до того сповненый дуже ароматамы. Петрусь глыбоко дыхавъ и почувъ, що нибы у ёго голова завертилась,—ёго потягло лягты на лавку...

— Не въ биса якъ гарно тута!.. Чы прыйде, чы ни?—думавъ винъ, дывлячысь, якъ мисячне проминня де-не-де пробывалось мижъ густою лыствою и блыщало на лыстяхъ. Петрусь заплющывъ очи и почавъ прыгадувать Оксану, іи повногруду постать, кари очи...—„Не давить-бо такъ... серце тёпается!“—Винъ усмихнувся и потягся усимъ тиломъ, нибы зъ просоння.—А все жъ таки ій далеко до Галы!—думавъ винъ дали, и передъ ёго очыма несподивано, якъ жыва, встала Лагодивна. Вона сварылась на ёго пальцемъ и гнивно блыщала очыма. Петрусь схопывся зъ лавкы, озырнувся на вси боки и протеръ соби очи.—Чы я не заснувъ часомъ? Оце, нибы жыви булы тутъ коло мене! Ажъ излякався!

Винъ знову протягся на лавци, хотивъ було думать про Оксану, але у ёго очахъ выявылась Галя и знову сварылась пальцемъ.—И звидкиля вона знае, що я жартую зъ дивчатамы? Мабуть пытае у дивчатъ, чы може ій дивчата розсказують про мое чипляння? Мабуть, що у всёму выпна Кулына; недурно вона перейшла до пасъ одъ Лагоденкивъ... А таки я злякався, якъ вона почала сварытысь пальцемъ, бо дознается, то бида...

Колы це коло лыпы щось зашелестило, и незабаромъ виты роздвынулысь, и выявылась голова Оксаны. Петрусь схопывся, якъ опеченый, кынувся до неи, нибы тыгръ на свою здобычъ. Не встыгла Оксана, якъ звычайно роблять дивчата на Украини, злякатысь, якъ опынылась на рукахъ Петруся, котрый зъ усіеи сылы тыснувъ іи до своихъ шырокыхъ грудей, забувшы усе на свити, навить и Галю и іи палець...

XII.

Торикъ,—якъ кажуть, по диламъ службы,—прыйшлось мени побуваты у повитовому городи N. Погода була дуже погана: дощъ вже цилый тыждень лывъ безъ перестанку, нибы ёму и кинця не було. Чорна земля зовсимъ розмьякла, и зробылась така грязюка, що йихаты дали не можна було ніякымъ побытомъ. До того було и холодно.

Я звеливъ фурманови звернуты у зайиздъ, де завше стававъ, якъ траплялось буваты у цимъ городи.

— А що, свободни номера йе?—спытавъ я коридорного.

— Та одынъ тилько и зостався... Мерщій займайте.

— А хиба що?

— Та теперъ саме земське собраніе, такъ понайихало багато панивъ. Казалы, що ще и сёгодня повынни де-котори прыйихать.

Не встыгъ я зробыть по коридору килько крокивъ, якъ двери зъ одного номера одчынылысь и звидтиля зъявылась фигура Суховія, котрого я добре знавъ и зъ котрымъ не разъ доводылось полюваты.

— А, Спырыдонъ Ныкыфоровычу, це вы? Якымъ це витромъ васъ занесло сюды, у наши краи!—зарепетувавъ винъ, убачывшы мене и кыдаючысь цилуватысь.

— А у насъ тутъ саме робота,—засиданія; зибралысь усе свои, це-бъ то наша партія... Отъ добре, що и вы надйихалы,—бо тута йе винтёры, и на грихъ, якъ кажуть, нема четвертого. Мерщій роздягайтесь, та до насъ; у насъ и чаю напьетесь и

пойисте. Опанасе!—гукнувъ винъ на коридорного:—мерщій прыбирай пана, та веды до насъ! Чуешъ?

— Та чую! Оце вже мени осточортилы оци земськи! Нема имъ ни въ день, ни въ ночи спокою... Чыстее горе! Бигаешъ якъ скаженый, то по лавкахъ, то по гласныхъ, то по усихъ усюдахъ...—казавъ Опанасъ, пораючысь коло умывальныка.

Трохы прычепурывшысь, я увійшовъ у номеръ Суховія. За дымомъ одъ тютюну я спершу ничого не розгледивъ,—тилько чувъ галасъ та регитъ...

— А, прошу покорно!—почувсь голосъ Суховія.—Тутъ, мабудь, знайдутся де-яки знаёми люде... Панове, рекомендую, прошу любыты и жалуваты; а до того ще й у винта грае!

Въ двохъ кимнатахъ набылося чоловикъ зъ двадцять. Вси воны сыдилы за зеленымы столамы и гралы у карты. На одному столи стоялы пляшкы зъ винамы та горилкою, коло ихъ усяки закускы... За однымъ столомъ я убачывъ и Петруся. Винъ ще покращавъ и нибы зробывся повнищый. Одъ грання у карты лыце ёго зовсимъ росчервонилось, и очи блыщалы. Винъ весело гукавъ та реготався, ажъ одляскъ йшовъ одъ ёго голоса по кимнатахъ.

Не встыгъ я ще навить до всихъ прыдывытысь, а вже мени тыкалы у рукы карту и просылы сидаты за стилъ, щобъ золотого, якъ кажуть, часу не втерять.

— Ци уси належать до нашои партіи,—казавъ мени Суховій:—теперъ наши у земстви вси...

— А що, засиданія интересни? Яки доклады?—пытаюся.

— А, чортъ-зна що! Такъ соби; у карты зъ кумпаніей краще грать, нижъ сыдить тамъ та слухать оту сухоту—про болныци, статыстычне бюро... Пусте!

— А чого це Петро Дмытровычъ тута?

— Якъ чого? Аже-жъ винъ гласный, уже два рокы... и добрый изъ ёго выйшовъ гласный: за своихъ держытся, якъ ракъ за мясо. Хиба-жъ вы цёго не зналы? Та винъ и одружывся до того—и знаете, зъ кымъ? Зъ Лагодивною... знаете? Жинка узяла ёго у рукы такъ, що винъ повыненъ робыть

тилько те, що ій забажается, навить и по земству. Тамъ така бидова та хазяйка, що й сказаты не можна. Всю округу прыворожыла до себе,—не тилько нашого председателя, а навить справныка и предводытеля. Ціи двое такъ и не вылазять звидтиля, такъ и трутся коло неи... Петрусеви тилько й воли, що зо мною, особлыво тутъ, у городи...—

Тымъ часомъ пидійшовъ до насъ и Петрусь.

— Що-жъ тамъ про школы завтра будете балакать?—спытавъ я ёго.

Винъ осмихнувся и махнувъ рукою.

— Пусте,—про передачу земськыхъ шкилъ духовенству.

— Якъ-же вы й ваши товарыши про се удумалы?—

— Та якъ? Колы духовенству такъ забажалось взяты пидъ свою руку наши школы, то нехай беруть. Хиба намъ що? Одъ цёго мы ничого не втеряемъ, клопоту зъ нымы буде менче... Баба зъ возу, конямъ легче!

Вси зареготалысь и загомонилы.

— Отъ вы кажете, що школы погиршають,—почавъ знову Петрусь!—ну, такъ хто-жъ тутъ выненъ? Колы имъ тіи школы мабуть и въ сни снятся, все одно, якъ котови сало... Мы дамо имъ малу субсидію, щобъ одъ ихъ одкараскатысь, а остатни гроши пидуть на що-небудь друге: чы на кинськый заводъ, чы богадильню, або що инче,—казавъ Петрусь, позыраючы на всихъ своимы выразнымы веселымы очыма.

— Правду каже Петро Дмытровычъ!—загомонилы де-яки;—на що намъ той клопитъ? Нехай соби беруть, якъ имъ такъ захотилося... Отъ, колы-бъ ще имъ отдаты болныци та богадильни!...

Суховій торкнувъ мене пидъ бикъ и моргнувъ на Петруся.

— А що, чымъ не молодець? Свое дило знае...—

Я бильшъ не ставъ роспытувать ихъ про земськи дила...

А. Хатемкинъ.

ПРОБУЖДАЮЩІЙСЯ КРАЙ.

(Л. Василевскій. Современная Галиція. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Цѣна 80 к. СПБ. 1900).

Въ текущемъ 1900-мъ году появилась въ продажѣ книга г. Л. Василевскаго „Современная Галиція", книга, дающая цѣльный образъ этого пробуждающагося края, почему мы находимъ полезнымъ поговорить о ней теперь, когда вновь затронутъ въ литературѣ вопросъ о Галиціи, о ея литературномъ языкѣ, и затронутъ притомъ безъ всякаго пониманія особенностей этой страны и естественныхъ влеченій ея населенія. Спору нѣтъ „Современная Галиція" г. Василевскаго преисполнена и фактическихъ ошибокъ, и опечатокъ, спору нѣтъ, что авторъ ея не воспользовался даже всѣми русскими источниками и даетъ поэтому подчасъ сомнительныя свѣдѣнія, тѣмъ не менѣе въ общемъ книжка оставляетъ въ читателѣ вполнѣ опредѣленный образъ, вѣрный дѣйствительности. И во всякомъ случаѣ подобный цѣльный очеркъ близкой намъ славянской земли—явленіе въ высшей степени желательное въ нашей современной литературѣ.

Цѣль автора показать читателямъ, что уныніе, всегда могущее овладѣть ими, при сравненіи благъ, обрѣтенныхъ великими и богатыми европейскими народами, съ нашими бѣдами, съ нашею непросвѣщенностью, не имѣетъ основанія существовать, стоитъ только обратить вниманіе на такую бѣдную страну,

какъ Галиція, которая, будучи съ конца шестидесятыхъ годовъ поставлена въ мало мальски сносныя условія существованія, стала въ настоящее время и значительно грамотнѣе, обрѣла и сносную культуру земли своей, обзавелась всякаго рода полезными обществами, въ родѣ земледѣльческихъ кружковъ, развила для обрѣтенія средствъ разныя отрасли промышленности, сперва мало сулившія благъ населенію. Возможенъ подобный успѣхъ для Галиціи, возможенъ онъ слѣдовательно и намъ, и отчаянію по этому нѣтъ мѣста. Въ частности авторъ вспоминаетъ и насъ, южанъ, и говоритъ, что знакомство съ современной Галиціей, родственной южно-русскому племени, необыкновенно полезно, ибо нерѣдко и народъ, и условія жизни у насъ, и у нихъ близко подходятъ одни къ другимъ.

Начинаетъ авторъ съ историческаго очерка прошлыхъ судебъ Галиціи, носящей теперь офиціальное названіе Галиціи и Лодомеріи съ великимъ княжествомъ Краковскимъ и княжествами Освѣцимомъ и Заторомъ. Галиція и Лодомерія это ничто другое, какъ исковерканныя названія древнерусскихъ княжествъ Галича и Владиміра. Великое княжество Краковское, княжество Освѣцимское и Заторское—это польскія земли, которыя, какъ напримѣръ первая, всегда принадлежали Польшѣ, или были присоедены къ ней съ теченіемъ времени, какъ двѣ послѣднихъ. Минуя давнюю исторію Галицкаго княжества и удѣльный періодъ, отмѣтимъ, что въ XIV вѣкѣ оно было присоединено къ польской Рѣчи Посполитой и вело жизнь одинаковую съ другими подвластными Польшѣ землями вплоть до 1772 года, когда, по первому раздѣлу Польши, Галиція была отдана подъ власть Австріи. Не мало претерпѣло за это время русское населеніе Галиціи, находясь сперва подъ польскимъ режимомъ, а затѣмъ подъ австрійскимъ. Австрійское правительство непосредственно послѣ раздѣла Польши напрягало всѣ усилія онѣмѣчить страну, всѣ чиновники въ ней были нѣмцы, и офиціальнымъ языкомъ считался нѣмецкій; польскій же языкъ былъ устраненъ изъ школъ, судопроизводства и администраціи. Есте-

ственно было, что поляки стали заявлять протесты противъ нѣмецкихъ покушеній правительства, русское же населеніе, подавленное въ своихъ національныхъ стремленіяхъ долгою зависимостью отъ поляковъ, молчало и не подавало признаковъ національнаго протеста; русская интеллигенція начала пробуждаться только съ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, да и то на первыхъ порахъ очень слабо. Послѣ 1831 года борьба польскаго населенія съ австрійскимъ правительствомъ принимаетъ все болѣе и болѣе крупные размѣры, сливаясь съ широкимъ демократическимъ теченіемъ, теперь проявившимся среди поляковъ и стремившимся къ улучшенію быта крестьянъ. Много вліяли въ демократическомъ смыслѣ эмигранты 1831 года изъ Царства Польскаго; у нихъ то прорывались идеи, что поляки только тогда достигнутъ полнаго благополучія, когда простой народъ и крестьянство поймутъ, что они поляки; для пробужденія же національнаго самосознанія среди крестьянъ нужно сдѣлать ихъ полноправными членами націи, вступить на путь широкихъ реформъ, обучить народъ и прежде всего освободить его отъ барщины. Въ 1832 году было основано „Демократическое Общество“ въ Парижѣ, находившееся въ тѣсной связи съ западно-европейскими сообществами подобнаго же характера. Явилось и въ Галиціи общество „Простой польскій народъ“, считающее въ числѣ своихъ членовъ поэтовъ, историковъ, государственныхъ дѣятелей. Многіе члены этого общества скрывались среди крестьянъ по глухимъ горскимъ деревушкамъ, распространяя среди народа національное самосознаніе и подготовляя его къ возстанію противъ австрійскаго правительства. Послѣднее принялось за противодѣйствіе. Австрійскимъ властямъ удалось напасть на слѣдъ дѣятельности общества среди народа и среди молодежи, что послужило поводомъ къ многочисленнымъ арестамъ и высылкѣ эмигрантовъ изъ предѣловъ Австріи. Не было тогда ни одной семьи среди образованнаго класса Галиціи, которая не имѣла-бы въ числѣ заключенныхъ въ тюрьму хотя бы одного изъ своихъ членовъ. Тѣмъ не менѣе „Демократическое Общество“ подготовляло почву къ всенародному воз-

станію, которое должно было начаться съ уничтоженія барщины и надѣленія крестьянъ землею. Возстаніе должно было вспыхнуть въ ночь съ 21 на 22 февраля 1846 годъ. Начальники волости получили приказъ созывать крестьянъ по волостямъ и объявлять имъ свободу и гражданское равенство, уничтоженіе барщины и всякихъ повинностей, признаніе за крестьянами права собственности на ту землю, которою они подъ какимъ либо видомъ владѣли, и надѣленіе пятью моргенами земли всѣхъ безземельныхъ, которые примутъ участіе въ возстаніи противъ Австріи. Тогда Австрійское правительство прибѣгло къ крайней мѣрѣ: оно объявило, что само оно намѣрено уничтожить барщину, и что польскіе помѣщики этому препятствуютъ, бунтуютъ въ разсчетѣ и впредь угнетать народъ. Крестьяне тарновскаго и бохнянскаго округовъ повѣрили, возстали противъ поляковъ, и число убитыхъ крестьянами помѣщиковъ доходило до нѣсколькихъ десятковъ. Усмиривъ возстаніе, австрійское правительство принуждено было сдѣлать кое что для крестьянъ, хотя барщины не отмѣнило, а только немного ее упорядочило. Но вотъ наступилъ 1848 годъ, и Галиція, въ слѣдъ за другими странами, вновь заволновалась. Составлена была петиція, требовавшая полной отмѣны барщины и всѣхъ повинностей, оставшихся со временъ крѣпостнаго права, затѣмъ полнаго политическаго и гражданскаго равенства, самостоятельной провинціальной администраціи, всеобщей политической амнистіи, представительства въ сеймѣ всѣхъ классовъ общества, уничтоженія цензуры, введенія суда присяжныхъ, польскаго языка въ школахъ, судахъ и присутственныхъ мѣстахъ и т. д. Правительство было тогда достаточно слабо и не могло открыто противостать противъ всѣхъ требованій петиціонеровъ. Оно 18 апрѣля 1848 года издало рескриптъ, уничтожающій барщину и другія повинности. Правительство не только прикидывалось искреннимъ другомъ крестьянства и защитникомъ его противъ помѣщиковъ,—оно точно также приняло подъ свою защиту и русиновъ противъ поляковъ, хотя съ другой стороны всѣми силами поддерживало крупныхъ помѣщиковъ противъ мелкихъ, настроенныхъ болѣе демок-

ратически, и противъ городской интеллигенціи, для которой крестьянскіе интересы были въ высшей степени дороги. Затѣмъ всѣ недовольные приняли участіе въ вспыхнувшемъ тогда возстаніи венгерцовъ, и комендантъ Львова Гаммерштейнъ рѣшился бомбардировать свой городъ, причемъ погибло нѣсколько десятковъ человѣкъ, сгорѣла городская ратуша и университетъ съ богатой библіотекой. Гаммерштейнъ распустилъ всѣ общества политическаго характера, изгналъ эмигрантовъ, заключилъ въ тюрьму многихъ демократовъ и ввелъ осадное положеніе. Галиціи вновь пришлось выдерживать напоръ германизаціи; но 1848 годъ не прошелъ безъ слѣда: общество воспользовалось пріобрѣтеніями этого года—уничтоженіемъ барщины и расширеніями гражданскихъ правъ населенія. Кой какъ послѣ этого года велась въ странѣ культурная работа. Но совершенно нормально могла страна развиваться только послѣ 1866 г., когда Австрія, потерпѣвъ пораженіе въ войнѣ съ Пруссіей, должна была порвать со всей своей прежней политикой. Австрійское правительство увидѣло уже послѣ 1848 года, что всѣ усилія превратить поляковъ, чеховъ и другихъ славянъ въ нѣмцевъ не привели ни къ чему. Оно поняло, что всякому народу слѣдуетъ дать право развиться самостоятельно и самому черезъ своихъ представителей рѣшать свою судьбу. Но только послѣ Садовой различные народы Австріи получили возможность распоряжаться своею судьбою самостоятельно. Галиція тогда также воспрянула. Изъ Галиціи стали призываться государственные дѣятели на самые высокіе посты. Министрами Австріи, президентами парламента были назначаемы галиційскіе поляки, нерѣдко даже изъ такихъ, которые въ молодости принимали участіе въ возстаніяхъ противъ Австріи (напр. Дунаевскій, Смолька); полякъ министръ графъ Бадени издалъ законъ о реформѣ избирательнаго права, вводящій въ одной избирательной куріи всеобщую подачу голосовъ; въ послѣднее время министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Австріи состоитъ галиційскій полякъ—графъ Голуховскій. Естественно, что при такихъ условіяхъ стала возможна культурная работа

въ Галиціи, гдѣ поляковъ не преслѣдуютъ больше за ихъ національность. языкъ, обычаи и пр.

Прежде, чѣмъ перейти къ начавшемуся въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія возрожденію придавленнаго поляками и нѣмцами русинскаго населенія, мы считаемъ полезнымъ отмѣтить здѣсь, что въ историческомъ очеркѣ г. Василевскаго древній сравнительно періодъ преисполненъ ошибокъ. Во-первыхъ авторъ совсѣмъ пропускаетъ и время княженія въ Галиціи Владимірка, и Ярослава Осмомысла, затѣмъ не упоминаетъ о княженіи Романа Мстиславьевича и сына его Даніила Романовича, между тѣмъ въ эти періоды, при княженіи названныхъ князей, Галиція достигла наибольшаго расцвѣта своихъ русскихъ силъ. Затѣмъ авторъ говоритъ, будто съ люблинской уніи (1569 г.) до возстанія Богдана Хмельницкаго весь малорусскій край начинаетъ жить общею жизнью; къ этому времени относятся первыя проявленія южно-русской литературы, писанной на языкѣ, приближающемся къ тому говору, который употребляло малорусское мѣщанство и крестьянство. Между тѣмъ время до Богдана Хмѣльницкаго, отличалось наибольшимъ гнетомъ поляковъ. Мысль же автора, будто казацкія войны нанесли смертельный ударъ проявившемуся въ предшествующую эпоху національному единенію малороссовъ, совсѣмъ не основательна; напротивъ, если что подняло національное самосознаніе, то это именно казацкія войны, и только эти войны ослабили попытку окончательно ополячить край со стороны гораздо ранѣе начавшейся религіозной уніи. Вѣрно только заявленіе авторомъ, что въ XVII и XVIII вѣкахъ Галиція потеряла связь съ другими южно-русскими провинціями. Съ присоединеніемъ же ея къ Австріи она очутилась въ положеніи, совсѣмъ не похожемъ на положеніе остальныхъ частей южной Руси. При западно-европейскихъ условіяхъ политики и культуры, эта часть Руси была окончательно подавлена поляками, ихъ литературой, ихъ языкомъ. Неудивительно поэтому, что даже въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія въ Галиціи не было интеллигентныхъ русиновъ, употребляющихъ

въ обиходѣ другой разговорный языкъ, кромѣ польскаго, а отчасти и нѣмецкаго.

Инстинктивное сознаніе своего русскаго происхожденія проявилось раньше всего въ средѣ того духовенства, которое ближе стояло къ русинской массѣ и меньше имѣло соприкосновеній съ интеллигентнымъ или якобы интеллигентнымъ польскимъ обществомъ. Духовенство это обратилось къ изданію церковныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ, но вполнѣ чистоты этого языка не придерживалось, примѣняя нерѣдко малорусскія слова и польскія. Начало возрожденія малорусской національности относится къ 1837 году, когда Маркіанъ Шашкевичъ и Головацкій, оба студенты философскаго факультета львовскаго университета, издали сборникъ *„Русалка Днѣстрова“* въ количествѣ тысячи экземпляровъ. Дѣло въ томъ, что Маркіанъ Шашкевичъ заинтересовался славянскими дѣлами и принялся за изученіе славянскихъ языковъ. Онъ познакомился съ сочиненіями Шафарика, Линде, Раковицкого, Караджича, а также съ нѣкоторыми руско-украинскими изданіями, какъ напримѣръ „Малорусскія народныя пѣсни“ Максимовича, „Грамматика малорусскаго языка“ Павловского и „Энеида“ Котляревскаго. Изучая славянство, Шашкевичъ видѣлъ, какъ народность, которая уже всѣми считалась давно погибшею, неожиданно возрождалась и съ видимымъ успѣхомъ боролась за свои національныя права, и вотъ у него явилась мысль, что если бы галицкіе русины захотѣли идти по слѣдамъ чеховъ или хорватовъ, то они, пожалуй, достигли бы не меньшихъ результатовъ и вскорѣ заняли бы подобающее имъ мѣсто среди остальныхъ славянъ. Такъ какъ въ то время почти единственными представителями русинской народности въ Галиціи были крестьяне, то Шашкевичъ рѣшилъ, что дѣло національнаго возрожденія нужно начать съ образованія темныхъ народныхъ массъ. Подъ вліяніемъ же сочиненій украинцевъ Шашкевичъ пришелъ къ убѣжденію, что народу нужно дать образованіе не на церковно-славянскомъ или польскомъ, а на единственно-понятномъ ему народномъ малорусскомъ языкѣ. Такое убѣжденіе вполнѣ понятно въ галичанинѣ, предки

котораго съ XIV вѣка были отрѣшены отъ другихъ русскихъ славянъ, имѣвшихъ уже свой литературный языкъ, образованный на основѣ великороссійскаго нарѣчія; только разработка своего вѣдомаго малорусскаго нарѣчія и была мыслма для Шашкевича и Головацкого въ моментъ появленія ихъ „Русалки Днѣстровой“. Прекрасные образцы украинскаго языка въ сочиненіяхъ, доходившихъ къ нимъ изъ Россіи, еще больше окрыляли ихъ мысль о возрожденіи русинской народности, подобномъ возрожденію чеховъ, хорватовъ. „Русалка Днѣстрова“, явившаяся на малорусскомъ языкѣ, наполовину заключала въ себѣ народныя пѣсни, наполовину стихи Шашкевича и его пріятелей. Содержаніе стиховъ было самое невинное, и тѣмъ не менѣе „Русалка“ встрѣтила препятствіе къ выходу. У Шашкевича былъ даже обыскъ, и ему стоило довольво много усилій, чтобы оправдаться передъ полиціей и консисторіей. Когда консисторія, которой былъ подвластенъ Шашкевичъ, какъ священникъ, рѣшила, что въ обысканномъ помѣщеніи нѣтъ ничего преступнаго, Шашкевичъ тогда вмѣстѣ съ Головацкимъ рѣшилъ, что дѣло съ изданіемъ „Русалки Днѣстровой“ надо довести до конца. Головацкій полагалъ, что это удастся осуществить въ Пештѣ, гдѣ онъ короткое время былъ въ университетѣ. Дѣйствительно Пештская цензура дозволила въ 1837 году издать представленную Шашкевичемъ рукопись. Но не въ добрый часъ появилась „Русалка“. Какъ разъ въ это время во Львовѣ былъ открытъ заговоръ, въ которомъ принимали участіе и нѣкоторые члены кружка Шашкевича, сотрудники „Русалки“. Заговоръ былъ затѣянъ по иниціативѣ Ольскаго „Демократическаго Общества“, и хотя русины большого активнаго участія въ немъ не принимали, тѣмъ не менѣе сотрудники „Русалки“ были арестованы и заключены въ крѣпость. Такимъ образомъ не дешево обошлось желаніе писать на простомъ малорусскомъ языкѣ, обозванномъ поляками и австрійскимъ правительствомъ языкомъ „хлоповъ“. Очевидно, полякамъ остался не разрѣшеннымъ вопросъ, поставленный Шашевичемъ своимъ соотчичамъ въ небольшомъ его стихотвореніи, которое считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь:

Руська маты насъ родыла,
Руська маты насъ повыла,
Руська маты насъ любыла,—
Чому жъ мова ій не мыла?
Чомъ стыдатысь ій маемъ?
Чомъ чужую полюбляемъ?

Принялись одновременно русины, по убѣжденію Шашкевича, говорить и проповѣди въ церквахъ на родномъ языкѣ. Но насколько трудно было ввести родной языкъ въ церкви—это видно было по началу. Одинъ изъ воспитанниковъ семинаріи, давшихъ слово произносить проповѣди по малорусски, приготовилъ малорусскую проповѣдь для произнесенія ея въ одной изъ львовскихъ церквей. Взошелъ онъ на амвонъ, прочиталъ славянскій текстъ и евангеліе и уже хотѣлъ начать проповѣдь, но, увидѣвъ передъ собою интеллигентную публику, смутился такъ, что не могъ произнести ни одного слова по малорусски и сталъ, путаясь и сбиваясь, переводить по тетрадкѣ проповѣдь на польскій языкъ. Но впослѣдствіи Шашкевичъ вмѣстѣ съ двумя товарищами держалъ малорусскую проповѣдь въ трехъ львовскихъ церквахъ. Съ тѣхъ поръ народный языкъ сталъ все чаще и чаще раздаваться съ амвоновъ какъ сельскихъ, такъ и городскихъ уніатскихъ церквей. Но послѣ конфискаціи „Русалки“ послѣдовалъ разгромъ всего кружка Шашкевича, и онъ самъ въ 1843 году скончался на тридцать второмъ году жизни, измученный и изломанный непрекращающейся травлей.

Такая мученическая жизнь постигла первыхъ возродителей своей малорусской рѣчи въ Галиціи. Не мало также страданій испытали изъ за той же идеи и дальнѣйшіе борцы на томъ же поприщѣ. Но они не оставляли мысли образовать свой языкъ. Вѣроятно, идея эта не кажется такою ужасающею въ странахъ не славянскихъ. Въ Германіи, напримѣръ, какъ извѣстно, два главныхъ нарѣчія, hochdeutsch и plattdeutsch., имѣли не одинаковую судьбу. Hochdeutsch послужилъ основой для образованія литературнаго языка Лютеромъ и другими его послѣдователями, plattdeutsch оставался литературно не обработаннымъ и имѣлъ

только свою мѣстную литературу, правда прекрасную, но все-же мѣстную. Затѣмъ голандцы, владѣвшіе plattdentsch'омъ, образовали изъ него литературный языкъ свой, ставшій называться голландскимъ. Никто не кричитъ по этому поводу, что совершается подламываніе основъ филологической науки, никто, даже нѣмцы. Только въ славянскомъ мірѣ возможно было подымать изъ за литературнаго языка цѣлую бучу. Сперва казалось такъ естественно заговорить галицкимъ русинамъ по польски, теперь считаютъ безсмыслицей заведеніе имъ своего языка, когда возможно гиличанамъ и украинцамъ говорить на россійскомъ языкѣ. Легко такимъ способомъ рѣшать эти вопросы въ кабинетахъ ученыхъ, но не такъ стоитъ дѣло въ жизни.

Послѣ разгрома кружка Шашкевича снова наступило затишье, продолжавшееся вплоть до конца сороковыхъ годовъ. Въ это время всецѣло направляетъ литературу галицкую св. Юръ, т. е. монастырь въ Львовѣ, мѣсто пребыванія уніатского митрополита, и, конечно, онъ поддерживалъ изданія на церковно-славянскомъ языкѣ. Наступилъ 1848 годъ. Въ Галиціи раньше, чѣмъ въ другихъ областяхъ Австріи, было объявлено объ отмѣнѣ барщины. Графъ Стадіонъ, губернаторъ Галиціи, рѣшилъ, что австрійскому правительству гораздо выгоднѣе дать русинамъ то, чего они въ ближайшемъ будущемъ съумѣютъ добиться собственными силами. Какъ дальновидный политикъ, Стадіонъ рѣшилъ опереться въ Галиціи на русинскій элементъ, противопоставивъ его не надежнымъ въ политическомъ отношеніи полякамъ. По его почину была созвана въ Львовѣ „Головна рада руска“ представителей русинскаго народа. Съѣхалось болѣе трехсотъ русиновъ, преимущественно священниковъ, которые должны были выработать политическую программу для Галицкой руси. Эти представители заявили, что галицкіе русины принадлежатъ къ пятнадцатимилліонному малорусскому племени, отдѣльному и отъ поляковъ, и отъ русскихъ. Они заявили, что цѣлью ихъ будетъ возрожденіе русинской національности и обезпеченіе данныхъ ей правительствомъ правъ. Первымъ средствомъ къ достиженію этого Головна рада считаетъ сохраненіе греко-ка-

толической вѣры и уравненіе уніатскаго духовенства съ правами священниковъ другихъ обрядовъ. Затѣмъ Головна рада рѣшила стараться ввести народный языкъ во всѣ школы и стремиться къ тому, чтобы языкъ русиновъ былъ признанъ въ Восточной Галиціи оффиціальнымъ. Въ Львовѣ появилась первая русинская газета „Заря Галицка“, которая стала органомъ Головнои рады. Чтобы и другіе славяне знали о стремленіяхъ галицкихъ русиновъ, Головна рада послала на славянскій съѣздъ въ Прагу трехъ уполномоченныхъ. О просвѣщеніи крестьянъ и вообще галицкихъ русиновъ Головна рада не особенно торопились заботиться. Она рѣшила сперва создать въ Львовѣ разныя просвѣтительныя общества, задачей которыхъ было бы развитіе русинской литературы. Въ Львовъ собрался между прочимъ съѣздъ русинскихъ ученыхъ, которые выработали планъ литературной дѣятельности русиновъ. Они признали прежде всего, что галицко-русинская литература должна развиваться на народномъ языкѣ, хотя нѣкоторые изъ членовъ съѣзда склонялись къ мнѣнію, что для этой цѣли самымъ подходящимъ языкомъ былъ бы церковно-славянскій. Въ виду мнѣнія большинства съѣзда рѣшено было попереводить на малорусскій языкъ молитвенники, а также издать переводъ законовъ и составить учебники по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса. Съѣздъ основалъ для веденія подобныхъ дѣлъ общество народнаго просвѣщенія, которое вскорѣ получило названіе „Галицко-руской Матыци“. Матыця издала на первыхъ же порахъ „Читанку“ для дѣтей, и на этомъ закончилась ея дѣятельность. Былъ еще основанъ главной радой „Народный домъ“, который долженъ былъ вмѣщать библіотеку, типографію, музей, книжный магазинъ, залъ для собраній и сцену для театральныхъ представленій. Учрежденіе „Народнаго дома“ было послѣднимъ дѣломъ Главной рады; въ 1851 г. она прекратила свои засѣданія и распалась. Головна рада, при хорошихъ цѣляхъ, на дѣлѣ поддерживала интересы только духовенства, а не крестьянъ; поэтому крестьяне скоро отвернулись отъ нея. Головна рада разсчитывала на продолжительную поддержку ея австрійскимъ правительствомъ, и эта поддержка была до тѣхъ

поръ, пока правительство находило въ русинахъ своего союзника, но потомъ, примирившись съ поляками, въ такой поддержкѣ оно не чувствовало надобности. Изсчезла Головна рада, и въ Галиціи снова получили преобладаніе поляки.

Наступило опять затишье для русиновъ, длившееся до начала шестидесятыхъ годовъ. Въ это время нѣкоторое движеніе проявили галицкіе русины по поводу новаго правописанія, выдуманнаго для малороссовъ секретаремъ министерства народнаго просвѣщенія чехомъ Иречекомъ. Проектъ этотъ встрѣтилъ дружную оппозицію—и прежнее правописаніе было спасено.

Послѣ неудачной для Австріи итальянской кампаніи, въ Львовѣ былъ возстановленъ сеймъ (1861 г.), а изъ Россіи стали проникать въ Галицію сочиненія украинскихъ писателей. Но открытіе сейма не особенно оживило русинскую интеллигенцію. Затѣмъ послѣдовало и дальнѣйшее развитіе правъ русиновъ: они получили право являться депутатами въ рейхсратъ общеавстрійскій. Но и въ рейхсратѣ они не имѣли большого значенія и предпочитали добиваться чего-нибудь отъ правительства не путемъ конституціонной борьбы, а путемъ непосредственныхъ просьбъ къ министерству, на которые обыкновенно слѣдовалъ отъ правительства вѣжливый отказъ. Гораздо больше вліянія оказывала на русиновъ та украинская литература, которая проникала въ Галицію изъ Россіи. Вскорѣ послѣ 1861 года появилась въ Львовѣ поэма Т. Г. Шевченка „Гайдамаки“. Ею зачитывались студенты и распространяли въ большомъ количествѣ въ переписанныхъ экземплярахъ въ народѣ. Тогда явно склонилось большинство галицкой интеллигенціи къ языку малорусскому и оставило церковно-славянскій. Газета „Слово“ стала тогда украинофильскимъ органомъ и перепечатывала статьи изъ „Основы“. Но этотъ украинофиськскій органъ все же продолжалъ печатать статьи галицкою смѣсью церковно-славянскаго и малорусскаго языковъ съ придачей словъ польскихъ и нѣмецкихъ. Тогда молодежь стала издавать болѣе украинофильскія газеты: „Вечерныци“, „Мету“, „Ниву“. „Народный домъ“ тогда же основываетъ первую читальню.

Неудачная война Австріи съ Пруссіей въ 1866 году въ значительной степени ослабили первую. Снова и венгры, и поляки подняли головы, и правительство пошло имъ на уступки. Поляки получили „краевой школьный совѣтъ“, во всей Галиціи языкъ польскій сдѣлался оффиціальнымъ. Русиновъ же австрійское правительство оставило не при чемъ. Между русинами тогда начали распространяться слухи, будто вскорѣ Россія овладѣетъ Галиціей. Святоюрцы поэтому открыто стали высказываться за одинъ тождественный съ Россіей литературный языкъ для Галиціи, и одинъ изъ нихъ Б. Дѣдицкій, недавно еще украинофилъ, издалъ брошюру: „Въ одинъ часъ малорусину выучиться по великоруски“. Такое заявленіе однако не мѣшало ему во всѣхъ своихъ произведеніяхъ употреблять невѣроятный жаргонъ, ничего общаго съ русскимъ литературнымъ языкомъ не имѣющій. Но ничего существеннаго до предполагаемаго прихода русскихъ войскъ святоюрцы не дѣлали. Украинофилы же, числившіе въ своей средѣ не мало молодежи, продолжали открыто работать для народа, и въ 1868 году основали общество для изданія народныхъ книжекъ „Просвита“, которое имѣетъ не малое значеніе въ исторіи просвѣщенія въ Галиціи. Много книжекъ для чтенія крестьянамъ было имъ издано, изданы были имъ же и учебники гимназическаго курса. Явился и у святоюрцевъ дѣятель, искренно сперва относившійся къ русинскому народу. Это—Иванъ Наумовичъ, сперва полонофилъ, потомъ украинофилъ и наконецъ москалефилъ. Онъ издавалъ газеты „Русску Раду“, а потомъ „Науку“ и въ газетахъ этихъ помѣщалъ статьи свои для крестьянъ. Онъ же повсюду открывалъ читальни для народа, и такихъ читалень открылось до 150. Въ качествѣ святоюрца онъ пожелалъ для противовѣса народовской „Просвитѣ“ имѣть свое издательское общество и, на капиталъ, завѣщанный старорусинской партіи умершимъ въ 1873 г. галичаниномъ Михаиломъ Качковскимъ, устроилъ „Общество Качковскаго“, которое сразу привлекло къ себѣ нѣсколько тысячъ крестьянъ. Тѣмъ не менѣе скоро вліяніе святоюрцевъ стало ослабѣвать, крестьяне охладѣли къ его начинаніямъ, и, вѣроятно, не малую долю вліянія

въ этомъ смыслѣ оказало то „язычіе", на которомъ святоюрцы писали свои книги и на которомъ не говоритъ ни одинъ народъ. Мелкія пререканія, которыми въ свою очередь заняты были украинофилы, заставили охладѣть къ нимъ прежнихъ ихъ послѣдователей. Въ это время особенно поддерживался споръ о малорусскомъ правописаніи: святоюрцы стояли за этимологическую правопись, украинофилы за кулишивку, т. е. правопись фонетическую; къ главному спору примѣшивались еще вопросы о кулишивкѣ и о Максимовичевскомъ правописаніи съ сохраненіемъ *ѣ*, *о* съ дашками (^) въ значеніи *і*.

Тогда подъ вліяніемъ извѣстнаго дѣятеля Драгоманова начала проявляться партія искренно преданная русинскому народу и отстаивавшая его интересы. Иванъ Франко и Михаилъ Павликъ являются сперва издателями „Громадського Друга", а впослѣдствіи газеты для интеллигенціи „Народъ" и для крестьянъ „Хлиборобъ." Кромѣ того, имъ же принадлежитъ изданіе „научно-литературной библіотеки." Въ настоящее время русинская крестьянская партія выдвигается все больше и больше на первый планъ, пріобрѣтаетъ все новыхъ сторонниковъ среди людей изъ образованнаго класса.

Значительную поддержку партіи, прибавимъ отъ себя, даетъ „Наукове Товариство імени Шевченка" съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ его сталъ воспитанникъ Кіевскаго университета М. С. Грушевскій. „Записки Наукового Товариства імени Шевченка" въ его рукахъ оказались высоко-цѣннымъ научнымъ изданіемъ, необходимымъ для ознакомленія съ прошлымъ Галиціи. Параллельно ему выходитъ уже три года „Літературно-Науковий Вістник," подъ ред. Грушевского, І. Франка и В. Гнатюка, журналъ по содержанію близко подходящій къ лучшимъ изданіямъ европейскимъ. Особенно много его успѣху способствуетъ участіе Ивана Франка, помѣщающаго тамъ свои цѣнныя беллетристическія произведенія и не менѣе цѣнныя научныя статьи.

Вотъ съ какимъ трудомъ совершилось возрожденіе галичанъ и вотъ какихъ результатовъ пока что они достигли. Не-

сомнѣнно еще большаго добьются они въ будущемъ при столь-же упорномъ трудѣ.

Наравнѣ съ историческимъ краткимъ очеркомъ Галиціи интересны въ книгѣ г. Василевскаго и другія данныя. Онъ указываетъ, что Западная Галиція, лежащая въ бассейнѣ Вислы, отдѣляется отъ Восточной рѣкою Сяномъ, впадающей въ Вислу, и представляетъ страну, заселенную Поляками; Восточная же Галиція расположена въ бассейнѣ Днѣстра и отчасти Прута и заселена Русинами. Всего населенія въ этой провинціи Австріи имѣется по переписи 1890 года 6607816 человѣкъ, а теперь, вѣроятно, уже 7000000. Это населеніе почти поровну распадается на Западную и Восточную части страны. Населеніе Западной составляютъ слѣдующія польскія племена: 1) подгаляне, населяющіе гористую мѣстность Подгале, тянущуюся до притока Вислы Дунайца и 2) хробаты и мазуры, жители низменной части Западной Галиціи, между которыми особенно выдѣляются краковяне. Населеніе Восточной Галиціи составляютъ русскія племена; одни изъ нихъ горцы, другіе—подоляне. Горцы извѣстны подъ именемъ лемковъ, бойковъ, тухольцевъ, полонинцевъ и гуцуловъ. Авторъ характеризуетъ только лемковъ, бойковъ и гуцуловъ; о тухольцахъ и полонинцахъ совершенно умалчиваетъ. Русинское крестьянство говоритъ на малорусскомъ языкѣ, на томъ-же нарѣчіи, которое употребляетъ малорусское населеніе Юго-Западнаго края Россіи.

Интересны нѣкоторыя бытовыя черты, приводимыя авторомъ о гуцулахъ. Высокорослые, статные, хорошо сложенные, съ черными глазами, смуглыми лицами и черными какъ смоль волосами, гуцулы напоминаютъ скорѣе сербовъ или вообще жителей Балканскаго полуострова, нежели русиновъ. Въ прежнее время среди гуцуловъ было сильно распространено разбойничество. Близость румынской границы и Венгріи способствовала его развитію. Разбойничество было чѣмъ-то въ высшей степени почетнымъ, и парень, который не участвовалъ-бы по крайней

мѣрѣ въ двухъ-трехъ разбойничьихъ предпріятіяхъ, не могъ разсчитывáть на любовь красивой, богатой дѣвушки изъ своего села. Обыкновенно парни, лѣтъ 18—20, соединялись въ шайки, выбирали себѣ атамана и отправлялись на свой промыселъ, иногда довольно далеко. Они нападали на помѣщичьи усадьбы, на купцовъ, везущихъ товаръ, и возвращались домой съ добычей. Многіе изъ нихъ пробирались въ Балканскія горы, гдѣ они соединялись съ сербскими и болгарскими гайдуками и вмѣстѣ съ этими послѣдними грабили и рѣзали турокъ. Привлекала ихъ къ такимъ походамъ не столько добыча, сколько свободная, независимая жизнь въ горахъ, веселыя пирушки, возможность показать свою молодецкую удаль. Послѣ двухъ-трехълѣтняго занятія разбойничествомъ, гуцулъ возвращался въ свое село, женился и становился примѣрнымъ „честнымъ“, трудолюбивымъ хозяиномъ. Разбойники-гуцулы, называемые „опрышками“, представляются въ народныхъ пѣсняхъ чѣмъ-то сказочно-геройскимъ. Они грабятъ богатыхъ, бѣднымъ же помогаютъ и нерѣдко выручаютъ ихъ изъ бѣды.

Интересно еще особое званіе у гуцуловъ „диды“. „Диды“— это просто нищіе, которые по сумеркамъ собираются на папертяхъ церквей. Но не слѣдуетъ думать, что эти нищіе дѣйствительно нуждаются. Совершенно напротивъ. Дидовскія семьи— это самыя зажиточныя гуцульскія семьи, и ни одна дѣвушка не имѣетъ столько червонцевъ въ своемъ намыстѣ, сколько дочь дида. Въ гуцульской пѣснѣ такая дѣвушка поетъ:

„А я роду не простого,
А я роду дидивського...“

Диды пользуются большимъ почетомъ среди односельчанъ. Диды—это слѣпцы, поющіе по ярмаркамъ мірскія и духовныя пѣсни. Занятіе дида переходитъ по наслѣдству, и старшій сынъ дида подвергается ослѣпленію.

Гуцулы больше пастухи, рѣже земледѣльцы, такъ какъ земля въ ихъ горахъ плохо родитъ хлѣбъ; они славятся еще издѣліями изъ мѣди, глины и дерева.

Къ сожалѣнію подобнаго описанія ни лемковъ, ни бойковъ, а тѣмъ болѣе тухольцевъ и полонинцевъ мы въ книгѣ г. Василевскаго не встрѣчаемъ.

Что до экономическаго положенія обѣихъ половинъ Галиціи, то населеніе ея не можетъ прокормиться отъ земледѣльческой промышленности. 6000000 моргеновъ земли находятся во владѣніи крестьянъ, и теперь на человѣка, вслѣдствіе дробленія земли при наслѣдствѣ, приходится не больше двухъ моргеновъ, что, конечно, крайне мало. Остальное на прожитье крестьянамъ приходится добывать изъ промысловъ, нѣкоторые-же выселяются большими партіями въ Америку. Съ 1882 года были заведены земледѣльческіе кружки, стремившіеся къ улучшенію печальнаго хозяйственнаго положенія народа. Общество земледѣльческихъ кружковъ задалось цѣлью поднять уровень благосостоянія, просвѣщенія и нравственности народныхъ массъ. Оно основываетъ въ Галиціи земледѣльческіе кружки съ намѣреніемъ распространить между народомъ свѣдѣнія, касающіяся земледѣлія, сельскаго хозяйства и кустарной промышленности. Всячески старается Общество доставлять за деньги членамъ кружковъ хорошія сѣмена, машины, земледѣльческія орудія; устраиваетъ земледѣльческія и промышленныя выставки, въ которыхъ принимаютъ участіе крестьяне; основываетъ читальни, библіотеки, сберегательныя кассы, кассы ссудъ, промышленно-торговыя общества и лавки, въ которыхъ крестьянинъ можетъ получить все для него необходимое, при чемъ продажа спиртныхъ напитковъ совершенно устранена. Такіе земледѣльческіе кружки существуютъ по всей Галиціи, но преимущественно они распространены въ польской ея части. Вполнѣ бѣдности крестьянской они однако не устранили, какъ проистекающей вслѣдствіе плохой почвы въ Галиціи.

Поневолѣ приходится населенію изыскивать другія средства для существованія, кромѣ земледѣлія. Добывается въ Галиціи соль въ большомъ количествѣ; знамениты залежи ея въ Западной Галиціи въ Величкѣ и Бохніи. Сверхъ того добывается еще нефть и озокеритъ (горный воскъ). Залежи озоке-

рита были открыты въ Бориславѣ, описанномъ такъ мастерски г. Франкомъ. Близъ Кракова добывается еще цинковая руда. Соли, нефти, озокериту, цинку вывозится, по словамъ Василевскаго, на 5 милліоновъ гульденовъ больше, чѣмъ ввозится. Даютъ кой-какія средства къ жизни и развивающіеся въ послѣднее время нѣкоторые крестьянскіе кустарные промыслы. Явилась на свѣтъ „мѣстная коммиссія для промышленныхъ дѣлъ," которая взяла подъ свое покровительство эти кустарные промыслы. Явились школы для ткачей, и въ городѣ Кроснѣ, средоточіи мелкой ткацкой промышленности, возникла высшая ткацкая школа, въ которой обучаются самые способные ткачи. Ткацкія издѣлія Галиціи теперь нерѣдко вывозятся за-границу. Благодаря „мѣстной коммиссіи для промышленныхъ дѣлъ" въ Восточной Галиціи открылись школы для вящшаго обученія изготовителей „кылимовъ," и теперь эти кылимы могутъ спорить по красотѣ съ лучшими восточными коврами. Когда стало замѣчаться постепенное замираніе этой промышленности, галиційскій помѣщикъ Федоровичъ завелъ въ своемъ селѣ Окнѣ спеціальную школу, въ которой ученики-крестьяне стали учиться фабриковать кылимы подъ руководствомъ опытныхъ мастеровъ съ точнымъ сохраненіемъ прежнихъ узоровъ. Такимъ-же путемъ поднялось кустарное производство изъ дерева—утвари, алтарей, боронъ, саней, возовъ, тарантасовъ. Далѣе поднялось и гончарное производство; гончарскія школы существуютъ въ Коломыѣ, Товстомъ, Порембѣ. Средствами, добываемыми этими промыслами, отчасти пропитывается мѣстное населеніе.

Что до управленія Галиціей, то самой высшей властью въ ней, независимой отъ центральнаго правительства въ Вѣнѣ, является сеймъ, засѣдающій въ Львовѣ, избираемый всѣмъ населеніемъ, за исключеніемъ самыхъ бѣдныхъ слоевъ общества—рабочихъ и безземельныхъ крестьянъ. Сеймъ состоитъ изъ 150 членовъ, избираемыхъ на пять лѣтъ. Изъ среды сейма выбирается на шесть лѣтъ такъ называемое „Земское Управленіе" (Wydział krajowy), состоящее изъ шести членовъ и шести ихъ замѣстителей. Это „Земское Управленіе" занимается школьными

дѣлами, богоугоднымп заведеніями, общественными работами, мѣстными галицкими финансами и финансами общинъ. Во главѣ сейма и „Земскаго Управленія“ стоитъ провинціальный маршалъ, который назначается императоромъ изъ среды депутатовъ сейма. Какъ часть австрійской имперіи, Галиція вліяетъ на дѣла всего государства черезъ своихъ депутатовъ, которыхъ она посылаетъ въ вѣнскій парламентъ. Представителемъ австрійскаго императора въ Галиціи является назначаемый императоромъ намѣстникъ, постоянно пребывающій въ Львовѣ. Намѣстникъ не присылается изъ Вѣны, а назначается изъ галичанъ. До сихъ поръ всѣ галицкіе намѣстники были поляки. Намѣстникъ сносится непосредственно съ императоромъ по всѣмъ дѣламъ, находящимся въ его вѣдѣніи, и передъ лицомъ галицкаго населенія является выразителемъ воли императора.

Что касается народнаго образованія, то Галиція съ 1867 года стала самостоятельно давать ему свое направленіе. Онѣмечиваніе посредствомъ школы исчезло, и законъ 22 іюня 1867 года ввелъ повсюду преподаваніе на мѣстномъ языкѣ: тамъ, гдѣ населеніе польское,—на польскомъ, тамъ-же, гдѣ населеніе русинское,—на малорусскомъ. Вскорѣ послѣдовало императорское распоряженіе объ учрежденіи въ Галиціи „Мѣстнаго Школьнаго Совѣта“, въ вѣдѣніе котораго должны были перейти всѣ низшія и среднія учебныя заведенія Галиціи. Только высшія учебныя заведенія, университетъ и политехникумъ, не зависѣли отъ Школьнаго Совѣта и подчинялись министерству народнаго просвѣщенія, пребывающему въ Вѣнѣ. Школьный Совѣтъ игралъ въ Галиціи и теперь играетъ роль самостоятельнаго министерства. Съ трудомъ онъ собралъ свѣдѣнія о постановкѣ школьнаго дѣла въ подвѣдомственномъ ему раіонѣ, и въ 1873 году въ Галиціи было не на бумагѣ только, а на дѣлѣ 2362 школы, потомъ въ 1893 г.—3812. Число школъ постепенно растетъ и теперь. Вмѣстѣ съ ростомъ школъ идетъ и увеличеніе числа обучающихся въ школѣ дѣтей. Въ 1893 году ихъ было уже 563509. Число безграмотныхъ въ войскѣ также постепенно уменьшается, и есть не мало окру-

говъ въ Галиціи, гдѣ на представляемыхъ рекрутъ число безграмотныхъ не превышаетъ 10—12%. Распространенію школъ въ Галиціи особенно содѣйствуетъ „Общество народной школы," основанное въ 1892 г. Открываетъ оно школы преимущественно въ Западной Галиціи, но не оставляетъ своимъ вниманіемъ и Восточной. Какъ „Общество" польское, оно ревностно слѣдитъ за сохраненіемъ польской народности на крайнемъ Западѣ Галиціи. Въ г. Бялѣ нѣмецкій „шульферейнъ" завелъ нѣмецкія школы и явно онѣмечивалъ мѣстное населеніе; „Общество" ревностно противодѣйствовало такой его дѣятельности, съ большимъ трудомъ открыло въ Бялѣ польскую школу и обезпечило такимъ образомъ сохраненіе мѣстнымъ населеніемъ польской народности. Сверхъ того, явилось еще въ 1867 г. и „Общество народнаго просвѣщенія," задавшееся цѣлью покрыть Галицію народными читальнями, но „Общество" это вскорѣ прекратило свое существованіе, не поддержанное въ своей дѣятельности ни народомъ, ни интеллигенціею. Но въ восьмидесятыхъ годахъ одновременно явились многія общества для распространенія народнаго просвѣщенія путемъ читаленъ, газетъ, книгъ для народнаго чтенія. Въ настоящее время одна Западная Галиція обладаетъ 1200 читаленъ. Читаленъ довольно и въ Восточной Галиціи, на которую польское общество меньше обращаетъ вниманія, своя-же малорусская интеллигенція пока еще слаба для этого. Но усиліями послѣдней во всякомъ случаѣ открыто нѣсколько русинскихъ гимназій, напр. во Львовѣ, Перемышлѣ, Коломыѣ, и нѣсколько параллельныхъ малорусскихъ отдѣленій къ гимназіямъ польскихъ въ предѣлахъ Восточной Галиціи. Ея же усиліями появилось нѣсколько народныхъ газетъ, какъ „Хліборобъ," „Батьківщина." Къ сожалѣнію нашъ авторъ не упоминаетъ о существованіи въ Галиціи малорусскихъ гимназій. У него также вскользь упомянуто только о существованіи во львовскомъ университетѣ нѣсколькихъ каѳедръ на малорусскомъ языкѣ.

Касается авторъ и еврейскаго населенія Галиціи. Евреи держатъ тамъ корчмы и мелочныя лавки, занимаются продажей

всего того, что крестьянину нужно въ повседневной жизни, и покупкой продуктовъ крестьянскаго хозяйства. Они-же ссужаютъ неповоротливаго и мало предпріимчиваго крестьянина деньгами за неимовѣрные проценты, такъ что въ концѣ концовъ и земля крестьянина переходитъ къ евреямъ. Еврейскихъ ремесленниковъ въ русинскихъ селахъ очень немного. Всего евреевъ въ Галиціи живетъ около 12% общаго количества населенія, болѣе 800000, по показаніямъ г. Василевскаго. Вся еврейская масса мелкихъ городовъ и деревень принадлежитъ къ хасидской сектѣ іудейскаго вѣроисповѣданія, отличающейся крайнимъ фанатизмомъ и невыразимымъ отвращеніемъ къ просвѣщенію. Но отвращеніе они питаютъ къ европейскому просвѣщенію, а не къ своему еврейскому. Каждый еврей посылаетъ своихъ дѣтей въ спеціально-еврейскую вѣроисповѣдную школу, такъ называемый хедеръ, гдѣ кромѣ религіознаго фанатизма ребенокъ ничего не получаетъ; всѣ эти хедеры помѣщаются въ жалкихъ темныхъ, грязныхъ и душныхъ комнатахъ. Раввины ихъ пользуются громаднымъ вліяніемъ и слывутъ нерѣдко чудотворцами. Но есть и просвѣщенные евреи, имѣющіе просвѣщенныхъ раввиновъ. Въ настоящее время появился среди евреевъ сіонизмъ, проповѣдывающій переселеніе евреевъ въ Палестину, мѣсто ихъ первоначальной осѣдлости. Сіонизмъ явился въ противовѣсъ антисемитизму, грубому выраженію ненависти къ евреямъ, какъ евреямъ. Сіонисты думали было выступить открыто на политическомъ поприщѣ, но увидя, что они для этого еще слишкомъ слабы, рѣшили ограничиться культурной дѣятельностью по поднятію просвѣщенія и нравственности евреевъ.

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что книжка г. Василевскаго, трактующая обо всѣхъ перечисленныхъ вопросахъ, весьма интересна сама по себѣ. Очень жаль, что авторъ значительно больше вниманія посвящаетъ полякамъ, чѣмъ русинамъ; онъ только вскользь касается тѣхъ крайнихъ несправед-

ливостей, которыя терпятъ русины отъ поляковъ. И во всей книжкѣ свѣдѣнія, собранныя авторомъ о Западной Галиціи польской, какъ-будто относятся и къ Восточной, русинской; между тѣмъ это далеко не такъ. Жаль также, что у автора совсѣмъ отсутствуютъ ссылки на источники, изъ которыхъ онъ черпаетъ свои свѣдѣнія; между тѣмъ это значительно усилило-бы достовѣрность его сообщеній. Непріятна также и нѣкоторая неточность сообщаемыхъ свѣдѣній, кой-гдѣ нами указанная. Но величайшею заслугою г. Василевскаго является его сердечное отношеніе къ несчастнымъ русинамъ, думающимъ возродиться и потому принявшимся за свой языкъ, за свою литературу и намѣревающимся развивать ихъ естественно, на основѣ своего природнаго языка.

Я. Ш.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Два письма Ѳ. В. Чижова къ Г. П. Галагану [1]).

Одесса 22 Сент. (1860 г.?).

Давно ли я видѣлъ тебя, Гришунокъ, тогда я и подумалъ, что придется мнѣ сдѣлать совершенно нежданую поѣздку. Если-бы не множество непріятностей было сопряжено съ нею, она доставила бы мнѣ большое наслажденіе, по крайней мѣрѣ такое, къ принятію какого способна довольно избитая душа моя. Впервые дорогою, ѣхавши на лошадяхъ Гуркевскаго до Богуполя, пограничнаго мѣстечка между Подольскою и Херсонскою губерніями, впервые я понялъ красоту степей украинскихъ. День былъ ясный, солнце пекло, хоть и по сентябрски, но довольно сильно,—на всемъ степу я былъ одинъ одинешенекъ,—куда ни обернусь—луга и нивы, нивы и могилы, предо мною большая могила и надъ нею высокій крестъ,—единственный житель тучной привольной пустыни. Я перенесся мыслію къ тебѣ,—тутъ много, очень много поэзіи, моя душа не вынесла ея силы, и сначала безотчетно у меня истекли слезы, потомъ еще стало грустнѣе, когда языкъ степи вошелъ въ мое сознаніе. Это высокая поэзія одиночества, не смерти, какъ въ пустыняхъ Аравійскихъ, а одиночества

[1]) Біографическія свѣдѣнія о Ѳ. В. Чижовѣ см. въ статьѣ А. Л. „Матеріалы для біографіи Г. П. Галагана“ (Кіев. Стар. 1898 г., сентябрь, стр. 192—3). Подлинники настоящихъ двухъ писемъ Чижова хранятся въ архивѣ Коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ и любезно сообщены намъ директоромъ ея А. І. Степовичемъ.

жизни. Все есть кругомъ тебя, что на потребу человѣка, природа щедро наградила всѣмъ,—нивы тучны, луга роскошны и зелены, сама природа указала не искать товарищей, кромѣ товарища, предписаннаго ею же всякому, кромѣ своей половины, отдѣленной отъ человѣка Богомъ еще въ райской его жизни и вновь возвращенной ему супружествомъ и любовію. Тутъ, а не въ исторіи начало образованія малороссійскаго характера. Не исторія, а природа ввела его самого въ себя;—изъ этого источника природа развила всѣ его добрыя качества, которыя потомъ выразились въ исторіи. Сама исторія, то-есть столкновенія на поприщѣ жизни, вызывала изъ того же источника и дурное и хорошее; то и другое является довольно ясно, когда степь введетъ въ основу характера своихъ обитателей. Напрасно говорятъ, что малороссіянинъ хитеръ отъ природы; онъ отъ природы только заключенъ въ самомъ себѣ,—онъ скрытенъ и за это его упрекать также безразсудно, какъ и насъ за нашу непремѣнную потребность общежительности. Та-же природа, указавшая малороссіянину одиночество и отдѣльность, заставила насъ жить непремѣнно общежительно; она баловала малороссіянина своими дарами, давая все даромъ, не требуя отъ него едва не кроваваго поту, насъ она заставила все вырабатывать. За то первый—баловень, привыкшій къ даровому, онъ всѣмъ недоволенъ; второй за все благодаритъ Господа. Онъ все получаетъ отъ Бога, какъ милость, ему шагу не сдѣлать, не обращаясь къ Творцу всего и виновнику. Еще одно, Гришунокъ,—не знаю, понравится ли оно тебѣ. Великъ Господь во всемъ и вездѣ, и нѣтъ ни одного Его творенія, на которомъ не было бы печати Его величія и въ которомъ не было бы видно Его благости. Отъ насъ зависитъ видѣть или положеніе(?) Его твореній, или Его въ нихъ присутствіе. Есть Его дѣти, которыхъ ты сильно не любишь; я душевно радъ, что встрѣтилъ ихъ въ такую минуту, когда многими страданіями душа приготовилась къ принятію всего съ любовію. И тутъ, благодареніе Богу, я встрѣтилъ можетъ быть избранныхъ. Ты сильно не любишь Поляковъ; исторически смотря, имѣешь право, если только есть право не любить. Много терпѣли и даже теперь много терпятъ отъ нихъ Украинцы,—хоть и тутъ, не знаю какъ сказать, того ли приходится благодарить, отъ кого терпишь, или того, кто холитъ? Я пробылъ съ поляками 6 дней,—много, очень много нашелъ хорошаго; можетъ быть именно потому, что видѣлъ ихъ только между собою и по неумѣнью говорить не могъ даже навести на разговоръ

сколько-нибудь общественный. Когда случай заставлялъ видѣть ихъ въ столкновеніи съ страною, съ туземцами—украинцами, горько было видѣть страданіе этихъ послѣднихъ. Въ настоящую минуту оно можетъ быть и не велико, но обычаи, вошедшіе въ бытъ ихъ, показываютъ, что дѣло было не безъ слезъ и не безъ униженія. При мнѣ было нѣсколько свадебъ,—невѣста и женихъ приходили и не только барину, а всѣмъ присутствовавшимъ панамъ по три раза кланялись въ ноги, цѣлуя при каждомъ поклонѣ руку и ногу. Трудно передать, какъ тяжело это видѣть. Неужели и у Васъ такъ-же?

Я пріѣхалъ вчера въ Одессу, не смотря на дождь, цѣлый день былъ на ногахъ. Дѣла мои плохи. Сегодня погода превосходная, дѣлъ было мало, и потому я просто ходилъ по городу. Всего болѣе плѣнило меня море,—какъ старый другъ и сожитель во всей моей жизни въ Италіи, оно много говоритъ объ ней. Въ одной кофейнѣ все почти итальянцы; жаль, что нѣтъ итальянскихъ газетъ; теперь онѣ были бы особенно занимательны. Венеція дѣйствуетъ сильно, вспоминаетъ свою четырнадцативѣковую исторію. Прощай, поклонись женѣ; да не лѣнись писать. Дѣла меня не поглощаютъ; я знаю одно, что все отъ Бога, твержу себѣ это безпрестанно, и что-бы ни случилось, приму, какъ Его велѣніе. Расцѣлуй ручки у Маменьки. Если поѣдешь въ Петербургъ, начинай всегда писать съ адреса; пиши его вмѣстѣ съ числомъ и мѣсяцемъ.

—

Апрѣля 23 Москва (1861 г.)?

Христосъ Воскресе! мой милый, мой дорогой Гришунъ? Христосъ Воскресе, моя милая правда, [1]) Катерина Васильевна! Христосъ Воскресе, козакъ—душа правдива Павлусикъ. Со всѣми отъ всей души издали христосуюсь, всѣмъ шлю самое задушевное поздравленіе съ великимъ праздникомъ. Извиняться ли, что я долго къ Вамъ не писалъ? Я думаю, не нужно. Ты знаешь, Гришунъ, что я часто съ тобою, особенно часто теперь, когда тебѣ весьма нужно и сердце, и рука друга, человѣка тебя любящаго просто за просто. Я чувствую издали, что тебѣ они нужны, что ты часто страдаешь и за людей, и за время, и за свои увлеченія. Послѣднее твое письмо

[1]) Такъ Чижовъ обыкновенно называлъ К-ну В-ну Галаганъ въ своихъ письмахъ.

было не утѣшительно; теперь, кажется, на почтѣ есть еще письмо отъ тебя, я сужу потому, что сейчасъ принесли почту съ 130 руб.: мнѣ получать денегъ не-откуда, и отъ тебя не слѣдуетъ столько, но можетъ быть нѣтъ ли порученія. Довольны ли вы Гурьевымъ? [1]) Передайте ему мое христосованье съ нимъ и мое ему поздравленіе. Въ настоящую минуту я пишу тебѣ изъ моего уединенія; я объявилъ, что я уѣду, заперся въ своей отдаленной комнатѣ, бывшей спальнѣ моей милѣйшей правды, и рѣшительно не вижу никого. Бываютъ времена, когда одиночество есть необходимая потребность души, я ее давно чувствовалъ и теперь могъ удовлетворить этому желанію, дошедшему до самаго страстнаго и нетерпѣливаго ожиданія.

У васъ, какъ почти вездѣ, нехорошо. Самаринъ, разладившій со мною, вѣроятно на время, писалъ на дняхъ къ Аксакову, поручая письмо передать Черкасскому. Самаринъ пишетъ, что у нихъ тоже неладно. Положенія и манифестъ писались далеко отъ народа, на почвѣ, перерабатывающей всѣхъ и каждаго; одни ихъ не понимаютъ, другіе на нихъ негодуютъ, третьи ихъ терпятъ, какъ зло, какъ необходимость не по(?) времени и говорятъ съ Вашимъ поэтомъ: Нема раю на всимъ свити,—хиба що на небі? А по мнѣ не будетъ и на небѣ тебѣ, если не приготовишь неба на землѣ страданіями, полнымъ сочувствіемъ людямъ, особенно страдающимъ, и полною земною жизнію. Въ Казани, говорятъ, убито до 70 человѣкъ, дай Богъ, чтобъ было неправда, но напрасно моленіе [2]). Тебѣ не легко, Гришунъ,—одного желалъ бы я, чтобы ты не сѣтовалъ, но и не гордо смотрѣлъ на то, что со всѣми вмѣстѣ впалъ въ заблужденіе. Дѣло, всякое дѣло, какъ болото,—тотъ не увязнетъ въ тинѣ, кто на него не ступитъ. А на это тоже скажу стихами того-же Шевченка: Страшно впасти кайдани, умирать въ неволи; а ще гирше—спати, спати, и спати на волі, и заснути на викъ—вики, и слиду не кинуть нияког!.. Однаково—чи живъ, чи загинувъ... Исторія идетъ въ книгахъ все великими событіями, а на дѣлѣ ошибками, промахами, сожалѣніями, раскаяніями, страданіями и домашними размолвками. Кто дѣлаетъ, тотъ историческій воинъ.

---

[1]) Воспитатель Павла Галагана.

[2]) Какъ извѣстно, была отслужена панихида по убитымъ, кажется, въ с. Безднѣ.

Кругомъ насъ все тихо; но тихо такъ, какъ я написалъ въ № 6 «Акціонера», за что и получилъ выговоръ. Говорятъ, что Ланской съ титуломъ графа увольняется, Тимашевъ оставилъ службу по убѣжденію, что все распущено; Ковалевскій врядъ ли не оставитъ министерство, какъ мученикъ либерализма. Другими словами такая смѣсь убѣжденій и мученичества, что по пословицѣ: чортъ ногу переломитъ, другой не вытащитъ.

Гдѣ Вы теперь, мои милые, я часто съ Вами даже и тогда, когда пожираю Основу. Никогда я такъ не смаковалъ языка, поэзіи и нѣжности малороссійскаго склада, какъ теперь,—почему, я и самъ не знаю. Думаю потому, что моя дѣятельность, не за деньги, а по глубокому убѣжденію въ необходимости практическаго знанія и разъясненія практическихъ понятій, также хранитъ задушевныя идеи, какъ ледъ хранитъ зелень, не даетъ ей полужить и въ полужизни вянуть. Какъ будто пелена сваливается съ глазъ, и можетъ быть ошибочно, но Малороссія является не враждебною національностью, но неразрывною частію той народности, какою всегда жила и всегда будетъ жить душа моя. Россія—цѣлый міръ, со всею полнотою организаціи—не Франція, не Германія, не Англія, составляющія одинъ міръ, но если можно перенестись въ прошедшее къ нимъ, поставить не въ сравненіе, а въ параллель,—Италія, а теперь Европа. Петрарка—представитель той-же органической Италіи, какъ и Данте; но безъ него организмъ былъ бы не полонъ. Малороссія страна той-же Петрарковщины, той же нѣжности, легкости, сердечности славянскаго или русскаго міра. Каждое слово Малороссіи, не вычурной, а просто понятой изъ народа и его житья-бытья, есть слово моего сердца; оно ему родное, хотя и не родинное. Я не былъ бы полонъ, остался бы на половинѣ развитія, еслибъ не дошелъ до сердечнаго пониманія Малороссіи, до любви къ тому уголку, гдѣ все любовь и небо и природа, и простота жизни; а въ то-же время, я былъ бы уродливъ, одностороненъ, если-бъ отдался этой народности и не черпалъ всего и самой любви къ ней изъ единаго для меня чистаго источника, моей родинной народности. Я былъ бы актеромъ, если бы вздумалъ поддѣлываться подъ сердечность мнѣ доступную, но мнѣ не данную; лежалъ бы вялымъ, мои мускулы, созданные для энергической дѣятельности, измякли бы и сердце перестало бы чувствовать истинную любовь, прилѣпившись къ театральной чувствительности. Самъ не знаю, какъ между Horsepower and American labour saving ma-

chinery [1]); между Boiler explosions and Steam and Water [2]), само собою образовалось убѣжденіе и рѣшеніе вопроса давно тревожившаго душу, давно искавшаго отвѣта.

Какъ много, какъ тепло, какъ братски говорю я часто съ Вами, съ тобою, мой Гришунъ ненагладный, съ Вами, моя правда милая, которую люблю сильно, очень сильно, и съ Николею Ригельманомъ. Сегодня высказался можетъ быть и потому, что великъ праздникъ, что я оставилъ на время промышленность и директорство желѣзной дороги и курсы и стоимость фондовъ. Въ 12 часовъ былъ въ Кремлѣ, ожидалъ полуночнаго колокола и все-таки съ тысячами со свѣта былъ на площади, на которой съ трехъ сторонъ шли три хода изъ трехъ соборовъ—Успенскаго, Архангельскаго и Благовѣщенскаго. Неужели простою людскою прихотью создано такое великолѣпное состояніе? Неужели прихотью бѣдный труженикъ—народъ, которому все дается съ страшнымъ усиліемъ, которому все Богъ не даетъ, а продаетъ за цѣну страшнаго труда, умѣлъ собрать такія богатства, что куда ни зайдешь въ церковь, все золото и серебро и сквозь него свѣтлѣе солнце—трудъ и самоотверженіе?

Что сказать Вамъ объ обстановкѣ? Грустна, но не безлюбовна. Мои близкіе друзья—разбитая семья Аксаковыхъ; врядъ не еще ли болѣе разбитая—Свербѣевыхъ. Объ Васъ любятъ. Гроня(?) уѣхалъ, онъ мнѣ не писалъ изъ Петербурга. Жаль, что онъ у Маслова; если бы была у меня отдѣльная комната, я помѣстилъ бы его у себя. Мы съ нимъ живемъ хорошо, онъ меня любитъ, я люблю его. Славный мальчикъ; легокъ; но не всѣмъ же быть тяжелымъ. Портитъ его жизнь у Маслова, пріучаетъ подластиваться, а онъ и безъ того не довольно самостоятеленъ. Жду извѣстія, какъ Вы сошлись съ Гурьевымъ; не будьте черезъ-чуръ строги; хорошо бы орла, хорошо бы орлиными перьями писать, да ихъ нѣтъ, пишемъ гусиными.

Прочтите, если цензура пропуститъ, въ будущемъ «Вѣстн. Промышленности» Морни и его значеніе; она была не пропущена, я передѣлалъ,—авось пропустятъ.

Думаю, что «Вѣст. Промышл.» я перестану издавать—мало расходится; останемся мы съ однимъ «Акціонеромъ». Уваженіе пріобрѣли

---

[1]) т. е. между лошадиной силой и американской машиной для сбереженія труда.

[2]) т. е. между взрывами паровика и паромъ и водой.

большое, всѣ перепечатываютъ, а денегъ все не даютъ. Я пока проживу директоромъ желѣзной дороги, которая (Московско-Сергіевская) идетъ у насъ образцово и дешево, и дружно. Акціи Дружины идутъ плохо, дивиденду нѣтъ, но капиталъ не пропадетъ. Теперь я не выхожу, потому не знаю, когда капиталъ возвратится, и напишу тебѣ объ этомъ послѣ Святой. Я такъ распорядился, что за директорство получу 60 акцій на 9000 рублей, а такъ какъ оно на 4 года, то въ остальные два года буду жить остальными 3000, ибо полагается директору по 3 тысячи въ годъ, въ 4 года 12000. А тамъ можетъ быть выберутъ снова, увидимъ. Жить хорошо тѣмъ, что времени никогда не вижу; только утромъ вставать не хочется, а только встанешь, смотришь уже и вечеръ, а все и половины не сдѣлаешь. Нигдѣ почти не бываю, а въ работѣ хорошо. L'étude des lettres, qui n'est autre que l'étude des hommes, est douloureuse quand elle n'est pas terrible. Обними за меня Михаила Андреича и похристосуйся съ нимъ; писалъ бы къ нему, но времени въ суткахъ 24 часа, а работы часто бываетъ на 30. Къ тому же, когда долго не пишешь, надо писать много. Поди-ко онъ сильно ругаетъ насъ, красныхъ, а ужъ я каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку. Обнимаю Васъ всѣхъ отъ всей души.

Сообщ. А. Л.

Къ первому кіевскому юбилею (1871 г.) въ честь М. А. Максимовича *(Письмо къ редактору).* Перебирая старыя бумаги, я нашелъ нѣсколько малороссійскихъ куплетовъ, сказанныхъ на вечерѣ въ честь М. А. Максимовича и неизвѣстныхъ въ печати. Прочитавши ихъ, я подумалъ, что и первый юбиляръ кіевскій стóитъ добраго воспоминанія, и куплеты заслуживаютъ вниманія, не по своему, впрочемъ, достоинству, а *какъ историческая черта юбилея*, не упомянутая въ описаніи его. Въ этой мысли и посылаю ихъ Вамъ, г. редакторъ.

А читателямъ Вашего журнала надо прежде сказать, что послѣ общественнаго обѣда въ честь М. А. Максимовича, кому-то изъ молодежи пришла добрая мысль—еще почтить его, какъ *перваго* издателя народныхъ малороссійскихъ пѣсенъ, вечеромъ пѣнія. Дѣло сладилось быстро, и 18-го сентября 1871 года, въ квартирѣ А. Ѳ. Кистяковскаго, собрались человѣкъ 20—30 разнаго вѣдомства и на-

родностей—студентовъ, преподавателей, чиновниковъ,—и цѣлый вечеръ до полуночи распѣвали они пѣсни малороссійскія, великорусскія, чешскія, сербскія. Много было при семъ сказано рѣчей, къ сожалѣнію незаписанныхъ, и сколько помнится, всѣ онѣ были сказаны на *русскомъ* языкѣ,—вотъ почему, между прочимъ, произнесены были слѣдующіе малороссійскіе куплеты, тутъ-же наскоро написанные.

Глянуть любо, що за чудо
Робыть серце чоловиче:
Ось зійшлося скильки люду,
Хочъ не бачылысь и въ вичи!

*
* *

Се ще штука не велыка!
Онъ де штука, онъ де дыво:
Вкругъ старого чоловика
Обвылась мо́лодижь жыво,—

*
* *

И веселымъ роемъ ріе,
И любенько поглядае,
И шануе, и радіе,
И радисинько спивае.

*
* *

Чую й річи по любови,
Що душа кому вищуе;
Чомъ же серце нашой мовы,
Матерынскои, не чуе?!

*
* *

Ой, наотченьку нашъ сывый,
Благословить ридне слово!
Хай розскаже въ часъ щаслывый
Мысли люду молодого!

*
* *

Що жъ шануе людъ прывитный?
Серце ваше, трудъ вашъ щырый,
Трудъ велыкый, цивстолитній,
Повный думы, повный виры!

*
* *

Отъ за що вамъ хлибъ-силь повна,
Да и чарочка повненька,

Ласка тепла, рѣчъ любовна,
Писня ридна, писня—венька!

*
* *

И народне, повне сылы,
Гарне слово кажуть люде:
„*Будьте жыви й Богу мыли!*“,—
И усе вамъ добре буде!

*
* *

Будьте жыви: ще васъ треба!
Хай пиввика пролетило,
А вы съ тыхымъ даромъ Неба
Помаленьку зновъ за дило!

*
* *

Будьте жыви, щобъ навчаты
Добрымъ словомъ, жыттемъ цилымъ,
Якъ науку поважаты,
Якъ людей любыты дiломъ!

*
* *

Ой, якъ добре для науки,
Ой, якъ добре для народу,
Якъ зъ старенькымъ диты й внуки
Роблять дружно годъ одъ году!

*
* *

Будьте довго жыви, тату!
Хай не йде молытва мымо!
А ну, братци, на всю хату
Многолитіе гукнимо!..

И гукнулы! здорово гукнулы! Та ще и не разъ. Максимовичу очень понравилось *народное* присловье за чаркою: «*будьте жыви й Богу мыли*», и онъ записалъ его. А молодежь, утѣшенная роднымъ словомъ, подняла автора стиховъ на воздухъ и покачала его порядкомъ. Онъ, видимо, былъ въ духѣ и черезъ нѣсколько минутъ прочелъ еще нѣсколько куплетовъ:

«*Многи лита*» стари люде
Ще не такъ було спивають;
Якъ затёжка часомъ въ грудяхъ,—
Жыто й конкив сномынають.

А хиба-жъ и намъ старенькый
Не засіявъ поля густо?
Хто не бачыть цвитъ рясненькый,
Де попередъ було пусто?

*
* *

Винъ давно насіявъ жыта,
Люде жнуть и ставлять копкы,
Стане й намъ на многи лита:
Якъ же намъ не вдарыть гопкы?!

*
* *

Гопкы! гопкы! серце пляше,
И сама душа співае...
Хай повикъ весилле наше
Старый серцемъ споминае!

Разумѣется, и *гопкы* ударили! И опять многая лѣта, и пѣсни, и gaudeamus igitur. А расходившійся кобзарь еще такъ добавилъ:

Отъ и добре! А я й паки
Крыкну словомъ и душею:
Вамъ здоровьячко, співакы,
За чарчыною сією!

*
* *

Да ще слово напослидокъ:
За добро и свитъ въ народи,
За сердешныхъ въ школи дитокъ—
Многи лита! отъ и годи!..

Пѣніе возобновилось и протянулось за полночь... Кто-то наконецъ предложилъ еще тостъ въ честь радушныхъ хозяевъ, у которыхъ *довелося добрый вечеръ скоротаты.* Да, хорошій то былъ вечеръ! Въ немъ сказалось искреннее уваженіе молодежи къ старому дѣятелю и неугасимая любовь къ народной поэзіи и языку, безъ различія національностей. Съ одинаковымъ вниманіемъ были пѣты и выслушиваемы всѣ народныя пѣсни. А безъ этой любви къ народному и родному ничего добраго и быть не можетъ!

Участникъ вечера.

Правила для кіевскихъ гимназистовъ, распубликованныя въ 1840 г. при содѣйствіи полиціи. Въ концѣ іюля 1840 года попечитель кіевскаго учебнаго округа князь Давыдовъ послалъ генералъ-губернатору Д. Г. Бибикову слѣдующую докладную записку: «Училищное начальство неоднократно просило распоряженія кіевской градской полиціи о воспрещеніи молодымъ людямъ, не состоящимъ въ учебныхъ заведеніяхъ, носить ученическое и студентское платье. Распоряженіе это исполняется не особенно строго, такъ что весьма часто попадаются непринадлежащія здѣшнимъ училищамъ дѣти въ гимназическихъ мундирахъ старыхъ и самыхъ неопрятныхъ, и попечитель округа, возвращаясь въ Кіевъ 24 числа сего мѣсяца, встрѣтилъ подобнаго мальчика въ восьми верстахъ за городомъ, который тогда же препровожденъ къ г. старшему полицмейстеру съ просьбою воспретить ему носить ученическое платье. Попечитель учебнаго округа, по случаю ожидаемаго прибытія въ Кіевъ Государя Императора, имѣетъ честь покорнѣйше просить о новомъ подтвержденіи жителямъ города, чтобы они не одѣвали въ форменное ученическое платье дѣтей, не находящихся въ училищахъ, и о подтвержденіи полиціи имѣть строгое за симъ наблюденіе».

Ходатайство кн. Давыдова было исполнено: генералъ-губернаторъ тотчасъ предписалъ старшему полицмейстеру «строжайше подтвердить жителямъ города», чтобы они не присваивали дѣтямъ—не школьникамъ форменнаго ученическаго платья, и поручить полиціи тщательно наблюдать за исполненіемъ этого распоряженія.

Но князю Давыдову было мало этого. Спустя нѣсколько дней, (3 августа) онъ вновь писалъ Бибикову: „Находясь въ необходимости прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ для понужденія воспитанниковъ подвѣдомыхъ мнѣ въ Кіевѣ учебныхъ заведеній, живущихъ въ домахъ родителей, къ точному соблюденію формы въ одеждѣ, а также воспретить носить ученическое платье дѣтямъ, не находящимся въ учебныхъ заведеніяхъ, я, независимо отъ предписаній, данныхъ начальникамъ учебныхъ заведеній, просилъ г. состоящаго въ должности кіевскаго гражданскаго губернатора оказать въ семъ случаѣ свое содѣйствіе и распубликовать въ городѣ напечатанное по моему распоряженію особое „Объявленіе“, экземпляры котораго я долгомъ счелъ препроводить на усмотрѣніе вашего высокопр—ства.“

Приводимъ и самый текстъ этого объявленія, которое вслѣдъ за тѣмъ было расклеено на столбахъ и заборахъ Кіева и вручено подъ росписки родителямъ учениковъ:

О б ъ я в л е н і е.

Попечитель Кіевскаго Учебнаго Округа, не взирая на многократныя подтвержденія и взысканія съ учениковъ гимназій и училищъ, встрѣчаетъ ихъ нерѣдко, вопреки сдѣланныхъ распоряженій, на улицахъ однихъ, безъ надзора и въ неформенной одеждѣ, или хотя и въ оной, но безъ соблюденія предписанныхъ на щетъ (sic!) формы правилъ; и потому нынѣ въ послѣдній разъ объявляется съ подписками всѣмъ родителямъ и прочимъ лицамъ, у коихъ живутъ ученики, слѣдующее:

Если ученикъ встрѣченъ будетъ на улицѣ училищнымъ или полицейскимъ чиновникомъ одинъ, безъ провожатаго взрослыхъ лѣтъ, или въ неформенной одеждѣ, или наконецъ въ одеждѣ хотя и форменной, но она не будетъ въ должномъ порядкѣ и опрятности, то ученикъ такой будетъ немедленно взятъ встрѣтившимъ его и препровожденъ къ инспектору казенныхъ училищъ, который о немедленномъ исключеніи его изъ училища и о снятіи съ него училищной одежды имѣетъ уже надлежащее предписаніе, какъ равно и полиція извѣщеніе объ арестованіи таковыхъ при встрѣчѣ на улицахъ. Ученики старшіе, имѣющіе на плечахъ въ мундирахъ нашивки изъ галуна, могутъ ходить безъ провожатыхъ. Форменная одежа ученика должна быть слѣдующая: мундиръ суконный, зеленый или синій, съ краснымъ воротникомъ, застегнутый на всѣ пуговицы. Сюртукъ суконный, зеленый или синій, съ краснымъ воротникомъ, застегнутый на всѣ пуговицы. Панталоны суконныя, одинакового цвѣта съ мундиромъ или сюртукомъ. Галстухъ черный. Фуражка по цвѣту мундира или сюртука, съ красной околышкой.

Выходящій со двора ученикъ долженъ всегда имѣть при себѣ печатный билетъ, съ означеніемъ его имени и училища. Билеты сіи будутъ имъ розданы начальниками заведеній.

Подписалъ попечитель князь Давыдовъ. Скрѣпилъ правитель канцеляріи А. Лазовъ.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Часовня-памятникъ въ Каневѣ.* Въ 1787 году Императрица Екатерина II совершила путешествіе въ Новороссію и Крымъ, спускаясь по Днѣпру на галерахъ.

Въ это время староствомъ Каневскимъ владѣли князья Понятовскіе. Подъ городомъ Каневомъ состоялось свиданіе Государыни съ королемъ Станиславомъ Августомъ Понятовскимъ, «имѣвшее послѣдствіемъ возвращеніе Россійской державѣ всего юго-западнаго края, и какъ-бы предрѣшавшее судьбу самого королевства Польскаго» (слова позднѣйшаго прошенія каневскихъ обывателей).

На берегу для короля былъ раскинутъ пышный шатеръ (по свидѣтельству Фундуклея—цѣлый временный дворецъ), на мѣстѣ котораго, затѣмъ въ теченіе долгихъ лѣтъ, высился деревянный крестъ, уничтоженный, наконецъ, непогодою и тлѣніемъ.

Независимо отъ того, въ память проѣзда Самодержицы Всероссійской, король, въ 1788 году, на высокой горѣ воздвигъ обелискъ, вышиною въ 90 стопъ, увѣнчанный Императорской короною и украшенный надписью: Imperium oceano famamque terminat astris!

Къ серединѣ тридцатыхъ годовъ отъ этого сооруженія едва уцѣлѣлъ одинъ лишь фундаментъ. Затѣмъ, въ 1864 году, вслѣдствіе ходатайства каневскихъ обывателей, Кіевскимъ губернаторомъ возбужденъ вопросъ о построеніи на горѣ Московкѣ, въ воспоминаніе той же встрѣчи, каменной часовни, проектъ которой въ слѣдующемъ году одобренъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Изъ переписки кіевскаго митрополита Арсенія съ прот. П. Г. Лебединцевымъ (Кіевск. Стар., 1900 г., Октябрь, стр. 141) видно, что указанное прошеніе каневскихъ обывателей встрѣчено духовнымъ начальствомъ съ подозрительностью, и вѣроятно по этой причинѣ проектъ часовни не осуществился.

—

2) *50 изображеній Великаго князя Александра Невскаго, пожалованныя Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ старшинамъ, старостамъ и стражникамъ.* Въ 1864 г. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ, озабоченный увѣковѣченіемъ въ памяти народа царствованія своего Родителя, пріобрѣлъ 100 экземпляровъ бронзовыхъ изображеній Благовѣрнаго князя Александра Невскаго (работы Ладоги), для распространенія таковыхъ въ краяхъ Литовскомъ и юго-западномъ.

50 экземпляровъ присланы въ распоряженіе генералъ-губернатора Анненкова, который наградилъ ими по 12 отличнѣйшихъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ каждой губерніи и по четыре сельскихъ стражника (изъ числа лучшихъ сотскихъ и десятскихъ). Предпочтеніе отдано тѣмъ, кои обратили на себя вниманіе начальства при усмиреніи мятежа. (Изъ оставшихся затѣмъ 2 экземпляровъ—1 переданъ Митрополиту, а другой остался на рукахъ у Генералъ-Губернатора).

—

3) *Попытка возобновить обычай ношенія тѣльныхъ крестовъ въ юго.-зап. краѣ.* Въ 1864 году П. Н. Батюшковъ писалъ генералъ-губернатору, что у населенія юго-западнаго края, благодаря вліянію католичества и уніи, не въ обычаѣ ни носить тѣльные кресты, ни возлагать ихъ на младенцевъ при крещеніи. Съ цѣлью возстановить благочестивое обыкновеніе, Муравьевъ, въ управляемомъ имъ краѣ, предложилъ духовенству пріобрѣсти кресты для всѣхъ прихожанъ, ихъ не имѣющихъ, и убѣждать паству вернуться къ искони православному обычаю. Независимо отъ принятыхъ на мѣстѣ мѣръ, главный начальникъ сѣверо-западнаго края обратился непосредственно къ самому Батюшкову, ходатайствуя о безмездномъ снабженіи православнаго населенія края крестиками и образами.

Синодъ, признавъ возстановленіе обычая крайне желательнымъ, предоставилъ въ распоряженіе Батюшкова одну тысячу рублей, на каковыя деньги заказаны мельхіоровые крестики.

9000 этихъ крестовъ препровождены генералъ-губернатору юго-западнаго края для раздачи ихъ поселянамъ, выказавшимъ особую приверженность къ православію и правительству.

—

4) *Дарохранительницы и кіоты, пожалованные уѣзднымъ соборамъ юю-зап. края Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ.* Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій князь Александръ Александровичъ, 20 іюля 1865 г., въ торжественный день принесенія Его Высочествомъ присяги, при рескриптѣ на имя Министра Внутреннихъ Дѣлъ, препроводилъ, между прочимъ, 6 тыс. рублей на построеніе и украшеніе православныхъ церквей въ западныхъ губерніяхъ.

Желая распространить на возможно большее число мѣстностей западно-русскаго края пожалованныя Его Величествомъ деньги, и

принявъ во вниманіе нужды соборовъ уѣздныхъ городовъ западной Россіи и значеніе ихъ въ средѣ римско-католическаго населенія, завѣдывающій дѣлами по обезпеченію сельскаго духовенства и постройкѣ православныхъ церквей, съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, распорядился заказомъ для каждой изъ означенныхъ церквей *серебряныхъ вызолоченныхъ дарохранительницъ*, образцы коихъ были представлены Его Высочеству. Одобривъ рисунокъ и отдѣлку сихъ образцовъ, Государь Цесаревичъ, въ память почившаго брата, столь дѣятельно помогавшаго нуждамъ православныхъ святынь нашего западнаго края, повелѣлъ: на каждой дарохранительницѣ, отправляемой отъ имени Его Высочества въ уѣздныя соборныя церкви западныхъ губерній, обозначить, что посылается она *на вѣчное поминовеніе за упокой души въ Бозѣ почивающаго Цесаревича Николая Александровича.*

12 марта 1866 г. изъ Москвы въ Кіевъ доставлены 33 дарохранительницы съ деревянными золочеными кіотами (кладь вѣсомъ свыше 36 пудовъ).

Сообщилъ **А. Мёрдеръ.**

Залогъ крѣпостныхъ душъ. „Закладная. 1804 года, ноября 15 дня. Титулярный совѣтникъ Иванъ Гавриловъ сынъ Дубоссаровъ далъ сію господину коллежскому секретарю Ивану Федоровичу сыну Родолѣ... въ томъ, что заложилъ я ему собственнаго своего малороссійской породы человѣка Якова Цимбаленка за полученную мною отъ его, Родоли, сумму государственными ассигнаціями двѣсти рублей, срокомъ на одинъ годъ, съ тѣмъ, что ежели прописанный мой человѣкъ въ теченіи того времени, отъ чего Боже сохрани, умре или побѣгъ учинитъ, за что я не бывъ ни мало въ претензіи, обѣщаюсь прописанную одну сумму ему, Родолѣ, возвратить безъ процентовъ. Ежели же по истеченіи года хотя-бы одніомъ днiомъ срокомъ вышеписаннаго моего человѣка не выкуплю, то онъ, господинъ Родоля, имѣетъ право тѣмъ моимъ человѣкомъ воспользоваться навсегда...“ Изъ архива бывш. Дубоссарской городов. ратуши. Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ Цымбаленко былъ заложенъ въ очень значительной суммѣ: при банковыхъ залогахъ крестьянскія души цѣнились въ то время гораздо дешевле. Въ именномъ указѣ 11 ноября

1804 года значилось: «пріемля во уваженіе время, въ которое при учрежденіи государственнаго банка повелѣно принимать въ залогъ ревижскую душу по сороку рублей безъ различія губерній, и сравнивая со онымъ нынѣшнія на всѣ вещи цѣны, признали Мы за справедливо учинить перемѣну въ залогѣ душъ по банку принимаемыхъ, повелѣвая отнынѣ во всѣхъ губерніяхъ» (Прибалтійскія исключены) «крестьянъ, въ послѣднюю ревизію писанныхъ, принимать въ залогъ банковый по шестьдесятъ рублей каждую ревижскую душу».

Сообщ. **В. А. Кочергинъ.**

Вопросы по этнографіи. Въ кн. 2-й «Этнографическаго Обозрѣнія» (стр. 186) г. В. Каллашъ поставилъ рядъ вопросовъ, на которые желательно было-бы получить отвѣты (адресуя ихъ въ Московское Общ. Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи). Помѣщаемъ ихъ на страницахъ нашего журнала,—быть можетъ они найдутъ отклики лицъ, занимающихся этнографіей.

1. Не знаетъ-ли кто, или не имѣетъ-ли рукописныхъ разсказовъ о томъ, что въ старину убивали стариковъ,—какъ и почему прекратился этотъ обычай? Интереснѣе (потому что они менѣе представлены въ печати) варіанты великорусскіе, бѣлорусскіе, польскіе и, конечно, инородческіе.

2. Въ какихъ мѣстахъ извѣстны разсказы о существовавшемъ въ старыя времена обычаѣ сѣчь подростковъ на только что проведенной межѣ, для того, чтобы она сдѣлалась имъ памятной и чтобы они, въ случаѣ надобности, могли явиться впослѣдствіи свидѣтелями («памяткóвый прочуханъ»)? Не существуетъ-ли сходныхъ съ этимъ обычаевъ: драть за уши и давать имъ пощечины и проч.?

3. Гдѣ и въ какой формѣ практикуется или практиковалось поруганіе труповъ должниковъ, умершихъ не заплативши долга?

4. Не имѣетъ-ли кто рукописныхъ разсказовъ о гордомъ царѣ, вмѣсто котораго нѣсколько лѣтъ правилъ ангелъ? Менѣе всего извѣстны малорусскіе, польскіе и бѣлорусскіе варіанты.

5. Извѣстны-ли въ Малороссіи, Великороссіи или Бѣлоруссіи обрядъ проводовъ Киселя или Жура во время поста или вообще обряды, въ которыхъ онъ игралъ-бы главную роль?

6. Не имѣетъ-ли кто малорусскихъ пѣсенъ о Журилѣ (Чурилѣ. Цюрилѣ), еще ненапечатанныхъ?

7. Въ какихъ мѣстахъ Малороссіи, Бѣлоруссіи, Галичинѣ и Буковинѣ употребляется «плѣнъ» въ значеніи урожая и «ксеня» въ значеніи игуменьи?

8. Какіе и гдѣ извѣстны разсказы объ Ильѣ пророкѣ, какъ сиднѣ и кровосмѣсителѣ или убійцѣ своихъ родителей?

9. Дѣйствительно-ли существовала малорусская лубочная картина, на которой былъ изображенъ Илья Муромецъ, защищающій Переяславъ отъ половцевъ, и о которой упоминаетъ Котляревскій въ своей «Энеидѣ»?

Текущія извѣстія.

Къ вопросу о постановкѣ памятника И. П. Котляревскому. Въ засѣданіи восьмого очереднаго собранія Полтавской думы, 23 октября, думѣ были предложены на разсмотрѣніе заключенія коммиссіи высказавшейся за упрощеніе проекта постамента, что даетъ возможность поручить изготовленіе его г-ну Певному въ Кременчугѣ всего за 800 руб., тогда какъ другія фирмы за изготовленіе по существующему проекту просятъ отъ 22 до 25 тысячъ. Далѣе коммиссія предлагаетъ приблизить нѣсколько памятникъ на Протопоповскомъ бульварѣ къ линіи Мало-Петровской улицы, такъ какъ при предположенной отдаленности, 12 саж., памятникъ будетъ плохо видѣнъ. Дума съ предложеніями коммиссіи согласилась. Далѣе вносится предложеніе А. А. Зиновьева, разсмотрѣнное и одобренное въ названной коммиссіи, о постановкѣ памятника Котляревскому не на утвержденномъ думой мѣстѣ, а на образовавшейся площадкѣ отъ уничтоженныхъ пожаромъ городскихъ лавокъ на противоположномъ углу, при чемъ за памятникомъ предполагается устроить полукругомъ зданіе. Городской голова В. П. Трегубовъ указываетъ на то, что, согласившись съ предложеніемъ А. А. Зиновьева, придется возбудить два ходатайства—объ измѣненіи фасада лавокъ и объ измѣненіи плана памятника, что значительно отодвинетъ время постановки памятника, а между тѣмъ уже теперь раздаются сѣтованія жертвователей на то, что памятникъ до сихъ поръ не поставленъ. Гл. А. А. Зиновьевъ, поддерживая свое предложеніе, находитъ, что постановкой памятника на новомъ мѣстѣ

удовлетворено будетъ недовольство публики избраннымъ ранѣе мѣстомъ, о чемъ, какъ говоритъ г. Зиновьевъ, составленъ даже протестъ; будетъ создана новая площадка въ городѣ, что, во первыхъ, очень желательно, а во вторыхъ—подниметъ цѣнность близъ находящихся торговыхъ помѣщеній. Постановку памятника на новомъ мѣстѣ г. Зиновьевъ рекомендуетъ только въ томъ случаѣ, если указанное полукруглое зданіе будетъ предназначено для какого-либо общественнаго учрежденія, а не для магазиновъ. Дума высказалась за постановку памятника на ранѣе утвержденномъ мѣстѣ, на Протопоповскомъ бульварѣ. (Полт. Губ. Вѣд. № 235).

Воспоминанія современника Т. Г. Шевченка. Въ нижегородскомъ военномъ лазаретѣ находится на излеченіи отставной солдатъ Алексѣй Груновскій, служившій вмѣстѣ съ Т. Г. Шевченко въ укрѣпленіи Ново-Петровскомъ, въ 1 оренбургскомъ линейномъ баталіонѣ. Груновскій—старикъ 85 лѣтъ, подслѣповатый и глухой. Въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Волгаря» Груновскій разсказалъ слѣдующія подробности о поэтѣ, не вносящія, однако, чего-либо совсѣмъ новаго въ извѣстное уже описаніе пребыванія Шевченка въ ссылкѣ.

—Я служилъ въ укрѣпленіи писаремъ, разсказываетъ Груновскій,—и былъ пѣвчимъ въ церкви, когда къ намъ пріѣхалъ Тарасъ Григорьевичъ. Привезли его подъ конвоемъ, и въ бумагѣ значилось, что Шевченко политическій ссыльный, за которымъ надо смотрѣть въ-оба и не дозволять ему писать письма... Комендантъ былъ у насъ человѣкъ добрый, но ротный командиръ, къ которому попалъ Тарасъ Григорьевичъ, слылъ за человѣка строгаго, который никому не давалъ поблажки. Шевченкѣ доставалось отъ него здорово, особенно въ первое время, когда приходилось учиться ружейнымъ пріемамъ и маршировкѣ. А Тарасъ Григорьевичъ былъ человѣкъ неуклюжій, совсѣмъ не строевой, и ученье ему давалось тихо. Командиръ же терпѣть не могъ плохихъ солдатъ. Впрочемъ, скоро Тараса Григорьевича освободили отъ службы, и онъ даже не жилъ въ казармахъ—тамъ у него была одна постель.

— А гдѣ же онъ жилъ?

— У коменданта. Тотъ его къ себѣ взялъ и не только освободилъ отъ всѣхъ занятій, но даже разрѣшилъ не ходить въ караулъ.

Шевченко рисовалъ у него картины да читалъ разныя книжки и газеты.

— Кому же Шевченко продавалъ свои картины?—спросилъ я.

— Картины у него покупали въ Астрахань, вообще въ Россію, и дорого платили: рублей по 50—100 за картину, такъ что въ деньгахъ Тарасъ Григорьевичъ не нуждался. Да и въ чемъ ему нужлаться? Обѣдалъ онъ у коменданта, жилъ, какъ всѣ офицеры, гулялъ...

— Какъ это—гулялъ?..

— Да просто испивалъ. А то соберется, бывало, на охоту... Въ театрѣ игралъ. Хорошій былъ человѣкъ.

— И добрый?

— Да, добрый. Бывало ни одного солдата не пропуститъ, чтобы не пошутить съ нимъ да не побалагурить. Только подъ конецъ онъ какъ будто сталъ сторониться. Ну, и почетъ ему большой былъ. Пріѣдетъ начальство и прямо про него спрашиваетъ. Разговорятся и съ нимъ подъ-ручку ходить начнуть. Солдатамъ далеко до него было ..

— Но они, все-таки, «водились» съ нимъ?

— Не о чемъ было говорить съ нимъ нашему брату. Мы были народъ темный, необразованный, а онъ всѣ академіи превзошелъ,—куда было простому солдату лѣзть къ такому человѣку!

— Какъ-же это такъ?—спрашиваю,—извѣстно, что Тарасу Григорьевичу въ Ново-Петровскомъ жилось плохо?

— Нѣтъ, я думаю, жилось ему хорошо, а что скучалъ онъ, это точно. Да и какъ не скучать, когда кругомъ однѣ степи; а онъ человѣкъ, привыкшій жить въ городѣ.

— Тараса Григорьевича не стѣсняли ни въ чемъ?

— Ни въ чемъ. Хотя сначала ему и запрещали многое, но это недолго, года полтора—два, а потомъ все разрѣшили: и писать, и рисовать, и ѣздить на охоту. Бывало, смотримъ—а Тарасъ Григорьевичъ идетъ куда-нибудь съ книжкой подъ мышкой. Носилъ онъ большей частью бѣлый китель да фуражку засаленную, солдатскую; сапоги онъ, кажется, никогда не чистилъ. Такъ-то жилъ Тарасъ Григорьевичъ въ Ново-Петровскѣ!—закончилъ свое повѣствованіе Грановскій,—и дожилъ онъ до Царской милости. Освобожденіе пришло ему. Проводы ему справили важно. 2 августа Шевченко выѣхалъ изъ Ново-Петровска въ Петербургъ.

Бюстъ Т. Г. Шевченко. Единственный «монументъ», украшающій Харьковъ,—это каменный столбъ на углу Университетской улицы и Павловской площади. Иниціаторъ Харьковскаго университета Каразинъ и украинскій поэтъ Квитка все еще ждутъ, когда, наконецъ, харьковцы вспомнятъ объ ихъ заслугахъ. На дняхъ присланъ изъ Петербурга художественно исполненный бюстъ Т. Г. Шевченка, работы извѣстнаго скульптора-художника Беклемишева. Бюстъ этотъ исполненъ по заказу почитателей поэта А. К. и Х. Д. Алчевскихъ и будетъ украшать площадку сада у ихъ дома, выходящаго на Мироносицкій переулокъ, такъ что бюстъ будетъ видѣнъ съ улицы черезъ желѣзную рѣшетку сада. Какъ говорятъ, что за исполненіе бюста уплачена тысяча руб. («Южный Край»).

Предстоящее новое изданіе произведеній Г. Ѳ. Квитки-Основьяненко. Харьковская уѣздная земская управа ходатайствуетъ предъ предстоящимъ земскимъ собраніемъ о разрѣшеніи ей вторично издать III и IV томы сочиненій украинскаго писателя Г. Ѳ. Квитки-Основьяненка, такъ какъ первое изданіе ихъ въ количествѣ 1800 экземпляровъ каждаго уже распродано. Земская управа рекомендуетъ при этомъ уменьшить продажную цѣну—III т. до 75 коп. (вм. 1 руб.) и IV—до 1 р. (вм. 1 руб. 50 коп). Какъ извѣстно, суммы, выручаемыя отъ продажи этихъ сочиненій, идутъ на нужды училища въ с. Основѣ, устроеннаго въ память писателя. («Харьков. Губ. Вѣдом.»)

Интересъ къ земледѣльческимъ артелямъ. Херсонскій «Югъ» чрезвычайно старательно слѣдитъ за каждымъ шагомъ извѣстнаго «артельщика» Н. В. Левитскаго. Газета сообщаетъ, что вызванный въ Австрію Н. В. Левитскій находился съ сентября мѣс. во Львовѣ, въ которомъ происходилъ съѣздъ крестьянъ для обсужденія нѣкоторыхъ проектовъ административныхъ и земельныхъ реформъ. Какъ сообщаютъ, Н. В. Левитскому пришлось тамъ столкнуться съ массою крестьянъ и интеллигенціи и значительно подвинуть артельное дѣло. Заинтересовались имъ тамъ очень сильно. Въ сентябрьской книжкѣ галиційскаго журнала «Літер.-Науковий Вістн.» явились замѣтки объ артеляхъ и приведены стихотворенія, характеризующія артельное дѣло Левитскаго: «Сучасня народня творчість», «На роковини заснованія спілки в селі Козарні», «Шановному

Н. В. Л.». При этомъ просятъ самого Левитскаго написать статью объ артеляхъ для газеты «Громадский голос» во Львовѣ, доставить клише его портрета и всѣ статьи со свѣдѣніями объ артеляхъ. Н. В. Левитскимъ получено было приглашеніе на пятый конгрессъ «Српскихъ землорадничкихъ задруга», имѣвшій быть 17, 18 и 19 сентября у «Шапцу» (Шабацъ, гор. Сербіи).

15 Ноября въ засѣданіи Полтавскаго Сельско-хозяйственнаго общества обсуждался докладъ В. М. Сазонова «О земледѣльческихъ артеляхъ». На засѣданіе прибылъ и организаторъ артелей Н. В. Левитскій, при участіи котораго всесторонне былъ разсмотрѣнъ столь важный вопросъ. Предсѣдательствующій предложилъ назначить второе засѣданіе для окончательнаго обсужденія этого вопроса, къ какому времени будетъ разработанъ особый докладъ съ указаніемъ практическихъ мѣръ для осуществленія примѣненія кооперації въ Полтавской губ. (Полт. Губ. Вѣдом. № № 254, 258).

Проектъ изслѣдованія ярмарокъ въ Полтавской губ. 25 октября состоялось засѣданіе членовъ Полтавскаго Общества сельскаго хозяйства, подъ предсѣдательствомъ президента О—ва Д. К. Квитки. На засѣданіи между прочимъ былъ обсужденъ докладъ В. И. Василенка объ изслѣдованіи ярмарокъ, прочитанный въ одномъ изъ предыдущихъ засѣданій. При этомъ докладчикъ въ общихъ чертахъ резюмировалъ свое предложеніе, сообщивъ, что наиболѣе подробное изслѣдованіе этого рода, коснувшееся и Полтавской губерніи, произведено извѣстнымъ А. С. Аксаковымъ еще въ 1847 году; съ тѣхъ поръ у насъ сдѣланы изслѣдованія отдѣльныхъ ярмарокъ въ разное время, не дающія все-таки полной картины этой отрасли обмѣна товаровъ въ губерніи. Въ Полтавской губерніи существуетъ болѣе 1000 ярмарокъ, и изслѣдованіе потребовало-бы слишкомъ много времени и средствъ; поэтому докладчикъ предлагаетъ заняться пока изслѣдованіемъ наиболѣе значительныхъ, главнымъ образомъ, находящихся въ пограничной полосѣ губерніи, ярмарокъ, причемъ изслѣдованіе должно коснуться не только оборота ярмарки, но и качества и характера привозимыхъ на каждую ярмарку товаровъ и производиться спеціалистами при содѣйствіи практическихъ сельскихъ хозяевъ.

Въ засѣданіи выяснилось, что, предпринявъ изслѣдованіе минимальнаго числа ярмарокъ, не болѣе пятидесяти, придется ходатай-

ствовать передъ губернскимъ земствомъ объ ассигнованіи на этотъ предметъ 20.000 руб.

Послѣ продолжительныхъ преній по этому вопросу, собраніе высказалось за желательность изслѣдованія, при чемъ предсѣдательствующій Д. К. Квитка предлагаетъ ходатайствовать о приведеніи его въ исполненіе земскими учрежденіями, при посредствѣ опытныхъ сельскихъ хозяевъ, поручивъ земству также выработать программу дѣйствій въ этомъ направленіи, какъ производить изслѣдованіе ярмарокъ, что оно можетъ дать и какое отношеніе оно можетъ имѣть къ земскимъ мѣропріятіямъ по поднятію экономическаго благосостоянія населенія губерніи.

Собраніе избрало коммиссію въ составѣ предсѣдателя А. А. Русова и членовъ: Д. К. Квитка, В. И. Василенко, В. Р. Головня, К. А. Маціевича и Я. К. Имшенецкаго. (Полт. Губ. Вѣд. № 237).

Іуда на русской монетѣ. Весьма интересный указъ въ Ижерскую канцелярію, какъ сообщаютъ «М. Вѣд.», былъ посланъ въ 1709 г.: «Въ нынѣшнемъ 1709 году іюля въ 22 день въ указѣ Великаго Царя,—читается въ одной рукописи XVIII в., хранящейся въ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи,—въ Ижерскую канцелярію изъ военнаго походу, изъ подъ Полтавы, за скрѣпою Свѣтлѣйшаго Князя написано:

«Здѣлать тотъ часъ манету серебряную вѣсомъ въ десять фунтовъ, а на ней вырѣзать Іуду на осинѣ повѣсившагося, и внизу тридесять сребренниковъ лежащихъ, и при нихъ мѣшекъ, и на задѣ подпись: сынъ погибельный Іуда, еже за сребролюбіе давится... Да къ той манетѣ здѣлать чепь въ два фунта, и прислать тое монету въ военный походъ на нарочной почтѣ немедленно».

«И по тому Его Великаго Государя указу къ дѣлу той манеты отдано изъ ежерской канцеляріи отъ росходу расходчика Семена Баженова, серебрянаго дѣла мастера Матвѣю Алексѣеву серебра ефимками, четвертаками и полуефимками двенадцать фунтовъ да на угаръ полфунта, итого двенадцать фунтовъ съ полуфунтомъ».

Конечно, это относится къ событіямъ, связаннымъ съ исторіей гетмана Мазепы.

Уничтоженіе памятниковъ старины. Полтавскій соборъ, выстроенный еще задолго до Мазепы, подвергся недавно передѣлкѣ, и, въ видахъ расширенія его, были приняты четыре каменныхъ пилястра, поддерживавшіе сводъ, и замѣнены тонкими желѣзными подпорками. Искажена архитектура собора, да, кромѣ того, страшно молиться: а вдругъ рухнетъ сводъ. Можетъ быть, и выдержатъ тонкіе столбики, но трудно отдѣлаться отъ этого опасенія. Кромѣ того, древняя, тоже до-мазепинская, живопись, которую, во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы сохранить Полтавѣ, замѣнена новою иконописью. (Бирж. Вѣд. № 297).

Юбилей Омеляна Поповича. 6 ноября въ Черновцахъ торжественно былъ отпразднованъ 25-лѣтній юбилей литературной дѣятельности Омеляна Поповича, автора значительнаго количества популярныхъ и школьныхъ книгъ. Всѣ школьныя книжки, написанныя О. Поповичемъ, одобрены министерствомъ и введены въ буковинскія школы. Главная заслуга ихъ заключается въ умѣло подобранномъ матеріалѣ и соотвѣтствующемъ направленіи.

На юбилей собралось до тысячи душъ свѣтской и духовной интеллигенціи, учителей, крестьянъ и мѣщанъ (Руслан, ч. 254; Буковина, ч. 134).

Курьезное изданіе. Издающаяся во Львовѣ старорусской партіей небольшая газетка «Русское Слово» издала недавно въ качествѣ приложенія «Тараса Бульбу» Гоголя, со спеціальной цѣлью ознакомить галицкую Русь съ чисто-русскимъ языкомъ. Изданіе исполнено такъ, что рядомъ со словами оригинальными въ скобкахъ помѣщены поясненія. Вотъ образцы изъ первыхъ двухъ страницъ, свидѣтельствующія о томъ, какія поясненія, по мнѣнію «Р. Сл.», необходимы для пониманія русскаго языка галицкимъ читателямъ. «А поворотись-ка (обернися-но), сынъ!» — «Что это на васъ за поповскіе подрясники (спо́дныи священническіи одежи»). — «Это были два дюжіе (крѣпкіе) молодця. — «Они были очень (дуже) смущены... потупивъ глаза (очи) въ землю». — «Стойте.... продолжалъ онъ, поворачивая (обертаючы) ихъ; какія же длинныя (долгіи) на васъ свитки (верхняя одежда у южныхъ *россіянъ*»)! — «Не шлепнется ли (чи не гримне) онъ на землю». — «Нѣсколько шаговъ (крокóвъ) назадъ». — «Развѣ (хиба) на

кулаки»?—»Начали насаживать другъ другу тумаки (штурханцѣ»).— «Совсѣмъ спятилъ (зойшовъ) съ ума»!—«А онъ задумалъ нивѣсть (не знати) что».—«Почелэмкаемся (поцѣлуемся»).

Изъ этого нельзя заключить, чтобы языкъ Гоголя былъ такъ близокъ Галицкому населенію, какъ это привыкли нѣкоторые утверждать въ литературѣ и обществѣ. (Літерат.-Науков. Вістник, кн. 11).

Библіографія.

Каталогъ Музея украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго. Томъ II. *Составилъ Б. Д. Гринченко. Приложеніе къ № 7 «Земскаго Сборника Черн. з.» 1900 г. Черниговъ, 1900, in 8°. XVI+367 стр.*

Черниговское земство, такъ недавно получившее въ даръ собраніе покойнаго В. В. Тарновскаго, уже выступило съ цѣннымъ изданіемъ, заголовокъ котораго приведенъ выше. Фактъ этотъ даетъ полное право утверждать, что собраніе это займетъ надлежащее мѣсто среди другихъ земскихъ учрежденій и главное—станетъ учрежденіемъ жизненнымъ.

В. В. Тарновскимъ, незадолго передъ смертью, былъ изданъ «Каталогъ украинскихъ древностей коллекціи В. В. Тарновскаго». Это роскошное изданіе обнимало лишь часть громаднаго собранія; въ него вошло описаніе, главнымъ образомъ, вещественныхъ памятниковъ старины, другіе-же предметы, какъ напр. рисунки и рукописи, были едва лишь затронуты. Между тѣмъ, покойный владѣлецъ собранія былъ серьезнымъ коллекціонеромъ въ полномъ значеніи этого слова; помимо казовыхъ предметовъ, имъ подбиралось все, что такъ или иначе характеризовало бытъ старой Украины: собирались рисунки, гравюры, фотографіи, вырѣзывались иллюстраціи изъ журналовъ, собирались рукописи, автографы и разнаго рода документы, составлялась по такой-же широкой программѣ библіотека, включавшая и цѣнныя старопечатныя изданія. Результатомъ многихъ лѣтъ коллекціонированія и явилась масса матеріала, трудъ приведенія котораго въ

порядокъ и описанія взялъ на себя Б. Д. Гринченко и въ короткій срокъ справился съ этой нелегкой задачей.

Настоящій каталогъ разбитъ на нѣсколько отдѣловъ, которымъ мы и будемъ слѣдовать, хотя, въ виду нѣкоторыхъ чисто внѣшнихъ обстоятельствъ, систематическій порядокъ отдѣловъ при составленіи не былъ выдержанъ.

Сначала идутъ *акварели и рисунки карандашемъ, перомъ и проч.*—отдѣлъ небольшой: всего 28 номеровъ. Затѣмъ слѣдуютъ *воспроизведенія картъ, рисунковъ и картинъ и фотографическіе снимки*—самый обширный отдѣлъ, заключающій полторы тысячи номеровъ, причемъ иногда подъ однимъ номеромъ числятся цѣлые альбомы. Сюда входятъ: карты и планы территорій, поселеній и зданій; виды мѣстностей и населенныхъ пунктовъ, зданій, памятниковъ и другихъ сооруженій, съ подраздѣленіемъ ихъ по губерніямъ; пейзажи; портреты лицъ, по рожденію или по своей дѣятельности относящихся къ Украинѣ; рисунки на историческіе и историко-бытовые сюжеты; бытовыя картины, изображенія церковныхъ предметовъ, клейнодовъ, значковъ, оружія, одежды, украшеній, посуды, мебели, музыкальныхъ инструментовъ, вертепа, орудій, инструментовъ и т. п.; иллюстраціи къ произведеніямъ словесности; альбомы, заключающіе въ себѣ рисунки различнаго содержанія. Какъ ни незначительны иногда сами по себѣ отдѣльные экземпляры, входящіе въ этотъ отдѣлъ, но систематическій и приближающійся къ полнотѣ подборъ ихъ имѣетъ несомнѣнно громадный интересъ и значеніе какъ для искусства, такъ и для исторіи бытовой стороны прошлой жизни, для историко-топографическихъ изслѣдованій и для этнографіи. Практическое значеніе такого рода коллекцій и каталоговъ ихъ очевидно для всѣхъ, интересующихся тѣми или другими вопросами изъ вышеприведенныхъ областей знанія. Въ настоящее время, напр., по поводу описанія памятниковъ украинской старины, коммиссіей, образованной при Общ. Нестора Лѣтописца, рѣшено, первымъ долгомъ, привести въ извѣстность то, что уже издано—и вотъ здѣсь такія собранія, хотя-бы составленныя изъ вырѣзокъ изъ иллюстрированныхъ изданій, снабженныя подробнымъ описаніемъ, какъ это сдѣлано въ данномъ каталогѣ г. Гринченкомъ, могутъ оказать очень цѣнную услугу.

Слѣдующій отдѣлъ посвященъ *Т. Г. Шевченку.* Покойный В. В. Тарновскій очень дорожилъ этимъ отдѣломъ и прилагалъ всѣ мѣры, чтобы обставить его возможно полнѣе. Въ 1893 г. имъ былъ изданъ

каталогъ этого отдѣла, куда вошло 211 номеровъ. Теперь здѣсь имѣется 760 номеровъ, которые подраздѣлены г. Гринченкомъ на нѣсколько подотдѣловъ, именно: 1. Письма Шевченка, автографы; 2. сочиненія его въ автографахъ; 3. его бумаги; 4. книги Шевченка; 5. бумаги, имѣющія отношеніе къ Шевченку; 6. списки сочиненій Шевченка, сдѣланные разными лицами; 7. его акварели и рисунки карандашемъ (284 экземпляра); 8. его картины масляными красками; 9. его офорты; 10. мѣдныя доски, гравированныя Шевченкомъ для его офортовъ; 11. рисунки, литографіи, гравюры, фотографіи и проч. съ картинъ, портретовъ и рисунковъ Шевченка; 12. бюсты, барельефы, маски, клише портретовъ, изображенія Шевченка на металлѣ и глинѣ; 13. его портреты, писанные масляными красками; 14. портреты Шевченка, рисованные, гравированные, литографированные, фотографіи и проч.; 15. картины, писанныя масляными красками съ сюжетами, взятыми изъ его сочиненій; 16. рисунки, гравюры, литографіи, фотографіи и проч. съ сюжетами изъ сочиненій Шевченка; 17. рисунки, гравюры, литографіи и проч. съ сюжетами, относящимися къ личности Шевченка; 18. разныя вещи, принадлежавшія Шевченку; 19. вещи, имѣющія отношеніе къ Шевченку. Кромѣ вышеперечисленнаго, сюда также входятъ литературныя произведенія Шевченка и относящіяся къ нему сочиненія на разныхъ языкахъ, напечатанныя въ отдѣльныхъ изданіяхъ, журналахъ, газетахъ и проч. Эти изданія въ настоящій каталогъ не вошли, а будутъ помѣщены въ общемъ каталогѣ библіотеки В. В. Тарновскаго, также завѣщанной Черниговскому Земству.

Послѣдній отдѣлъ—*рукописи*. Ихъ 5 тысячъ. Это сочиненія XVII и XVIII вѣковъ (книги и свитки), документы XVI, XVII и XVIII вв., бумаги учрежденій и фамилій XVIII и XIX вв. (Троицко-Георгіевскаго монастыря, Милорадовичей, Лашкевичей, Полетикъ, Тарновскихъ), рукописи XIX в., бумаги писателей, ученыхъ, художниковъ, композиторовъ (между прочимъ Гоголя, Максимовича, особенно много Кулиша, Костомарова и др.). Среди документовъ многіе еще не использованы научнымъ образомъ и ждутъ обработки.

Въ предисловіи составитель Каталога высказываетъ пожеланіе о второмъ изданіи I-го тома, изданнаго В. В. Тарновскимъ и поступившаго въ продажу въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Каталогъ этотъ требуетъ теперь дополненій, и если ко второму его изданію прибавится томъ каталога библіотеки, то будетъ охваченъ весь

составъ Музея. Присоединяясь къ этому пожеланію, мы должны выразить искреннюю благодарность Б. Д. Гринченку и его сотрудницѣ Маріи Николаевнѣ Гринченко, съ такимъ знаніемъ дѣла потрудившимся надъ каталогизаціей этой обширной части Музея В. В. Тарновскаго.

Н. В.

Собраніе В. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднѣпровья. Вып. III. *Эпоха, предшествующая великому переселенію народовъ* (ч. II). *Кіевъ, 1900 г., in 4°.*

Какъ бы ни было цѣнно чье-нибудь частное собраніе, но если оно служитъ главнымъ образомъ лишь для удовлетворенія тѣхъ или другихъ цѣлей владѣльца—цѣнность его сводится до минимума, коллекціонированіе превращается въ маньячество. Возможно широкое распространеніе свѣдѣній о собраніи какъ среди спеціалистовъ, такъ и болѣе широкихъ слоевъ публики, предоставленіе возможности каждому желающему тѣмъ или другимъ способомъ ознакомиться съ содержаніемъ собранія превращаетъ частное дѣло въ общественное, ставитъ коллекціонированіе на ряду съ другими видами научной работы. Конечно, самымъ лучшимъ средствомъ въ данномъ случаѣ являются изданія, заключающія описаніе предметовъ коллекціи. Въ этомъ отношеніи нужно отдать полную справедливость неутомимой энергіи, съ какой Б. И. Ханенко ведетъ изданіе своего собранія. Въ теченіе двухъ лѣтъ имъ уже издано 5 выпусковъ, гдѣ описана и представлена въ превосходныхъ изображеніяхъ масса цѣннаго матеріала, касающагося прошлаго южной Россіи.

Недавно вышелъ 3-й выпускъ «Древностей Приднѣпровья», составляющій вторую часть отдѣла, охватывающаго періодъ, предшествующій эпохѣ великаго переселенія народовъ. Онъ—какъ-бы продолженіе первой части, посвященной главнымъ образомъ скиѳо-сарматскимъ древностямъ,—ими почти исключительно онъ и заполненъ.

Въ данномъ выпускѣ, прежде всего, въ небольшомъ введеніи дана характеристика предметовъ, при чемъ главное вниманіе обращено на ихъ художественную сторону. Затѣмъ помѣщены выдержки изъ дневниковъ раскопокъ кургановъ (по р. Сулѣ—С. А. Мазараки и въ сс. Райгородѣ и Прусахъ, Черкасск. у.—В. В. Хвойко), давшихъ

болѣе или менѣе интересныя находки, изданныя въ настоящемъ выпускѣ. Остальная часть текста состоитъ изъ описанія предметовъ, расположенныхъ по матеріалу, изъ какого они сдѣланы. За текстомъ слѣдуетъ 17 фототипическихъ таблицъ съ изображеніями предметовъ.

Настоящій выпускъ снабженъ еще особымъ приложеніемъ, заключающимъ краткія свѣдѣнія о раскопкахъ кургановъ въ урочищѣ Смольномъ и въ окрестностяхъ селъ Флерковки и Жаботина, черкасскаго у., а также описаніе, снабженное таблицами нѣкоторыхъ предметовъ, какъизъ собранія Ханенко, такъ преимущественно изъ собранія покойнаго Е. А. Зиоско-Боровскаго.

Теперь можно безъ преувеличиванія сказать, что все болѣе типичное, относящееся къ личному убору, вооруженію, сбруѣ скиѳо-сарматской культуры средняго Поднѣпровья, описано и издано. Очередь за эпохой переселенія народовъ и Славянской,—по словамъ издателя, имъ и будутъ посвящены дальнѣйшіе выпуски.

В.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка, т. т. XXXV—XXXVI (кн. III и IV за 1900 р.). *Львів, 1900, стр.* 1—*39*, 1—*14*, *1*—*355*.

Настоящій двойной томъ, весьма объемистый и содержательный, заключаетъ въ себѣ вторую половину рефератовъ (языкъ и исторія литературы), предназначавшихся для XI кіевскаго археологическаго съѣзда. Всѣхъ рефератовъ изъ области филологіи предназначалось на съѣздъ 13, изъ которыхъ семь помѣщены въ настоящемъ томѣ полностію, а остальные шесть въ сокращенномъ видѣ. При этомъ, изъ числа первыхъ, рефератъ д-ра Охримовича «Про наголос в українсько-руській мові» начатъ печатаніемъ въ XXXIII т. Записок [1]) (главы I—IV), а рефераты: д-ра Франка «Карпаторуське письменство XVII—XVIII в.в.» и д-ра Колессы «Причинки до історії угроруської мови і літератури» войдутъ въ послѣдующіе томы.

Остановимся прежде всего на тѣхъ рефератахъ, представленныхъ въ сокращенномъ видѣ, которые не будутъ напечатаны полностью,—это, во-первыхъ,— *«Носові самозвуки в славянських мовах»* Олександра

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1900 г., ноябрь, отд. библіографіи.

Барвинского. Референтъ, отмѣчаетъ, что, кромѣ вымершихъ языковъ, старословинскаго и полабскаго, въ живыхъ современныхъ намъ славянскихъ языкахъ носовыя гласныя сохранились лишь въ польскомъ, въ различныхъ говорахъ его, тогда какъ въ иныхъ замѣтны лишь слѣды носоваго произношенія, такъ напр. въ новословинскомъ, украинско-русскомъ. Съ этой цѣлью референтъ изслѣдуетъ носовыя гласныя въ польскомъ языкѣ и его говорахъ, сравнительно съ старословинскимъ и полабскимъ.

Второй, затѣмъ, рефератъ—«*Причинок до пізнаня розвитку народньої мови в письменстві у Галицьких Русинів*»—Іліи Кокорудза. Референту попало въ руки рукописное «**Предисловіє**« къ „**Книга оу҆чебнаꙗ длѧ второго о҆ддѣла шко҆л наро҆дных, в ѕемлѧх австрїйского царства**“, написанное кириллицею въ 1840 г. Авторъ предисловія: „P. Petruszewicz, Parochus Rudensis“, повидимому былъ человѣкъ образованный и довольно начитанный; ему было поручено перевести школьный нѣмецкій учебникъ „Lehrbuch für die zweite klasse für Landschulen“ на народный (малорусскій) языкъ. Въ предисловіи къ переводу авторъ высказываетъ свой взглядъ, весьма любопытный для того времени, на положеніе галицко-русской „бесиды“ (которую онъ также называетъ и языкомъ «малорусскимъ») въ средѣ другихъ славянскихъ языковъ и на отношеніе ея къ языку „ляхитському“ и «великоруському», признавая ее отдѣльной какъ отъ того, такъ и другого; онъ также предлагаетъ способы, какими можно бы способствовать развитію литературнаго родного языка. Вообще же «Предисловіе», какъ литературно-историческій памятникъ, представляетъ значительный интересъ.

Наконецъ, въ третьемъ рефератѣ, «—*Історичний і літературний підклад «Слова о полку Ігоревім»* д-ра Волод. Коцовскаго, референтъ касается нѣкоторыхъ любопытныхъ вопросовъ, оставшихся донынѣ нерѣшенными въ упомянутомъ драгоцѣннѣйшемъ памятникѣ дружинной поэзіи, какъ напр. опредѣленіе личности Бояна, время написанія «Слова» и др. По предположенію автора, Боянъ—«се правдоподобно поетична переміна імени Ян, якъ зрештою Буй-Ігор, Буй-Святославъ»; что же касается времени написанія Слова, то это могло произойти лишь весной 1187 г., послѣ свадьбы Володиміра Игоревича съ дочерью Кончака,—и все «Слово» является величаніемъ новобрачныхъ.

Переходя затѣмъ къ рефератамъ, напечатаннымъ полностью, на первомъ мѣстѣ мы должны отмѣтить весьма солидное изслѣдованіе

Івана Верхратского «*Про говор долівский*» (стр. 1--128). Говоръ «долівский» (зап.-галицкихъ горныхъ жителей околицъ Перемышля и Ярославля) относится къ группѣ говоровъ, такъ называемыхъ «Билаків»,—говоровъ съ подвижнымъ удареніемъ, и болѣе всего приближается къ говору Лемковъ, отъ котораго впрочемъ отличается подвижнымъ удареніемъ, а также нѣкоторыми мѣстными особенностями. Собирая языковые матеріалы, авторъ лично объѣхалъ въ 1893 году 22 села и приселка, результатомъ чего и явился означенный цѣнный трудъ. Въ этомъ послѣднемъ онъ приводитъ огромное количество грамматическихъ явленій въ доливскомъ говорѣ, даетъ нѣсколько образцовъ доливскаго говора и въ концѣ прилагаетъ довольно обширный „Словарчикъ", содержащій въ алфавитномъ порядкѣ малопонятныя и малоупотребительныя слова.

Въ слѣдующемъ затѣмъ изслѣдованіи: „*Русини Пряшівськоі епархіі і іх говори*»—Володиміра Гнатюка, авторъ, сообщивъ нѣкоторыя историческія свѣдѣнія о Пряшивской епархіи, основанной въ 20-хъ гг. истекающаго столѣтія, а также о числѣ греко-католиковъ и гр.-католическихъ школъ въ епархіи, подробнѣе останавливается на этнографическомъ составѣ малорусскаго элемента Пряшивской епархіи („Руснаки и Словаки"), относящагося по говору къ Лемкамъ, а также отмѣчаетъ важнѣйшія фонетическія и морфологическія особенности обоихъ діалектовъ. Заканчиваетъ онъ свое изслѣдованіе реестромъ селъ, съ указаніемъ употребляемаго въ немъ языка, и приведеніемъ образцовъ нѣкоторыхъ говоровъ въ такомъ порядкѣ, какой лучше всего свидѣтельствуетъ о вліяніи на нихъ Словацкаго языка.

Обращаясь къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, съ особеннымъ интересомъ останавливаемся на изслѣдованіи д-ра Івана Франка „*Слово о Лазаревѣ воскресеніи.* Староруська поема на апокріфічні теми". Донынѣ были извѣстны лишь два списка этого слова: Соловецкая рукопись XVI—XVII вв. „**Слово в сѵбботѵ ѕ-ю поста на воскр҃нїє дрѵга Божїа Лазаря**", опубликованная Порфирьевымъ въ Сборн. отд. русс. яз. и Слов. Имп. Академіи Наукъ, т. LII, № 4, стр. 228—231) и новгородскій, опубликованный А. Н. Пыпинымъ въ III т. „Памятники старинной русской литературы, изданные гр. Гр. Кушелевымъ-Безбородко, стр. 11—12, „**Слово ст҃ыхъ ап҃лъ, иже ѿ Адама во адѣ къ Лазарю**", относящійся также къ XVI в. Недавно д-ръ Ів. Франко опубликовалъ во II томѣ своего собранія апокрифовъ (стр.

315—317) третій списокъ, по рукописи Кіевской Духовной Академіи, относящійся къ XVI в. Сравнивая всѣ эти списки между собой авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Кіевская копія имѣетъ опредѣленный южно-русскій оттѣнокъ, копія Пыпина—не столь опредѣленный бѣлорусскій, а Соловецкій—несомнѣнно великорусскій. 2) Насколько видно изъ Кіевской копіи, графика оригинала кіевскаго «Слова» должна быть древнерусская,—такая, какая существовала еще до утвержденія сербо-болгарскаго вліянія въ XV в. 3) Слѣды поэтическаго чувства, пластичной фантазіи подтверждаютъ предположеніе, что Слово—оригинально-русское, именно южно-русское произведеніе. 4) Слѣды древне-русской графики и близость во многихъ отношеніяхъ Слова о Лаз. Воскресеніи къ „Слову о полку Игоревомъ“ даютъ возможность утверждать, что Слово явилось въ дружинно-княжескую эпоху, когда еще живы были традиціи дружинной поэзіи,—въ концѣ XIII или XIV в. 5) Слово написано не только поэтическимъ стилемъ и обнаруживаетъ сильный поэтическій талантъ, но имѣетъ также и своеобразную стихотворную форму и строфическое строеніе, свидѣтельствующія о томъ, что дружинной поэзіи не чужды были духовныя, церковно-апокрифичныя темы, и что и на этомъ полѣ наши древніе поэты умѣли проявить такую степень оригинальности, истиннаго чувства и таланта, о какихъ, не зная данной поэмы, трудно было-бы догадываться.

Въ заключеніе своей весьма интересной статьи авторъ приводитъ сравнительный текстъ всѣхъ трехъ копій, а также самое Слово въ ритмичной формѣ, разбитое на 44 строфы (по 5 строкъ въ строфѣ).

Перу этого же автора принадлежатъ и слѣдующія двѣ статьи: небольшая статейка—«*Новий причинок до студий над Іваномъ Вишенськимъ*» и солидное изслѣдованіе: «*Апокріфічне евангеліе Псевдо-Матвія і його сліды в українсько-руськім письменстві*». Въ первой статейкѣ авторъ обращаетъ вниманіе на одно произведеніе, не разобранное имъ въ спеціальномъ изслѣдованіи о Вишенскомъ и не отмѣченное критиками,—интересное въ особенности тѣмъ, что является единственнымъ произведеніемъ Вишенскаго, напечатаннымъ при жизни его,—хотя и безъ его имени,—именно «Соборное посланіе афонскихъ монаховъ», опубликованное княземъ Константиномъ Острожскимъ въ 1598 г. въ дополненіи къ семи посланіямъ патріарха Мелетія Пигаса противъ уніи, въ такъ называемой «Острожской кни-

жечкѣ въ девяти отдѣлахъ». Что оно принадлежитъ Вишенскому, объ этомъ свидѣтельствуетъ какъ внѣшняя форма, такъ и содержаніе даннаго произведенія.

Во второй своей цѣнной статьѣ авторъ старается прослѣдить вліяніе евангелія Псевдо-Матѳея, мало популярнаго въ древности и въ средніе вѣка, а также другихъ латинскихъ и чешскихъ поэмъ и виршей на нѣкоторые памятники древней нашей письменности, какъ-то: «Сказаніе о зачатіи и рождествѣ пресвятыя Богородицы» (найдена В. Гнатюкомъ въ Керестурѣ въ 2-хъ копіяхъ XVIII и XIX ст.») и собраніе „Чудесъ которыи ся стали, гды Христосъ передъ Іродомъ до Египту уходилъ“ (найдены списки въ Угорщинѣ и въ Кіевѣ; какъ-то, такъ и другое произведенія напечатаны во II т. апокрифовъ, собранныхъ Ів. Франкомъ).

Оказывается, что ни одна изъ славянскихъ поэмъ о рожденіи и дѣтствѣ Маріи не была непосредственнымъ пересказомъ латинскихъ апокрифовъ, хотя, безъ сомнѣнія, всѣ онѣ основаны на послѣднихъ. Въ частности же, керестурская поэма болѣе всего приближается къ евангелію Псевдо-Матѳея и къ тѣмъ версіямъ апокрифическихъ разсказовъ, которые, подъ вліяніемъ отчасти латинскихъ, отчасти второстепенныхъ греко-византійскихъ источниковъ, были составлены въ XVII в. на Украинѣ, въ кругу кіевскихъ ученыхъ. А это свидѣтельствуетъ о томъ, что поэма эта составлена не ранѣе конца XVII в. и при томъ въ такой области, гдѣ кіевское вліяніе не только не встрѣчало отпора, но, наоборотъ, находило благодарную почву благодаря сосѣдству съ католическимъ міромъ. Но такъ какъ и въ языкѣ, и въ стилѣ поэмы замѣтно сильное сербское вліяніе, то является предположеніе, что передаточной средой могъ служить иллиро-русскій кругъ ученыхъ, сплотившихся въ первой четверти XVIII ст. въ той части Сербіи, которая послѣ 1718 г. отошла къ Австріи.

Далѣе слѣдуетъ небезынтереснаи статья д-ра Кирила Студинского *«Хто буе автором* Αντίῤῥησις*'а в р. 1599?»* Какъ извѣстно, Αντιῤῥησις, направленный противъ Апокризиса Христофора Филалета (Бронскаго), изданнаго въ 1597 г., на польскомъ языкѣ, а въ 1598 г.—въ русскомъ переводѣ, появился въ свѣтъ безъ имени автора. Стебельскій, Гриневецкій, а въ новѣйшее время проф. Голубевъ приписывали Αντίῤῥησις Петру Аркудію, между тѣмъ какъ проф. Скабалановичъ,

а за нимъ и авторъ данной статьи придерживаются того мнѣнія, что авторомъ его былъ не кто иной, какъ Ипатій Потѣй. Для доказательства своего положенія авторъ ссылается на то, что въ 'Αντίῤῥησιο'ѣ напечатаны исторические акты, о которыхъ могъ знать одинъ лишь Потѣй (какъ напр. переписка съ кн. Острожскимъ); что во многихъ мѣстахъ встрѣчаются необычайно похожія мѣста, не только по смыслу, но и въ выраженіяхъ; что замѣчается тожество взглядовъ въ 'Αντίῤῥησιο'ѣ и въ другихъ произведеніяхъ Потѣя по такимъ вопросамъ, по которымъ въ уніатскомъ лагерѣ несомнѣнно не было согласія, какъ-то: мысль объ измѣненіи календаря, о целибатѣ и причастіи подъ однимъ видомъ. Наконецъ, что Потѣй, а не Аркудій былъ творцемъ 'Αντίῤῥησιο'α,—на это указываетъ еще и общій характеръ ихъ произведеній: у Потѣя нѣтъ ни одного произведенія, которое не носило-бы полемическаго характера, между тѣмъ въ какъ произведеніяхъ Аркудія видѣнъ спокойный богословъ и историкъ, въ богословскихъ спорахъ мало оригинальный, а болѣе—переводчикъ и компиляторъ. Всѣ эти вышеуказанные аргументы и побуждаютъ г. Студинскаго видѣть автора 'Αντίῤῥησιο'α скорѣе въ лицѣ Потѣя, чѣмъ Аркудія.

Наконецъ, послѣднее изслѣдованіе: *«Якуб Гаватович (Гават) автор перших руских інтермедій з 1619 р.»* принадлежитъ Михайлу Павлику. Автору удалось имѣть въ своихъ рукахъ два экземпляра «Tragaedii» —одинъ, принадлежащій польскому ученому Іосифу Крашевскому, а другой библіотекѣ гр. Баворовскаго [1]). Сличивши эти списки съ текстомъ, напечатаннымъ М. Драгомановымъ въ «Кіевской Старинѣ» (1883, XII и 1885, XI), который представлялъ также копію экземпляра Іос. Крашевскаго, но съ значительными дефектами, авторъ нашелъ въ послѣднемъ немалое количество ошибокъ и два пропуска. Пересказавъ подробно содержаніе Трагедіи и подтверждая ту или иную мысль значительными выдержками изъ нея, авторъ воспроизводитъ съ буквальной точностью двѣ украинскія интермедіи, вставленныя, какъ извѣстно, въ Трагедію (послѣ 2 и 3 актовъ). Такъ какъ упомянутыя интермедіи обладаютъ необычайной мелодичностью, и въ нихъ вообще выдержанъ складъ украинскаго простонароднаго языка—простой и натуральный, то является очевиднымъ, что Гаватовичъ зналъ украинскій языкъ не только изъ разговоровъ съ народомъ, изъ на-

---

[1]) Существуетъ указаніе, что еще одинъ экземпляръ находится въ Петерб. Публичн. библіотекѣ.

родныхъ разсказовъ но и изъ народныхъ пѣсенъ, гдѣ простота формы доведена до артизма.

Какъ извѣстно, Трагедія Гаватовича съ интермедіями впервые была разыграна въ Каминцѣ въ 1619 г., но не въ Подольскомъ, а въ Каминцѣ Струмиловій—нынѣшнемъ уѣздномъ городѣ восточной Галиціи, въ то время довольно значительномъ мѣстечкѣ, принадлежавшемъ Регинѣ Жолкевской.

Въ заключеніе авторъ сообщаетъ біографическія подробности о Гаватовичѣ, въ значительной части донынѣ неизвѣстныя, а также перечисляетъ всѣ литературныя его произведенія (числомъ 13), въ хронологическомъ порядкѣ, сопровождая, по возможности, обстоятельнымъ описаніемъ ихъ.

Изслѣдованіе почтеннаго автора является крупнымъ вкладомъ въ нашу небогатую исторію драматической литературы.

В. Д.

А. Т. Грабина. Тывуртіевы Выгадкы. *Жартъ въ 1-ой (!) діи. Кіевъ, 1900, 1—34, in 8°. Цѣна 20 коп.*

Г. Грабина—давній и плодовитый писатель. Ежегодно является изъ печати по крайней мѣрѣ 2—3 его произведенія, довольно однороднаго достоинства,—такого именно, что достаточно прочесть одно изъ нихъ для того, чтобы другихъ не читать. И послѣднее, разсматриваемое нами—не лучше первыхъ. Оно имѣетъ, какъ видимъ, неудобопроизносимое заглавіе «Тывуртіевы Выгадкы». Тывуртій—имя главнаго героя пьесы, дьяка, этой «personae gratae» не только старинной малорусской комедіи и новеллъ Гоголя, но и народныхъ преданій; «это *вѣчно юный* и всегда благодарный (?) типъ, и поэтому, я думаю, мнѣ не поставятъ въ вину, что я, слѣдуя традиціямъ, вывожу этотъ персонажъ въ своей маленькой пьесѣ, имѣющей единственную претензію—вызвать улыбку на уста благосклоннаго читателя» (Отъ автора, стр. 3). Послѣ этого предостереженія читатель переворачиваетъ страницы одну за другой въ полной увѣренности встрѣтить здѣсь хорошо извѣстный литературный типъ дьяка XVIII ст. съ специфической, свойственной ему одному, церковно-русско-малорусской мѣшаниной,—типъ, нашедшій, напримѣръ, въ новѣйшее время, прекрасное воплощеніе въ художественномъ произведеніи И. К. Тобилевича

(Карпенка-Карого) «Чумаки». Но ничуть не бывало.... Дьякъ дѣйствительно говоритъ мѣшанинной, но живетъ онъ и дѣйствуетъ—увы!—въ концѣ XIX ст. (послѣ 1895 г., ибо водитъ знакомство съ монополіей («марнополькой»,—по перефразировкѣ автора!). Далѣе, помимо упомянутаго анахронизма, допущеннаго авторомъ вслѣдствіе перенесенія литературнаго типа XVIII в. на цѣлое столѣтіе впередъ, въ его пьесѣ всѣ дѣйствующія лица, также должно быть съ цѣлью «вызвать улыбку на уста благосклоннаго читателя», награждены или совершенно несуществующими въ святцахъ именами, или, по крайней мѣрѣ, неупотребительными, какъ-то: Прискилла, Пуплій, Острихій, Родоніанъ, Фрументій, Вакхъ, Секундъ, Помпей,—и это все не римскіе граждане, а мирные обыватели заурядnаго малороссійскаго села (судя по нѣкоторымъ особенностямъ говора—подольскаго).

Кромѣ того, авторъ обнаруживаетъ полнѣйшее незнакомство съ бытомъ духовенства, съ его историческимъ прошлымъ: семинаристъ (Тывуртій), обучавшійся въ инфимѣ (слѣдовательно во времена достаточно отдаленные), уволенный изъ третьяго (философскаго) класса, никогда бы въ тѣ времена не остался на всю жизнь въ дьячкахъ.

Но и помимо этихъ внѣшнихъ неудобствъ, если бы мы захотѣли вникнуть въ суть самой пьесы, то прежде всего не отыскали бы никакой сути. Дѣйствующія лица являются по порядку одно за другимъ, когда для этого, по мнѣнію автора, наступило время; произносятъ, по большей части фразы, какихъ въ дѣйствительности живые люди при данныхъ обстоятельствахъ не произносили бы. Такъ напр., Тывуртію вздумалось почему-то разсказать слушателямъ крестьянамъ исторію Европы, преслѣдуемой Юпитеромъ, а затѣмъ случайно явившійся еврей Мендель разсказываетъ, какъ ему Богъ на душу положилъ, видѣнную имъ гдѣ то пьесу «Биръ-Кохба». Къ этому надо прибавить 2—3 развеселыхъ пѣсни да обильное употребленіе „монополькн“,—и пьеса готова.

Внѣшняя сторона (изложеніе) въ общемъ не много лучше внутренней. Вообще же автору, взявшемуся за исполненіе темы, столь любимой Гоголемъ, можно напомнить пословицу на языкѣ героевъ его пьесы: «Quod licet Jovi, non licet bovi», или проще: «Що лычыть попови, то зась дякови!»...

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, №№ 10 и 11; 2) Русская Старина, № 11; 3) Историческій Вѣстникъ, № 11; 4) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 11; 5) Вѣстникъ Европы, № 11; 6) Русская Мысль, № 11; 7) Научное Обозрѣніе, № 11; 8) Книжки Восхода, № 10 и 11; 9) Літературно-Науковий Вістник, № 11; 10) Ateneum, № 11; 11) Biblioteka Warszawska, № 11; 12) Slovanský Přehled, № 11 (2); 13) Труды Кіевской Духовной Академіи, №№ 10 и 11; 14) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, № 10; 15) Przewodnik naukowy i literacki, № 11 [1]); 16) Wisła, №№ 4 и 5; 17) Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, №№ 7, 8 и 9; 18) Этнографическое обозрѣніе, № 2; 19) Живая Старина, №№ 1 и 2—3.

Русскій Архивъ, № 10.

И. С. Листовскій. Изъ недавней Старины (стр. 236—243). Авторъ между прочимъ сообщаетъ нѣкоторые факты изъ жизни архіепископа Херсонскаго Димитрія: о его поѣздѣ въ Петербургъ по волѣ имп. Николая Павловича, которому Димитрій понравился съ перваго взгляда; о смиреніи его, выразившемся напр. въ томъ, что, когда вышло «Догматическое Богословіе» пр. Макарія, представлявшее компиляцію лекцій преосв. Димитрія, послѣдній не подалъ и виду, что онъ знаетъ объ этомъ. Кромѣ того, разсказывается исторія назначенія Кіевскимъ митрополитомъ на мѣсто скончавшагося Арсенія—архіеп. Тверскаго Филофея, нелюбимаго въ высшихъ сферахъ за открытое неодобреніе церковной реформы, задуманной оберъ-прокур. Св. Синода—гр. Толстымъ.

Изъ записокъ Кастора Никифоровича Лебедева. 1859 годъ. (стр. 244—288). Авторъ между прочимъ разсказываетъ о волненіи студенческомъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1859 г. въ Казанскомъ университетѣ, вызванномъ арестомъ товарищей, аплодировавшихъ на лекціи проф. Булычу. Волненіе очень озабочивало попечителя и министерство. «Но они еще болѣе боялись вступительной лекціи исп. дол. экстр.-профессора Русской Исторіи Костомарова, бывшей сегодня. Уже выборъ и утвержденіе Саратовскаго изгнанника были торже-

[1]) Въ предыдущ. № по корректурному недосмотру вкралась ошибка: „8“ вм. 10.

ствомъ университета. Надобно было его отпраздновать и выразить сочувствіе политическому ученому, который, между тѣмъ, издалъ Богдана Хмельницкаго и бунтъ Стеньки Разина. Министръ и попечитель приняли мѣры; они пригласили и уговаривали вліятельныхъ студентовъ, откладывали лекцію, позвали на нее графа Сергѣя Строганова и многихъ изъ публики и дамъ. Костомаровъ, не отличавшійся ни наружностью, ни дикціей, нашелъ въ аудиторіи болѣе 2000 слушателей и читалъ о необходимости излагать исторію не государства, но, какъ думалъ Полевой, исторію народа. Энтузіазмъ перешелъ границы. Аплодисменты, шумъ, крикъ, стукъ покрыли все; о порядкѣ нечего было и думать. Когда профессоръ сошелъ съ каѳедры, его подняли на рукахъ и понесли по корридору съ криками «ура»! и «vivat»! (стр. 268).

—

Русская Старина № 11.

Н. К. Шильдеръ. Императоръ Николай I и Восточн. вопросъ (1826—1830 гг.) (стр. 237—255). Излагая событія войны 1828 года съ Оттоманской Портой, авторъ приводитъ свѣдѣнія объ участіи въ ней запорожскихъ козаковъ, которые нѣкогда бѣжали за Дунай и нашли себѣ здѣсь пріютъ, но впослѣдствіи возвратились снова въ нѣдра прежняго своего отечества.

Дѣйствительно, переправа русскаго войска черезъ Дунай подъ Сатуновымъ 27 мая удалась только благодаря запорожскимъ козакамъ, явившимся къ мѣсту боя на 40 лодкахъ.

В. А. Бильбасовъ. Екатерина II и Василій Васильевичъ Каховскій (стр. 277—299). Авторъ извлекаетъ изъ собственнаго собранія бумагъ екатерининскаго времени указы императрицы Екатерины II къ екатеринославскому губернатору В. В. Каховскому, предпославъ имъ историческія справки о М. В. и В. В. Каховскихъ. Въ этихъ послѣднихъ авторъ останавливается на дѣятельности В. В. Каховскаго въ качествѣ екатеринославскаго губернатора, и между прочимъ разсказываетъ объ участіи его въ т. наз. «Турбаевской катастрофѣ [1]). Изъ 22 приведенныхъ авторомъ указовъ—одинъ (3-й) касается турбаевской исторіи, три (4, 13-й и 14-й)—исторіи г. Екатеринослава и одинъ (10-ый)—вопроса о колонизаціи земель «пріобрѣтенныхъ отъ Порты Оттоманской, между рѣкъ Буга и Днѣстра лежащихъ».

—

[1]) О ней см. „Кіевская Старина"—1891 г., т. XXXII, статья А. Л. Ефименко „Турбаевская катастрофа."

Историческій Вѣстникъ № 11.

Н. В. Чарыковъ. Павелъ Менезій. Его дипломатическая и военная служба при московскомъ дворѣ и предполагаемое наставничество при Петрѣ Первомъ. (Окончаніе слѣдуетъ) (стр. 510—537). Авторъ на основаніи цѣлаго ряда документовъ, хранящихся въ числѣ рукописей Ватиканскаго архива, а также и другихъ матеріаловъ въ Россіи и заграницей, даетъ живой очеркъ дипломатической дѣятельности при московскомъ дворѣ нѣкоего Павла Менезія, прибывшаго вмѣстѣ съ Гордономъ въ Москву въ 1661 году. Послѣ взятія Каменца-Подольскаго въ 1672 г. турками, Менезій былъ отправленъ Алексѣемъ Михайловичемъ съ дипломатической миссіей къ курфюрсту саксонскому, австрійскому императору, венеціанскому сенату и папѣ для переговоровъ о союзѣ противъ турокъ. Попутно авторъ касается Малороссійскаго вопроса послѣ Андрусовскаго договора.

И. С—въ. Замѣчательный арабскій литературно-историческій памятникъ о Россіи XVII вѣка (стр. 637—657). Авторъ излагаетъ въ общихъ чертахъ этотъ цѣнный арабскій литературно-историческій памятникъ, дѣлая, для образца, извлеченія подлинныхъ сообщеній Петра Алеппскаго о видѣнныхъ имъ мѣстностяхъ, бытѣ и нравѣ жителей и т. п. (о бытѣ украинскихъ козаковъ, о встрѣчѣ съ Богданомъ Хмельницкимъ и друг.).

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» (стр. 692—718) рецензированы слѣдующія книги и изданія: «Хрущовъ, И. П. Бесѣды о древней русской литературѣ. Спб. 1900», «И. Энгельманъ. Исторія крѣпостнаго права въ Россіи. Пер. съ нѣмецкаго В. Щерба, подъ редакціей А. Кизеветтера. М. 1900», «Walery Przyborowski. Historja szęscin miesięcy. Ustęp dziejów 1862 roku. Petersburg. 1901», «Профессоръ М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права. Изд. 3-е съ дополненіями. Изд. Оглоблина, Кіевъ, 1900».

Въ отдѣлѣ «Смѣсь» (стр. 746—760) даны замѣтки объ исторіи возобновленія Мстиславова храма во Владимірѣ-Волынскомъ, присужденіи Уваровскихъ премій—съ отзывомъ о премированныхъ трудахъ и Музеѣ св. Владимірскаго братства во Владимірѣ-Волынскомъ.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 11.

А. А. Шахматовъ. Общерусскіе лѣтописные своды XIV и XV вѣковъ (стр. 135—200) (Продолженіе). Переходя къ разсмотрѣнію состава и источниковъ Владимірскаго полихрона 1423 года, авторъ останавливается еще на двухъ памятникахъ, отразившихъ на себѣ его вліяніе—Тверской и Львовской лѣтописяхъ. Въ главѣ о составѣ

и источникахъ упомянутаго полихрона авторъ указываетъ, что въ числѣ источниковъ между прочимъ, была какая-то южно-русская лѣтопись, сходная съ Ипатьевскою,—именно Черниговская составленная въ концѣ XIII вѣка и доведенная, повидимому, до 1284 г., въ основаніе которой легъ южно-русскій (кіевскій) сводъ, составленный въ 1223—1231 гг. Изученіе позднѣйшихъ сводовъ показываетъ, что на пространствѣ всего XII и XIII вв. полихронъ пользовался только однимъ южно-русскимъ источникомъ—Черниговской Лѣтописью до конца XIII вѣка, которая вошла почти цѣликомъ въ его составъ,—лишь мѣстами дано предпочтеніе другому источнику—владимірскому.

А. И. Георгіевскій. Къ исторіи ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія (стр. 17—61) (продолженіе). Касаясь вопроса о цензурныхъ отношеніяхъ въ шестидесятые годы, авторъ отмѣчаетъ, что при министрѣ А. В. Головнинѣ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія «серьезно обсуждался вопросъ о допущеніи малороссійскаго нарѣчія какъ преподавательскаго языка для начальныхъ училищъ въ южной и юго-западной Россіи и какъ языка учебныхъ для нея книгъ, и уже министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, съ Высочайшаго соизволенія, въ іюлѣ 1863 года, было сдѣлано распоряженіе по цензурному вѣдомству, чтобы на малороссійскомъ нарѣчіи дозволялись къ печати только такія произведенія, которыя принадлежатъ къ области изящной литературы; съ пропускомъ же книгъ на, этомъ нарѣчіи какъ духовнаго содержанія, такъ учебныхъ и вообще назначаемыхъ для первоначальнаго чтенія народа, предложено было пріостановиться.»

Говоря далѣе объ учрежденіи въ 1866 г. особыхъ цензоровъ въ провинціальныхъ и столичныхъ цензурныхъ комитетахъ, авторъ, въ числѣ другихъ пунктовъ инструкціи цензорамъ, приводитъ пунктъ (8-й)—*«не дозволять вовсе къ печати собственно учебниковъ на малороссійскомъ нарѣчіи*, какъ-то: букварей, прописей, священныхъ и гражданскихъ исторій, ариѳметикъ и т. п. Впрочемъ, всѣ книги на малороссійскомъ нарѣчіи, не смотря на количество печатныхъ листовъ, должны подлежать предварительной цензурѣ, какъ книги, издающіяся не безъ своего рода тенденцій... Въ неоффиціальной части Губернскихъ Вѣдомостей южно-русскихъ губерній не должны быть допускаемы никакія статьи на малорусскомъ нарѣчіи».

Вѣстникъ Европы № 11.

Въ отдѣлѣ «Литературное Обозрѣніе» данъ отзывъ о книгѣ *А. А. Русова* «Описаніе Черниговской губерніи» т. I и II.

Русская Мысль № 11.

Въ отдѣлѣ библіографіи (стр. 408—410) даны сочувственные отзывы о книгахъ «Викъ» (1798—1898). Кіевъ, 1900 и «И. Левицькый. Старосвитськи батюшкы и матушкы. (Повисти и оповидання, т. II) Кыивъ, 1900».

—

Научное Обозрѣніе № 11.

Ольгердъ Вильчинскій. Подвиги археологіи въ XIX вѣкѣ (стр. 220—289). Авторъ даетъ въ общихъ чертахъ обзоръ важнѣйшихъ явленій въ области археологіи въ XIX в., главнымъ образомъ въ Европѣ, при чемъ останавливается на нѣкоторыхъ открытіяхъ и изслѣдованіяхъ, касающихся юга Россіи.

—

Літературно-Науковий Вістник, № 11.

Наш альбом (стр. 121—126): На смерть друга—М. Старицького, Із поезий Сергія Волоха, М. І. Вдовиченка, Грицька Кернеренка, Петра Шелеста.

Із оповідань Г. Коваленка (127—136) І. Лист, І. Легкий заробіток.

Безъ пуття. Оповіданне по декадентському Івана Левіцького (далі) (стр. 137—157)

Перехрѣсні стежки. Повість Івана Франка (далі) (стр. 158—202).

Як оженився Каапері? Фінське оповіданне І. Рейонена (203—210).

По-над наші сили. Драматичні картини Бернштерна-Бернзона. Щ. На замку (стр. 211—232).

Із струий і нарисів Марк Твайна. П. Том Кворц. Ш. Синя сойка (стр. 233—240).

—

Уваги про галицько-руський театр, Ів. Франка (стр. 69—74). Замѣчанія о состояніи театральнаго дѣла въ Галиціи въ настоящее время и о возможности лучшей постановки его.

До життепису М. О. Дикарева. А. Я. Конпського (кінець) (стр. 75—91). Характеристика дѣятельности М. О. Дикарева въ девяностые годы. Заслуги его по отношенію къ украинской научной литературѣ.

Панько Олелькович Куліш. Огляд його діяльности. Написав Осип Маковей (далі) (стр. 92—114). Сношенія Кулиша съ Галиціей въ 1858—1871 гг. Литературные труды Кулиша 1862—1897 гг.

Новини нашої літератури. Иванъ Левицькый. Повисти й оповидання. Т. II. Старосвитськи батюшкы та матушкы. Зъ портретомъ автора. Кіевъ, 1900. *Л. Ч.* (стр. 115—120).

Обстоятельная рецензія на упомянутое изданіе.

Хроніка і бібліографія.

—

Ateneum, № 11.

Stanisław Zdziarski. Ze studyów nad «Szkołą ukraińską» (Kierunek ludowy w poezyi) (стр. 335—362). Разборъ главнѣйшихъ произведеній Ѳомы Олизаровскаго, Александра Грозы и Игнатія Головинскаго, написанныхъ на украинскія темы или носящихъ слѣды народной украинской поэзіи.

—

Biblioteka Warszawska № 11.

Ksawery Chamiec. Wśród stepów i jarów. Kultura przeddziejowa (стр. 305—335). Авторъ останавливается на нѣкоторыхъ крупнѣйшихъ явленіяхъ доисторической археологіи въ Кіевщинѣ, какъ-то: «площадки» съ росписными сосудами, кисты и т. п. (см. подробнѣе «Археологич. Лѣтопись».)

—

Slovansky Přehled, č. II (годъ III), № 11.

Въ отдѣлѣ «Rozhledy a zprávy» (стр. 100—101) помѣщенъ краткій отчетъ о второй русинской художественной выставкѣ, бывшей въ сентябрѣ мѣсяцѣ во Львовѣ.

—

Труды Кіевской Духовной Академіи № 10.

С. Т. Голубевъ. Гедеонъ Одорскій (бывшій ректоръ Кіевской Академіи въ началѣ XVIII вѣка) (стр. 147—190) (Продолженіе слѣдуетъ). Біографическія свѣдѣнія о Гедеонѣ Одорскомъ до 1690 г. Прибытіе его въ Кіевъ съ цѣлью получить посвященіе на мстиславскую епископію. Подозрительное отношеніе къ нему со стороны кіевскаго митрополита и отсылка въ Кіево-Печерскую лавру подъ строгій надзоръ до указа великихъ государей. Челобитная Одорскаго на имя государей. Отреченіе отъ уніи. Подметное письмо о гетманѣ Мазепѣ, какъ врагѣ православія и государственномъ измѣнникѣ, и подозрѣніе въ составленіи этого письма Одорскимъ.—Пребываніе Одорскаго въ Москвѣ и возвращеніе въ Малороссію (въ Кіевъ).

—

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, № 10.

А. Архангельскій. Образованіе и литература въ московскомъ государствѣ кон. XV—XVII вв. (Продолженіе) (стр. 143—174). Настоящая глава (IV) посвящена очерку исторіи образованія и литературы въ юго-западной Руси въ концѣ XVI в. до появленія церковныхъ братствъ.

—

Przewodnik naukowy i literacki, № 11.

Dr. Bronisław Loziński. Agenor hr. Gołuchowski w pierwszym okrasie rządów swoich (1846—1859) (стр. 1089—1126) (продолженіе). Матеріалы для изученія экономическаго положенія Галиціи во время управленія краемъ гр. Голуховскаго.

—

Wisła, № 4.

Въ отдѣлѣ «Poszukiwania» (стр. 463—468) заимствованъ изъ «Archiv für Slawische Philologie» t. XI, стр. 310—311, матеріалъ о «маніи»—по вѣрованіямъ Русиновъ въ Восточной Галиціи, а также данныя о нѣкоторыхъ народныхъ примѣтахъ въ восточной Галиціи.

Въ отдѣлѣ «Sprawozdania i Krytyka» (стр. 469—471) даны отзывы о книгахъ: В. М. Ілощанскій. Прошлое Холмской Руси, по архивнымъ документамъ XV—XVIII ст. и др. источникамъ. Духовенство. А. Епархія Холмская правосл. и быв. Уніатской церкви 1428—1630. Вильное, 1899». На стр. 457 помѣщена фотографія «Туру dziewcząt z powiat Winnickiego gubernji Podolskiej, представляющая снимокъ пяти сельскихъ дѣвушекъ въ обычныхъ костюмахъ.

№ 5.

H. Łopaciński. Dwa podania ukraińskie o syrenach (стр. 597—600). Г. Марія Грушецка записала изъ народныхъ устъ въ с. Юшковъ Ригъ, таращанск. у. кіевск. губ., два малороссійскихъ мнѣнія о сиренахъ. Въ виду ихъ краткости заимствуемъ ихъ въ дословной передачѣ:

I. На весни, якъ море хвылямы грае, зъ пидъ тыхъ хвыль морська царивна выходыть и прекрасни писни спивае, а для народу книгу на берези оставляе. У неи косы руси, а зъ рыбьячои лускы золотее убрання; зъ хвылею вона назадъ въ море утикае, щобъ ии нихто зъ людей не бачывъ; море ии ховае и ажъ на весну выпускае.

II. Чоловикъ на войни бувъ, та зайналы його въ неволю,—то утикъ винъ звидты до моря. Теперъ зробывъ винъ собѣ хрестъ, та лигъ на хрестови, та поплывъ до рогозы; та винъ йисты хотивъ, та

рогозу йивъ. Винъ тры дни тамъ бувъ. Ажъ выходыть морська дива (дивыця)—по поясъ рыба, а видъ пояса женщына, и дуже гарни писни спивала, що вона його уподобала! А винъ боявся и утикъ видъ неи и сховався; такъ дывыться на неи: що вона буде робыты? Вона, якъ поглядила, що його нема—стала сылно плакаты.

А винъ пишовъ, куда знавъ, розсказувать писни: що зъ моря выйшла «княгыня», сыяла красою, якъ святая, русяви косы море покрывало, а очи, якъ сонце, свитылы.

Авторъ сопровождаетъ запись своими замѣчаніями и библіографическими справками.

Wacław Nałkowski. Sfinks Tatrzanski (631—639). Авторъ даетъ общій очеркъ исторіи геологическаго развитія Татръ.

Въ отдѣлѣ «Przegląd czasopism» (стр. 670—673) данъ сочувственный отзывъ о V т. Етнографічного Збірника, видаваного Етнографічною Комісиею Наук. Тов. ім. Шевченка. Львів, 1898.

—

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи № 7, 8 и 9.

Н. П. Василенко. Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ нѣжинскаго полка. (Продолженіе) (стр. 208—272).

—

Этнографическое Обозрѣніе, № 2.

Въ отдѣлѣ «Смѣсь» (стр. 161—162)—*Вл. Каллаша.* Причитанія матери «уноши князя Ростислава».

Авторъ отмѣчаетъ встрѣчающееся въ Лѣтописи упоминаніе о томъ, что, когда Ростиславъ Всеволодовичъ утонулъ въ Стугнѣ, то «плакася по немъ мати его, і всі людіе плакаша по немь повелику, уности его ради».

На стр. 186 помѣщенъ рядъ вопросовъ по этнографіи В. Каллаша (см. отд. Документовъ).

—

Живая Старина, вып. I—II и III.

Выпускъ I—II. *Иларіонъ Свѣнцицкій.* Опытъ сравнительнаго словаря русскихъ говоровъ. (Галицко-бойковскій говоръ) (стр. 213—229). Авторъ основываетъ свой «опытъ» на бойковскомъ словарѣ о. Гоцького, напечатанномъ во «Временникѣ» Ставропигіальнаго института за 1895—1900 гг. Въ «Опытѣ» сопоставляются нѣкоторые бойковскія слова со словами сѣверныхъ великорусскихъ говоровъ, выхваченными изъ «Толковаго словаря В. Даля». Цѣнность изслѣдованія не велика.

А. И. Яцимирскій. Румынскія сказанія о рахманахъ (стр. 246—272). Авторъ собралъ любопытныя повѣрья о Рахманахъ и Рахманскомъ Великоднѣ изъ румынскихъ печатныхъ источниковъ, сообщая попутно аналогичныя свѣдѣнія изъ различныхъ древнихъ и новыхъ литературныхъ произведеній—нѣмецкихъ, русскихъ и малорусскихъ.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» (стр. 288—291) даны сочувственные отзывы объ изданіяхъ: «Гуцульщина. Написав проф. Володимир Шухевич у Львові, 1899. (Матеріяли до українсько-руск. этнольогіі, т, II), «Етнографичний Збірник т. VI. Виданнэ этнографичній Комісии наук. тов. ім. Шевченка» и «Старинные Сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и пр. XVII—XIX ст. Собр. и приготов. къ печати П. Симони. Вып. I. I—II Сп. 1899.

Выпускъ III. Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» (стр. 442) данъ отзывъ о «Труд. Куб. Области. Статист. Комит. т. XI. Екатеринодаръ, 1900.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ №№ 1676 и 1677 газ. «Сѣверный Кавказъ» г. И. Нетяга помѣстилъ обширную статью подъ заглав. «Къ столѣтію малороссійской литературы» (По поводу сборника «Викъ» 1798—1898, Кіевъ. 1900 года). Авторъ, сочувственно относясь къ разсматриваемому имъ изданію, даетъ краткій, но обстоятельный очеркъ развитія украинской литературы въ теченіе послѣдняго столѣтія, указывая попутно на лучшіе образцы произведеній отмѣчаемыхъ имъ писателей.

—

Въ №№ 244, 248, 254, 256 и 260 газеты «Руслан» печатается продолженіе изслѣдованія подъ загл. *«Характеристика поэзий Петра Гулака-Артемовскаго.* Авторъ отмѣчаетъ въ произведеніяхъ Г.-Артемовскаго политическіе мотивы, чиновничій патріотизмъ.

—

Въ № 256 журнала «Beilage zur Allgemeinen Zeitung (за октябрь мѣсяцъ) помѣщена статья Романа Сембратовича подъ загл. «Ein slavisches Opfer des Panslavismus», авторъ которой, изложивъ вкратцѣ исторію культуры украинско-русской націи, отмѣчаетъ внѣшнія неблагопріятныя условія, препятствовавшія и препятствующія въ настоящее время національно-культурному развитію въ желательномъ направленіи.

—

Въ №№ 1011, 1012, 1013 1014, 1019 и 1025 газ. «Приднѣпровскій Край» помѣщена статья неизвѣстнаго автора «Прошлое и настоящее г. Николаева», представляющая очеркъ исторіи этого города, составленная на основаніи печатныхъ матеріаловъ: *Г. Н. Іѣ* «Историческій очеркъ столѣтняго существованія города Николаева при устьѣ Ингула (1790—1890 г.)», «Справочная книжка г. Николаева на 1900 г.», и личныхъ наблюденій и свѣдѣній, добытыхъ авторомъ въ г. Николаевѣ.

—

Въ № 1009 газ. «Приднѣпровскій Край» г. С. Яблоновскій въ фельетонѣ «Свѣтъ и Тѣни» скорбитъ въ сильной степени по поводу того обстоятельства, что труппа Суслова, подвизающаяся въ настоящее время (начало ноября) въ Москвѣ, намѣрена поставить пьесу «Хваустъ». Г. Яблоновскій находитъ, что малорусскій языкъ—достояніе исключительно деревни, и способенъ, будто-бы, выразить только тѣ понятія, въ которыя укладывается жизнь малорусской деревни; когда же его отрываютъ отъ родной почвы и обстановки, когда его переполняютъ *непривычными* и чуждыми для слуха малоросса словами,—то получается чудовищная метаморфоза....

De gunstibus non est disputandum.... Хотя въ данномъ случаѣ, насколько намъ извѣстно, передѣлка «Хвауста» можетъ возмутить не только г. Яблоновскаго, но и всякаго, придерживающагося и иного взгляда на правоспособность украинскаго языка.

—

Въ № 11 журнала «Журналъ для всѣхъ» помѣщено начало обширной статьи А. Конисскаго «*Украинскій* поэтъ Т. Г. Шевченко» (стр. 1282—1296) (Продолженіе слѣдуетъ.) Авторъ, послѣ краткаго введенія—о характерѣ украинскаго народа, даетъ обстоятельный біографическій очеркъ Т. Г. Шевченка до 1847 года. Къ статьѣ приложенъ фотографическій снимокъ съ портрета Т. Г. Шевченка, писаннаго имъ самимъ.

Въ томъ же номерѣ помѣщено начало статьи М. П. «Галиційское крестьянство», составленной по книгѣ Л. Василевскаго «Современная Галиція. Сбор. 1900 года».

—

Въ одномъ изъ номеровъ конца октября «Полтавск. губ. Вѣдомостей» помѣщена статья М. Оленина «*Изъ лѣтнихъ поѣздокъ*» *(Тарасова могила)*. Авторъ, посѣтивши могилу Шевченка, дѣлится своими впечатлѣніями по поводу состоянія этой могилы, по его мнѣнію—не достаточно отраднаго. «Неужели такъ трудно найти средства для содержанія въ порядкѣ какъ могилы, такъ и дома для посѣти-

телей? Вотъ, напримѣръ, въ золотоношскомъ земствѣ хранятся 200 р., предназначенные на исправленіе могилы Шевченка, не приносящіе ни копѣйки дохода, а еще уменьшающіеся съ каждымъ годомъ, т. к. надо платить казначейству за храненіе этой суммы.... Очень желаю, чтобы мой слабый голосъ не остался «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ».

—

Въ №№ 130—133 помѣщенъ переводъ разсказа П. Кулиша «Потомки українського гайдамацтва», помѣщенный уже однажды (въ 1868 году) въ журналѣ «Правда».

—

Систематическій каталогъ книгъ, выходящихъ въ Россіи. Статистико—библіографическая коммиссія при русскомъ обществѣ дѣятелей печатнаго дѣла, признала полезнымъ выпускать, въ видѣ періодическаго (ежегоднаго) изданія, «систематическую роспись книгамъ», выходящимъ въ Россіи. Въ настоящее время уже находится въ печати составленная В. В. Сабаниным, по даннымъ «Правительственнаго Вѣстника» и съ многими поправками и дополненіями, систематическая роспись книгамъ, вышедшимъ въ Россіи на русскомъ и иныхъ языкахъ за 1899 г., съ алфавитнымъ указателемъ авторовъ и предметовъ. Изданіе выйдетъ въ двухъ томахъ (четырехъ выпускахъ). Каталогъ этотъ, составленный при содѣйствіи ученыхъ и практиковъ книжной торговли, представляетъ собою первую у насъ попытку дать полный и обстоятельный перечень текущей литературы по всѣмъ отраслямъ знанія. (С.-Петерб. Вѣд. № 315).

—

Въ № 11 ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній къ журналу «Нива» помѣщенъ отзывъ о книгѣ: «Шевченко, Т. Кобзарь съ біографическимъ очеркомъ. М. 1900. Ц. 1 р. 50 к.»

—

Молода Україна, №№ 9 и 10. Зміст: 1) До праці, статя редакціі, 2) «Самоосьвіта»—лектура з поля істориі, 3) «Над сьвіжою могилою» посмертна згадка про Лібкнехта,—нап. Евген Косевич 4) «Вічні атоми» продовженне статі «Картини з природних наук» Прометея Ясенка, 5) «В неволі» стишок Денниса Бошковича, 6) «Софія Перовска» Степняка (продовженне перекладу), 7) «З борби титанів» поема Василя Пачовского, 8) Хроніка з нашого житя, 9) Хроніка з чужого житя, 10) Бібліографія.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Aszkenazy Szymon. Dwa stulecia: XVIII i XIX. Warszawa, 1901, in. 4°, 1—555. Cena 3 r. 60 kop.

Бажанькій Порфирій. Руско-народна музыкальна гармонія. У Львовѣ, 1900. Зъ друкарні Наукового Товариства імени Шевченка, ст. 80+81, in 8°.

Балашевъ Г. О. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ на югѣ Россіи, Кіевъ, 1899. Ц. 60 к.

Будиловичъ А. Къ вопросу о литературномъ языкѣ Юго-Западной Руси. Юрьевъ. 1900. Ц. 50 коп.

В. К. Образки з Криниці. Виданне Артистично-Літературных новин, кн. 4. З друкарні М. Джулинского в Перемишлі. 1900 р. Ц. 50 сот.

Воронка С. Ф. Коханци Шкодныкы. Жартъ-водевиль въ 1 діи. Сумы, 1900. Типо-литографія К. М. Пашкова, in 16°, 1—47. Цѣна 20 коп.

Граматыка церковно-словеньского языка. Написана зъ увзглядненемъ жерелъ старославенськихъ чрезъ д-ра Іосифа Мѣльницкого. Львовъ, 1900. Ст. 165, 8°. Ціна 3.20 кор.

Гребенка Е. П. Разсказы Пирятинца. Кулакъ, повѣсть (Дешевая библіотека А. С. Суворина, № 321). Спб. 1900 г. Ц. 15 коп.

Гребенка Е П. Записки студента, повѣсть. Путевыя записки зайца (Дешевая библіот. А. С. Суворина, № 322). Спб. 1900 г. Ц. 15 к.

Грибовскій В. М. Сборникъ русскихъ законодательныхъ памятниковъ XVIII столѣтія. Пособіе при изученіи русскаго права Императорскаго періода. Вып. I. Эпоха Петровская. Вып. II. Эпоха Петра III и Екатерины Великой. Спб. 1900. Ц. кажд. вып. 50 коп.

Гумористичний ілюстрований календар «Комаро» на рік 1901. Львів, 1900. Стр. 96, 16°. З друкарні «Уділовоі» Ц. 50 кр.

До виборців з четвертоі курні округа: Тернопіль—Скалат—Збараж. Львів, 1900. Ст. 42, in 4°.

Дубровенко Матвій. Вирши. Перши юношни творы та переклады. Екатеринославъ, 1900. Тип. губ. прав. in° 16, 22 стр. (100 экз.)

Жижиленко А. А. Подлогъ документовъ. Историко-догматическое изслѣдованіе Спб. 1900 г.

Загирня М. и Гринченко Б.—Л. И. Глибовъ. Біографическій очеркъ. Черниговъ, 1900. Тип. Губ. Земства, 8°, 48 стр.

Ивановъ Ив. Новая культурная сила. Русскіе писатели XIX вѣка (Пушкинъ, Лермонтовъ, Бѣлинскій, Тургеневъ, Некрасовъ, Шевченко, Грибоѣдовъ). Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Caro J, prof. *Dz*ieje Polski. Przełożył z języka niemieckiego St. Mieczyński, Tom 6. 1481—1506. Варшава, 1900. Тип. Рубешевскаго и Вротновскаго. 8 л., XIII+II+431 стр. Ц. 1 р.

Кобринская Н. Якимъ Мачукъ. Разсказъ,—переводъ съ украинскаго. Спб. 1900 г. Ц. 8 к.

Копко М. Бібліотека музикальна. Число 2. Часть церковна. Пѣсни. Зъ друкарні Н. Джулиньского в Перемишлі. Перемишль 1900. Ст. 18. 12°. Ціна 24 сот.

Копко М. Бібліотека музикальна. Часть 3. На Рождество Хр. (Рож. пісні). Перемишль 1900. Ст. 18, 12°. Ціна 24 сот.

Котляревскій И. П. Наталка Полтавка. Украинская опера въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Изд. книгопр. Т. Губанова. Кіевъ. 1900. Тип. И. Чоколова, in 16°, 106 стр. (8.000 экз.)

Коцюбинський Михайло. По людському. Оповіданя з бесарабського житя (Бібліотека Вид. Спілки. Ч. 24). З друкарні Наукового Тов. ім. Шевченка. Львів. 1900. Ст. 148; 8°. Ціна 2 кор. Зміст: 1) По людському, 2) Помстився, 3) Посол від Чорного царя, 4) «Пе коптьор», 5) Для загального добра.

Кудринскій Θ. Неудачныя предпріятія народолюбки. (Къ біографіи Н. С. Соханской-Кохановской). Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина». Кіевъ, 1900, 1—42.

Лаврівский Володимир. Тіловправні гри. Копана (Association Football). Після Осипа Кленки. І, Зошит перший. Львів, 1900. З друкарні «Уділової». Ст. 18, 16°. Ціна 20 сот.

Лаврівский Володимир. Тіловправні гри. Lawn Tennis. Після Осипа Кленки. І, Зошит другий. Львів, 1900. З друкарні «Уділової». Ст. 16, 16°. Ціна 20 сот.

Лепкий Богдан. Оповіданя. Львів, 1901. Накладом А. Хойнацкого. З друкарні В. А. Шийковского. Стр. 136, 16°. Ц. 2 к.

Лисенко М. Збирнык народныхъ украинськыхъ писень. 10-й десятокъ. Лит. Рѣдера въ Лейпцигѣ. 8 д. 25 стр. Ц. 50 коп. (300 экз.)

Лужицкій Л. Оставите дѣтей проходити ко мнѣ. Начеркъ науки религіи въ першій класѣ народной школы. Львів. Накладомъ редакціи «Богословского Вѣстника». 1900. Стр. 47.

Маковей Осип. Панько Олелькович Куліш, огляд його діяльности. З друк. Наук. Товар. імени Шевченка. Львів, 1900, стр. 1—169, in 8°. Ц. 1 корона.

Мамін-Сибіряк Д. Н. Дитячі оповідання. Переклав з російського Андрій Веретельник. У Львові, 1900. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. (Видання Руського Товариства педагогічного. Ч. 79). Ст. 48, 8°. Зміст: 1) Приймак, 2) Старий горобець, 3) Сіра шийка, 4) Медведик, 5) Омелько-стрілець.

Мартович Лесь. Не-читальник. (Бібліотека Вид. Спілки. Ч. 23) Накладом укр.-руської Видавничої Спілки. З друкарні Науков. Тов. імени Шевченка. Львів, 1900, Ст. 100, in 8°. Ціна 1.60 кор. Зміст: 1) Не-читальник, 2) Булка, 3) На торзі, 4) Мужицька смерть, 5) Нічний гість, 6) Перша сварка, 7) Ян, 8) За топливо, 9) За межу.

Mazanowski Mikołaj. Józef Bohdan Zaleski, życie i dzieła. Zarys biograficzny. (Z portretem I. B. Zaleskiego). Życiorysy sławnych polaków. № 15. Petersburg, Nakładem księgarni K. Grendyszyński. 1900, 1—134. Сена 30 кор.

Мешко Франц. Нагула, сільский образок. Зі словінського переклав Ілько Кузів. Львів, 1900. Накладом перекладчика і С—ки. З друкарні В. А. Шийковского. Ст. 26, 8°. Ціна 30 сот.

Милорадовичъ В. Лѣсная Лубенщина. Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина». Кіевъ, 1900, 1—94.

Мирний Панас. Морозенко. Повість (Бібліотека вид. Спілки. Ч. 22). Львів, 1900. Накладом «Видавничої Спілки». З друкарні В. А. Шийковского. Ст. 44, 8°. Ціна 0.90 кор.

Митюкъ Викторъ и Ѳеофилъ Луцыкъ. Збо́рныкъ церковно-народныхъ пѣсень. Випускъ I. Перемышль, 1900. Зъ печатнѣ Н. Джулынського. Ст. 32, 16°. Ціна 20 сот.

Нѣчь Виѳлеемска. Ораторія сценічна в 4 актах. Стр. 62, 8°. Перемишль, 1900. З печатні Н. Джулиньского. (Друге виданнє). Ціна 60 сот.

Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1898 годъ (По сообщеніямъ корреспондентовъ). Годъ 13-ый. Изданіе Статистическаго Бюро Полтавскаго Губернскаго земства. Полтава, 1900, 1—88+59+25. Ц. 1 р.

Перетцъ, В. Н. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Томъ I. Изъ исторіи русской пѣсни. Часть I. Начало искусственной поэзіи въ Россіи. Изслѣдованіе о вліяніи малорусской виршевой и народной поэзіи XVI—XVIII в. на великорусскую. Къ исторіи Богогласника. Спб. 1900 г. Ц 2 р.

Popowicz Emilian. Ruthenisches Sprachbucht. II Theil. Czernowitz. Im Verlage der. k. k. Univesitätsbuchhandlung H. Pardini. З друкарні тов. «Руська Рада». 1900. Ст. 220, 8°.

Popowicz Emilian. Wörterbuch zum Ruthenischen Sprachbuch (II Theil). Czernowitz. Verlag der. k. k. Universitätsbuchhandlung H. Pardini. Buchdrućkerei des Vereins «Ruska Rada». Ст. 44, 8°.

Przyborowski Walery. Historja sześciu miesięcy. Ustęp z dziejów 1862 roku. Petersburg, 1901. Nakładem K. Grendyszyńskisgo, in 8°, 1—152. Cena 1 r. 50 kop.

Radziszewski M. «Mazepa», opera w 4 aktach osnuta na tle tragedyi J. Słowackiego, muzyka A. Münchheimera. 52 h.

Рудовичъ І. Унія въ Львôвскôй епархіи. Исторична розвѣдка. Львôвъ, 1900, стр. 1—71. Цѣна 12 крейц.

Рѣдинъ Е К. и *Федоровскій Н. А.* Могильникъ кургана слободы Сеньково, Купянскаго уѣзда. Харьковъ, 1900. Тип. «Печатное Дѣло», кн. К. Гагарина 8 д., (Отд. от. изъ Сборн. истор.-филол. общ. Вып. XII. 1900 года»).

Самойленко Кириллъ Ивановичъ. Колядники и *Максымъ Цымбаленко.* Семенъ у пекли. Поэма. Кіевъ, 1899, Тип. Т. А. Губанова, in 16°, стр. 1—28+38—107. Цѣна 20 коп.

Сводный сборникъ по статистическому описанію Полтавской губерніи въ 1882—1889 годахъ. Выпускъ I. Полтава, 1900. Ц. 2 р.

Систематическій и хронологическій каталогъ библіотеки библіофила и библіографа. Я. Ѳ. Березина-Ширяева. Томъ I. Русскія книги. Спб. 1900 г. Ц. 4 руб.

Смѣхъ и правда. Выпускъ I. На краю свѣта... Казка про те, що дѣе сяôгь. вѣкôвъ, оновѣвъ В. Листокъ. Перемышль, 1900 Зъ печатнѣ Н. Джулыньского. Ст. 16, 8°. Ціна 20 сот.

Stronnictwa polityczne w Galicyi w przededniu wyborów. W. Z. L. 1 K.

Talko Hryncewicz J. dr. Przyczynek do poznania Swiata kurhanowego Ukrainy. Nakładem Akad. Um. Kraków, 1899. Str. 30.

Ulaszyn Henryk. Kontrakty Kijowskie. Szkic historyczno-obyczajowy. 1798—1898. Petersburg. Nakladem księgarni K. Grendyszyńskiego. 1900, in 8, 1—110.

Харлампович К. А. А. Папковъ. Братства. Очеркъ исторіи западнорусскихъ братствъ. Св.-Троицкая Сергіева Лавра. 1900 (Оттискъ изъ Правосл. Собесѣдника, октябрь 1990 г.)

Ц.... батько, О. Стародавня Украйина въ драматычныхъ справахъ. V. Левенци. VI. Пушкаривна. Одесса, 1900 г. Тип. акц. южнорусс. О—ва печатн. дѣло., in. 4⁰, 87+90 стр. (120 экз(. Литографированное изд.).

Церковна музична бібліотека. Випуск I. Пісні підчас служби божої на 3-голосний хор жіночий або мужеський. Музика И. Кишакевича. Перемишль, 1900. з литографіи К. Рогальского. Ст. 16, вел. 8⁰. Ціна 1 кор. Зміст: 1) В страсі і покорі. 2) Святий Боже. 3) Піснь Херувимів. 4) Писнь побіди. 5) Вже жертва крестна 6) В сильній надіі. 7) Зробіт му місце. 8) Благодарім. 9) О, Богородице.

Цымбаленко Максымъ. Дывный сонъ сыротыны. Розмова про гроши, або сыротына. Поэма. Изд. книгопр. Т. Губанова. Кіевъ, 1900. Тип. И. Чоколова, 16 д. 108 стр. (8.000 экз.)

Часопись Правнича, розвідки правничої секціі фільозофічної Наукового Товариства імени Шевченка. Редактор Др. Кость Левицький. Рочник X. У Львові, 1900. Зміст: 1) Др. Петро Стебельскій,—Австрійский процес карний; др. Кость Левицкій,—Про неважність в новім процесі цивільнім; Др. Стан. Дністрянський,—Чоловік і его потреби в правнім системі; 2) Оцінки і справоздання; 3) *Miscellanea:* Причинокъ до історіі громадськоі власности,—Дра В. Охримовича; В справі нашоі термінольогіи,—д-ра К. Левицкого.

Шабленко А. Я. Нова хатына. Збирнычокъ творивъ. Спб. 1900. Тип. столичная, in 8⁰, 40 стр. (2000 экз.).

Яновская Л. Идеальный батько. Оттискъ изъ журнала «Кіевск. Старина». Кіевъ, 1900, 1—33.

Археологическая лѣтопись.

Къ Археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

4-го ноября состоялось засѣданіе Предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ. Профессоръ Д. И. Багалѣй доложилъ, что, согласно рѣшенію комитета, въ харьковскую губернскую земскую управу уже послана просьба объ оказаніи комитету субсидіи въ 2 тыс. руб. для устройства этнографической выставки при съѣздѣ, предметы которой послужатъ основаніемъ мѣстнаго этнографическаго музея. Заслушано увѣдомленіе историко-филологическаго общества при Институтѣ князя Безбородко—о работахъ образованной при немъ коммиссіи въ помощь харьковскому предварительному комитету для организаціи работъ по изслѣдованію Черниговской губ. въ археологическомъ отношеніи—въ виду XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, одну изъ задачъ котораго составляетъ изслѣдованіе указанной губерніи. Коммиссія напечатала 3 тыс. экземпляровъ программъ, которыя будутъ разосланы священникамъ, народнымъ учителямъ и разнымъ лицамъ; ею получены отъ многихъ лицъ обѣщанія содѣйствія и помощи въ различныхъ отношеніяхъ, въ выполненіи ея задачъ. Судя по всѣмъ данныхъ, работы коммиссіи дадутъ весьма цѣнный научный результатъ и богатый матеріалъ для изученія древностей Черниговской губ. Прочитано увѣдомленіе А. А. Русова, члена полтавской коммиссіи для подготовки нужнаго матеріала къ съѣзду по Полтавской губ.—о результатахъ работъ этой коммиссіи.

Ею будутъ также отпечатаны всѣ программы харьковскаго комитета для соотвѣтствующей разсылки ихъ; будетъ сдѣлано обращеніе къ извѣстнымъ лицамъ въ губерніи, имѣющимъ коллекціи разныхъ предметовъ и музеи—съ цѣлью предоставленія послѣднихъ на выставки при съѣздѣ и сообщенія матеріала для изслѣдованія ихъ; будетъ извлеченъ матеріалъ изъ «Полтавскихъ Вѣдомостей» и «Епархіальныхъ Вѣдомостей» за старые годы; будутъ совершены различныя научныя экскурсіи.

Проф. А. С. Лебедевъ сообщилъ о результатахъ изученія имъ настоящимъ лѣтомъ архивовъ сумской Преображенской церкви, курскаго Рождественскаго мужского и Троицкаго женскаго монастырей. Архивы этихъ монастырей даютъ весьма интересный и цѣнный матеріалъ для характеристики быта, нравовъ монастырей прошлаго вѣка, отчасти для исторіи ересей и для иконографіи.

Г-жа Е. П. Радакова прочла докладъ о поѣздкѣ по Старобѣльскому уѣзду, съ цѣлью изученія его населенія въ этнографическомъ отношеніи. Въ качествѣ типичнаго села съ великорусскимъ населеніемъ, ею была подробно изучена слобода Новый Айдаръ. Заключенія докладчицы таковы: кромѣ языка и костюма, великороссы Старобѣльскаго уѣзда усвоили себѣ внѣшній бытъ малороссовъ; но, благодаря нѣкоторымъ особенностямъ своего внутренняго строя, они консервативны, труднѣе поддаются внѣшнимъ вліяніямъ, дольше сохраняютъ архаическія формы разъ усвоеннаго быта, малороссы же воспріимчивѣе ко всякимъ вліяніямъ и новшествамъ. Кустарные промыслы въ уѣздѣ очень слабо развиты. Архаическія формы домашняго быта и производствъ очень мало сохранились.

Г-нъ А. П. Ветуховъ сообщилъ дополненія о кустарныхъ промыслахъ въ 2 селахъ Старобѣльскаго уѣзда и по другимъ этнографическимъ вопросамъ, а равно и по литературѣ предмета.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ сообщилъ нѣкоторыя этнографическія наблюденія по Ахтырскому уѣзду: типическія черты наиболѣе удержались въ Ахтыркѣ, Котельвѣ; сильное измѣненіе въ отношеніи національныхъ чертъ—въ Баромлѣ.

Проф. М. Г. Халанскій сообщилъ свои наблюденія надъ языкомъ и содержаніемъ нѣкоторыхъ рукописей, доставленныхъ предварительному комитету: а) двухъ списковъ древне-русскаго лѣчебника (свящ. Петра Лукаша); б) списка толковаго евангелія Ѳеофилакта Охридскаго, XVI в.; в) тріоди постной, XVII в. (Ст. Евгр. Фе-

нева); г) евангелія Ѳеофилакта болгарскаго, XVI в. (ахтырскій Преображенской церкви). Кромѣ того, имъ сообщены наблюденія надъ надписями: а) на панагіи Путивльскаго Молченскаго монастыря (1603 г.); б) на Жеровицкой иконѣ Божіей Матери (того-же монастыря; в) на Анѳологіи 1678 г. (собств. Г. Г. Лисунова).

Проф. М. Г. Халанскій доложилъ свѣдѣнія, сообщенныя комитету *г-жей А. И. Томилиной* (изъ с. Мантурова, Тимскаго уѣзда, Курской губерніи) о ея коллекціяхъ: старопечатныхъ книгъ (средины и конца XVIII в. и начала и середины XIX в.), рукописей, монетъ (болѣе 1000 монетъ, изъ которыхъ 21 золотая, 2 платиновыхъ, болѣе 500 серебряныхъ, одна кожаная). Кромѣ этого, г-жей Томилиной доставленъ матеріалъ по народному поэтическому творчеству: причитанье, свадебная пѣснь.

Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ о поступленіи въ комитетъ свѣдѣній о древностяхъ по разосланнымъ программамъ. Отъ народныхъ учителей этихъ свѣдѣній еще не поступило; поступили только отъ священниковъ незначительной части селъ Харьковской губерніи. Между тѣмъ, заблаговременное полученіе свѣдѣній комитету необходимо для сводки ихъ, обработки и для представленія археологическому съѣзду.

Отъ управляющаго государственными имуществами Харьковской и Полтавской губерній—поступило въ распоряженіе комитета и музея древностей—восемнадцать штукъ старинной мѣдной монеты, найденной при устройствѣ питомника въ Маяцкой казенной дачѣ, Изюмскаго уѣзда.

Постановлено выразить отъ лица комитета благодарность гг. докладчикамъ, г-жѣ Томилиной и всѣмъ лицамъ, приславшимъ сообщенія и памятники древности.—(«Южн. Край»).

Въ г. Воронежѣ, 23 октября, состоялось первое засѣданіе особой комиссіи по устройству археолог. съѣзда въ Харьковѣ; предсѣдательствовалъ извѣстный писатель Е. Л. Марковъ. На приглашеніе принять участіе въ работахъ по археологическому и этнографическому изслѣдованію Воронежской губерніи и тѣмъ пособить устройству археологическаго съѣзда въ Харьковѣ на первый разъ откликнулось, кромѣ Е. Л. Маркова, десять человѣкъ, почти всѣ изъ мѣстныхъ педагоговъ. Ознакомившись съ программами занятій, выработанными харьковскимъ предварительнымъ комитетомъ, коммиссія постановила: напечатавъ эти программы въ нужномъ количествѣ, дать имъ самое

широкое распространеніе. Въ дѣлѣ собиранія по этимъ программамъ свѣдѣній, особую услугу могли бы оказать священники, народные учителя, учащіеся въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній Воронежской губерніи и др. Въ виду этого, постановлено: обратиться къ подлежащимъ властямъ съ просьбой сдѣлать съ своей стороны предложеніе, не пожелаетъ-ли кто изъ названныхъ лицъ принять ближайшее участіе въ собираніи археологическихъ и этнографическихъ свѣдѣній и предметовъ по Воронежской губерніи. Такъ какъ нѣкоторыя изъ частныхъ лицъ, проживающихъ въ уѣздахъ, извѣстны своими работами въ мѣстной археологіи и этнографіи (напримѣръ, Коротоякскій предводитель дворянства Л. М. Савеловъ и др.), то рѣшено обратиться къ нимъ съ просьбою—образовать въ уѣздахъ филіальныя отдѣленія коммиссіи.

Впредь до полученія и разработки свѣдѣній, собранныхъ по программамъ харьковскаго предварительнаго комитета, коммиссія въ общихъ чертахъ намѣтила слѣдующій планъ своихъ занятій: ознакомленіе съ мѣстными архивами и коллекціями и не только общественными и казенными, но и частныхъ лицъ—старинныхъ воронежскихъ фамилій, каковые архивы и коллекціи, представляя въ большинствѣ случаевъ совершенно неизслѣдованную область, могутъ заключать въ себѣ цѣнныя археологическія и этнографическія данныя, заслуживающія самаго тщательнаго изученія; собираніе свѣдѣній о достопримѣчательныхъ вещественныхъ памятникахъ старины и въ частности о курганахъ, нѣкоторые изъ которыхъ, напр., курганы Козарскаго городища, подвергнуть, если представится возможность, раскопкамъ, пригласивъ къ участію въ нихъ спеціально подготовленныхъ людей; составленіе списковъ мѣстныхъ печатныхъ изданій и литературныхъ произведеній, касающихся Воронежскаго края. Такъ какъ въ дѣлѣ собиранія архивныхъ, этнографическихъ и литературныхъ свѣдѣній, относящихся къ Воронежской губерніи, могутъ оказать очень цѣнную услугу нѣкоторые изслѣдователи Воронежскаго края, живущіе внѣ предѣловъ Воронежской губерніи, то рѣшено обратиться и къ нихъ содѣйствію. Въ числѣ такихъ лицъ, между прочимъ, намѣчены: тверской архіепископъ Димитрій, уроженецъ Воронежской губерніи, много сдѣлавшій для изученія родного края, профессоръ Шмурло, своимъ изслѣдованіемъ о знаменитомъ митрополитѣ Евгеніи Болховитиновѣ положившій прочное, научное изученіе литературы мѣстнаго края, Н. В. Воскресенскій и др.

Успѣхъ въ занятіяхъ коммиссіи въ значительной степени будетъ, конечно, зависѣть отъ той отзывчивости, съ какой отнесутся къ предложеніямъ коммиссіи тѣ лица, къ которымъ будутъ адресованы предложенія («Спб. Вѣд.»).

Въ іюнѣ мѣсяцѣ Императорское Московское Археологическое Общество открыло при *Нѣжинскомъ Историко-филологическомъ Обществѣ* «Отдѣлъ въ помощь Харьковскому Предварительному Комитету» для собиранія разнаго рода археологическихъ свѣдѣній, а также предметовъ древности къ XII археологическому съѣзду, причемъ райономъ дѣятельности назначена Черниговская губернія. По этому поводу организована при Обществѣ особая коммиссія изъ членовъ Общества, съ привлеченіемъ, впрочемъ, и постороннихъ лицъ, на каковую коммиссію возложена Обществомъ вся распорядительная часть, равно какъ и собираніе и предварительное разсмотрѣніе всѣхъ матеріаловъ, имѣющихъ такое или иное отношеніе къ задачамъ съѣзда. О дѣлахъ, разбираемыхъ въ коммиссіи, должны быть представляемы подробные доклады самому Обществу. Въ составъ коммиссіи вошли, кромѣ предсѣдателя Общества (А. В. Добіашъ) и секретаря (И. А. Сребницкій), слѣдующія лица: М. Н. Бережковъ, А. А. Величковскій, Я. А. Гужовскій, И. Л. Дейкунъ, Е. И. Кашировскій, М. И. Лилеевъ, А. Н. Малинка, В. К. Пискорскій, В. И. Рѣзановъ, М. Н. Сперанскій и В. Н. Фальковскій. Коммиссія обратилась также къ нѣкоторымъ лицамъ, живущимъ въ г. Черниговѣ, съ просьбою примкнуть къ ней, на каковую просьбу до настоящаго времени откликнулись: А. В. Верзиловъ, Б. Д. Гринченко, Д. И. Скворцовъ, П. Н. Солонина и П. Н. Тихановъ. Первый докладъ о занятіяхъ коммиссіи сдѣланъ былъ въ засѣданіи Общества 12 октября. До 12 октября коммиссія имѣла 5 засѣданій и занималась по преимуществу обсужденіемъ и приведеніемъ въ исполненіе мѣръ для надлежащаго распространенія по Черниговской губерніи подробныхъ программъ, по которымъ имѣютъ быть собираемы свѣдѣнія. О болѣе или менѣе положительныхъ результатахъ дѣятельности какъ коммиссіи и самого Общества, такъ и лицъ, къ которымъ коммиссія и Общество обратились за содѣйствіемъ, будетъ сообщаемо своевременно.

Ученыя общества.

Нами полученъ «*Отчетъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей за 1899 г.*». (Одесса, 1900 г.), изъ котораго видно, что въ отчетномъ году (шестидесятомъ отъ основанія) въ Обществѣ состояло 11 почетныхъ членовъ, 132 дѣйствительныхъ и 25 членовъ—сотрудниковъ. Въ теченіе года Общество имѣло 8 засѣданій, на которыхъ было сдѣлано 18 сообщеній (Э. Р. фонъ-Штернъ—8, А. И. Маркевичъ—4, В. В. Шкроппла—4, А. Л. Бертье-Делагардъ и А. А. Кочубинскій—по одному). Пріобрѣтенія Общества поступали по библіотекѣ, музею и нумизматическому кабинету. По библіотекѣ получена масса изданій отъ 39-ти русскихъ и 6-ти иностранныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ и отъ 10 частныхъ лицъ. Изъ пожертвованій музею нужно отмѣтить очень цѣнную коллекцію географическихъ картъ и плановъ (всего 71 листъ), подаренную почетнымъ членомъ общества А. Л. Бертье-Делагардомъ. Коллекція заключаетъ карты XVI, XVII и XVIII вв., относящіяся къ Россіи, между которыми имѣется нѣсколько очень рѣдкихъ. Хранителемъ музея пріобрѣтено 259 предметовъ—сосуды, надписи, статуэтки, украшенія и т. п., происходящія изъ мѣстъ древне-греческихъ черноморскихъ колоній, главнымъ образомъ изъ Ольвіи и Керчи. Поступленія въ нумизматическій кабинетъ также состояли изъ пожертвованій и пріобрѣтеній. Общее количество предметовъ древностей въ музеѣ, говорится въ отчетѣ, не можетъ быть точно показано въ настоящее время, такъ какъ съ недавняго только времени составляется полный инвентарь предметовъ музея, который въ отчетномъ году вполнѣ законченъ быть не могъ за многочисленностью предметовъ и сложностью разбора ихъ. До сихъ поръ оконченъ инвентарь слѣдующихъ отдѣловъ: а) предметы каменнаго вѣка, 101 №; б) древнія надписи на камняхъ, 161 №; в) античное стекло, 583 №; г) терракоты, 713 №; д) глиняная древняя посуда, вазы и т. д., 3589 №; изъ нихъ фрагменты, амфорныя ручки и шейки, 2426 №; е) античные мраморы, 221 №; ж) портреты и картины, 223 №; з) древности египетскія, 270 №; и) древности съ острова Суматры, 115 №. Въ послѣдніе годы музей Общества сталъ быстро обогащаться прежде всего отъ пожертвованій, среди которыхъ первое мѣсто занимаютъ пожертвованія Вице-Президента Общества Александра Львовича Бертье-Де-

лагарда, но въ значительной степени и отъ покупокъ, сдѣлавшихся возможными послѣ увеличенія размѣра правительственнаго пособія. Преимущественно музей обогащается мелкими предметами: вазами, терракотами и стекломъ, требующими шкаповъ и витринъ, которые за послѣдніе годы до того заполнили залы музея, что Обществу въ близкомъ будущемъ предстоитъ серьезно подумать о расширеніи помѣщенія музея, для чего мѣсто найдется, только бы нашлись средства.

Дѣятельность Общества выразилась также въ изданіи въ концѣ отчетнаго года XXII-го тома «Записокъ Общества».

Въ настоящемъ Отчетѣ помѣщены и краткіе отчеты о состояніи другихъ музеевъ, подвѣдомственныхъ Обществу, именно, Ѳеодосійскаго музея и Мелекъ-Чесменскаго кургана въ Керчи. Первый изъ музеевъ въ отчетномъ году постигла большая непріятность: въ ночь съ 28 го на 29-ое ноября изъ него похищена почти вся хранившаяся тамъ цѣнная нумизматическая коллекція (8 золот., 121 серебр., 1141 мѣдн. и 2 свинц.). Изъ пріобрѣтеній Мелекъ-Чесменскаго музея можно отмѣтить шесть надгробныхъ памятниковъ съ древне-греческими надписями.

—

Въ годичномъ засѣданіи *Историческаго Общества Нестора Лѣтописца*, происходившемъ 28 октября, секретаремъ Общества М. Яснинскимъ былъ доложенъ отчетъ о дѣятельности Общества съ 27 октября 1899 г. по 27 октября 1900 г. Въ отчетномъ году Общество состояло изъ 18 почетныхъ и 122 дѣйствительныхъ членовъ; предсѣдателемъ Общества состоитъ проф Н. П. Дашкевичъ, товарищемъ предсѣдателя А. М. Лазаревскій, секретаремъ М. Яснинскій, казначеемъ проф. Ѳ. Я. Фортинскій и библіотекаремъ И. М. Каманинъ. Дѣятельность общества выразилась: 1) въ засѣданіяхъ; ихъ было 16 и на нихъ 20-ю членами сдѣлано 30 докладовъ и сообщеній; 2) въ печатаніи трудовъ членовъ Общества, причемъ въ отчетномъ году «Чтенія» Общества стали выходить въ нѣсколько измѣненномъ видѣ—болѣе частыми выпусками; 3) въ чтеніи членами Общества публичныхъ лекцій. Въ библіотеку Общества поступило 85 названій въ 190 томахъ, такъ что въ настоящее время библіотека состоитъ изъ 2159 названій въ 4884 томахъ.

—

Въ Императорскомъ русскомъ археологическомъ обществѣ, 24-го октября, въ засѣданіи русскаго отдѣленія, подъ предсѣдательствомъ проф. С. Ѳ. Платонова, А. А. Спицынымъ затронутъ былъ въ его рефератѣ надѣлавшій много шуму въ археологическомъ мірѣ вопросъ о кіевскихъ кирпичныхъ площадкахъ. Площадки эти, открытыя въ Кіевской губерніи г. Хвойко, представляютъ собою странныя сооруженія весьма загадочнаго характера. Состоятъ онѣ изъ ряда находящихся другъ на другѣ пластовъ обожженной глины, въ составъ которой въ нѣкоторыхъ случаяхъ входитъ оболочка хлѣбныхъ зеренъ. При площадкахъ найдено огромное количество сосудовъ, необыкновенно прочныхъ, частію сохранившихся цѣлыми, частью въ обломкахъ. Особенная, своеобразная орнаментація сосудовъ заставляетъ относить ихъ къ отдаленнымъ временамъ сѣдой древности. По мнѣнію А. А. Спицына, площадки эти относятся къ каменному и бронзовому вѣкамъ, къ эпохѣ до-микенской, къ 3-му или 4-му тысячелѣтіямъ до Р. Х. Каменныя и мѣдныя орудія найдены на площадкахъ въ крайне ограниченномъ количествѣ. Подъ площадками открыты погреба, рядомъ съ площадками жертвенники и обломки статуэтокъ. Референтъ, отрицая господствующее въ настоящее время мнѣніе о площадкахъ, какъ полахъ какихъ-то жилищъ, признаетъ за ними обрядовое религіозное значеніе.

А. Л. Погодинъ сдѣлалъ сообщеніе объ «эпиграфическихъ слѣдахъ славянства». Слѣды славянства появляются въ древнихъ надписяхъ даже въ IV вѣкѣ до Р. Х., при перечисленіяхъ именъ. Названіе славянъ вендами, венедами референтъ приписываетъ кельтамъ, которыхъ поражалъ, вѣроятно, русый цвѣтъ волосъ, свойственный славянамъ, въ противоположность самимъ кельтамъ, которые отличались рыжимъ цвѣтомъ волосъ. Только 4 имени древнихъ надписей А. Л. Погодинъ причисляетъ къ несомнѣнно славянскимъ. («Бирж. Вѣд.»).

Изслѣдованія и раскопки.

Экскурсія О. А. Фотинскаго по Волынской губерніи для описанія памятниковъ старины. О. А. Фотинскій любезно сообщилъ намъ краткія свѣдѣнія о результатахъ этой экскурсіи; ихъ мы помѣщаемъ ниже, прежде-же скажемъ нѣсколько словъ объ общемъ

состояніи памятниковъ на Волыни. Среди другихъ губерній Юго-западнаго края, Волынская занимаетъ первое мѣсто по количеству памятниковъ. Обстоятельство это можно объяснить, во первыхъ, тѣмъ, что въ бурную эпоху Хмельнищины и Руины, до корня нарушившихъ прежніе строй и теченіе жизни, Волынь пострадала въ гораздо меньшей степени, чѣмъ, напр., Кіевщина, нѣкоторыя части которой представляли изъ себя въ буквальномъ смыслѣ пустыню; затѣмъ, на всемъ пространствѣ Волыни раскинуты родовыя гнѣзда старыхъ, знатныхъ и богатыхъ родовъ, сначала русскихъ, а впослѣдствіи ополячившихся; представители этихъ родовъ заботились какъ объ устройствѣ своихъ домовъ, носившихъ зачастую характеръ замковъ и дворцовъ, такъ и о церквяхъ и монастыряхъ, православныхъ и католическихъ. Вотъ почему еще и теперь не рѣдкость встрѣтить здѣсь постройки, свѣтскія и церковныя, относящіяся къ XVII, XVI, а иногда и XV вѣкамъ. Конечно, отъ прежняго осталось лишь немногое, и то, что осталось, постепенно разрушается или замѣняется новымъ. Теперь и на Волыни трудно встрѣтить деревянную церковь XVII в.—небольшую, своеобразной архитектуры, крытую гонтомъ: ветхость церквей и увеличеніе населенія дѣлаютъ свое дѣло, церкви перестраиваются или строятся новыя, причемъ строятся, руководствуясь изданными св. Синодомъ образцовыми «планами и фасадами»... Меньше страдаютъ отъ такихъ перестроекъ каменныя церкви, но зато и уныхъ, такъ-же какъ и у деревянныхъ, безслѣдно исчезаетъ старинная внутренняя обстановка. Благодаря указамъ высшаго епархіальнаго начальства (особенно 60-хъ и 70-хъ годовъ) объ очищеніи церквей отъ всего католическаго и уніатскаго, масса памятниковъ старины, даже и несомнѣнно православной, подвергалась уничтоженію, такъ какъ исполнителями указовъ явились сельскіе священники, которымъ, конечно, трудно было разобраться въ старинѣ, поэтому они, для обезпеченія себя отъ непріятностей, убирали изъ церквей все, что хотя чѣмъ нибудь отличалось отъ современныхъ образцовъ. Если изгнанные изъ церквей предметы не уничтожались на мѣстѣ и посылались въ назначенныя для сего мѣста, то и тамъ участь ихъ оказывалась не менѣе печальной; намъ извѣстенъ, напр., фактъ сожженія громаднаго числа старопечатныхъ книгъ, отобранныхъ изъ церквей Волынской епархіи... Вообще-же, какъ повсюду, такъ и на Волыни, сохраненіе памятниковъ старины ничѣмъ не обезпечено, только у насъ могутъ имѣть мѣсто факты огульнаго ихъ уничтоженія или въ виду извѣстной цѣли

нил-же, какъ это случается, и безъ всякой цѣли, прямо по невѣжеству, такъ какъ чѣмъ другимъ, какъ не грубымъ невѣжествомъ можно объяснить фактъ пусканія по водѣ, ради забавы, связокъ старинныхъ документовъ изъ монастырскаго архива—фактъ, имѣвшій мѣсто также на Волыни...

Переходимъ къ экскурсіи. Она продолжалась съ 1-го іюля по 6-ое августа и имѣла цѣлью обслѣдованіе Дубенскаго и смежныхъ частей Острожскаго уу., однако времени хватило лишь на осмотръ одного Дубенскаго у. О. А. Фотинскимъ были впередъ намѣчены извѣстные пункты, причемъ для этой цѣли служили «Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи» Н. Теодоровича и рукописныя описанія приходовъ, составленныя по опредѣленной програмѣ мѣстными священниками (это главный матеріалъ); свѣдѣнія, извлеченныя изъ этихъ источниковъ, пополнялись разспросами на мѣстѣ и личнымъ осмотромъ. За время экскурсіи посѣщено 28 мѣстностей, гдѣ и зарегистрированы сохранившіеся памятники старины, какъ описаніемъ ихъ и снятіемъ плановъ, такъ и фотографированіемъ. Памятники свѣтской старины сохранились въ гораздо меньшемъ числѣ, чѣмъ церковной; на послѣдніе и пришлось главнымъ образомъ обратить вниманіе.

Вотъ краткія свѣдѣнія о каждой изъ осмотрѣнныхъ мѣстностей.

Г. Дубно. Здѣсь сохранились: 1) остатки замка кн. Любомірскихъ XVII в, 2) монастырь XVII в. 3) соборная церковь XVII в. 4) Спасская церковь «на Камнѣ» 1568 г. 5) Ильинская церковь ок. 1600 г. Отъ замка кн. Острожскихъ, кромѣ слѣдовъ фундамента, не сохранилось ничего. Точно также безслѣдно исчезла Крестовоздиженская пустынь XVI в., гдѣ подвизался нѣкогда прп. Іовъ Желѣзо. Въ послѣдней, однако, сохранилось нѣсколько иконъ, и по преданію, и по характеру живописи относящихся къ XVI—XVII в. Собственно монастырская церковь—въ городѣ (Крестовоздиж. пустынь находится за городомъ, на б. островѣ), б. монастырь кармелитокъ 1660 г., сохранила только первоначальный планъ; въ самой церкви никакихъ памятниковъ старины нѣтъ; сдѣланъ фотографическій снимокъ этой церкви. Соборная церковь, б. бернард. монастырь 30-хъ г.г. XVII в., сохранила нѣсколько иконъ XVIII в. на чердакѣ, иконы Богоматери и св. Николая Чудотворца изъ б. замковой церкви кн. Острожскихъ, серебряный напрестольный крестъ 1650 г., сдѣланный коштомъ іерея Димитрія Конашинскаго, колоколъ 1541

т., надгробныя доски Ильинскихъ XVI—XVII вв.; снятъ планъ и фасадъ церкви. Бывшіе монастырскіе корпуса, гдѣ нынѣ помѣщается причтъ, полуразрушены.—Спасская церковь, б. женскій монастырь, кромѣ надстройки куполовъ, сохранила свой прежній видъ; но внутри церкви сохранились только нѣкоторыя иконы на хорахъ. Очень любопытно рѣзное по дереву изображеніе Христа у виноградной точила, серебряная икона—окладъ евангелія—1770 г., даръ прихожанъ по случаю избавленія отъ моровой язвы, колокола 1572, 1648 и 1719 г.г. и наконецъ, крестъ на главѣ церковной, съ надписью о построеніи храма—1568 г.; снятъ планъ церкви и сдѣланъ ея фотографическій снимокъ. Всѣ эти церкви каменныя. Ильинская церковь деревянная; о перестройкѣ ея не сохранилось свѣдѣній, и можно думать что въ основныхъ чертахъ, по крайней мѣрѣ, она осталась неизмѣнною отъ XVII в.; уничтожено только опасанье и пристройка «для храненія мертвыхъ костей», м. б. передѣланы купола. Къ прошлому вѣку относятся боковые кіоты; иконы Богоматери и св. пр. Иліи, повидимому XVII в., находятся въ колокольнѣ; снятъ планъ церкви и сдѣланъ фотографическій снимокъ иконы пр. Иліи.—Въ б. замкѣ Любомірскихъ теперь помѣщается военный лазаретъ, канцелярія и казармы. Сохранились отчасти замковыя стѣны и два бастіона, рвы, окружавшіе замокъ, гербъ на главныхъ воротахъ и превосходныя лѣпныя изображенія хоровода нимфъ въ залѣ офицерскаго собранія, по карнизу,—работа незауряднаго иноземнаго мастера; многія фигуры разбиты, всѣ забѣлены известкою. На островѣ, гдѣ былъ замокъ кн. Острожскихъ, расположена казарма учебной команды и гимнастическій плацъ, сгладившій слѣды укрѣпленій. О мѣстоположеніи этого замка едва можно было допроситься у мѣстныхъ жителей.

м. Млыновъ. Въ замкѣ гр. Ходкевичей (позднѣйшей постройки) сохранились только нѣкоторые семейные портреты и образцы оружія. Изъ библіотеки и архива удалось осмотрѣть только одну книгу, принадлежавшую Аннѣ-Алоизѣ Острожской, впослѣдствіи Ходкевичъ. Мѣстная православная церковь 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія сохранила лишь двѣ датированныя иконы 1777 и 1778 г.г. б.б. приписныхъ церквей с. Озліева и с. Перевердова. Оригинально изображеніе Арх. Михаила, поражающаго діавола. Чаша 1718 г., даръ Никиты поповича Муровицкаго.

м. Верба. Сохранилась, рядомъ съ современною, церковь прошлаго столѣтія, съ оригинальною иконою Св. Троицы, 1745 г. Най-

день рукописный апостолъ 1593 г.—копія изданія Фр. Скорины, работы Ермогена поповича Теслуговскаго. Сняты видъ церкви и страница рукописи апостола.

м. Козинъ. Церковь передѣлана изъ величественнаго доминиканскаго костела, стиля ренесансъ, построеннаго въ 1746 г. Анастасіею Тарновскою. При передачѣ костела, католиками забрано все изъ нея, кромѣ колоколовъ и благодатной иконы Богоматери. Изъ бывшей православ. церкви XVII в. сохранился только на хорахъ образъ Св. Николая Чудотворца. На островѣ, среди рѣки, находятся порядочно сохранившіяся развалины замка Фирлеевъ XVII в., гдѣ нѣкогда 20 лѣтъ пребывала чудотворная икона Богоматери Почаевскія. Сняты планъ укрѣпленія и замка и планъ церкви; сдѣланы снимки городища и церкви.

м. Варковичи. Отъ грандіознаго замка Млодецкихъ и монастыря бернардинцевъ въ настоящее время остались лишь остатки. Одна б. усыпальница въ церковной оградѣ (церковь передѣлана изъ монастырскаго костела), да нѣсколько разбитыхъ колоннъ въ церковномъ дворѣ напоминаютъ былое Варковичъ.

м. Боремель. Бывшій замокъ Чацкихъ разрушенъ до основанія. Осталось лишь нѣсколько памятниковъ-коллонъ, да церковь—б. костелъ, 1781-1786 г.г., въ стилѣ ренесансъ. Въ церкви много иконъ художественной работы, въ стилѣ чисто западномъ.

м. Берестечко. Сохранились остатки окоповъ козацкихъ и польскихъ 1652 г.; на курганѣ, называемомъ «Маруха»,—пирамидальный памятникъ XVIII в. Великолѣпный костелъ 1733 г.; онъ былъ весь росписанъ итальянскимъ художникомъ, но предшественникъ нынѣшняго настоятеля переписалъ его вновь мѣстными средствами, и очень грубо. Одинъ только медальонъ съ изображеніемъ поклоненія волхвовъ остался отъ прежней живописи. Въ главномъ алтарѣ находится каменная раскрашенная статуя Спасителя, пользующаяся большимъ уваженіемъ какъ среди католическаго, такъ и православнаго населенія. Статуя величиною около полутора аршина, работы довольно грубой.—Въ боковомъ придѣлѣ находится очень чтимая, также деревянная, лежачая статуя св. мученика Валентина, съ частицею его мощей. Библіотека и архивъ костельный, а равно и многія старинныя иконы и утварь уничтожены или распроданы. Въ сакристіи сохраняются портреты фундатора костела. Двѣ мѣстныя православныя церкви построены въ настоящемъ столѣтіи. Въ Троицкой церкви

сохраняются, впрочемъ, двѣ небольшія иконки изъ прежнихъ берестечскихъ церквей, помянникъ съ метрикою конца XVII в. и рукописный ирмологій XVIII в.

м. Олыка. Имѣніе кн. Радзивиловъ. Владѣльцы не болѣе лѣтъ 15—20 тому назадъ стали жить въ Олыкѣ. Поэтому Олыкскій замокъ донынѣ представляетъ наполовину руину. Раньше имъ пользовались, какъ мѣстомъ для дарового склада товаровъ и рухляди, а то и для ломки кирпича, мѣстные евреи. Все, что могло быть въ замкѣ цѣннаго, или расхищено, или вывезено въ литовскія и прусскія имѣнія Радзивилловъ. Нынѣ въ замкѣ, кромѣ прекрасныхъ старыхъ гобеленовъ, нѣтъ абсолютно ничего. Все мѣстечко обведено было высокимъ (до 5 саж.) валомъ и рвами, въ видѣ громаднаго четыреугольника, съ выгнутыми сторонами и бастіонами по угламъ. Валы эти мѣстами совершенно сглажены, мѣстами полуразрушены. Изъ двухъ «брамъ» сохранилась и укрѣплена нынѣшнимъ владѣльцемъ одна, на предмѣстьи «Залѣсочьи». Обѣ православныя церкви недавняго происхожденія. Залѣсочская Срѣтенская церковь, впрочемъ, построена въ половинѣ прошлаго столѣтія, но передѣлана. Оригинальный (восьмиугольный) архитектурный стиль церкви сохранился, несмотря на пристройки. За то внутри церкви ничего стараго не имѣется. Въ Троицкой церкви сохранилась старая хоругвь олейницкаго цеха, съ надписью. Въ костельной усадьбѣ находится два костела. Главный костелъ 1640 г., въ стилѣ возрожденія, алтаремъ на западъ. Это роскошное зданіе, украшенное массою надгробныхъ памятниковъ, превосходныхъ статуй, иконъ, съ богатѣйшею утварью и т. п. Костелъ—б. іезуитская коллегія—донынѣ обладаетъ богатою библіотекою и архивомъ. Но къ сожалѣнію библіотека эта въ совершенномъ хаосѣ. Архивъ нѣсколько сохраннѣе, имѣетъ суммаріушъ, но документы попорчены сыростью. Много портретовъ кн. Радзивилловъ и б. прелатовъ монастыря. Особенно выдаются портреты-фрески XVII в. Петра Радзивилла Бѣлаго (строителя стараго костела) и основателя настоящаго костела Станислава II Радзивилла Набожнаго. За главнымъ костеломъ, въ саду, пріютился еще болѣе замѣчательный памятникъ старины—небольшой костелъ 1460 г. Алтаремъ онъ обращенъ на востокъ, въ планѣ представляетъ равноконечный византійскій крестъ. Костелъ бѣденъ убранствомъ, служба въ немъ совершается лишь разъ въ годъ, на пасху. Но среди иконъ, украшающихъ его, сохранились вещи чрезвычайно оригинальныя и старинныя. Таково, напр., изображеніе

Богоматери и св. ап. Петра въ чистилищѣ. Надо замѣтить, что вообще многія иконы какъ этого, такъ и главнаго костела, носятъ явно православный, византійскій характеръ.

Сравнительно съ вышеописанными мѣстечками, въ селахъ встрѣчено гораздо меньше остатковъ старины. Впрочемъ, надо сдѣлать исключеніе для селъ, въ которыхъ есть теперь или были нѣкогда православные монастыри. Таковы с.с. Дерманъ, Страковъ, Подборцы и Мильча.

Дерманскій монастырь основанъ въ 1450 г. кн. Василіемъ Ѳеодоровичемъ Острожскимъ Краснымъ. Зданіе вѣроятно разновременно подновлялось и перестраивалось. Изъ монастырскихъ построекъ наиболѣе архаичною является колокольня, служившая и главнымъ въѣздомъ въ монастырскую ограду. Монастырская церковь несомнѣнно подверглась значительнымъ передѣлкамъ, такъ что нельзя ручаться даже за сохраненіе ея первоначальнаго плана. Абсолютно не сохранилась и старая иконопись. Въ монастырской библіотекѣ сохранилось нѣсколько т. н. Kunst-Buch'овъ, содержащихъ наряду съ разнаго рода религіозными гравюрами XVII—XVIII в., и самостоятельные рисунки владѣльцевъ этихъ альбомовъ, вѣроятно дерманскихъ монаховъ. Среди этихъ рисунковъ есть очень любопытные. Монастырская библіотека—самое интересное, что сохранилось въ Дерманскомъ монастырѣ. Въ ней много любопытныхъ рукописей церковно-славянскихъ и латинскихъ, рѣдкіе экземпляры старопечатныхъ изданій мѣстныхъ и заграничныхъ, довольно богатый архивъ. Изъ старославянскихъ рукописей выдаются: пергаментная минея XIV в., евангеліе XV-XVI в.в. со вкладными записями К. И. и К. К. Острожскихъ, творенія Іоанна Златоуста въ переводахъ московскаго инока, впослѣдствіи члена Острожской академіи, Селивана и Дорогобужскаго игумена Кипріана и въ спискѣ пресвитера Острожскаго Андрея Герасимовича Смотрицкаго, творенія Діонисія Ареопагита, сербская рукопись 1374 г., съ любопытными приписками, и др. Изъ старопечатныхъ книгъ надо отмѣтить Евангеліе Цетинское 1585 г., Евангеліе учительное Каллиста, патр. Константинопольскаго, въ двухъ изданіяхъ—Виленскомъ 1598 г. и Львовскомъ 1602 г., Октоихъ Дерманскій 1603 г. въ трехъ экземплярахъ и множество книгъ на латинскомъ и греческомъ языкахъ съ помѣтами Мелетія Смотрицкаго. Въ монастырскомъ архивѣ есть подлинныя грамоты К. К. Острожскаго; интересны также разнаго рода «выписи изъ книгъ справъ судовыхъ монастыря Дерманскаго», касаю-

щіяся разныхъ дѣлъ между подданными монастырскими. Самыя книги эти исчезли безслѣдно. Изъ вещественныхъ памятниковъ на чердакѣ монастырскомъ найдены въ цѣлости только портреты Мелетія Смотрицкаго, Фелиціана Володкевича, Императора Павла I, старинное изображеніе патр. Аѳанасія Лубенскаго, сандальнаго дерева ручной крестъ, съ датированнымъ изображеніемъ въ медальонѣ кн. К. И. Острожскаго. Сдѣланы снимки съ монастырской церкви, колокольни, евангелія 1507 г. и минеи XV в., портретовъ Смотрицкаго и Володкевича, снятъ планъ церкви.

С. Страклевъ. Каменная церковь, построенная въ 1665 г. Анною Пузиною. Изъ памятниковъ старины сохранилась только благодатная икона Богоматери. Подъ поломъ сохраняются какія-то статуи, но входъ туда забитъ. Снятъ планъ и фасадъ церкви; сдѣланъ фотографическій снимокъ церкви и иконы Богоматери.

С. Подборцы. Б. женскій базиліанскій монастырь XVIII в., деревянный, нынѣ не существуетъ. Настоящій храмъ казенной постройки на новомъ мѣстѣ. Сохранилось нѣсколько иконъ XVII—XVIII в.в.

С. Мильча Малая. Каменный храмъ 1640 г., построенный Александромъ Еловицкимъ. Оригиналенъ крайнею неправильностью размѣровъ. Сохранилась превосходная икона Богоматери 1603 г., оригинальныя иконы «Бичеваніе у столба» и «Явленіе трехъ странниковъ», портретъ основателя монастыря Александра Еловицкаго 1647 г. и евангеліе со вкладною записью игумена Исаакія Борисковича и Минея съ записью генеральнаго осаула Іоанна Ломиковскаго.

С. Мукосѣевъ Берегъ, имѣніе извѣстнаго археолога С. В. Любы-Радзиминскаго. Коллекціи г. Радзиминскаго пользуются заслуженною извѣстностью. Укажу, сверхъ того, на собраніе фамильныхъ портретовъ, преимущественно фамиліи Денисковъ и на богатѣйшій фамильный архивъ. Нѣкоторые изъ документовъ этого архива были выставлены и описаны на Виленскомъ археологическомъ съѣздѣ; описанное не составляетъ впрочемъ и тысячной доли содержанія архива. Между прочимъ въ архивѣ г. Радзиминскаго сохраняются копіи суммаріуша всѣхъ безъ исключенія Луцкихъ актовыхъ книгъ; а нѣкоторыя изъ нихъ даже въ Кіевскомъ Центральномъ архивѣ не сохранились или повреждены. Описаніемъ архива, по выработанной превосходной системѣ, занимается супруга г. Радзиминскаго. На островкѣ р. Турія

сохранились и заботливо поддерживаются развалины замка XVI в. Денисковъ.

С. Минаковцы. Церковь 1761 г. Раньше, въ XVII в., здѣсь существовалъ небольшой монастырекъ. Въ церкви сохранилось нѣсколько иконъ XVIII в. и сандальнаго дерева крестъ XVII в., даръ Архимандрита Дениска. Икона Богоматери Іерусалимскія, по преданію спасена отъ турокъ чудесно во время Збаражской войны.

С. Птиче. Мѣстная церковь недавно перестроена. Изъ иконъ прошлаго столѣтія, сохранившихся на колокольнѣ, оригинально только «Благословеніе хлѣба и чаши».

С. Погорѣльцы. Въ церкви новѣйшей постройки сохранились: служебникъ Кіевскій 1637 г. съ записью о дарѣ его въ 1648 г. «козаками сотнѣ хмелевы з мѣстечка Уцтивицѣ, на имя Тишченко изо всѣм товариством своим»; 2) субботникъ священника Іоанна Ярмаркевича 1693 г. съ записью нѣкоторыхъ козачьихъ родовъ, и двѣ бархатныхъ шитыхъ ризы для намѣстныхъ иконъ, даръ дѣтей того же священника.

С. Рачинъ. Въ кладбищенской церкви сохранилось много оригинальныхъ иконъ прошлаго вѣка. Царскія врата представляютъ варіацію довольно распространенной на Волыни въ XVII-XVIII в.в. темы «Жезлъ изъ Корене Іессова».

С. Косаревъ. Икона Покрова Божіей Матери 1701 г. и икона Великаго Архіерея XVII в.

С. Малые Дорогостаи. Все почти село окружено валомъ—остатокъ укрѣпленія XVII в. Церковь—нѣкогда кальвинскій «зборъ», позже—католическій костелъ, XVII в., оригинальна по архитектурѣ. На горномъ мѣстѣ стоитъ икона Богоматери, по преданію подаренная королемъ Сигизмундомъ III гетману Жолкѣвскому, отъ котораго перешла къ Даниловичамъ, затѣмъ къ Ржевусскимъ и Сапѣгамъ и отъ послѣднихъ поступившая въ церковь. По свидѣтельству рукописной «церковно приходской лѣтописи с. Дорогостай», о происхожденіи иконы свидѣтельствуетъ запись на оборотной сторонѣ ея.

С. Чекно. На берегу Стыри, на искусственной возвышенности, находился нѣкогда монастырь Честнаго Креста. Изъ рѣчныхъ разливовъ выкапываются иногда крестьянами остатки кафель, иконки и крестики. Въ нынѣшней церкви ничего замѣчательнаго не сохранилось.

М. Крупецъ. Нынѣшняя церковь передѣлана изъ доминиканскаго костела, выстроеннаго въ 1798-1822 г.г. Гонораторъ изъ Стемп-

ковскихъ Игельстромъ, въ благодарность за спасеніе въ Варшавѣ мужа ея, б. россійскаго посланника. Но въ Крупцѣ существовалъ костелъ и раньше, а равно существовала и православная церковь, устроенная въ 1662 г. козакомъ Деркачемъ. Современная церковь представляетъ величественное зданіе, съ чудными лѣпными украшеніями, но памятниковъ старины, какъ православной, такъ и католической, въ ней почти не осталось. Въ ризницѣ хранится холщевая плащаница 1672 г., устроенная «младенцами Крупецкими за стараніемъ Тимоѳея паламара Крупецкаго».

С. Срибно. Церковь нач. XVII в., но значительно передѣлана. Отъ стараго церковнаго убранства сохранилось нѣсколько оригинальныхъ иконъ и рѣзныхъ крестовъ, хотя поновленныхъ, но къ счастію не искаженныхъ. Особенно оригинально изображеніе страстей Христовыхъ, съ рѣзкимъ мѣстнымъ колоритомъ. Сохранилось также нѣсколько старопечатныхъ книгъ XVII в. и рукописное евангеліе XVI-XVII в.в.

С. Островъ. Оригинальная церковь XVII в., сохранившаяся почти въ неизмѣнномъ видѣ. Сохранилось рукописное, богато орнаментированное, евангеліе, писанное рукою многогрѣшнаго Р. Б. Мины, въ Сатіевъ, въ вотчинѣ е. м. кн. Ильи Константиновича Острожскаго 7047 (1539) г. индикта 12, февраля 1.

С. Ромашковщина. Въ полуверстѣ отъ села, въ глухомъ лѣсу, находится небольшая деревянная церковь конца XVII в., привлекающая въ лѣтнюю пору много богомольцевъ своею благодатною иконою. Икона эта здѣсь же въ лѣсу, въ древесномъ пнѣ найдена въ 1688 г. однимъ шпитальнымъ старцемъ изъ м. Олыки, о чемъ свидѣтельствуетъ тоговременная запись масляными красками на доскѣ, висящей подъ стекломъ въ церкви. Икона эта рѣзана тонкими штрихами вглубь на доскѣ изъ фіолетоваго сланца. По характеру рѣзьбы она должна быть отнесена къ глубокой древности и представляетъ замѣчательную аналогію съ такого же рода иконками изъ Дорогобужскаго городища, хранящимися въ Волынскомъ Епархіальномъ древлехранилищѣ. Такою икона эта и была найдена шпитальнымъ старцемъ; впослѣдствіи уже кажется въ настоящемъ столѣтіи, фонъ иконы закрашенъ масляными красками. Икона врублена въ стѣну храма.

С. Падборцы. (Луцкаго у.). Б. базиліанскій монастырь. Монастырскіе корпуса не существуютъ уже. Храмъ очень оригиналенъ по своей архитектурѣ. Это почти круглое зданіе о 13 куполахъ. Внутри церкви, однако, кромѣ благодатной иконы Богоматери, да иконъ Тай-

вой Вечери и св. Троицы, сохранившихся отъ прошлаго вѣка, ничто не напоминаетъ прошлаго; сняты фотографіи храма и вышеуказанныхъ иконъ.

Однимъ изъ результатовъ поѣздки О. А. Фотинскаго, помимо большого научнаго значенія ея, является возбужденіе Волынскимъ Церковно-Археологическимъ Обществомъ ходатайства о передачѣ въ Епархіальное древлехранилище указанныхъ О. А. Фотинскимъ иконъ, утвари, рукописей и т. п. Въ данномъ случаѣ централизація памятниковъ является самымъ надежнымъ средствомъ ихъ сохраненія.

что эта замѣна сдѣлана была Румянцовымъ по указанію лично извѣстнаго царю Галагана, которому Н—ко былъ угоденъ за его искательный нравъ, а М—ча Г—нъ не любилъ, м. б, за его близость къ Скоропадскимъ.

Очень ловко устраивалъ Н—ко свои дѣла и съ маетностями. Кромѣ Рудовки, Н—ко съумѣлъ захватить еще два села—Щуровку и Голубовку. Оба эти села принадлежали Носу (с. 30 и 31), но такъ какъ по смерти послѣдняго изъ его наслѣдниковъ оставалась только невѣстка-вдова съ двумя малолѣтними внучками, то Н—ко и захватилъ сиротскія маетности. На Щуровку онъ даже умѣлъ выпросить гетманскій универсалъ (см. ниже с. Щуровка), въ которомъ было сказано, что Щ—ка отдается Н—ку „взамѣну с. Голубовки", которая де отошла подъ послушаніе наслѣдниковъ умершаго Степана Носа. Послѣ этого Голубовка дѣйствительно перешла ко внукамъ полковника, но Носенко отчасти продолжалъ преслѣдованіе тамошнихъ козаковъ. Щуровка отсуждена—по иску внука полковника—только отъ сыновей Петра Н—ка.

Будучи практическимъ человѣкомъ, Н—ко съумѣлъ заслужить довѣріе даже у своего полковника Галагана, вообще по-

---

полк. урядникамъ. Просьба Г—аго была вполнѣ законная, но резолюція «правителей» на этомъ прошеніи положена была такая: «надлежитъ написать до п. полковника Пр—ого, абы онъ велѣлъ отъ кого пристойно вибрати роковщину на ранги писарства и хоружества полковыхъ Пр—хъ и заплатилъ бы пп. писару и хоружему за службу въ прошломъ 1723 г., на урадахъ ихъ роненную, такъ власне, якъ и п. Н—ку, нынѣшнему сотниковѣ полк. Пр—му, *за урядъ хоружества заплатить велено.*» Какъ видно, «правители» не посмѣли сказать, чтобы Н—ко собранную имъ «роковщину» отдалъ полк. писарю, а затѣмъ бы уже и для себя ее собралъ. Несомнѣнно, что въ этотъ моментъ Н—ко, будучи ставленникомъ Румянцова, являлся «правителямъ» человѣкомъ *особымъ*... Замѣтимъ кстати, что надписаніе Галенковскимъ прошенія *на имя императора*, е смотря на то, что оно подавалось въ генер. к—рію, тоже было слѣдствіемъ пріѣзда Румянцова, поставившаго во главѣ высшей мѣстной администраціи трехъ «правителей» и установившаго для генер. к—ріи новыя формы при ея сношеніяхъ съ просителями и учрежденіями.

дозрительно относившагося ко всей Прилуцкой старшинѣ, за исключеніемъ Галенковскаго. Когда, вслѣдъ за поставленіемъ Апостола гетманомъ, Галаганъ отправился въ Москву хлопотать о царской грамотѣ на свои маетности, то правленіе полковыхъ дѣлъ онъ поручилъ не обозному или судьѣ, какъ водилось, а полковому сотнику, т. е. Носенку.—Въ Москвѣ Галаганъ пробылъ болѣе года, и интересуясь, что̀ дѣлается безъ него въ полку, требовалъ извѣстій отъ Н—ка. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что и Галенковскій поѣхалъ съ Галаганомъ, которому, при его безграмотствѣ, былъ необходимъ въ хлопотахъ о грамотѣ. Отвѣчая Галагану на его вопросы, Н—ко въ одномъ изъ писемъ говоритъ: „Листъ вашей панской м—ти, іюня 10 д. зъ Москвы отправленній, того жъ іюня 21 дня получилъ, въ которомъ изволите в. панская м-ть приказовати мнѣ, дабымъ далъ извѣстіе що въ полку поводится... Отвѣтствую, же якъ въ первомъ моемъ листѣ писалемъ, такъ и теперь извѣствую, что по отъѣздѣ вашемъ, еще до сихъ часъ, благодареніе всемогущему Богу, такъ въ городѣ Прилукѣ, яко и во всемъ полку, все доброе поводытся... Да тутъ же извѣствую, что желѣзо въ Прилуку изъ Глухова привезено, дранѣ зъ Любеча 46 копъ въ Прилуку зискано, а осталось тамъ 54 копи; о вапнѣ (известкѣ) до вапеинаго майстра писалемъ, которій отписалъ ко мнѣ, что вапно въ поготовности мѣетъ, толко теперъ онаго будто по малой водѣ (въ Деснѣ) не можна гнати, а къ Семіону-столпнику—обѣщаетъ пригнать и поставить у пристанѣ Кладковской...“ [1]) Въ другомъ письмѣ Н—ко пишетъ: „Сего декабря 15, въ недѣлю, атаманъ городовій Варвинскій Семенъ Безчипчій преставился, на которого мѣсце поставленъ атаманомъ Марко Михайловичъ; а 18 декабря—померъ бурмистръ Прилуцкій Федоръ Малка, которимъ обоимъ пошли Боже вѣчное упокоеніе... Прошлого 13 н. получилемъ отъ его мил. п. гетмана листовное писаніе зъ тимъ изображеніемъ, абымъ о выбранныхъ прошлого 1727 г. денгахъ, сколько онихъ было въ зборѣ, зъ

---

[1]) Дѣло идетъ о матеріалахъ, которые Галаганъ готовилъ для постройки Преображенской церкви въ Прилукѣ (см. с. 106).

тихъ грошей на плату, что дано кому зъ служителей именно и что онихъ грошей въ остатку имѣется—прислалъ би къ его ясн—ти обстоятельное извѣстіе. И яко по тому указу, взявши отъ п. писара полкового о роздачи онихъ денегъ, за рукою его, извѣстіе, посылалъ оное до его ясн—ти, на что таковую рейментарскую получилемъ резолюцію, аби зъ вибранныхъ въ семъ году на служителей полковыхъ денегъ, нѣ одной копейки безъ указу его ясн—ти нѣкуда не употреблять, но оніе содержать въ цѣлости. Однакъ за пріѣздомъ зъ Москви п. писаря полкового, зъ вибранныхъ въ семъ году зъ сотнѣ полковой денегъ, далемъ женѣ Швидкого рублей шесть...“ Приведенное здѣсь распоряженіе гетмана, видимо находившееся въ связи *съ отсутствіемъ* Галагана изъ полка, поставило между прочимъ Н—ка въ затруднительное положеніе въ такомъ обстоятельствѣ, какъ снабженіе полковой и ратушной к—рій бумагою и другими письменными принадлежностями, что̀ видно изъ слѣдующаго донесенія наказнаго полковника гетману: „Сего 1728 году, прошлого генваря мѣсяца, его м. п. полковникъ Прилуцкій, при отъѣздѣ своемъ въ Москву, приказалъ мнѣ правленіе полковое содержати, якое я по должности моей и содержую, а не мѣючи для отправленія всякихъ полковыхъ дѣлъ куповати за що паперу, смолки, воску и галясу (чернильные орѣшки), безъ чого всего весма въ томъ обийтись не можна, велѣлемъ“ все это „у крамаровъ Прилуцкихъ брати на-боргъ (въ долгъ) нѣмъ милостивое ясн—ти вашей о томъ учинится разсмотреніе. Отъ генваря м—ца для отправленія, якъ помянулось, полковыхъ дѣлъ, тое все на-боргъ беручи, задолжились онимъ крамарамъ 71 золотій и полсема шага, а якого числа в кого именно и якою цѣною сколко чего взято, вѣденіе за рукою при семъ моемъ листѣ до ясн—ти вашей посилаю и всепокорственно прошу многопрезрительно свое рейментарское въ томъ явити милосердіе, ибо помянутіе крамарѣ отнюдь уже паперу и прочого на-боргъ давати не хотятъ, повѣдаючи: мы правѣ за готовіе гроши купуемъ, жебы що собѣ зъ того заробити, а вы все на-боргъ берете, и теперъ заледве ризу (стопу) паперу дали, а болшъ сказали: воля ваша,—не дамо! Которій паперъ, смолка, воскъ и галясъ на всякіе такъ полковіе, яко и ратушвіе дѣла—доношу ясн—ти вашей,—же покупается било

зъ поборовихъ до ратуша збѣраючихся денегъ, якіе теперь отъ посполитыхъ ратушныхъ людей отбѣраютъ завѣдовци. О тую многопризрителную рейментарскую милость ясн—ти вашей, п. моего милостивого, всенокорственно прошу...“ Эта наивно изложенная просьба нак. полковника, обращенная къ гетману—о томъ, чтобы послѣдній разрѣшилъ употребить часть полковыхъ денегъ на покупку канцелярскихъ принадлежностей, быть можетъ указываетъ, что Апостолъ въ первые моменты своего гетманства думалъ было взять въ свое вѣдѣніе контроль надъ приходомъ и расходомъ общественныиъ по полкамъ денегъ... Разумѣется, такія намѣренія были не исполнимы при отсутствіи какого либо порядка въ веденіи общественныхъ дѣлъ въ гетманщинѣ, и распоряженіе гетмана о безусловномъ нерасходованіи денегъ, собираемыхъ на тѣ или другіе полковыя нужды, могло стѣснять какого нибудь наказного полковника, но не тѣхъ „цѣлыхъ“ полковниковъ Апостоловскаго времени, которые распоряжались въ своихъ полкахъ, быть можетъ, даже съ большею властью, чѣмъ гетманъ въ гетманщинѣ... Изъ другихъ донесеній Н—ка Галагану въ Москву [1]) видно, что онъ прежде всего заботился о томъ, чтобы полковникъ на заподозрилъ его въ присвоеніи хотя и тѣни ему не подобающей власти. Такъ, напр., Н—ко извѣщаетъ полковника, что одна изъ сотенъ выбрала себѣ—на вакантное мѣсто—сотника и послала вмѣстѣ съ нимъ уполномоченныхъ въ Глуховъ, къ гетману, съ ходатайствомъ объ утвержденіи избраннаго, при чемъ послѣдній просилъ было и полковую старшину—о его рекомендаціи гетману, но—прибавляетъ Н—ко—„старшина полковая и я зъ ними отказали Романовичу (фамилія избраннаго), же безъ бытности вм. м. пана и добродѣя, рекомендаціи за нимъ дать *не смѣемъ*, и онъ толко зъ суплѣкою сотнянъ до ясневелможного поѣхалъ“. Н—ко оставался полк. сотникомъ до смерти; умеръ онъ не позже 1734 г., но еще въ 1733 г. начальствовалъ надъ отрядомъ Прилуцкаго полка, который входилъ въ составъ козацкаго войска, отправленнаго въ этомъ году въ Польшу.—Проходя въ это время

[1]) Книга копій дѣловыхъ бумагъ, которыя писалъ Носенко разнымъ лицамъ и учрежденіямъ за время своего наказничества въ 1728 г. Рукопись наш. б—ки

съ своимъ отрядомъ черезъ Сосницкое село Авдѣевку, Н—ко причинилъ не мало бѣдъ жителямъ послѣдняго, какъ объ этомъ жаловался владѣлецъ Авдѣевки Мих. Скоропадскій (зять Апостола): „ставъ лагеремъ среди хлѣбныхъ полей (дѣло было въ іюлѣ) Н—ко позволялъ своимъ козакамъ—травить эти поля, рубить въ рощѣ дерево—хотя бы на дрова, а то на мезгу (?),—отнимать у селянъ топоры и косы, жечь дерево, приготовленное для выкурки дегтю, обижать работавшихъ въ полѣ женщинъ, причемъ съ послѣднихъ срывали „наметки“ (головныя повязки) и тѣ прибѣгали въ село простоволосыми... [1]) Н—ко обижалъ беззащитныхъ селянъ, а его самаго въ это время обижала дома своя полковая старшина: въ сентябрѣ 1734 г. сыновья Носенка, Яковъ и Никифоръ, жаловались кн. Шаховскому: „прошлого 1733 году, когда по указу покойній отецъ нашъ сотникъ полк. Пр—ій Петръ Н—ко, съ сыномъ своимъ, мною нижайшимъ Никифоромъ, пошолъ здому въ походъ въ Полщу, то непристанніе въ дому нашемъ отческомъ, въ якомъ ми сами живемъ, въ самомъ городѣ Прилуцѣ будучомъ, чрезъ цѣлій годъ, по отводу старшины полковой, консистенты имѣли постои, отчего намъ нижайшимъ не маліе утиски и обиды чинятся...“

Можно думать, что постои явились въ Прилуцкомъ домѣ Н—ка уже послѣ его смерти. Н—ко былъ на столько вліятельный человѣкъ, что Прилуцкая старшина не упустила случая немедленно же проявить власть надъ оставшимися его дѣтьми. Сыновей у Н—ка осталось три: войск. тов. Яковъ, Никифоръ (с. 72) и Георгій, бывшій полк. сотникомъ послѣ Гуленка; была еще и дочь Анна, первый мужъ которой гетманскій „господарь“ Иванъ Даровскій умеръ въ 1721 г., а вторымъ ея мужемъ

---

[1]) Извѣстно, что одно изъ самыхъ чувствительныхъ оскорбленій для замужней женщины въ Малороссіи представляетъ—снятіе съ головы чепца (очипка), такъ какъ эти волосы послѣ замужества, покрываются *навсегда* и женщина уже не можетъ прилюдно снять своего очипка... «Свѣтить волосомъ», т. е. открыть свои волосы послѣ замужества при людяхъ, можетъ только женщина потерявшая стыдъ.

былъ Василій Андреевичъ Гудовичъ, сначала генер. подскарбій, а потомъ тайн. совѣтникъ [1]).

Лукомскій Степанъ оставилъ любопытную повѣсть о своемъ происхожденіи, подробно разсказавъ какъ его предки, прадѣдъ и дѣдъ, жили сначала въ Умани, какъ потомъ переселились, на лѣвый берегъ Днѣпра, сначала въ м. Лукомль, а позже въ Полтаву, гдѣ и родился отецъ Л—аго Василій; а когда умеръ здѣсь дѣдъ Л—аго, а бабка его снова вышла замужъ за какого то Гайдука,, то послѣдній, забравъ малолѣтняго пасынка, переселился снова въ Уманщину, на „прадѣдизные и дѣдизные грунта“, и жилъ тамъ пока Умань въ 1674 г. не была разорена турками. Послѣ этого семья Л—ихъ снова перебралась на лѣвый берегъ и поселилась здѣсь въ Переяславѣ, пока правобережная Малороссія не „почела снова населятись“; послѣ этого Л—іе перешли снова на правый берегъ и устроились гдѣ-то вблизи Умани, которая въ это бремя была еще пустою. Живя здѣсь, отецъ Л—аго служилъ козацкую службу въ отрядахъ Палія, Карпа Часныка и Цыганчука (Бѣлоцерковскаго обознаго), нерѣдко участвуя въ ихъ набѣгахъ на татарскія земли. Въ одинъ изъ такихъ набѣговъ отецъ Л—аго попалъ было въ плѣнъ, но выкупилъ себя „пятсотма левковими“. Разсказываетъ Л—ій, что отецъ его затѣмъ „былъ *осадчимъ всего Уманского уѣзду*, и „подати гетманомъ, яко то лисичное и звѣри дикіе—

---

[1]) Теперешніе Бѣлецкіе-Носенки происходятъ отъ Георгія Н—ка, у котораго былъ сынъ Павелъ (въ 1784 г. капитанъ), а у этого Навла былъ сынъ тоже Павелъ,—извѣстный Прилуцкій педагогъ, оставившій послѣ себя множество разнаго рода сочиненій, частью писанныхъ и на малорусскомъ языкѣ. См. «Очерки Истор. Украинск. лит—ры», Н. И. Петрова, стр. 40—42. Когда въ к. XVIII в. потребовались отъ малорусской старшины доказательства о дворянствѣ, то Б.—Носенки въ этихъ доказательствахъ производили свой родъ отъ «Луцкаго князя Александра Носа», потомокъ де котораго «князь Іоаннъ Носъ въ 1650 г. присягнулъ на вѣрность Малороссіи»(?), въ 1694 г. получилъ грамоту на с. Голубовку, а въ 1708 г.—назначенъ Прилуцкимъ полковникомъ»... См. тамъ же, стр. 36. Это писалось всего только черезъ 70 лѣтъ послѣ смерти этого самаго «князя Іоанна»!

приваживалъ въ Батуринъ и въ Глуховъ", причемъ добавляетъ, что отецъ его „осадилъ" въ это время не только разоренную Умань, но и сотенные городки Уманскаго полка: Ладыжинъ Монастырище, Буки и проч. Такъ ли это было на самомъ дѣлѣ—повѣрить пока нечѣмъ.—А послѣ Полтавской битвы отецъ Л—каго былъ уже Уманскимъ сотникомъ, и въ это время ходилъ съ отрядомъ Уманскихъ козаковъ противъ запорожцевъ, которые подъ началомъ какого-то „татарина Летуна", напали было на Уманское мѣстечко Нерубайку. Не отстояли уманцы этого мѣстечка, а были сами разбиты, причемъ отецъ Л—аго взятъ былъ запорожцами въ плѣнъ и отданъ какому-то Перекопскому каймакаму. Ва неволѣ отецъ Л—аго пробылъ до 1712 г., освободившись отъ которой, попрежнему жилъ въ Уманщинѣ. Въ это время С. Л—ій, хотя былъ еще „малолѣтенъ", „пошелъ въ Кіевъ въ наученіе, и въ Кіевскихъ училищахъ латинскія проходилъ школы, причемъ въ 1718 г. съ прочими студентами присягалъ на вѣрность ихъ импер. величеству въ Кіевѣ, въ Братской церквѣ... А въ 1722 г., окончa въ Кіевѣ часть ученія своего, ходилъ въ чужестранніе краи, надѣясь тамо оное латинское свое ученіе совершить, но за болѣзнію принужденъ былъ остаться въ Польши, гдѣ ради преслѣдованія за благочестіе греческаго исповѣданія и что онъ былъ малороссіянинъ, не могъ тамо долѣе ученія своего имѣть и, не совершa оного, въ 1726 г. возвратился паки въ Кіевъ, гдѣ и совершилъ богословію..." Далѣе Л—ій продолжаетъ: „въ 1730 г., на вѣрность императрицѣ, нынѣ благополучно самодержавствующей, съ сыномъ обозн. генер. Як. Лизогуба съ Григоріемъ Лизогубомъ, *которому я тогда учителемъ былъ*, присягалъ, а въ нач. 1731 г., генваря въ первыхъ числахъ, по опредѣленію гетм. Апостола, я, родимецъ малороссійскій, въ генер. в. канцелярію принятъ; а сего 1733 г., по отлученіи старш. канцеляриста Юркевича, по опредѣленію-жъ оного гетмана, учрежденъ былъ я старш. канцеляристомъ"... [1]) Въ генер. к—ріи Л—ій оставался до 1737 г., когда онъ былъ назначенъ полк.

---

[1]) Кіевск. Стар. 1890 г., сент., 479—485.

Прилуцкимъ сотникомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Л—ій былъ назначенъ и членомъ „коммиссіи перевода и свода книгъ правныхъ“ [1]), при чемъ имя его находится въ числѣ лицъ подписавшихъ представленіе императрицѣ объ окончаніи свода.

О дѣятельности Л—аго на урядѣ сотничества—никакихъ свѣдѣній у насъ нѣтъ. Сотникомъ онъ пробылъ до 1747 г., когда былъ замѣненъ А. Гуленкомъ (Дн. Зап. Я. Марк., II, 250), причемъ Л—ій былъ вовсе уволенъ отъ службы съ чиномъ абшитованнаго обознаго. Вслѣдствіе какихъ причинъ Л—ій былъ уволенъ отъ службы, будучи далеко еще не старикомъ [2]), неизвѣстно; быть можетъ это случилось по интригѣ его преемника по уряду Андрея Гуленка.

За десятилѣтнее свое сотничество Л—ій нажилъ порядочное состояніе, оставивъ своимъ наслѣдникамъ крестьянъ болѣе 150 д. м. п. [3]) Женатъ Л—ій былъ на дочери Нѣжинск. есаула Степана Костенецкаго и имѣла двухъ сыновей и четырехъ дочерей; сыновья его въ 1772 г. служили оба сотниками: старшій Степанъ (р. 1740 г.)—Переволочанскимъ, а младшій Иванъ (р. 1745 г.)—Журавскимъ.—Оставивъ службу Л—ій поселился въ Прилукѣ и усердно занялся здѣсь чтеніемъ русскихъ и польскихъ хроникъ, причемъ плодомъ этого чтенія явилась его собственная хроника: „Собраніе историческое изъ книгъ древняго писателя Александра Гвагнина и изъ старыхъ вѣрныхъ русскихъ лѣтописей, абшитов. полковымъ обознымъ Степаномъ Васильевичемъ Лукомскимъ сочиненное въ г. Прилукѣ 1770 году“. Въ этомъ сборникѣ интересны переводы Л—аго—записокъ польскаго мемуариста Титловскаго и дополненіе къ дневнику Окольскаго [4]). Особенное вниманіе обращаетъ на себя послѣдній трудъ

---

[1]) Права, по которымъ судится малороссійск. народъ, изд. Кистяковскаго (Кіевъ. 1879), стр. 15.

[2]) Лукомскій родился примѣрно въ 1700 т., судя по его разсказу, что онъ онъ ок. 1712 г. былъ еще «малолѣтенъ» (с. 135).

[3]) Крестьянъ Лукомскій имѣлъ въ Прилукѣ—53, Лѣсов. Сорочинцахъ—9, Дубов. Гаю—14, Сергіевкѣ—11, хуторѣ за Переводомъ—20, слободѣ Лукомкѣ—32, Боршной—11 и Полонкахъ—6; всего 150 д. м. п.

[4]) Обѣ эти работы Лукомскаго напечатаны въ IV-мъ томѣ Лѣтописи Величка.

Л—аго, указывая, что авторъ его живо интересовался былыми судьбами своей родины, причемъ въ его описаніи особенно подчеркнуты тѣ притѣсненія, которыя терпѣлъ „народъ украинскій“ отъ поляковъ въ перв. полов. XVII в. Рѣчь, влагаемая Л—мъ въ уста Хмельницкаго передъ Желтоводскою битвою, показываетъ, что хронистъ самъ переживалъ тѣ моменты, которые привели къ торжеству порабощеннаго народа надъ „лядскою гордою силою“.

Лукомскій умеръ въ семидесятыхъ годахъ, такъ какъ въ 1779 г. жена его, уже называлась вдовою. Во всякомъ случаѣ почтенный хронистъ прожилъ болѣе 70-ти лѣтъ.

Гуленко Андрей былъ сынъ какого-то мелкаго Прилуцкаго обывателя, о вдовѣ котораго „Иванихѣ“ въ ревизской книгѣ 1740 года сказано, что „домъ ея освобожденъ отъ постоевъ за то, что сынъ ея Андрей служитъ въ генер. канцеляріи“, при чемъ въ той-же ревизской книгѣ значится, что Андрей Гуленко въ это время, т. е. въ 1740 г., и самъ находился въ Прилукѣ, исполняя порученіе Глуховскихъ властей—„по раздачѣ денегъ на чиновниковъ полковыхъ и служителей сотенныхъ“ (с. 100). Изъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о Г—кѣ видно, что это былъ искательный человѣкъ, съумѣвшій сдѣлать себѣ особую, совсѣмъ необычную для Глуховскихъ канцеляристовъ, карьеру. Назначеніе Г—ка сотникомъ послѣдовало изъ Петербурга; въ дневникѣ Як. Марковича записано, что въ августѣ 1747 г. „изъ СПБ. пріѣхалъ (въ Глуховъ) канцелярист Гуленко съ *именнымъ указомъ*, что онъ пожаловалъ сотникомъ полков. Прилуцкимъ на мѣсто Лукомскаго“. Видимо, что Г—ко этого назначенія добился какими-то необычными путями, и мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что „именной указъ“ онъ получилъ при помощи своего свояка Федора Коченевскаго, который незадолго передъ тѣмъ (1743 г.) изъ придворныхъ пѣвчихъ былъ пожалованъ „въ помствеиные дворяне“ и оставаясь въ числѣ придворныхъ чеповниковъ, пользовался тамъ особыми милостями [1]).

---

[1]) Федоръ Коченевскій и Гуленко были женаты на родныхъ сестрахъ. О пожалованіи Коч—аго, съ нѣсколькими его товарищами,

Гуленко осталался сотникомъ повидимому до 1758 г., когда въ іюнѣ „пожалованъ былъ за ревность и прилежность въ титулярные совѣтники, въ рангъ сухопутнаго капитана“ [2]). Получивъ это необычное повышеніе, Г—ко сейчасъ-же обратился къ гетману съ просьбою о награжденіи своей службы какою-нибудь маетностью; Разумовскій увовлетворилъ просьбу и 22 іюля 1758 г. выдалъ ему универсалъ на д. Болбасовку, въ которой по ревизіи 1756 г. значилось посполитыхъ 31 дворъ и 50 бездв. хатъ. Повидимому Г—ко выпросилъ себѣ великорусскій чинъ съ цѣлью искать службы за предѣлами гетманщины, разумѣется разсчитывая на помощь свояка. Впрочемъ и безъ того новый чинъ ставилъ Гуленка, по его мнѣнію, превыше всѣхъ мѣстныхъ „судей“, „есауловъ“ и др. под.; недаромъ-же въ патентѣ значилось, что новый его чинъ равняется „рангу сухопутнаго капитана“. Дѣйствительно Г—ко сталъ смотрѣть на себя, какъ на настоящаго „офицера“; объ этомъ свидѣтельствуетъ произшедшій съ нимъ, въ томъ-же 1758 г., случай въ Прилуцкой соборной церкви. Случай этотъ описанъ въ жалобѣ вдовы генер. судьи Акима Горленка—па Гуленка, за обиду ея внука. „Сего декабря 26 д., въ праздничный Богоро-

---

въ дворяне см. *Архивъ Сената*, Баранова, III, № 9011. Изъ этой же книги видно, что Коч—ій въ 1748 г. пожалованъ полковникомъ, а затѣмъ получилъ с. Березовую Луку и х. Бодакву. О положеніи Ф. Коч—го при дворѣ, въ кружкѣ Разумовскаго, см. Дневн. Ханенка, 244, 249, 300, 333, 357, 358 и др. Здѣсь, между прочимъ, записано, что на новосельи у Коч—го императрица ужинала (1747 г.). Умеръ К—ій бригадиромъ. Участіе К—аго въ пожалованіи Гуленка можетъ быть предположено и изъ того факта, что годомъ раньше, въ 1746 г., изъ СПБ. уже разъ послѣдовалъ такой-же указъ, «за собственною ея и. величества рукою», объ опредѣленіи въ сотню Лохвицкую сотникомъ *пѣвчаго Кирилла Коченевскаго* (Зап. Як. Марковича, II, 239), который былъ младшимъ братомъ Федора. Очень вѣроятно, что и Кир. К—ій назначенъ былъ при помощи брата, который въ числѣ нѣсколькихъ бывшихъ придворныхъ пѣвчихъ (Любистокъ, Чижевскій, Рубановскій и друг.) могъ быть товарищемъ по пѣвческой всесильнаго тогда Ал. Разумовскаго.

[2]) Дѣло о дворянствѣ Гуленковъ въ Полтавск. двор. архивѣ, № 282.

дичный день, внукъ мой войск. канц—стъ Иванъ Горленко былъ въ соборной Прилуцкой Рождества-Богородицы церкви, въ службѣ (обѣдни) Божіей, и когда, по окончаніи службы, протопопъ Прилуцкій Михаилъ Лисаневичъ, вишедъ изъ алтаря съ антидоромъ, сталъ на срединѣ царскихъ вратъ, то прежде всѣхъ подошла за антидоромъ жена умершаго брагадира Федора Ивановича Коченовскаго, а за нею пошелъ внукъ мой, „держась обыкновенія малороссійского, что мужи передомъ женъ идутъ за антидоромъ“. За внукомъ подошла—за антидоромъ же—и жена бывшаго Прилуцкаго сотника („кой нынѣ титулярный совѣтникъ“) Андрея Гуленка... Но не успѣлъ мой внукъ взять антидоръ, какъ находившійся тутъ же Гуленко бросился съ „яростію“ къ моему внуку и тамъ же, у царскихъ вратъ такъ „тронулъ“ за плечо внука, что тотъ чуть не упалъ на землю... И тутъ же обозвавъ его дуракомъ, крикнулъ: „вотъ я тебя батожьемъ опорю!..“ А когда внукъ мой сталъ вмѣстѣ съ народомъ изъ церкви выходить, то Гуленко приказалъ своимъ служителямъ—схватить моего внука и отправить къ нему во дворъ. Засимъ „генеральная судіина“ подробно описываетъ, какъ слуги Г—ка, схвативъ ея внука, тащили его чрезъ церковь за волоса и били ногами и кулаками, и какъ при этомъ „черкеску на немъ порвали, кафтанъ новый, голубой грезети, тако-жъ шубу и шляпу помарали,“ и затѣмъ вбросивъ въ сани перваго попавшагося „изъ народа,“—повезли въ дворъ Гуленка. Старая Горленчиха поспѣшила вслѣдъ и—пріѣхавъ во дворъ Гуленка—„до ногъ падала“ передъ нимъ, умоляя помиловать внука. А Г—ко подозвавъ къ себѣ Горленка, крикнулъ: „вѣдаешъ де ты, Горленко, что я офѣцеръ! а ты послѣднѣйшій бездѣльникъ и некчемній дуракъ!“ А затѣмъ спросивъ у служителей—есть ли батожье, сказалъ, что за оскорбленіе чести его, Гул—ка, Горленка и въ Глуховѣ „на мосту будутъ бить кіями!“ Но слезы бабушки смягчили грознаго „офицера“ и онъ, обращаясь къ Горленку, сказалъ: „ежели де что отъ тебя мнѣ напредки послѣдуетъ, то де я тебя безпоблажно батожьемъ осѣчу, а теперъ—ради толко прошенія бабушки твоей,—тебѣ прощаю!“ Отпуская Горленка, Гуленко для острастки прибавилъ: „я де и

яко я офѣцеръ!“—Разсказавъ этотъ случай, „судіина“ въ подтвержденіе справедливости своего разсказа, сослалась на свидѣтелей, бывшихъ въ то время въ церкви, въ томъ числѣ на полк. судью Як. Огроновича и на полк. есаула Носенка. Жалобу свою „судіина“ подала [1]) въ „духовную консисторію Кіевской митрополіи“ и просила „о таковомъ церковномъ гвалтѣ надлежащее учинить слѣдствіе, а затѣмъ поступить съ Гуленкомъ якъ зъ гвалтовникомъ церковнимъ въ силѣ правила святыхъ отецъ, дабы онъ Гуленко на церкви Божіи гвалтъ дѣлать впредь не дерзалъ...“ Въ жалобѣ добавлялось, что самъ обиженный будетъ жаловаться на Г—ка „свѣтскому суду“. Но жаловаться мѣстному суду на Г—ка нельзя было, потому что это былъ—„офицеръ“; поэтому „искъ за свое безчестіе Горленко занесъ по командѣ въ Кіевскую губернскую к—рію.“—Послѣдняя просила духовную власть сообщить ей показанія тѣхъ священниковъ, которые были свидѣтелями „учиненнаго Гуленкомъ мятежа.“ Свидѣтели эти видимо боялись Г—ка и даваля показанія уклончивыя; напр., одинъ изъ „намѣстниковъ“ показалъ, что въ то время онъ отъ болѣзни „на обѣ уши былъ приглуховатъ...“ Впрочемъ другой описалъ причину Гуленковскаго „азарта“ повидимому правдивѣе, чѣмъ это сдѣлала бабушка обиженнаго: когда протопопъ Лисаневичъ вышелъ изъ алтаря раздавать народу антидоръ, пишетъ этотъ свидѣтель, то прежде другихъ подошли за антидоромъ: бригадирша Коченевская и сестра ея—„жена титулярнаго совѣтника Андрея Ивановича Гуленка...“ Но вмѣстѣ съ ними подошелъ къ протопопу, съ другой стороны, и Горленко, который—давъ только г-жѣ бригадиршѣ взять антидоръ,—„жену же совѣтника *упредилъ*, что усмотря совѣтникъ,“ подошелъ къ Горленку и сказалъ: „что ты, дуракъ, дѣлаешь?“ А Горленко на это отвѣтилъ: „ты самъ дуракъ!“—Въ такомъ видѣ разсказанный поводъ къ „азарту“ Гуленка рисуетъ картину и вѣрнѣе и живѣе...

---

[1]) Жалоба писана 31 декабря 1758 г. и подписана: „Марія Давидовна Якимова Горленкова, судіина генералная удовствующая, а вмѣсто ея по ея велѣнію подписалъ дворовій ея писаръ Григорій Григоровичъ.»

Какъ бы то ни было, но Г—ко никакому наказанію ни свѣтскимъ, ни духовнымъ судомъ подвергнутъ не былъ, да и какъ было судить человѣка, который какъ разъ въ это время (въ 1759 г.) былъ назначенъ „управителемъ волостной конторы государственныхъ описныхъ раскольничьихъ слободъ," а слѣдовательно сталъ въ положеніе большой власти...

Десятилѣтнее управленіе Гуленка полковою сотнею вѣроятно не обошлось безъ разныхъ случаевъ проявленія его самовластія и насилій,—такая повидимому была природа у этого человѣка,—но намъ не случилось встрѣтить другихъ жалобъ на этого сотника, кромѣ донесенія гетмана императору Петру III—по случаю звѣрскаго убійства Гуленкомъ весною 1762 г. одного обывателя въ Прилуччинѣ. Поводъ къ убійству возникъ, повидимому изъ того, что какой-то „экономъ" умершей „бригадирши" Коченевской—Фещенко въ чемъ то провинился и Гуленко хотѣлъ его за это наказать.—Фещенко почему-то оказался въ с. Мал. Дѣвицѣ, въ домѣ тамошняго козака Максюты. Туда за нимъ и отправился Г—ко. Какъ произошло убійство—въ донесеніи гетмана пишется слѣдующее: „напавъ на домъ Максюты съ многолюдствомъ своихъ людей, *Гуленковъ* перво хозяина того дому козака Максюту, жену и дѣтей билъ до смерти и едва живыхъ оставилъ, а после приказалъ въ томъ-же домѣ ломать двери у коморки, гдѣ умершой бригадирши Коченевской экономъ Иванъ Фещенко и съ нимъ Семенъ Капленко имѣли ночлегъ. Когда-же тѣ двери были выбиты, то Г—ковъ закричалъ—ихъ бить и колоть. И самъ оный Г—ковъ ударилъ Фещенка списомъ (копьемъ) прямо въ ротъ, такъ что тотъ списъ проскочилъ насквозь шеи, отъ чего Фещенко повалился мертвымъ. А Г—ковъ, бросая изъ рукъ списъ, вскочилъ въ коморку, а за нимъ и всѣ его помощники, и тамъ, обнажа шпагу, уже мертвое Фещенково тѣло кололъ самъ Г—ковъ а помощники—били; вытащивъ же изъ коморки тѣло, связали какъ-бы живому назадъ руки вожьемъ и вытащили на дворъ, гдѣ также били; а Г—ковъ по тѣлу ходя, топталъ и билъ ногами, а въ добавокъ и палашомъ кололъ. Потомъ, за тѣ же возжи тѣло Фещенка тащили до хутора его Г—кова и тамъ Г—ковъ приказалъ—руки Фещенковы забить въ колеса и тѣ

оборачивать, а оттуда вынувъ, растянуть на деревѣ и топорнымъ обухомъ бить по рукамъ, что и чинено, и тѣмъ—уже у мертваго тѣла—отъ самого плеча руки совсѣмъ растрощены. А напослѣдокъ Г—ковъ и глаза вынулъ шпагою вонъ. За всѣмъ-же тѣмъ, положа тѣло на возъ, Г—ковъ повезъ его за собою и вывезя на поле, велѣлъ бросить въ болотѣ, которое тамъ и сыскано и въ полк. Прилуцкую к—рію представлено."—Описавъ картину убійства, Разумовскій далѣе говоритъ, что объ этомъ убійствѣ Прилуцкая к—рія донесла генер. к—ріи, а та увѣдомила генер. судъ, но послѣдній хотя и вызвалъ Г—ка, но въ то же время генер. канцелярія донесла ему, гетману, что нельзя надѣяться чтобы Гуленко явился въ Глуховъ самъ, почему и нужно изыскать для этого мѣры особыя. Вотъ это увѣдомленіе генер. к—ріи и заставило гетмана донести о дѣлѣ Гуленка императору. „И нынѣ въ судъ генеральный посланъ ордеръ, писалъ гетманъ, дабы о семъ смертномъ убивствѣ въ ономъ генер. судѣ учинено было надлежащее рѣшеніе, но понеже отъ в. генер. к—ріи представлено, что онъ, Гуленковъ *прежде сего, по другимъ жалобамъ на него*, ко отвѣту являться ослушался, то не безъ уповательства мнѣ, что колъми паче отъ сего криминальнаго до него касаючогось дѣла убѣгать и разнообразные къ неявкѣ своей приносить будетъ извиненія. Хотя жъ что чинить въ случаѣ безправныхъ резоновъ чіей по такимъ дѣламъ неявки, въ малороссійскихъ правахъ положено, но что онъ Гуленковъ *опредѣленъ воеводою Чугуевскимъ*, сего ради вашему и. величеству о вышеписанномъ донося, прошу отъ правительствующаго сената оному Гуленкову предложить, чтобъ онъ по сему криминальному дѣлу неотмѣнно въ судъ генеральный къ отвѣту въ назначенный срокъ явился и не отлучался отъ суда до окончанія того дѣла, не отговариваясь никакими невозможностьми, ибо онъ, Гуленковъ, не токмо по сему что онъ малороссіянинъ и имѣетъ въ Малой Россіи свою осѣдлость, но и что такова въ М. Россіи произшедшая есть дерзость, то по всему тому предъ малороссійскимъ же правленіемъ и отвѣтствовать онъ долженъ..." [1])

---

[1]) Съ подлинника донесенія.

Намъ неизвѣстна дальнѣйшая судьба этого дѣла, какъ неизвѣстна и судьба самого Гуленка, который, какъ видно изъ гетманскаго донесенія, изъ управителей Черниговскихъ раскольниковъ попалъ въ воеводы; хотя эта должность тогда и не имѣла стариннаго своего значенія, но все же видно, что Г—ко попалъ въ коменданты значительнаго города.

Послѣ Гуленка остались сыновья Иванъ, Петръ, Василій и Степанъ, которые въ к. XVIII в. служили въ военной службѣ.

Преемникомъ А. Г—ка по сотничьему уряду былъ **Павелъ Гуленко.** [1]) Вѣроятно это былъ близкій родственникъ Андрея Г—ка, получившій урядъ при его протекціи. Объ этомъ сотникѣ, кромѣ его подписи на актѣ 1760 г., другихъ свѣдѣній мы не имѣемъ.

Села полковой сотни. С. Дѣдовцы, Удай. Въ 1690 г. кр—е отданы Мазепою—Остапу Маценку (с. 113), по смерти котораго Скоропадскимъ подтверждены, въ 1710 г. за его вдовою съ сыномъ Антономъ. Новый державца будто бы сталъ не вмѣру пользоваться „работизнами“ своихъ подданныхъ, которые пожаловались гетману, что не только самъ Маценко, но и мать его притѣсняютъ ихъ „панщиною.“ Высланный слѣдователь не подтвердилъ жалобы Дѣдовчанъ, какъ видно изъ слѣд. универсала: „поневажъ Дѣдовскіе жители, подданіе панѣ Евфиміи Остаповой Маценковой, по занесенной до насъ отъ себе суплѣцѣ, же имъ отъ оной, а барзѣй отъ сына еи п. Антона Маценка, въ необиклой панщинѣ знатніе дѣются налоги, прикрости, обиди и иншіе отъ него вимисли происходятъ збитки, нѣчего тутъ, предъ п. Вас. Жураховскимъ, асаул. нашимъ в. енер., зъ лиценя нашего жъ тоей ихъ справи слухавшимъ, не довели,—овшемъ показалося, что они зъ чіегось наущенія тимъ неправеднимъ доношеніемъ ихъ оскаржили, хотячи зъ подданства отъ ихъ вигнутися. Теди ми такую имъ, Дѣдовцямъ, ложъ зганивши и упомянувши, приказали, ижъ бы по прежнему ей,

---

[1]) Въ спискахъ сотниковъ на стр. 112-й Павелъ Гуленко по ошибкѣ не указанъ.

панѣ Маценковой и синовѣ еи, яко до войсковихъ услугъ згодному, безъ провинности обиклое отдавали послушенство и повинности... Тутъ же упоминаемъ, жебы мененная п. Маценкова и тотъ еи сынъ—предреченнимъ своимъ подданнымъ, до насъ на ихъ зъ суплѣкою удавшихся, нѣякого за тое не чинили отмщенія излишнею работизною и противъ другихъ не обтяжали...“ По вѣд. 1724 г. владѣльцемъ Д. значится „Антунъ Маценко товар. значк.,“ [1]) который потомъ былъ полк. хоружимъ (с. 72). **Кр. П.** 17 хоз. поспол., изъ нихъ 9 пахали на 4-хъ волахъ, а 8—на 2-хъ [2]) **А.** 48 д. **В.** 33 д. **В.** 17 д. Пс. 7. **Г.** 5 д. **Д.** 19 д. 27 х., 9 бх. **Кв. В.** 29 д. **Г.** 13 д. Пс. 9. **Д** 15 д. 35 х. Недостающіе противъ ревизіи 1729 г., домохозяева разошлись, какъ объясняетъ ревизія 1740 г., въ которой указано 8 домох., ушедшихъ въ 1736—40 г.г. большею частью въ сосѣднія села; оставшіеся послѣ нихъ 8 „плецовъ“ и пахатное поле на 17 дней—„ни въ чьемъ владѣніи не находились.“ По вѣдом. 1753 г., крест. населеніе принадлежало 7-ми владѣльцамъ, изъ которыхъ Прилуцк. протопопу Мих. Лисаневичу принадлежали 7 хоз., при чемъ изъ нихъ 6-ть жили въ бездворныхъ хатахъ; вдовѣ Антона Маценка принадлежали только 3 двора. Сынъ ея Ефимъ, служившій войск. канцеляр., въ 1774 г. уволенъ изъ службы съ *чиномъ* полков. писаря.

С. Голубовка, ручьи, въ августѣ 1687 г. Мазепою отдана Носу (с. 30), по смерти котораго въ 1715 г., Г—кою завладѣлъ Петръ Носенко и владѣлъ ею повидимому до 1720 г. когда это село было возвращено дѣтямъ Степана Носа (см. с. Щуровку). Затѣмъ, по вѣд. 1724 г., а также и по ревизіи

---

[1]) Въ бумагахъ Н. А. Маркевича имѣется составленная въ ноябрѣ 1724 г. „Вѣдомость отъ владѣльцовъ въ сотнѣ полк. Прилуцкоо будучихъ по якихъ крѣпостяхъ маетностми владѣютъ“, съ собственноручными подписями этихъ владѣльцевъ и кромѣ того подписанная Галаганомъ. Заимствуя изъ этой вѣдомости нѣкоторыя свѣдѣнія, мы обозначаемъ источникъ такъ: *Вѣд. 1724 г.*

[2]) Переписныя Книги 1666 г., въ Чтен. Общ. Нест.-Лѣтоп., кн. XIII.

1731 г. Г—ка показана за *Федоромъ* Носенкомъ [1]). Въ то-же время вдова Степана пишетъ гетману Апостолу: „не вѣдаю сколко именно годовъ тому дѣется, якъ с. Голубовка была въ подданствѣ нынѣшнему сотнику полк. Прилуцкому (Носенку), а потомъ вышписанное с. Г—ка въ подѣлѣ на покойного моего мужа спало." Какъ въ этой бумагѣ, такъ и въ другихъ, писанныхъ раньше, вдова Степана Носа ни о какомъ Федорѣ Носенкѣ, владѣльцѣ Голубовки, не упоминаетъ, сама распоряжаясь полученнымъ отъ Носа наслѣдствомъ. Можно предположить, что Федоръ Носенко былъ сынъ Степана, но до того безличный, что мать о немъ и не упоминала... Объ этомъ Федорѣ никакихъ затѣмъ свѣдѣній не встрѣчается, а стали извѣстны лишь двѣ дочери Степана Носа, Федора и Марья, бывшія замужемъ: первая—за Мартыномъ Жураховскимъ (изъ Лубенъ), а вторая—за бунч. тов. Николаемъ Троцкимъ. Федора умерла рано, оставивъ малолѣтнихъ дѣтей, которымъ изъ маетностей ихъ дѣда ничего не досталось, такъ какъ Голубовка полностью досталась Троцкому. **Кр. П.** 9 хов. п. **А.** 58 д. **Б.** 38 д. **В.** 46 д. Пс. 4. **Г.** 43 д. 47 х. **Д.** 34 д. 46 х. Пс. 16 д. 24 х. **Кз. В.** 3 д. **Г.** 12 д. 19 х. **Д.** 12 д. 22 х. Слишкомъ незначительное количество козачьяго населенія сравнительно съ крестьянскимъ уже и въ 1718 г.—должно быть приписано тому положенію, которое занималъ Ив. Носъ, имѣвшій полную возможность переписывать козаковъ въ крестьяне. Впрочемъ и Петръ Носенко также пользовался въ этомъ отношеніи своею властью, какъ это видно изъ слѣд. жалобы Голубовскаго козака Овдѣенка, поданной имъ въ 1722 г. Полуботку: „прекладаю жалобливе (жалобу?) на п. Петра, хоружого полк. Прилуцк., въ таковій-то способъ, что, насиліемъ мене изъ компуту козацкого увернулъ у мужицтво, *будучи ему полковою особою*, якъ надано ему с. Голубовку"... Затѣмъ Овдѣенко объявляетъ—какъ онъ жаловался Галагану и какъ послѣдній, справившись о его козачествѣ,—велѣлъ Овдѣенка „паки написать въ компутъ войсковый". Но распоряженіе полковника оказалось некрѣпкимъ, какъ пишетъ далѣе Овдѣенко:

[1]) При чемъ вѣдомость 1724 г. Федоръ Носенко подписалъ собственноручно.

„и потимъ пріѣдетъ п. бунчучный енер. (Лизогубъ) въ Прилуку за нѣякимись интересами, и тогда п. хоружій (т. е. Носенко) вдасця до его, просячи, чтобы мене и брата—изъ компуту козацкого увернути себѣ въ подданство; и тогда призвавши насъ предъ себе, п. бунчучній испрошувалъ о козацтвѣ нашемъ и винитавши, такъ сказалъ: „я до сѣхъ козаковъ не имѣю дѣла и не моценъ виписать ихъ изъ компуту.“—Тилко-жъ на прошеніе его хоружого—велѣлъ мнѣ мужицкую тяглость тягти, да за такимъ словомъ немо (его?), что „я тебѣ даю сего козака въ тяглость, тилко жъ ти не повинепъ его обѣрати! Ежели дѣятимется ему нужда якая великая, то онъ изнову попрежнему козаковати будетъ!..“ А за симъ Овдѣенко проситъ гетмана избавить его отъ мужицкой тяглости, значитъ уже не надѣясь на своего полковника.

Въ 1780 г. Г—ка принадлежала сыновьямъ Ник. Троцкаго Ивану и Тимофею, первый былъ полк. хоружимъ, а второй—„абшитованнымъ пѣвчимъ высоч. двора“.

С. Ювковцы пруды, въ 1707 г.[1]) отданы полк. писарю Игн. Лисаневичу, который впослѣдствіи былъ Прилуцкимъ протопопомъ. Мѣстные старожилы разсказывали въ 1734 г., что протопопъ Пр—цкій Игн. Лис—чъ, „зайшлій съ польскихъ краевъ въ Мал. Россію и своею охотою сталъ служить козацко, и въ той пребывая службѣ, составалъ полк. Пр—цкимъ писаремъ; а потомъ, съ вѣдома и позволенія гетм. Скоропадского, постригся попомъ въ 1710 г.“[2]) Въ этомъ же году, по универсалу 27 апр., Ю—цы были утверждены за „презвитеромъ Прилуцк. Игн. Личемъ, респектуя на труды его на урядѣ писарства полк. Прилуцкого“. По смерти Игн. Л—ча Ю. перешли къ сыну его Михаилу, который также былъ протопопомъ Пр—мъ. **Кр. П.** 15 хоз. **А.** 36 д. **В.** 17 д. **В.** 12 д. **Пс.** 4. **Г.** 18 д. 18 х. **Д.** 34 д. 52 х. **Кз. В.** 35 д. **Г.** 58 д. 66 х. **Д.** 40 д. 89 х. По вѣд. 1780 г. Ю. показаны за *женою* Ив. Галагана, а женою послѣдняго была дочь Кіевск. полковника Ефима Дарагана, женатаго на одной изъ сестеръ гетм. Разумовскаго; можно поэтому полагать, что Ю. отданы

---

[1]) Въ генер. слѣдствіи ошибочно указанъ 1667-й годъ.

[2]) Арх. ген. к—ріи по Черн. оп. № 6301.

были Дарагану, но почему отобраны отъ Лисаневичей—неизвѣстно.

С. Мамаевка, Удай, въ 1689 г. Мазепою отдана тогдашнему полк. судьи Кондрату Тарасовичу (с. 60)[1]) на урядъ, но онъ владѣлъ М—кою до своей смерти въ 1705 г., хотя судьею пересталъ быть гораздо раньше. По смерти Тарасовича М—ка отдана была Дм. Горленкомъ своему брату Степану, а когда послѣдній умеръ, то М—ку полковникъ „отобралъ на себе„. Послѣ измѣны Г—ка, М—ку выпросилъ себѣ на урядъ тогдашній полк. судья Мих. Огроновичъ, который провладѣлъ ею до 1722 г.; въ этомъ году М—ка, вмѣстѣ съ другими селами, пожалована была гр. Вейсбаху, командовавшему тогда великорусскими войсками, стоявшими въ Малороссіи. Ставъ „державцею", Вейсбахъ прежде всего пожелалъ защитить свои маетности отъ постоя тѣхъ самыхъ войскъ, которыми командовалъ. Вотъ его интересное письмо, писанное въ 1722 г., т. е. вслѣдъ за пожалованіемъ маетностей, обозному Огроновичу, *бывшему владѣльцу Мамаевки*: „Доносилъ намъ господаръ нашъ Богданъ Михайловъ, что въ прошлой зимовой квартири въ с. Мамаевкѣ стояло 4 порціи и 4 раціи, а въ с. Раскахъ было 14 порцій и 14 рацій, а нынѣшнего году на зимовую квартиру вприбавокъ поставлено, по указу вашему, въ Мамаевку—6 порцій и 6 рацій, а въ Раскахъ—13 порц. и 13 рац.; [2]) а понеже въ полку вашемъ Пр—мъ нынѣшнего году не болѣе прошлогодского на квартеру зимову опредѣлено, но менше, ибо г. генералу маіору фондеръ Роппу и штабу ево—половину рацѣй ему и штабу ево получать въ Полтавѣ; чего ради не могу признать для ради чего, ваша милость, такъ грубіянско со мною поступаете, власне, яко-бы съ

---

[1]) Иногда въ бумагахъ того времени онъ назывался и Тарасомъ Кондратовичемъ; видно, что современники мѣшали имя съ отчествомъ.

[2]) *Порціями* и *раціями* называлось пищевое и фуражное довольствіе войска. На извѣстное количество войска полагалось извѣстное количество порцій и рацій (на кормъ людей и лошадей), которыя, сообразно рыночной цѣнѣ продуктовъ, переводились на деньги. Въ 1732 г. «порція» оцѣнялась въ 42 коп., а «рація»—въ 95 коп.

мужиками своими, и уже мне другая обида явствуетъ, о которой першой обидѣ справедливости просилъ, гдѣ надлежало было, токмо до сего времени не получилъ, а нынѣ другую обиду чините несносную; чего ради, ежели впредь что покажется отъ васъ, то принужденъ приказать васъ взять за караулъ и къ себе привесть и справедливость самъ себѣ учинить. А нынѣ отъ насъ приказано лишнимъ людемъ по прошлогоднему постановленю, 13 человѣкъ изъ Расковъ да 6 изъ Мамаевки, съѣхать изъ поменутыхъ селъ и стать на вашемъ дворѣ, дондеже ви надлежащую имъ квартиру, гдѣ прошлого году стояли, опредѣлите". [1]) Можетъ быть подобныя крутыя мѣры новаго державцы-генерала и было причиною, что въ мартѣ 1728 г. состоялось постановленіе верх. т. совѣта о порученіи кн. Мих. Голицыну—произвести изслѣдованіе по жалобѣ малороссіянъ на генер. Вейсбаха, съ увольненіемъ его отъ команды". [2]) Тѣмъ не менѣе Малороссійскія маетности остались за Вейсбахомъ до его смерти въ 1736 г. По завѣщанію умершій всѣ свои имѣнія оставлялъ гв. майору Гамфу, а въ томъ числѣ слѣд. и Малороссійскія; но послѣднія успѣлъ выпросить въ янв. 1717 г. гр. Минихъ, [3]) къ которому перешла такимъ образомъ и Мамаевка. Но въ 1741 г. всѣ имѣнія у Миниха были отобраны въ казну, послѣ чего отобранныя имѣнія въ Малороссіи—Мамаевка, Мок-

---

[1]) Арх. генер. к—ріи по Черниг. оп. № 1377.

[2]) Арх. Сената, Баранова, II, №№ 2912, 3062. Нужно полагать, что удовлетворительный результатъ жалобъ на Вейсбаха былъ полученъ вслѣдствіе ходатайства только что поставленнаго гетманомъ Апостола, личныя отношенія котораго съ этимъ „Богемскимъ графомъ" впрочемъ были пріятельскія. Въ первый же мѣсяцъ гетманства Апостола—Вейсбахъ поспѣшилъ послать послѣднему газеты, до которыхъ старый полковникъ былъ охотникъ, какъ видно изъ слѣдующей отмѣтки въ журналѣ генер. к—ріи: „посланы къ его пр—ву г. ген—лу Девейсбаху зъ благодарствіемъ за посланніе къ намъ (гетману) при писмѣ его пр—ва газеты, такожъ зъ прошеніемъ впредъ, если рукъ его пр—ва нѣіе газеты достанутся, то безъ коммунѣкаціи насъ би не оставилъ" (19 окт., 1727 г.). Отмѣтка сдѣлана въ первомъ лицѣ,—относительно Апостола,—будучи вѣроятно списана съ его письма къ Вейсбаху.

[3]) Тамъ же, №№ 5687 и 5818.

ляки и хут. Линовицкій—въ 1742 г. были пожалованы сербу Стоянову, [1]) исторія котораго видна изъ грамоты 1751 г.—„бывшій гусарскихъ полковъ ген.-майоръ Иванъ Стояновъ въ 1742 г. билъ челомъ, что выѣхалъ онъ изъ отечества своего, изъ Сербіи въ Россію, и вступилъ въ службу по соизволенію Цетра В. въ 1723 г., и при томъ своемъ выѣздѣ вывелъ съ собою гусаръ нѣсколько человѣкъ, и во умноженіи въ Россіи сербовъ прилежными его трудами сербскій полкъ добрымъ порядкомъ со офицеры въ комплектъ привелъ. И продолжая свою службу, былъ во многихъ находахъ, акціяхъ и атакахъ съ сербскимъ гусарскимъ полкомъ, и получилъ жестокія раны... Такожъ и сынъ его находится въ службѣ въ гусарскомъ полку... И просилъ онъ, Стояновъ, о пожалованіи въ вѣчное его владѣніе описнаго послѣ бывшаго фельдмаршала Миниха хутора Линовицкаго съ д. Мамаевкою". По этой просьбѣ и была Стоянову отдана М—ка, въ которой въ это время было: „дворъ пріѣзжій, огородъ съ садомъ, огородъ-же, въ которомъ табакъ садятъ, дворъ шинковый, гребля на р. Удаи, на ней два амбара (мельничныхъ), одинъ о 2-хъ кол. мучныхъ, а другой—объ 1-мъ ступномъ и объ 1-мъ валюшномъ, на той же греблѣ суконовальная мельница, кузня, тяглыхъ: 41 дв., 58 хатъ, 55 семей, пѣшихъ: 37 двор., 48 х., 49 семей". По смерти Ив. Стоянова, въ 1744 г., М—ка перешла къ сыну его Михаилу, который выѣхавъ съ отцомъ, женился въ Малороссіи на дочери Ив. Ломиковскаго (зятя гетмана Апостола). Въ 1751 г. М—ка съ другими маетностями была подтверждена за Мих. Стояновымъ, который начальствовалъ тоже сербскимъ гусарскимъ полкомъ. Послѣ отставки Мих. Стояновъ жилъ въ Линовицѣ еще и въ 1772 г. Послѣ него осталось два сына, Иванъ и Михайло, и пять дочерей. **Кр. П.** 17 хоз. **А.** 92 д. **В.** 60 д. **В.** 82 д. Пс. 3 **Г.** 63 д. 69 х. Пс. 8. **Д.** 71 д. 107 х. Пс. 4 д. 8 х. **Кз. В.** 11 д. **Г.** 22 д. 25 х. **Д.** 20 д. 43 х. По вѣд. 1780 г. кр—не принадлежатъ ген.-майору Стоянову.

---

[1]) Тамъ же, III, № 8916.

Д. Новая Гребля, Удай, возникла изъ поселенія около водяныхъ мельницъ, устроенныхъ здѣсь, въ к. XVII или нач. XVIIIв., Семенютою (Семеномъ) Коломійцомъ; войсковая часть этихъ мельницъ отдана Скоропадскимъ въ 1709 г. Ив. Марковичу, который потомъ купилъ у сыновей Коломійца „два млина, дворъ съ солодовнею и два лѣса, за одинадцять сотъ зоотыхъ“ (с. 114). Умирая, эти мельницы М—чъ завѣщалъ частью сестрѣ-гетманшѣ, а частью племянникамъ (с. 117); но гетманша пріобрѣла здѣсь всѣ мельницы и устроила хуторъ, который отдала въ приданое за дочерью Толстою. Сыновья послѣдней, Александръ и Иванъ Толстые, въ 1752 г. продали всѣ свои Малороссійскія имѣнія Осипу Лук. Закревскому, при чемъ въ этой купчей значится и *сельцо Нов. Гребля*, надъ р. Удаемъ, а въ немъ: „дворъ господскій съ хоромнымъ дерев. строеніемъ, съ гумномъ и подсосѣдческими хатами, сѣнокосною и пахатною землею; и тамъ же на греблѣ, подлѣ двора, мельничн. амбаровъ 6, въ нихъ колъ мучн. 6, ступъ и валюшныхъ—4, да заставка о едномъ колѣ яловая (пустая); да къ тому двору земля, гдѣ была слободка надъ рч. Махновкою.“ По вѣдом. 1753 г., *въ хуторѣ Нов. Гребляѣ* значится 19 бздв. хатъ, принадлежащихъ Толстымъ и кромѣ того „при хуторѣ надъ рѣчк. Махновкою владѣнія Толстыхъ“,—3 хаты. Какъ видно, при составленіи этой вѣдомости Нов. Гребля продолжала еще считаться за Толстыми. По вѣд. 1780 г., въ Н. Гр. показано: Кз. 1 д. 1 х. и Кр. 9 д. 16 х. и 2 бд. х. Закревскаго, и 5 д. 13 х. подсосѣдковъ.

С. Полонки, [1]) Удай, до 1751 г. принадлежали къ числу ратушныхъ селъ. Кр. П. 20 хоз.[2]) А. 40 д. В. 8 л. В. 28 д.

---

[1]) Именемъ *Полонокъ* (им. пад. *Полонка*) называется нѣсколько селъ въ Гродненск. губ. Извѣстное мѣстечко *Полонное*, Нгр.-Вол. у., въ старину называлось также и *Полонка*, уменьшит. отъ котораго будетъ *Полонка*. Извѣстно, что м. Полонное въ 1648 г. было разорено до основанія; мож. быть Прилуцкія Полонки представляютъ собою тогдашній выселокъ изъ Полоннаго. См. Słown. Geogr., VIII, 726 и 727.

[2]) Въ Переписныхъ Книгахъ село это названо *Полоски*.

Пс. 21 Г. 9 д. 9 х. Д. 24 д. 30 х. Пс. 19 д. 25 х. Кз. В. 32 д. Г. 46 д. 49 х. Пс. 25 х. Д. 42 д. 71 х. Здѣсь обращаетъ на себя особое умаленіе крестьянскаго населенія 1718 г. противъ 1713 г., тѣмъ болѣе, что село было „ратушное", слѣд. свободное отъ державческихъ насилій; можно догадываться, что кр—не находили выгоднымъ видоизмѣняться въ подсосѣдковъ, которыхъ по ревизіи 1729 г. здѣсь значится 21 хоз., изъ нихъ 9—Журавскаго, сотника Фед. Тарасенка и *значк. козака* Матвѣя Тарасенка (брата?) и 12 подсосѣдковъ, сидѣвшихъ въ хатахъ „рядовыхъ козаковъ". Перечисленіе крестьянъ въ подсосѣдки должно было избавлять ихъ отъ общественныхъ повинностей. Цифра крестьянъ по ревизіи 1740 г. не сходится съ числомъ кр—нъ, показанныхъ въ „Вѣдомости сколько въ полку Прилуцкомъ ратушныхъ и свободныхъ войсковыхъ мѣстечекъ, селъ и деревень", составленной въ томъ-же 1740 г.; по этой вѣдомости въ П—кахъ показано: „посполитыхъ обывателей дворовъ *чтири*", а „козачьихъ и ихъ подсосѣдковъ—76; владѣльцами искупленныхъ—нѣтъ". Такимъ образомъ число кр—нъ по вѣд. 1740 г. съ ревизскою цифрою не сходится, а число козаковъ—одинаково. Разница въ числѣ кр—нъ вѣроятно происходитъ отъ неправильнаго подсчета подсосѣдковъ. Показанные по вѣдом. 1780 г. подсосѣдки—уже значатся въ П—хъ и въ 1753 г.; всѣ они принадлежатъ *владѣльцамъ*: б. тов. Сем. Билявскому, зн. тов. Сергѣю Головку, б. т. Ив. Себастіановичу, б. т. Андрею Горленку, зн. тов. Ив. Гришку, „попу" Прилуцк. Федору Турковскому, „умершему Мамаевскому діакону Ефрему"... Всѣхъ 27 семей.—Относительно крестьянскихъ повинностей въ ревизіи 1740 г. сказано: „съ оныхъ посполитихъ въ скарбъ войск. нѣчего не собирается, а вышеписанніе люде съ владѣльческими подданными въ расположеніи на общенародніе повинности и консистенской дачи—бываютъ въ равенствѣ; точію въ томъ не въ равенствѣ, что съ оныхъ свободныхъ посполитихъ,—отъ 1732 года по сей 1740 г.,—по универсалу гетм. Апостола, собирается ежегодно для заплаты полковымъ чиновникамъ и сотеннымъ служителемъ и на канцелярскіе расходы—по 70 коп. и три чети коп., которіе денги отдаются въ полк. Прилуцкую к—рію на-

рочно для того опредѣленному значк. тов. Матвѣю Федоровичу съ товарищи". (Ср. с. 101).

Въ вѣд. 1740 г. о П—кахъ имѣются такія свѣдѣнія: „Винокурня козачая 1, о 2-хъ казанахъ; козачая мелница *при рѣчцѣ Рудцѣ*; владѣльческихъ мелницъ на р. Удаи—2, въ нихъ колъ мучныхъ 4, а ступныхъ—2". Указанная здѣсь *рѣчка Рудка* упоминается и въ актѣ 1684 г., по которому обыватель села Полонокъ Гриненко продалъ „полковниченку Прилуцкому Димитрію Лазаревичу Горленкови кгрунтъ свой, гай березовый зъ лѣсомъ, отцевщину и дѣдовщину, чого толко самъ заживалъ, лежачие недалеко ставу Пергатовского, *надъ рудою Полонкою*, одъ тополи идучего Линовицкого гостинця..." [1]) Упомянутая здѣсь рч. Полонка въ XVII в. повидимому была однимъ изъ Удайскихъ притоковъ, а потомъ въ XVIII в. обратилась въ безыменную „рудку", а затѣмъ и совсѣмъ исчезла.

Въ 1751 г. П. отданы Разумовскимъ компан. полковнику Василію Чесноку, котораго сынъ Степанъ продалъ ихъ въ 1764 г. Николаю Троцинѣ, а Троцина въ 1765 г. продалъ П. полковнику Ямбургскаго полка Карлу Камешну; отъ послѣдняго П. перешли къ вдовѣ бригадира (Петра) Апостола, за которою значатся и по вѣд. 1780 г.

С. Подища, Удай. Какъ видно ниже, въ 1666 г. П. были уже значительнымъ селомъ. При Самойловичѣ Лазарь Горленко построплъ здѣсь для себя водяной „млинъ", на который въ 1682 г. получилъ универсалъ: „респектуючи мы на вѣрніе у В. Зап. службы и отваги рицерскіе п. Лазора Г—ка, полк—ка тепер. Прил., которіе въ разныхъ военныхъ окказіяхъ, заставноляючися за достоинство монаршее и за цѣлость отчизны Украины, противъ непріятелей показывалъ, позволяемъ ему... зъ власного его млина, его жъ власнимъ коштомъ у селѣ Поди-

---

[1]) Подлинникъ въ наш. б—кѣ. Въ этомъ актѣ между «могоричниками» названы: „Миско Тончѣй, атаманъ Полонскій, Павелъ Потеряйко, *сотникъ мѣщанскій*..." Этотъ чинъ встрѣчаемъ здѣсь впервые... Повидимому, онъ впослѣдствіи былъ переименованъ въ *войта*. Упомянутый въ этомъ актѣ Павелъ Потеряйко по переписи 1666 г. значится „Панка Потиракої". Переп. Кн. 1666 г., стр. 8.

щахъ на р. Удаи теперъ нововыставленного, всѣхъ пожитковъ зъ него приходячихъ спокойно заживати..." Въ 1689 г. въ Подищахъ было уже нѣсколько млиновъ Дмитрія Горленка, который въ этомъ году жаловался полковому уряду на мѣстныхъ „обывателей", что они устроивъ „изи" близко млиновъ его на р. Удаи, подъ с. Подищами, затопили колеса... Подищане—„субмѣтовались изи роскидати". Позже—мельницъ Горленковъ въ этомъ селѣ уже не было.—

До 1752 г. Подища оставалась селомъ ратушнымъ. Кр. П. 36 хоз. А. 70 д. В. 40 д. В. 31 д. Пс. 2. Г. 7 д. 7 х. Д. 9 д. 9 х. Пс. 20 д. 29 х. 8 бд. х. Кз. В. 52 д. Г. 84 д. 98 х. Пс. 2 д. 2 х. Д. 73 д. 148 х. По вѣд. 1740 г. „посп. обыват."—10 д., а козаковъ и ихъ подсосѣдк.—85 дв. Окладъ по универсалу 1732 г.—2 р. $56^1/_2$ коп. Козачьихъ винокурень—3, въ нихъ казан. 4; владѣльч. мельн. на р. Удаѣ—2, въ нихъ „колъ" мучн. 4 и ступн. 2.—Въ январѣ 1752 г. П—ща отданы Разумовскимъ ген. хор. Ник. Ханенку, вмѣстѣ съ друг. маетностями, „въ спокойное и ненарушимое ему и наслѣдникамъ его потомственное владѣніе за прежніе его вѣрніе, долголѣтніе службы, такъ и за его труды и прилѣжные старательства чрезъ шесть лѣтъ и болѣе—въ общенародныхъ всей Малороссіи дѣлахъ и нуждахъ, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ понесенные", при чемъ въ универсалѣ сказано, что въ П—щахъ по ревизіи 1751 г. значится 83 двора, да бд. хать 27.[1]) Здѣсь показаны крестьяне и козаки *вмѣстѣ*, а между тѣмъ въ другихъ универсалахъ того-же Разумовскаго крестьяне показываются обыкновенно отдѣльно; да оно такъ и слѣдовало, п. ч. отдавались одни кр—не. Почему крестьяне отъ козаковъ не отдѣлены въ универсалѣ, выданномъ такому *опытному дѣльцу*, какимъ былъ Ханенко—изъ универсалане видно... Можно лишь догадываться, что Ханенко, зная, что много Подищанскихъ кр—нъ должно было вписаться въ козаки, какъ это вообще бывало въ *ратушныхъ* селахъ, не хотѣлъ закрѣплять ихъ цифры въ универсалѣ по *ревизіи* 1751 г., чтобы

[1]) Универсалъ въ копіи въ наш. б—кѣ.

тѣмъ не помѣшать ходатайству о возвращеніи въ крестьянство „нововписныхъ козаковъ“.[1])

С. Красляне,[2]) рч. Рыбецъ, принадлежали къ числу ратушныхъ селъ. **Кр.** II. 16 хоз. **А.** 32 д. **В.** 18 д. **В.** 18 д. Пс. 4. **Г.** нѣтъ. **Д.** Пс. 16 д. 23 х., 19 бд. х. **Кз. В.** 30 д. **Г.** 57 д. 68 х. Пс. 10 х. **Д.** 57 д. 147 х. Умаленіе, а затѣмъ въ 1740 г. и совершенное исчезновеніе крестьянъ—объясняется конечно ихъ переходомъ въ козачество. Въ вѣд. 1740 г. сказано, что здѣсь „посполитыхъ обывателей жилыхъ дворовъ не имѣется“, а „козачьихъ винокурень 6 съ 7-ю казанами“. Но затѣмъ, по вѣд. 1753 г. въ Кр—сл—хъ появляется посполитыхъ—*4* двора и 3 бд. х., а по вѣд. 1764 г. показаны мелкія владѣнія: ген. бунч. Тарновскаго, тит. сов. А. Гуленка, войск. тов. Андрея и Ивана Мазаракъ и друг. Владѣнія эти образовались конечно изъ „скупли“. По вѣд. 1780 г. крест.—*нѣтъ*, а показаны „разночинческіе и козачьи подсосѣдки“, всѣхъ—42 х.

С. Рыбецъ, сліяніе Рыбца съ Удаемъ, принадлежалъ къ числу ратушныхъ селъ. **Кр.** II. 17 хоз. **А.** 16 д. **В.** 5 д. **В.** 9 д. **Г.** 3 д. 3 х. **Д.** 3 д. 3 х. Пс. 2 д. 2 х. **Кз. В.** 14 д. **Г.** 17 д. 24 х. **Д.** 25 д. 42 х. Здѣсь—то же умаленіе крестьянъ и увеличеніе козаковъ—конечно на счетъ первыхъ. По вѣд. 1740 г.—„поспол. дворовъ и ихъ подсосѣдковъ—нѣтъ“, а коз. двор. и ихъ подсосѣдк. 19 дв., а по свѣдѣнію 1764 г. Р—цъ показанъ во владѣніи есаула ген. артиллеріи Григорія Кологриваго, владѣніе котораго образовалось или изъ „скупли“ или же—изъ возвращенныхъ въ крестьянство „нововписныхъ“ козаковъ. Послѣднее могло случиться при отдачѣ Рыбца Кологривому по универсалу.

---

[1]) Не сомнѣваемся при этомъ, что редакція подробностей выданнаго Ханенку универсала принадлежитъ *ему самому*, такъ какъ это былъ *свой* человѣкъ въ генер. к—ріи, въ которой писались эти универсалы.

[2]) Въ Перен. Книг. 1666 г. ошибочно названы *Краснянкою*. Вообще это село часто въ актахъ XVIII в. называется Краснянами вм. правильнаго—*Красляне*.

С. Лѣски, Удай, принадлежали къ числу ратушныхъ селъ до 1751 г., когда Разумовскимъ кр—не отданы компан. полковнику Игнату Карповичу Чесноку. **Кр.** П. 23 хоз., въ томъ числѣ „бобылей"—6. **А.** 19 д. **В.** 19 д. **В.** 16 д. Пс. 6. **Г.** 7 д. 7 х. **Д.** 7 д. 7 х. Пс. 3 д. 4 х. 4 бд. х. **Кз. В.** 37 д. **Г.** 37 д. 54 х. **Д.** 36 д. 73 х.

М. Переволочна, Удай, одно изъ древнѣйшихъ южно-русскихъ поселеній; по лѣтописи уже въ 1092 г., значится „градомъ" (с. 1). Названіе *Переволочна* указываетъ, что здѣсь въ древности былъ *волокъ* для судовъ, т. е. сухопутная ихъ переправа на одномъ изъ изгибовъ (лукѣ) Удая взамѣнъ объѣзда луки водою [1]). Названіе Переволочны слѣдовательно должно было возникнуть тогда, когда Удай былъ еще судоходною рѣкою... Мы не знаемъ—существовали ли поселенія по р. Удаю въ X вѣкѣ, но суда—здѣсь плавали въ то отдаленное время... Несомнѣнно, что берега крутыхъ и частыхъ изгибовъ Удайскаго теченія, которые особенно характерны ок. Переволочны, представляли собою хорошо защищенныя мѣста, особенно при существованіи здѣсь лѣса, а эта защитность мѣстности должна была привлечь къ себѣ населеніе можетъ быть и тогда уже, когда здѣсь явился *волокъ*. Продолжительность существованія П—ны въ древнее время также темна какъ и другихъ южнорусскихъ „градовъ". Запустѣла-ли П—на въ пол. XIII в. или въ другое время—неизвѣстно. Слѣдуетъ предполагать, что запустѣла она наряду съ другими поселеніями въ пол. XIII в.—Появляется П—на въ новѣйшее время лишь въ нач. XVII в., въ числѣ владѣній Вишневецкихъ, подъ названіемъ *Межирѣчья* или *Перево-*

---

[1]) Судя по современному описанію Удая ок. Переволочны—лука, гдѣ былъ *волокъ*, и теперь можетъ быть опредѣлена: «Около м. Переволочны р. Удай дѣлаетъ рѣзкій поворотъ на ю.-в. и у самаго мѣстечка образуетъ небольшую, но оч. характерную *луку*, при чемъ края этой луки, имѣющей до 7-ми верстъ длины, *настолько приближаются другъ къ другу*, что часть м. Переволочны, расположенная внутри этой луки, стоитъ какъ-бы на о—вѣ, соединяющемся съ материкомъ *лишь узкою* перемычкою твердой земли въ 100 саж. шир." „Прилукскій уѣздъ», стр. 5.

лочны [1]). Въ тарифахъ 1628 г. въ П—нѣ показано дым.—2, огородн.—4 [2]). Названіе П—ны *Межирѣчьемъ*, указываетъ, что она была основана *между рѣчками*, т. е., полагать слѣдуетъ, на мѣстѣ того *вóлока*, который соединялъ эти два теченія одного и того же Удая. Засимъ, извѣстно, что въ 1643 г. здѣсь были уже и водяныя мельницы, строители которыхъ должны были платить Вишневецкому, какъ собственнику земли, извѣстную сумму за пользованіе ими [3]).

Во время возстанія Хмельницкаго П—на настолько была населена, что по „Реестрамъ“ 1649 г. она значится центромъ особой сотни. По переписи 1666 г. П—на названа мѣстечкомъ, въ которомъ тогда было 78 хоз. посполитыхъ; а если столько же было и козаковъ, то все населеніе П—ны простиралось до

---

[1]) Zròdła Dziejowe, XXI, dz. II, 295, 598.

[2]) Тамъ же, XX, dz. I, 79.

[3]) Приводимъ здѣсь «листъ» В—аго, данный имъ одному изъ П—хъ мельниковъ и указывающій условія пользованія такими мельницами: «Jeremi Michał Korybutus (sic), xiąże na Wiszniowcu. Wiadomo czynie tym listem moim, ręką własną podpisanym y pieczęcią umocnicznym żem naznaczył y naznaczam Mikicie Raszkiewiczowi, mielnikowi Przewłoczynskiemu, względem kosztów iego łożonych na młyn na rzyce Udaiu pobudowany, w ktorym iest koł mącznych dwie, stępy dwoje, kop litewskich sto spełna na tym że młynie assekuruiąc pewnosc tey summy, iemu y potomkom iego, albo komu by on według naylepszey woli y upodobania swego dał, darował, przedał, a sprawa teraz ode mnie otrzymanego ustupił dobrowolnie sam według zwyczaiu dawnego zażywaiąc pożytkòw poki zechce nie oddałać młyna od siebie, tak w miarkach iako y w gotowym groszu, zachowawszy tryb y porządek tuteyszych maietnosci, podatki jednak y powinnosci wszystkie z innimi młynarzami oddawać ma albo do skarbu mego, albo komu to należyć za prawem albo osobliwą laską moią będzie ktory wstąpic stego młyna nikomu iesliby w dzierżawie kto swey chciał go mieć nie obowiązaią aż chyba za skutesznym zaplaceniem sobie summy tym listem wzwycz opisaney. Jednak gdyby niedbały był w naprowawaniu młyna może arędarz za wiadomoscią, y zniesieniem się o tym z dzierżawcąl ubo sam dzierzawcą odebrac mu młyn y oddać summę, a inaczey żadney nie czynic przeskody gdy się poczuwac w powinnosciach swoich nie zaniedba nigdy. Dan w Lochwicy D. 29. X-bris. 1643». *(Изъ Румянцовской Описи).*

500 душъ. Какими то особыми экономическими выгодами П—на привлекла къ себѣ значительное населеніе. Повидимому, здѣсь развито было мукомольство можетъ быть потому, что для устройства здѣсь водяныхъ мельницъ развѣтвленія Удая представляли особенно удобныя мѣста. Кромѣ мельницы Рашкевича, другія здѣшнія мельницы видны изъ переписи 1666 г., по которой въ П—нѣ значится шесть „колъ"; изъ нихъ два „кола", въ одной мельницѣ, принадлежали „мѣщанину" Денису Микитину (м. б. сыну *Никиты* Рашкевича) и козаку Семену Носулѣ. Вѣроятно, этого самого „млина" войсковая часть отдана была въ маѣ 1664 г. Брюховецкимъ Лазарю Горленку, въ это время вновь поставленному полковнику (с. 8),—„Ознаймуемъ.... также и ревизорови нашему войсковому и дозорци тамошнему въ полку Прилуцкомъ будучому [1]), ижъ мы.... п. Лазору Горленку, полк—вѣ, далисмо на р. Удаи, у Переволочной прозываемій Иващишинъ млинъ изъ каменма двома *Носулинъ* (засимъ указываются еще двѣ мельницы, въ Прилукѣ и въ Смошѣ), абы изъ тихъ млиновъ припадаючихъ двохъ мѣрочокъ на войско спокойно заживалъ, опрочъ третее мелницкое..." При Мазепѣ въ П—нѣ былъ установленъ даже особый „дозорца надъ Переволочанскими млинами", конечно для правильнаго сбора слѣдовавшей въ войск. скарбъ части помола [2]). Сотеннымъ центромъ П—на была повидимому

---

[1]) Извѣстно, что Брюховецкій установилъ должность войсковаго подскарбія, которымъ былъ назначенъ Ром. Ракушка, Вѣроятно, въ подмогу ему были установлены должности войскового ревизора водяныхъ мельницъ и полкового „дозорцы" тѣхъ же мельницъ съ цѣлью правильнаго сбора войсковой части помола.

[2]) Приводимъ здѣсь гетманскій „листъ" одному изъ такихъ „дозорцевъ", указывающій до нѣкоторой степени обязанности ихъ.—„Вамъ, дозорци надъ млинами отъ насъ зостаючому, ознаймуемъ, ижъ превел. въ Богу о. Авксентій Якимовичъ, игуменъ м—ря Густынского, зъ братіею, показовалъ намъ писмо отъ Стефана Вашкевича, козака и обывателя Переволочанского, на одно коло млина даное, которое коло млина найдуется на рецы Удаи, на греблѣ новой, вышей мѣстечка Переволочной, и просилъ насъ, абы тое надане универсаломъ нашимъ подтвердили и часть войсковую пожитковъ зъ него походячихъ, при монастиру заховали. Любо тедн не годилобся тому Стефану безъ вѣдома нашого того млина надавати на монастырь.

недолго: уже во втор. полов. XVII в. мы не встрѣчаемъ здѣшнихъ сотниковъ.

Кр. П. 57 хоз. **А.** 254 д. **В.** 57 д. и 45 „людей п. сотника полкового“.[1]) **В** 163 дв. Пс. 8. **Г.** 56 дв., 56х. (особо: слобода Переволочанская—14 д. 15 х.), **Д.** 67 д. 93 х. 11 бд. х. Пс. 25 д. 38 х. 15 бд. х. **Кз. В.** 63 д. **Г.** 68 д. 68 х. Пс. 2 бд. х. **Д.** 39 дв. 79 х. 8 бд. х. Въ этомъ рядѣ цифръ видно большое колебаніе населенія въ П—ной, причемъ нѣкоторыя причины этого колебанія могутъ быть объяснены. Раньше сказано (с. 114), что въ 1714 г. Скоропадскій отдалъ Ив. Марковичу, въ то время полк. сотнику, „4-хъ рыбалокъ и 8 чел. тяглыхъ людей для помощи его Переволочанскому двору“, а черезъ четыре года, въ 1718 г., мы видимъ, что ихъ („людей п. сотника“) было уже 45 хоз., а число остальныхъ посполитыхъ уменьшилось до 57-ми. Несомнѣнно, что Ив. М—чъ, будучи близкимъ свойственникомъ гетмана и, кромѣ того, мѣстнымъ сотникомъ, наложилъ руку на Переволочанское посполство, подчиняя его себѣ въ „подданство“. Помогъ отчасти въ этомъ М—чу и самъ Галаганъ, утвердившій за нимъ нѣсколько дворовъ (какихъ-то „Ячниковцовъ“) въ добавокъ къ тому, что далъ гетманъ. Галаганъ не противодѣйствовалъ М—чу пока жилъ Скоропадскій, но какъ только послѣдній умеръ, Г. сейчасъ же отобралъ отъ М—ча „Ячниковцовъ“. М—чъ пожаловался Полуботку, которому Г—нъ такъ объяснилъ свои дѣйствія: „Мосцѣ п. полковнику Чернѣговскій зъ старшиною енералною, мои велце ласкавіи благодѣтели. Получилемъ одинъ листъ одъ вмм. м. панства, мимошедшого марта въ первыхъ числехъ, по доношенію п. судіи моего полкового на мене писанній зъ таковимъ изображенемъ, что велѣлемъ людей

(бо тое въ статьяхъ положено, жебы таковіи кгрунтовъ надання—опрочъ самихъ грошей,—ни отъ кого не были чинены), за що потреба бъ ему Стефану, наказаніе учинити, однакъ чинилъ тое на прозбу преречоного отца игумена Густынского, мужа чести достойнаго, же тое коло млина при монастыру заховуемъ и всѣхъ зъ него пожитковъ, якіи и на войско належали, заживати позволяемъ...“

[1]) Можемъ привести еще и цифру 1731-го года, когда въ П—нѣ показано посполитыхъ 132 дв.

Переволочанскихъ до дворця (усадьбы) его п. судіи наслуговуючихъ, прозиваемихъ Ячниковціовъ, и моимъ универсаломъ ствержениихъ, отобрати и его п. судіи не слушать да и супплѣки его, если якіе случатся, мимо его п. судію иной старшинѣ до росправы полѣцаю (поручаю), чого ради въ томъ же своемъ писаніи прекладаете мнѣ, вм. м. панство, ижъ бымъ ему п. судіи мененнихъ Ячниковціовъ привернулъ и супплѣкъ мимо его нѣкому до росправъ не полѣцалъ, якому вм. м. панства предложенію любо не естемъ противенъ, однакъ въ благоразсмотрителное разсужденіе тое вм. м панству подаю: на помянутіе Ячниковцѣ онъ, п. судія, а нѣ универсалу покойного п. гетмана Скоропадского, а нѣ превисочайшей грамоти его и, пресв. велич. у себе не имѣетъ, а въ экстрактѣ его п. велич. изображено—тилко по граматахъ его монаршихъ и универсалахъ гетманскихъ, чимъ хто пожалованъ, то тимъ владѣть, и я хочай передъ тимъ и далъ свой универсалъ ему п. судіи на тихъ Ячниковціовъ, всего на 15 человѣка, то въ тое время не такъ стѣснена была въ людяхъ ратушъ Переволочанская и не такъ зубожала якъ на сей часъ, и изъ тихъ мѣръ, респектуючи на теперешнее малолюдствіе ратуши Переволочанской, велѣлемъ привернути попрежнему до оной вышеозначенныхъ Ячниковціовъ. Тутъ же доношу вм. м. панству, что зверхъ тихъ Ячниковціовъ, принялъ п. судія тамъ же въ Переволочной въ свое владѣніе *болше сорока человѣкъ лишку громадскихъ и цеховыхъ людей*, которіе жадныхъ шарварковъ (повинностей) до ратуша въ Переволочной не отбуваютъ, лечъ ему п. судіи наслуговуютъ. Супплѣки зась, (т. е. просьбы по судебнымъ дѣламъ), если якіе случатся, хочай и радъ бимъ ему п. судіи, а не иншой старшинѣ, до расправъ полѣцати, однакъ поневажъ онъ, заехавши на свой фолварокъ, прозиваемый Сорочинцѣ, и тамъ вигоды заживаючи, ратушъ Прилуцкую (гдѣ происходилъ судъ) барзо рѣдко посѣщаетъ, а о моемъ домѣ и не измѣнкую—якъ бы и не буваетъ въ ономъ, а хочъ и прійдетъ, то прежней своей завзятости не перестаючи, въ посваръ зо мною входитъ, теди принужденъ естемъ (ижъ бы супплѣканты въ городѣ не ваковались за его п. судіи въ ратуши небытностю и скорую расправу получали) инной старшинѣ полковой, которая мнѣ повиновеніе отдаетъ, чоломбытніи ихъ полѣцати и

окончувати“ (16 апрѣля, 1723 года). Въ этомъ писаніи можно найти нѣкоторое объясненіе столь значительнаго уменьшенія въ населеніи Переволочанскаго посполъства, какое мы видимъ изъ вѣдом. 1718 г.—Въ своемъ завѣщаніи (1724 г.) М—чъ указываетъ, между прочимъ, „дворъ въ Переволочной за мѣстечкомъ и людей на властныхъ его купленныхъ грунтахъ сидячихъ и тѣхъ, которіи даны гетманомъ и монаршою грамотою укрѣплены...“ (с. 118). Отсюда видно, что для полнаго себѣ подчиненія тѣхъ П—хъ крестьянъ, которыхъ онъ привлекъ себѣ въ подданство, М—чъ ихъ поселилъ на купленныхъ земляхъ.—Послѣ смерти М—ча, посполитое населеніе въ П—нѣ снова замѣтно повышается. Есть-ли связь между этимъ повышеніемъ и смертью М—ча—сказать трудно, но должна была быть... Въ 1740 г. опять видимъ сильное пониженіе населенія въ П—нѣ, но объясненіе этого пониженія находимъ въ томъ, что въ 1732 г. П—на была отдана въ ранговое владѣніе тому самому *Михайлу Забѣлѣ*, который новою своею „панщиною“ такъ сильно уменьшилъ населеніе въ с. Валкахъ (см. ниже). Какъ тамъ, такъ и здѣсь ревизская книга 1740 г. указываетъ количество запустѣвшихъ крестьянскихъ дворовъ послѣ ушедшихъ ихъ хозяевъ: за четыре года (1737—740) въ П—нѣ запустѣло 48 плецовъ отъ ухода ихъ хозяевъ, которыхъ ревизія 1740 г. перечисляетъ поименно. [1]) Въ ревизіи 1740 г. кр—скихъ дворовъ, какъ видно выше, показано 56, а по вѣдом. того-же года, составленной по особому требованію генер. к—ріи—ихъ показано только 35: „посполитыхъ обывателей и ихъ подсосѣдковъ, живущихъ дворовъ 35“. Откуда эта разница на 20 двор. въ двухъ вѣдомостяхъ одного и того же года—объяснить не умѣемъ, если только въ *вѣдомости* 1740 г. (подписанной полк. писар. Галенковскимъ и полк. есауломъ Носенкомъ) правда не скрыта умышленно... Послѣ смерти Забѣлы П—на продолжала оставаться ранговою маетностью, назначенною для генер. судей. Во втор. полов. XVIII в.

---

[1]) Въ ревизской книгѣ за 1740 г. ушедшіе изъ того или другого села показываются лишь за это время, потому вѣроятно, что въ 1736 г. была такая же ревизія, при которой показано ушедшее населеніе до 1736 г. включительно.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

4-й годъ изданія. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 4-й годъ изданія.

на 1901 годъ.

на ежедневную научно-литературную, политическую и экономическую газету

„ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ",

издаваемую въ г. Екатеринославѣ М. С. Копыловымъ.

Газета будетъ издаваться въ 1901 году подъ тою-же редакціей (В. В. СВЯТЛОВСКАГО), при томъ-же составѣ главныхъ сотрудниковъ и по той-же программѣ.

Въ „Приднѣпровскомъ Краѣ" будетъ отведено достаточно мѣста для иллюстрацій и рисунковъ. Въ газетѣ принимаетъ участіе цѣлый рядъ профессоровъ, ученыхъ и писателей.

Газета кромѣ телеграммъ Россійскаго телеграфнаго агентства, будетъ помѣщать телеграммы своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ изъ С.-Петербурга и Москвы.

Условія подписки на 1901 годъ. Съ доставкой въ Екатеринославѣ. На 12 мѣс. 10 р. На 9 мѣс. 7 р. На 6 мѣс. 5 р. 50 к. На 3 мѣс. 3 р. 50 к. На 1 мѣс. 1 р. 25 к. Съ пересылкой почтой въ другіе города. На 12 мѣс. 12 р. На 9 мѣс. 9 р. На 6 мѣс. 6 р. 50 к. На 3 мѣс. 4 р. На 1 мѣс. 1 р. 40 к. Съ пересылкой заграницу. На 12 мѣс. 23 р. На 9 мѣс. 17 р. На 6 мѣс. 12 р. На 3 мѣс. 7 р. На 1 мѣс. 2 р. 50 к.

Отдѣльные номера продаются въ Екатеринославѣ и повсемѣстно по 5 к.

1901 ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1901

на

иллюстрированный популярно-научный журналъ

Энциклопедія

24 книги въ годъ,

выходящихъ 10 и 25 числа каждаго мѣсяца.

Задача популярно-научнаго журнала „*Энциклопедія*“—давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе по всѣмъ отраслямъ знаній, слѣдить за движеніемъ современной мысли и знакомить читателей съ современной литературой и искусствомъ. Статьи будутъ иллюстрированы художественными рисунками, необходимыми для нагляднаго объясненія текста.

Особенно богатый біографическій отдѣлъ будетъ давать обстоятельные отчеты, съ необходимымъ краткимъ изложеніемъ содержанія, о новыхъ выдающихся произведеніяхъ русской и иностранной литературы, такъ что каждый читатель всегда будетъ въ курсѣ современной литературы, науки и искусства всего цивилизованнаго міра.

Такимъ образомъ журналъ „*Энциклопедія*“ представитъ собою дѣйствительную энциклопедію современныхъ знаній, давая резюме современнаго движенія науки, литературы и искусства въ общедоступномъ, но строго-научномъ изложеніи. Ничто такъ не полезно и интересно, какъ такое резюме, въ которомъ откинуто все скучное и узко-спеціальное и оставлено лишь то, что представляетъ дѣйствительную важность и жизненный интересъ. Весьма важнымъ подспорьемъ для нагляднаго ознакомленія съ предметомъ являются художественныя иллюстраціи, которыми будутъ снабжены многія статьи журнала.

Не смотря на свою низкую стоимость, журналъ *„Энциклопедія“* дастъ много весьма интереснаго и поучительнаго матеріала какъ для каждой образованной, такъ и для всякаго, желающаго пополнить чтеніемъ свое образованіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ *„Энциклопедія“* съ пересылкой: на годъ—*6* руб.; за-границу—*10* руб.

Допускается разсрочка: при подпискѣ—*2* руб., въ Мартѣ—*2* руб., въ Іюнѣ—*2* руб., или первые шесть мѣсяцевъ по *одному* рублю.

Цѣна отдѣльной книги—*50* коп., съ пересылкой—*70* коп.

Контора журнала: С.-Петербургъ, Рижскій пр., 48.

1—3

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1901 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи; представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія: библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя

зрѣнію коллекціи и состоянію учебно-воспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, библіографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники, историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованые.

Учебныя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7р. Отдѣльныя книжки можно получить изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко*

1—3

ОБЪЯВЛЕНІЕ

о продолженіи изданія журнала

Труды Кіевской Духовной Академіи

въ 1901 году.

(Годъ изданія сорокъ второй).

Журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи“ будетъ издаваться и въ 1901 г. по прежней программѣ. Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Дух. Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по содержанію общедоступныя большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ „*Библіотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ*“

Журналъ выходитъ *ежемѣсячно* книгами отъ 10—15-ти и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб., а за границу 8 руб.

За прежніе годы „Труды" продаются *по уменьшеннымъ цѣнамъ*, именно: за 1860—1878 гг. по 5 р., за 1879—1883 гг. по 6 р., за 1885—1897 гг. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 руб. съ перес. Экземпляры „Трудовъ" за 1867—68 и 1884 гг. распроданы.

Кромѣ того въ конторѣ редакціи продаются между прочимъ слѣдующія книги: *„Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ:"* а.) св. Кипріана, еп. Карѳ., части 1 и 2, б.) блаж. Іеронима, ч. ч. 1—15 и в.) блаж. Августина, ч. ч. 1—8. Цѣна каждой части *2 р.* съ перес., кромѣ 9-й и 15-й частей твореп. блаж. Іеронима, цѣна которыхъ по *1 р. 50 к.*

«Опытъ правосл. догматическаго Богослуженія» еп. Сильвестра, т. 1 (изд. 3-е) ц. *1 р. 70 к.*, т. 2 (изд. 3-е ц. *3 р. 30 к.*, т. т. 3, 4 и 5 (изд. 2-е) по *3 р.* каждый.

Съ требованіями относительно журнала и книгъ редакція проситъ обращаться *непосредственно* къ ней по слѣд. адресу:

Въ редакцію журнала „Труды Кіевской Духовной Академіи" въ *г. Кіевѣ* (Ильинская, д. № 5).

Редакторъ *профессоръ В. Ѳ. Пѣвницкій.*

1—3

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на **1901** годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція „Русской Старины" будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и худож-

никовъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) документы, рисующіе быть русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будетъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145,

1—3

Открыта подписка на 1901 г. (8 г. изд.)

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ"

Изданіе П. П. СОЙКИНА

подъ редакціей д-ра философіи М. М Филиппова

„Научное Обозрѣніе" не спеціальный, но общій журналъ, имѣющій въ виду всѣхъ читателей, интересующихся успѣхами науки, а также выдающимися литературными явленіями.

Журналъ остается вѣрнымъ своимъ завѣтамъ, т. е. по прежнему будетъ органомъ прогрессивнаго направленія, исключающаго всякій школьный догматизмъ и рутину.

Вступая въ XX-й вѣкъ, одной изъ задачъ котораго является распространеніе научнаго образованія въ возможно широкихъ

кругахъ общества, *журналъ нашъ посвятитъ особое вниманіе вопросамъ самообразованія.*

Съ этою цѣлью *редакція „Научнаго Обозрѣнія" рѣшилась присоединить къ журналу* рядъ популярныхъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ знаній, подъ общимъ заглавіемъ:

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

Къ концу года это прилож. сост. большой томъ въ *40 печ. лист.* т. е. *640* страницъ.

Сочиненія и статьи, напечат. въ *„Народномъ Университетѣ" будутъ доступны* даже для читателей, обладающ. самой элементарн. подготовкой.

Завѣдываніе этимъ отдѣломъ принялъ на себя извѣстный популяризаторъ *В. В. Битнеръ.*

Для печатанія въ „Народномъ Университетѣ" предпол., между прочимъ слѣдующее:

Происхожденіе животнаго міра.—Міръ въ каплѣ воды.—Невидимые враги.—Происхожденіе и значеніе денегъ.—Чудеса электричества.—Мозгъ, какъ органъ мышленія.—Прогулки по небу. Доисторическій человѣкъ.

Текстъ будетъ поясненъ чертежами, рисунк. и хромолитогр.

По примѣру прежнихъ лѣтъ къ „Научному Обозрѣнію" будутъ приложены капитальныя переводныя сочиненія:

Авенаріусъ. Міропониманіе.—*Тардъ,*—Соціальный законъ, и одно сочиненіе *Джона Стюарта Милля*, еще не бывшее въ русскомъ переводѣ.

Въ историческомъ отдѣлѣ приметъ ближайшее участіе выдающійся историкъ и популяризаторъ проф. *А. С. Трачевскій.* Здѣсь, между прочимъ, будутъ печататься: Историческая хроника Меримэ и статьи по исторіи инквизаціи.

Отдѣлъ обзора журналовъ русскихъ и иностранныхъ *будетъ значительно расширенъ*, что дастъ читателямъ возможность

въ сжатомъ видѣ слѣдить за современнымъ движеніемъ человѣческой мысли, открытіями, новостями литературы, искусства и науки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ безъ дост. въ Спб. 6 р. 50 к. Съ доставкою и пересылкою по всей Россіи—7 руб. За границу 10 рублей.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 апрѣля 2 руб. и къ 1 іюля остальные, или по одному рублю, начиная съ декабря.

Адресъ конторы: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремянная, 12, соб. домъ.

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„ВОЛЫНЬ“

(Двадцать третій годъ изданія)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 12 мѣс. . . . 6 руб.		**На 3 мѣс. . . 1 р. 50 к.**	
На 6 мѣс. . . . 3 руб.		**На 2 мѣс. . . 1 р. 10 к.**	
На 4 мѣс. . . . 2 руб.		**На 1 мѣс. . . — р. 60 к.**	

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА №№ ПО 5 КОП.

Подписка принимается въ г. Житомірѣ, въ главной конторѣ редакціи, по Б.-Бердичевской ул., въ Архіерейскомъ домѣ. *Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку газеты лишь въ томъ случаѣ, если подписка принята въ Главной Конторѣ.*

Контора газеты открыта ежедневно, за исключеніемъ дней праздничныхъ, отъ 9 час. утра до 6 час. пополудни.

Редакторъ-издатель *Г. И. Коровицкій.*

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

НА

„СѢВЕРЪ"

XVI ый годъ изданія

еженедѣльный иллюстрированный литературно-художественный

ЖУРНАЛЪ

Въ 1901 году гг. подписчики *„Сѣвера"* получатъ: *52 №№* роскошно иллюстрированнаго журнала, въ литературномъ и художественномъ отдѣлахъ котораго, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, будутъ печататься произведенія нашихъ извѣстныхъ писателей и художниковъ; *52 №№* еженедѣльнаго обозрѣнія политической и общественной жизни, въ форматѣ газеты, составляющей отдѣлъ журнала *„Сѣверъ"*; *12 №№* журнала *„Парижскія моды, Хозяйство и Домоводство"*, со множествомъ новѣйшихъ модныхъ рисунковъ и полезныхъ указаній, необходимость для хозяйства и домашняго обихода; *12 №№* выкроекъ на отдѣльныхъ большихъ листахъ, съ узорами и рисунками дамскихъ рукодѣлій; кромѣ того, на основаніи пріобрѣтеннаго отъ автора права печатанія всѣхъ вышедшихъ въ свѣтъ его произведеній, редакція, не останавливаясь передъ значительными денежными затратами, дастъ въ теченіе одного 1901 года, въ книгахъ *„Библіотеки Сѣвера"*, на глазированной бумагѣ, съ портретомъ автора.

24 ТОМА СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **24 ТОМА**

Д. Л. МОРДОВЦЕВА

Въ отдѣльной продажѣ сочиненія эти стоятъ 20 руб.

Кромѣ всего этого, гг. годовые подписчики получатъ роскошный альбомъ:

„Галлерея русскихъ писателей и художниковъ",

въ который войдутъ исполненные фототипогравюрой портреты нашихъ извѣстныхъ художниковъ слова, кисти и рѣзца, съ ихъ біографіями и характеристиками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ—*6 р.*; безъ доставки въ Москвѣ: 1) въ конт. Л. и Э Метцль и К°; 2) въ книжн. маг. Альшвангъ и Герлахъ (прот. мал. театра)—*6 р. 25 к.*; безъ доставки въ Одессѣ въ кіоскахъ Г. В. Свистунова—*6 р. 50 к.* Съ пересылкой во всѣ города и мѣстн.—*7 р.*

На $^1/_2$ года съ дост. и перес. **3 р. 50 к.**, на 3 мѣс.—**1 р. 75 к.**, на 1 мѣс.—**60 к.** За границу—**11 р.**

Разсрочка допускается по полугодіямъ, четвертямъ года и помѣсячно. Поручительствъ гг. казначеевъ и управляющихъ не требуется. Подписки въ кредитъ не принимаются. Подписавшіеся съ разсрочкою и уплатившіе къ концу года подписную плату сполна получатъ премію наравнѣ съ гг. годовыми подписчиками. Подписки просятъ адресовать въ Главную контору журнала „Сѣверъ" (СПБ., Невскій пр., 170) на имя изд. *Ник. Ѳед. Мертца.*

Пробный № высылается безплатно

1–3

Газета политическая, общественная и литературная

ХАРЬКОВСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ

Выходитъ ежедневно.

Постоянныя рубрики газеты слѣдующія: 1) передовыя статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики. 2) Отдѣльныя статьи, обсужденію мѣстныхъ вопросовъ. 3) Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ. 4) Послѣднія извѣстія (мѣропріятія слухи, проекты и т. п.) 5) Телеграммы. 6) Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной). 7) Корресподенціи, 8) Новости науки, литературы и искусства. 9) Театръ и музыка. 10) Внутреннія извѣстія. 11) Земская и городская хроника. 12) Внѣшнія извѣстія. 13) Судебный отдѣлъ. 14) Фельетонъ (беллетристика оригинальная и переводная, критическія статьи, научные очерки и проч.). 15) Библіографическія замѣтки. 16) Смѣсь. 17. Справочный отдѣлъ.

Подписка принимается въ Харьковѣ, въ конторѣ „Харьк. Вѣд“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ перес. иногородн.: на 12 мѣс. 10 р., на 9 мѣс. 8 р., на 6 мѣс. 5 р. 75 к., на 3 мѣс. 3 р. на 2 мѣс. 2 р. 10 к., на 1 мѣс. 1 р. 20 к. Съ доставкой: на 12 мѣс. 9 р. 25 к., на 9 мѣс. 7 р., на 6 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на 2 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 1 р. Безъ доставки на 12 мѣс. 8 р. 25 к., на 9 мѣс. 6 р. 50 к., на 6 мѣс. 4 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р. 25 к., на 2 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣс. 80 к.

Редакторъ Ефимовичъ.

1—3

„НЕДѢЛЯ“

принимается подписка на 1901 г. (тридцать четвертый годъ изданія).

„НЕДѢЛЯ“ состоитъ изъ двухъ изданій, еженедѣльной общественно-политической газеты „НЕДѢЛЯ“ и ежемѣсячнаго литературнаго журнала „КНИЖКИ НЕДѢЛИ“ и редактируется при ближайшемъ участіи *М. О. Меньшикова* и *П. Е. Накрохина*.

Въ послѣдніи годы въ „Недѣлѣ“ и „Книжкахъ Недѣли“ печатались произведенія В. П. Авенаріуса, К. Д. Бальмонта, А. Н. Будищева, И. А. Бунина, проф. Н. П. Вагнера (Кота Мурлыки) В. Л. Величко, Ѳ. Ѳ. Воропонова, П. П. Гнѣдича, В. М. Грибовскаго, В. Л. Дѣдлова. Г. Р. Каргрэмъ, А. Ф. Кони, проф. А. Н. и П. Н. Красновыхъ, Ѳ. Ѳ. Крыштофовича, М. А. Лофицкой, Евг. Л. Маркова, В. Микуличъ, С. Пругавина, О. П. Руновой, С. А. Рапопорта, И. Е. Рѣпина, К. К. Случевскаго, Влад. С. Соловьева, П. А. Тверскаго. В. А. Тихонова, К. И. Тутра К. М. Фофанова, Ант. П. Чехова, А. К. Шелера (Михайлова), Т. Л. Щепкиной-Куперникъ, И. И. Янжула и др.

Соединеніе еженедѣльной общественно-политической газеты съ ежемѣсячнымъ литературно-критическимъ журналомъ даетъ возможность редакціи „НЕДѢЛИ“ служить всѣмъ интересамъ текущей жизни опираясь на тщательно выборный и провѣренный матеріалъ.

Цѣна газеты „НЕДѢЛЯ“ съ КНИЖКАМИ „НЕДѢЛИ“ *девять* рублей въ годъ съ пересылкой и доставкой.

Въ уплатѣ подписной суммы допускается разсрочка: при подпискѣ—5 руб. и къ 1-му іюня—4 р., а также и на другихъ условіяхъ по соглашенію съ конторой редакціи.

Подписка принимается: въ С-Петербургѣ, въ редакціи „НЕДѢЛИ“ Фонтанка, 37, въ кн. магазинѣ И. Глазунова. Невскій 27, въ кн. Складѣ Т-ва „Трудъ.“ Фонтанка, 86, въ Москвѣ въ конторѣ Печковской, кн. магазинѣ В. В. Думнова. Мясницкая д. Обидиной и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ Россіи.

Редакторъ-издатель В. П. Гайдебуровъ.

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЗДАНІЕ

Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества

„НАЧАЛЬНОЕ НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ РОССІИ“

подъ редакціей членовъ И. В. Э. Общества

Г. А. Фальборка и В. И. Чернолускаго.

Въ программу изданія, являющаго результатомъ перваго, охватывающаго всю Имперію, изслѣдованія положенія въ Россіи народнаго образованія, входитъ изученіе школъ всѣхъ типовъ, положенія и состава учителей и учащихся въ нихъ, средствъ содержанія, постановки учебно воспитательной, административной и финансовой стороны народной школы и т. д. Все изданіе заключаетъ въ себѣ *свыше 200 печатныхъ листовъ большого формата въ 8 томахъ in folio* и состоитъ изъ текста, многочисленныхъ діаграммъ и картограммъ, статистическихъ таблицъ по губерніямъ, районамъ, уѣзднымъ городамъ Имперіи.

Цѣна за все изданіе по подпискѣ: 25 рублей, въ прочныхъ папкахъ 28 рублей.

Допускается разсрочка: при подпискѣ *15* рубл., а по выходѣ третьяго и четвертаго томовъ по *5* рубл. По закрытіи подписки цѣна будетъ повышена.

Первые два тома изданія (LIX+825 стр. вышли изъ печати и немедленно высылаются подписчикамъ. Цѣна каждаго тома въ отдѣльной продажѣ 6 рублей. Слѣдующій томъ печатается.

Подписка на изданіе принимается: въ С.-Петербургѣ, въ И. В. Э. Обществѣ (Забалканскій пр., д. 33) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

1—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 3-й ГОДЪ

(съ октября 1900 по октябрь 1901)

Ежемѣсячнаго Иллюстрированнаго Изданія:

ИСКУССТВО

и

Художественная Промышленность,

подъ редакціей Н. П. СОБКО,

съ снимками въ черномъ видѣ и въ краскахъ, какъ въ текстѣ, такъ и на особыхъ листахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ годъ *за 12 выпусковъ съ особыми приложеніями* (въ общемъ *до 1000 стр.* текста и *около 500 снимковъ*), безъ дост. *8 р.*; съ дост. и пер. *10 р.*; за гран. *12 р.*

Въ отдѣльной продажѣ—отъ *75 к.* до *1 р.* за выпускъ, при чемъ 1-я книжка высылается *наложеннымъ платежомъ* за *2 руб.* съ зачетомъ этой суммы въ послѣдствіи при подпискѣ.

Иногородные подписчики, во избѣжаніе излишнихъ проволочекъ въ доставкѣ подписки черезъ книжные магазины, благоволятъ обращаться *преимущественно* въ Главную Контору: *С.-Петербургъ, Мойка, 83.*

Книгопродавцамъ дѣлается уступка *отъ 40 до 60 коп.* съ годового экземпляра, смотря по роду подписки.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ *полные экземпляры* первыхъ 2-хъ лѣтъ продаются по *10 руб.*, съ перес. по *12 руб.*

1—3

Открыта подписка на

„РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

Журналъ безъ предварительной цензуры.

Цѣна съ пересылкой и доставкой на годъ 10 р., на полгода 6 р., на три мѣсяца 3 руб., на мѣсяцъ 1 рубль.

Для лицъ духовнаго званія, преподавателей среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ *пониженіе цѣны допускается по соглашенію съ редакціей.*

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ нихъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ объ этомъ въ конторѣ журнала.

Въ виду многочисленныхъ запросовъ, поступающихъ въ контору редакціи со стороны читателей, заявляемъ, что нынѣшнее издательство журнала ничего общаго съ прежнимъ не имѣетъ.

1—3

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1901 года.

(Годъ 39-й)

„Русскій Архивъ“ въ 1901 году будетъ выходить по прежнему *двѣнадцатью выпусками*, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1901 году съ пересылкой и доставкой *девять* рублей. Для чужихъ краевъ—*двѣнадцать* рублей.

Подписка принимается въ *Москвѣ*, въ конторѣ „Русскаго Архива“ на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ кни-

жныхъ магазинахъ „Новаго времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р.; годы 1890, 1892, 1893, 1894, 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы 1898 и 1899 по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна *три* рубля.

Составитель и издатель «Русскаго Архива» **Петръ Бартеневъ.**

2—3

ЗАПИСКИ
Императорскаго Харьковскаго Университета

(Адресъ Редакціи Харьковъ, Университетъ).

ВЫХОДЯТЪ ЧЕТЫРЕ РАЗА ВЪ ГОДЪ

(1-го Января, 1-го Марта, 1-го Мая и 1-го Ноября).

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Часть *оффиціальная*: извлеченія изъ протоколовъ Совѣта, а также и другіе оффиціальные акты и документы.

2) Часть *неоффиціальная*: а) научный отдѣлъ (ученыя изслѣдованія, сообщенія и наблюденія, публичныя чтенія, отчеты объ ученыхъ командировкахъ и т. п.); б) критика и библіографія; в) Харьковская университетская лѣтопись (статьи и матеріалы по исторіи Харьковскаго Университета, біографіи и некрологи профессоровъ и почтенныхъ членовъ Университета, отчеты о диспутахъ и пр.); г) приложенія, заключающія въ себѣ болѣе обширные труды, какъ-то: *диссертаціи*, *курсы*, *каталоги*, *описи музеевъ*, *архивовъ* и пр.

Подписная цѣна 4 руб. безъ пересылки, 5 руб. съ пересылкою, въ годъ; для студентовъ Харьковскаго Университета 2 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Овсянико-Куликовскій.**

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1901 годъ
(32-й годъ изданія)
на еженед. иллюстрированный
ЖУРНАЛЪ
со многими приложеніями

„НИВА"

Гг. подписчики „НИВЫ" получатъ въ теченіе 1901 года:

52 №№ художественно-литературн. журнала „НИВА" (около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ). Въ нумерахъ журн. между прочимъ, появятся: 1) еще нигдѣ не напечатанные посмертн. произвед. **Д. В. ГРИГОРОВИЧА:** „*Очерки Венеціи*" и „*Изъ записной книжки*" (характеристика выдающихся современ. русскихъ дѣятелей и анекдоты изъ ихъ жизни); 2) рядъ статей со множествомъ рисунковъ картъ и пр. подъ заглавіемъ: **„XIX ВѢКЪ"** Эти статьи дадутъ читателю полную картину истекающаго столѣтія и составятъ отдѣльный роскошный томъ.

24 ТОМА Полн. собранія СОЧИНЕНІЙ **Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО**

съ портретомъ, факсимиле и біографическ. очеркомъ. Полное соб. соч. Г. П. Данилевскаго, *стоящее въ отдѣльной продажѣ* 15 руб., будетъ отпечатано на хорошо глазированной бумагѣ и будетъ приложено при „Нивѣ" въ теченіе одного 1901 года подъ заглавіемъ: „Сборникъ Нивы", въ 24 томахъ по два тома въ мѣсяцъ, такъ что „Сборникъ Нивы" 1901 года, по количеству матеріала для чтенія, значительно превзойдетъ „Сборники" всѣхъ прежнихъ лѣтъ.

Назовемъ здѣсь только крупнѣйшія изъ произведеній Данилевскаго: I. РОМАНЫ: 1) **Бѣглые въ Новороссіи**, въ 2 частяхъ. 2) **Воля**, въ 2 ч. 3) **Новыя мѣста**, въ 2 ч. 4) **Девятый валъ**, въ 3 ч. 5) **Мировичъ**, въ 3 ч. 6) **Черный годъ**, въ 3. ч. 7) **Восемьсотъ двадцать пятый годъ**, (отрывки).—II. ИСТОРИЧ. РОМАНЫ: 8) **На Индію при Петрѣ I**, въ 2 ч. 9) **Княжна Тараканова**, въ 2 ч. 10) **Потемкинъ на Дунаѣ**. 11) **Сожженная Москва**, въ 2 ч.—III. ИСТОРИЧ. ПОВѢСТЬ: 12) **Уманская рѣзня**.—IV. ПОВѢСТЬ: 13) **Не вытанцовалось**, въ 2 ч.—Затѣмъ слѣдуетъ множество V. РАЗСКАЗОВЪ и ОЧЕРКОВЪ отдѣльныхъ и подъ общими заглавіями, напр.: „Семейная старина", „Слобожане", „Святочные вечера", „Изъ литературныхъ воспоминаній", „Украинская старина", и проч.—VI. СТИХОТВОРЕНІЯ—VII. ПИСЬМА ИЗЪ ЗАГРАНИЦЫ.—VIII. ДРАМЫ ШЕКСПИРА: „Цимбелинъ", и „Жизнь и смерть короля Ричарда Третьяго". Переводы.—IX МЕЛКІЯ СТАТЬИ и пр., и пр.

12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ" содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическія статьи и проч. современныхъ авторовъ.

12 №№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ", выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ по фасонамъ лучшихъ мастеровъ.

12 ЛИСТОВЪ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

„СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ" на 1901 г., отпечатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годовое изданіе со всѣми приложеніями: **безъ доставки**: 1) въ Спб.—5 р. 50 к. 2) въ Москвѣ, въ конт. Н. Н. Печковской (Петровск. линіи)—6 р. 25 к. 3) въ Одессѣ, въ кн. маг. „Образованіе" (Ришельевск. № 12)—6 руб. 50 коп. **Съ доставкой** въ С.-Петербургѣ—6 руб. 50 коп. **Съ пересылкою** во всѣ мѣстности Россіи 7 руб. Заграницу 10 руб.

Требованія адресовать въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журн. „НИВА". (А. Ф. Марксу), Малая Морская, д. № 22.

ОБЪ ИЗДАНІИ

(КІЕВСКИХЪ)

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1901 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетсиаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподователяхъ и учащихся, списки студентовъ и посторонних слушателей.
4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.
6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающимъ къ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1901 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ *Извѣстій* безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе *Университетскихъ Извѣстій* 3 руб сер,, а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ **В. Иконниковъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ".

въ 1901 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ казенныхъ прибавленій. Съ доставкой по гор. почтѣ на годъ **16** р.; на 6 мѣс. **9** р.; на 3 мѣс. **4** р. **50** к.; на 1 мѣс. **1** р. **80** к. Съ пересылкой иногородн. на годъ **17** р.; на 6 мѣс. **10** р.; на 3 мѣс. **5** р. **50** к.; на 1 мѣс. **2** р. За границу на годъ **26** р.; на 6 мѣс. **14** р.; на 3 мѣс. **8** р.; на 1 мѣс. **3** р.

Съ казенными прибавленіями. Съ доставкой по гор. почтѣ на годъ **18** р.; на 6 мѣс. **10** р. Съ пересылкою иногородн. на годъ **19** р.; на 6 мѣс. **11** р. За границу на годъ **28** р.; на 6 мѣс. **16** р.

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ чрезъ гг. казначеевъ (по особому съ ними соглашенію); для частныхъ же лицъ, обращающихся прямо въ контору редакціи: 7 руб. при подпискѣ, 5 руб. въ концѣ марта и 5 руб. 1 августа.

Для духовныхъ лицъ, воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, преподавателей народныхъ училищъ и всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а равно для общественныхъ библіотекъ и читаленъ подписная цѣна: **12** руб. въ годъ или по **1** руб. въ мѣсяцъ (исключительно черезъ контору „СПБ. Вѣдомостей"). Подписчикамъ, не внесшимъ въ срокъ подписныхъ денегъ, высылка газеты прекращается.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", Шпалерная 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, *иногородные адресуютъ*: Петровскія линіи № 61. С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель князь **Э. Э. Ухтомскій**

Подписка на 1901 годъ

(XIX годъ изданія)

на ежедневную политическую, экономическую и литературную газету

„ЮЖАНИНЪ".

Въ 1901 году газета вступила въ новый фазисъ своего существованія съ обновленнымъ и значительно расширеннымъ составомъ редакціи.

Являясь выразителемъ интересовъ южной окраины Россіи, газета свое главное вниманіе обращаетъ на всестороннюю разработку экономическихъ и культурно-общественныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью избраннаго ею района.

Редакція газеты направляетъ всѣ свои средства къ своевременному и возможно полному сообщенію читателямъ извѣстій о событіяхъ, останавливающихъ на себѣ въ данный моментъ вниманіе всего цивилизованнаго міра. Для этой цѣли редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ столицахъ и въ главныхъ пунктахъ юга Россіи.

Къ участію въ газетѣ приглашены также сотрудники выдающихся столичныхъ изданій.

Газета издается по слѣдующей программѣ:

1) Оффиціальный отдѣлъ; 2) Руководящія статьи по экономическимъ, политическимъ, юридическимъ, земскимъ и сельско-хозяйственнымъ вопросамъ; 3) Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и „Россійскаго Телеграфнаго Агенства"; 4) Земскій отдѣлъ; 5) Обзоръ жизни Юга; 6) Корреспонденціи; 7) Хроника; 8) Наша печать; 9) Письма въ редакцію; 10) Мѣстная хроника; 11) Фельетоны общественные, научные, критическіе и литературные; 12) Театръ и музыка; 13) Наука, искусство и литература; 14) Судебная хроника; 15) Спортъ, смѣсь и шахматы; 16) Торговыя свѣдѣнія (по телеграфу и телефону); 17) Справочный листокъ; 18) Объявленія.

Условія подписки на газету „Южанинъ".

Съ пересылкой и доставкой: 1 м.—1 р., 3 м.—2 р. 50 к., 4 м.—3 р., 6 м.—4 р., 8 м.—5 р. 20 к., 10 м.—6 р. 30 к., 11 м.—6 р. 70 к., 12 м.—7 р. Безъ доставки и пересылки: 1 м.—75 к., 3 м.—2 р., 4 м.—2 р. 50 к., 6 м.—3 р. 50 к., 8 м.—4 р. 50 к., 10 м.—5 р. 30 к., 11 м.—5 р. 70 к., 12 м.—6 руб.

За границу къ подписной иногородней платѣ прибавляется по 50 к. въ мѣсяцъ. Подписка принимается только съ 1-го и 15 чиселъ мѣсяца.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы, если объ этомъ будетъ заявлено при подпискѣ, въ два срока: съ доставкою: къ 1-му января—4 руб. и къ 1-му мая 3 руб.; безъ доставки: къ 1-му января—3 р. 50 к. и къ 1-му мая—2 р. 50 к.

Редакторъ-Издатель *С. П. Юрицынъ.*

1 3

Общественно-педагогическая и литературная еженедѣльная газета

„Жизнь и Школа"

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

„Школьное Обозрѣніе"

(г. XIII)

подъ редакціей *М. Виноградова.*

Запросы современной жизни и школы съ каждымъ днемъ осложняются, становятся серьезнѣе, острѣе и требуютъ вдумчиваго и трезваго рѣшенія. Мы идемъ на встрѣчу этимъ запросамъ и по мѣрѣ нашихъ силъ служимъ выясненію и удовлетворенію ихъ. Мы не замыкаемся въ узкой рамкѣ будничной „жизни" и въ тѣсныхъ стѣнахъ „школы": шире раздвигаемъ нашъ горизонтъ и смотримъ на жизнь, какъ на школу, а на школу, какъ на жизнь. И поэтому всѣ явленія русской жизни и школы будутъ съ возможною полнотою отражаться въ нашемъ изданіи. Главное вниманіе наше, по прежнему, будетъ обращено на основные вопросы духовной жизни и идеальной школы.

Цѣна за годъ съ перес. и дост. 5 руб., за полгода—3 р. и за 3 мѣс. 2 руб.; для начальныхъ школъ и народныхъ учителей—4 р. въ годъ, за границу 6 руб. Допускается разсрочка платежа—по соглашенію съ Редакціей. №№ за прежніе годы „Школьнаго Обозрѣнія" не имѣются. Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные комплекты газеты 1893 г., 1894 г. можно получать по два

руб., и 1895, 1896, 1898 и 1899 г. по 3 руб. за годъ. (Новые подписчики при выпискѣ газеты за прежніе годы, сверхъ того, пользуются 50% уст.). Библіотеки и безплатныя читальни пользуются особой уступкой. Подписчикамъ предоставляется помѣщать безплатно всякія объявленія, относящіяся къ спросу и предложенію труда, а именно: по найму учителей, гувернантокъ, боннъ и т. п., а также по продажѣ изданій, книгъ и проч. Отъ учебныхъ заведеній принимаются объявленія объ условіяхъ пріема и поступленія въ нихъ, а также объ имѣющихся вакансіяхъ учащихъ и учащихся.

Доставившему подписку на десять экземпляровъ—одиннадцатый безплатно.

Подписка принимается въ главной конторѣ „ЖИЗНЬ и ШКОЛА“ и „ШКОЛЬНАГО ОБОЗРѢНІЯ“: С.-Петербургъ, Загородный пр., 34.

1—3

Открыта подписка

на ежемѣсячный литературно-научный журналъ

на 1901 годъ

„КАВКАЗСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(годъ второй),

издаваемый въ г. Тифлисѣ В. Д. Кургановымъ, подъ редакторствомъ К. Н. Бѣгичева, по слѣдующей программѣ:

1. Правительственныя распоряженія. 2. Кавказъ и сосѣднія съ нимъ страны въ историческомъ и современномъ отношеніяхъ. Мемуары, записки, воспоминанія, біографіи и некрологи выдающихся дѣятелей. 3. Статьи по различнымъ научнымъ отраслямъ, а также практическаго характера. Протоколы ученыхъ обществъ и общественныхъ учрежденій. 4. Беллетристика: оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія, поэмы и стихотворенія. 5. Обзоръ событій мѣстной и европейской жизни. Корреспонденціи изъ Россіи и за-границы, преимущественно имѣющія отношеніе къ Кавказу и сосѣднимъ ему странамъ. 6. Литературная

критика и библіографія. Статьи по искусству. 7. Смѣсь: историческіе эскизы, анекдоты, мелкія беллетристическія произведенія и т. п. 8. Справочный отдѣлъ. 9. Объявленія.

По мѣрѣ надобности статьи въ журналѣ иллюстрируются виньетками, рисунками и портретами, а также къ нимъ прикладываются карты, планы и чертежи.

Для участія въ журналѣ приглашены лучшія научныя и литературныя силы въ Россіи. Для обзора заграничныхъ событій, касающихся Кавказа и сосѣднихъ съ нимъ странъ, имѣются корреспонденты въ главныхъ городахъ Европы.

Редакція помѣщается на Авчальской ул. д. Корганова, № 28.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Городскіе: за годъ—9 р., ½ года—5 р., 3 мѣсяца—3 р.
Иногородніе: за годъ—10 р., ½ года—6 р., 3 мѣс.—3 р. 50 к.
За-границу: за годъ—12 р., ½ года—7 р., 3 мѣсяца—4 руб.

За перемѣну адреса взимается 50 к.

За объявленія, помѣщаемыя въ книжкахъ журнала взимается: за цѣлую страницу 20 р., за ½ стр. 12 р., за ¼ стр. 7 р.

Подписка на журналъ и объявленія принимается въ Тифлисѣ, въ конторѣ журнала „Кавказскій Вѣстникъ", на Головинскомъ пр., д. № 10, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 71-го:

октябрь, ноябрь, декабрь, 1900 г.

Книга первая—октябрь.

ОТДѢЛЪ I.

I. ЕПИФАНІЙ СЛАВИНЕЦКІЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДѢЯТЕЛЬ XVII в. Гл. I-II **Ив. Ротара** . . . . . 1—38
II. ЛѢСНАЯ ЛУБЕНЩИНА. (*Окончаніе*). **В. Милорадовича** 39—82
III. НЕУДАЧНЫЯ ПРЕДПРІЯТІЯ НАРОДОЛЮБКИ. (Къ біографіи Н. С. Соханской-Кохановской). **Ѳ. А. Кудринскаго** . 83—122
IV. ПИСЬМА МИТР КІЕВСК. АРСЕНІЯ КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВУ. (Съ пояснительными примѣчаніями свящ. І. Гордіевскаго). . . . . 123—162
V СИМСОТЪ ПЕРВЫЙ И СИМСОТЪ ВТОРЫЙ ЗАКОНЪ. Разсказъ **Б. Познанскаго** . . . . . 163—178
VI. ЕЩЕ О ПАМЯТНИКАХЪ ИСКУССТВА КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ. **Ст. Яремича**. . . . . 179—188

ОТДѢЛЪ II.

I. **ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ**: а) Къ начальной исторіи Кіевскаго народнаго училища (1789—1803 гг.). **В. Д.**; б) Тетрадки-альбомы начала XIX-го вѣка. **В. Науменка**; в) Пасхальная вирша по старой записи. Сообщ. **В. Науменко**; г) Арестъ осетра. **L.**; д) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **А. Мёрдеръ**. . . . . 1—24
Текущія извѣстія . . . . . 24—29

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Maryan Dubiecki. Kudak, twierdza kresowa i jej okolice. Н. М.; б) Записки Наукового Товарищества имени Шевченка, т. XXXI—XXXII. В. Д.; в) Обзоръ журналовъ текущаго года; г) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . . 30—58
Археологическая лѣтопись. . . . . 59—68
III. ПРИЛОЖЕНІЕ: Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листы 5 и 6-й . . 65—96

Книга вторая—ноябрь.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ЕПИФАНІЙ СЛАВИНЕЦКІЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДѢЯТЕЛЬ XVII в. (*Продолженіе*). Ив. Ротара. . . . . 189—217
II. БѢЛОЦЕРКОВСКАЯ ГИМНАЗІЯ. (1862—1869). М. Чалаго. . . . . 218—244
III. ИЗЪ ИСТОРІИ МАЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 20-хъ и 30-хъ ГОДОВЪ XIX ВѢКА. (Ш). Вл. Каллаша . . 245—282
IV. ПЕРВАЯ СТРАНИЧКА ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛТАВСКАГО ИНСТИТУТА БЛАГОРОДНЫХЪ ДѢВИЦЪ. . . . . 283—290
V. ПЕРЕСЕЛЬЦИ (ЗЪ ДОМУ И ДО-ДОМУ). Оповиданя. Грыцька Грыгоренка . . . . . 291—325
VI. НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЮЖНО-РУССКОМЪ ИСКУССТВѢ И О ЗАДАЧАХЪ ЕГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ. Е. Кузьмина. 326—332

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Кому въ дѣйствительности принадлежитъ проектъ объ уничтоженіи сословности духовенства въ юго-западномъ краѣ? б) Письмо П. А. Кулиша къ М. Грабовскому; в) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. А. Мѣрдеръ; г) Еще одинъ старый списокъ Пасхальной вирши; д) Письмо въ редакцію. Н. В. Стороженка. . . . . 69—77
Текущія извѣстія . . . . . 78—82
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Записки Наукового Товарищества имени Шевченка т. т. XXXIII и XXXIV. В. Д.; б) Петръ Гильтебрандтъ (Рязанскій): Гедеонъ Балабанъ и его три книги.

И. Каманина; в) Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. **Н. Ш**; г) Краткій историческій очеркъ Кіевской губенской типо-литографіи за столѣтній періодъ 1799—1899 г. **Н. М.**; д) Обозрѣніе журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . . 88—122

Археологическая лѣтопись . . . . . 123—136

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Ставой Малороссіи. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго.** Листы 7 и 8-й. . . . . 97—128

Книга третья—декабрь.

ОТДѢЛЪ I.

I. ЗАПИСИ И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО О ПЕРВЫХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ ВЪ ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ 1806 г. Съ пред. **Вс. Срезневскаго** . . . . . 333—346

II. ЕПИФАНІЙ СЛАВИНЕЦКІЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДѢЯТЕЛЬ XVII В. *(Окончаніе)*. **Ив. Ротара** . . . . . 347—400

III. БѢЛОЦЕРКОВСКАЯ ГИМНАЗІЯ. *(Окончаніе)*. **М. Чалого** 401—430

IV. ЗЕМСЬКЫЙ ГЛАСНЫЙ. Разсказъ. **А. Хатемкина** . . . 431—465

V. ПРОБУЖДАЮЩІЙСЯ КРАЙ. (Л. Василевскій. Современная Галиція. Изд. С. Дороватовскаго и Чорушникова. Цѣна 80 к. Спб. 1900). **Я. Ш.** . . . . . 466—487

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Два письма Ѳ. В. Чижова къ Г. П. Галагану. Сообщ. **А. Л.**; б) Къ первому кіевскому юбилею (1871 г.) въ честь М. А. Максимовича. (Письмо къ редактору); в) Правила для кіевскихъ гимназистовъ, распубликованныя въ 1840 г. при содѣйствіи полиціи; г) Мелочи изъ архивовъ юго западнаго края. Сообщ. **Ал. Мёрдеръ**; д) Залогъ крѣпостныхъ душъ. Сообщ. **В. А. Кочергинъ**; е) Вопросы по этнографіи. . 137—153

Текущія извѣстія . . . . . 153—160

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Каталогъ Музея украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго. Томъ II. **Н. В**; б) Собраніе Б. И. В. Н. Ханенко. Древности Приднѣпровья. Вып. III. **В.**;

в) Записки Наукового Товариства ім. Шевченка, тт. XXXV—XXXVI. В. Д; г) А. Т. Грабина. Тывуртіевы выгадкы. В. Д.; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 161—188

Археологическая лѣтопись . . . . . 189—206

Ш. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго**. Листы 9-й и 10-й 129—160